

36-37

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВООЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

Российская «КАРТА» основана в ноябре 1992 года по инициативе польского независимого исторического журнала «KARTA», выходящего с января 1982 года, и рязанского общества «Мемориал», учрежденного в октябре 1989 года.

Адрес:

390000, Россия, г. Рязань, пл. Костошко, 3.
Для писем: 390000, Россия, Рязань-центр, в/я 20.
Тел./факс: (0912) 77 51 17
E-mail: karta@hro.org
http://www.karta.org

Учредитель:

Редакция независимой газеты «Рязанский вестник». Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации 29.12.1992. Свидетельство о регистрации № 01949.

Главный редактор

Андрей Блинушов

Редакция:

Юлия Середва
Сергей Романов
Ирина Холмогорская
Владимир Холмогорский
Петр Митцнер (Польша)
Виктор Лозинский (США)

Мнения авторов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Сохранность рукописей, фотоматериалов и документов гарантируется.

По вопросам подписки на «Карту» обращаться в редакцию.

Над номером работали:

А. Блинушов, С. Романов, Ю. Середва, И. Холмогорская, В. Холмогорский, Е. Макаренко.

Компьютерная верстка:

Ю. Середва

Отпечатано ООО «СЕРВИС»

Рязань, ул. Интернациональная, д. 1 "Г".

Заказ № 415

Печать офсетная.

Тираж 2000 экз.

Подписано в печать 25.07.2003

Только для бесплатного распространения

В НОМЕРЕ:

ВОЙНА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Умберто ЭКО Осмысляя войну	3
Валентин ГЕФТЕР Наша функция двойка...	
<i>Правозащитники о войне в Ираке</i>	6
Сергей КОВАЛЕВ Многополярность под флагом закона	
<i>Война и международное право</i>	9
Андре ГЛЮКСМАН «Закрывать глаза бессмысленно»	
<i>Европа и война в Чечне</i>	13

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Памяти Виктора Лозинского	15
Виктор ЛОЗИНСКИЙ Оптимистические заметки о жалобах	15
Омбудсман в России	18
Список российских омбудсманов	20
Игорь САЖИН Как мы набирали обороты	
<i>Интервью с правозащитником</i>	23

КРАСНОЕ КОЛЕСО – БОЛГАРИЯ

«Я – маленький болгарин...»	
<i>Краткий очерк политической истории Болгарии за последние полтора века</i>	28
ШКОЛА ТЕРРОРА	
Вадим РОГОВИН Каждый третий...	
<i>Сталинский террор в Болгарии</i>	40
Владимир ПЯТНИЦКИЙ Способный ученик	
<i>Как система уничтожала своих</i>	42
ИЗ ИСТОРИИ ХОЛОКОСТА	
Стефан СТОЯНОВ Суметь сказать «нет»	43
Отрывки из протестов, направленных в адрес правительства по поводу проекта «Закона о защите нации»	45
Иван ПЕТРОВ «Я укрою всех евреев в церкви!»	46
Ангелина ПЕТРОВА Визы, спасшие жизнь	47

БОЛГАРСКАЯ ГИЛЬОТИНА

Елена ВАЛЕВА Политические судебные процессы в Болгарии в 1944-1948 гг.	48
Жозль КОТЕК, Пьер РИГУЛО Болгарские лагеря	60
Христо ПЕЕВ Белене – остров болгарского ГУЛАГа	84
Георгий ДАНАИЛОВ Пока я помню	
<i>Фрагмент биографического романа</i>	88
Божидар ПЕТРОВ Лагерь в Ловече: четырнадцать месяцев в аду	89
Методи ТЕРЗИЕВ По лагерям	73
Смерть Сталина предотвратила гибель католической церкви в Болгарии	74
Хью ПОУЛТОН «Они украли мое имя»	
<i>О судьбе болгарских турок</i>	76
Азат АХУНОВ Соплеменники	
<i>О судьбе татар в Болгарии</i>	77
Оборванный стих	
<i>Судьба поэта-диссидента</i>	79
Марко ГАНЧЕВ Операция «Солженицын»	
<i>О преследовании болгарской литературы</i>	79
«Террорист»	
<i>Человек и система</i>	80
Елена ВАЛЕВА, Юрий ЗУДИНОВ Болгарский вариант «нежной революции»	82

«Точность у нас "на кончиках пальцев"...»

<i>Интервью с правозащитниками Татьяной Касаткиной и Олегом Орловым</i>	85
Ефим ШУМАН Судьба Вольфганга Вельша	
<i>Человек, который помог жителям ГДР бежать на Запад</i>	104
Лоуренс ЭЛЛИОТТ Возвращающая к жизни	
<i>Труды и дни Инге Геневфе</i>	107
Вера РОМАНОВСКАЯ «Перед расстрелом они лели: «Христос воскрес!»	
<i>Гибель православной церкви в России</i>	110
Павел ПОЛЯН История как прикладная наука	
<i>О судьбе бывших советских военнопленных</i>	115

ЗНАК БЕДЫ

Виктор АГАЕВ Дело Еврейского «омитета»	117
Марк МЕРМАН Смерть короля Лира	121
Здесь камеры смертью полны	
<i>Репрессированная поэзия</i>	123
Федор ЛЯСС. Дело «врачей-вредителей». Несостоявшийся обличитель	124
Еврейский вопрос (1949 – 1953)	127

Ирина ХОЛМОГОРСКАЯ Дело Сорокина

<i>Личность и государство</i>	132
-------------------------------	-----

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

Татьяна МЕЛЬНИК Эстонские рабочие колонии	136
Екатерина МАКАРЕНКО Репрессии, как это начиналось	142
<i>«Вздумали по справедливости идти, вот и сели в концлагерь...»</i>	149

Умберто ЭКО

ОСМЫСЛЯЯ ВОЙНУ

... Интеллигенция в последние сорок пять лет отнюдь не замалчивала проблему войны. Интеллигенция высказывалась о войне с такой миссионерской убежденностью, что сумела коренным образом переделывать взгляды всего мира на войну. Мало когда столь же живо, как в данной ситуации, человечество представляло себе всю чудовищность и всю двусмысленность происходивших событий.

Никто, кроме нескольких умалишенных, не видел иракский кризис в черно-белом свете. Тот факт, что война тем не менее разразилась, означает, что агитация интеллигенции не имела исчерпывающего успеха, была не до конца эффективна, не освоила достаточного исторического пространства. Досадные недоработки! Но факт остается фактом: нынешний мир видит войну другими глазами, не как она виделась в начале теперь уже прошлого столетия, и если сегодня кто-то заговорит о прелестях войны как единственно возможной гигиены мирового масштаба, он попадет не в историю литературы, как Д'Аннунцио [Д'Аннунцио, Габриэле (D'Annunzio, Gabriele) (1863-1938), итальянский писатель. Был приверженцем Б. Муссолини, позднее разочаровался в фашизме – прим. ред.], а в историю психиатрии.

Война – явление того же порядка, что кровавая месть или «коко за око»: не то чтобы они уже не существовали на практике, однако общество в наши дни воспринимает эти явления отрицательно, в то время как раньше воспринимало хорошо. Поха что мы рассматривали принятое ныне моральное и эмоциональное отношение к войне (хотя бывает, кстати, что мораль допускает нарушение запрета на убийство, а общественная чувствительность смиряется со свирепостями и смертями, если они выглядят гарантией общественного блага). Существует, однако, наиболее радикальный подход: рассмотрение войны с чисто формальной точки зрения, из расчета ее внутренней логичности, из анализа условий различных возможностей. Идя по этому пути, мы получим математический вывод, что воевать нельзя, нельзя по той причине, что существование общества, основанного на мгновенном информировании и на сверхскоростных перемещениях, на непрерывной межконтинентальной миграции и обладающего новаторской военной техникой, делает войну мероприятием нереалистическим и нерассудительным. Война противоречит тем самым соображениям, во имя которых она затевается.

В чем заключались в течение предшествующих столетий цели войн? Войны велись в надежде разбить противника таким манером, чтобы из его поражения вышла какая-то выгода, и велись войны так, чтобы наши намерения (действовать в определенном ключе

достичь определенных результатов) тактически или стратегически реализовывались неким способом, который опрокидывал бы замыслы противника. Нейтралитет остальных, только бы наша война им не создавала неудобств (и даже в некотором отношении помогала бы извлечь для себя пользу), выступал необходимым условием нашей свободы маневра. Даже клаузевицевская «абсолютная война» [Клаузевиц, Карл Филипп Готлиб (Clausewitz, Carl Philipp Gottlieb) (1780–1831), немецкий военный теоретик и историк, офицер русской армии, генерал-майор прусской армии. Главный его труд (незаконченный) – трехтомное исследование «О войне» (Vom Kriege, 1833) – прим. ред.] мыслилась в рамках этой системы ограничений. Только в XX веке возникло понятие мировой войны, захватывающей в свой круг даже общества без всякой истории, например полинезийские племена.

После открытия атомной энергии, телевидения, воздушных перевозок и с рождением различных форм мультинационального капитализма выявились следующие предпосылки невозможности войны.

1. Атомное оружие убедило всех, что в случае ядерного конфликта не может быть победителей, а поражение потерпит вся планета. Сначала все осознали, что атомная война антиэкологична; на следующем этапе стало ясно, что любая антиэкологичная война по существу атомна; а затем укоренилось убеждение, что на самом деле антиэкологична любая война. Сбрасывая атомную бомбу (или загрязняя моря), ведется война не только с теми, кто держит нейтралитет, но с планетой в ее комплексе.

2. В современной войне нет фронта и двух противников. Скандальная история с американскими журналистами в Багдаде перекликается со скандальной же, но многократно более серьезной историей миллионов и миллионов проиракски настроенных мусульман, проживающих в странах антииракской коалиции. Обычно во время войн, если соплеменники врага оказывались в противоположной стране, их интернировали (или истребляли), а собственных соплеменников, оставшихся у врага и его поддерживавших, в дни победы вешали на виселице.

Сегодня война не может быть фронтальной по причине многонациональности капитализма. Что Ирак получил вооружение от западных производителей – не случайный недогляд. Это норма зрелого капитализма, открепившегося от отдельных государств. Американское правительство, обнаружив, что телекомпании играют на врага, мнит по старинке, будто это козни яйцеголовых коммунистидов. Соответственно, и телевизионные компании льстят себе сходством с героической фигурой Хэмфри Богарта [популярный актер американского кино, воплощение жестких мужественных характеров – прим. ред.], который в фильме, набрав телефон криминального босса, подносит трубку к печатному станку и под шум ротационных машин возглашает: «Это газета, старик, ей ты рот не заткнешь». Но основа индустрии новостей – прежде всего торговля новостями, лучше всего драматическими. Не то чтобы средства массовой информации не желали горнить военную музыку – просто они ближе не к горну, а к

Умберто Эко (р. 1932) – выдающийся итальянский писатель, автор романов «Имя розы», «Маятник Фуко», «Остров накануне», профессор, преподаватель Болонского университета.

шарманке, которая исполняет то, что записано на фонетический валик. Так что в нынешние времена любому, кто затевает войну, обеспечена пятая колонна в лице собственной печати, а это никакому Клаузевицу не показалось бы приемлемым.

3. Если бы даже удалось вставить кляп всем СМИ, новые технологии коммуникаций предоставляют непрерывный поток информации в реальном времени, и ни один диктатор не в силах этот поток затормозить, потому что поток льется из тех первостепенных технологических инфраструктур, без которых он сам (диктатор) обходиться не способен. Этот поток информации работает как секретные службы в традиционных войнах: извещает о неожиданностях. А разве реальна война, в которой заведомо исключена возможность захватить противника врасплох? Войны издавна приводили к психологической смычке с врагами. Но базудержная информация способна на еще большее. Она ежедневно служит рупором неприятеля (в то время как цель любой военной политики – заглушить пропаганду противника) и снижает энтузиазм граждан каждой воюющей стороны по отношению к их собственным правительствам. А Клаузевиц поучал, что условием победы является моральное единство нации. Во всех войнах, известных истории, народ, полагая свою войну праведной, горел желанием уничтожить врага. Теперь же безграничная информация не только расшатывает идеологию граждан, но и делает их уязвимыми при виде страдания противника: смерть врага перестает быть далеким и неясным событием, а превращается в конкретное и совершенно непереносимое зрелище.

4. Ко всему сказанному добавим, что, если помните у Фуко, власть в нашу эпоху уже не монолитна и не одноглава; власть стала диффузной, точечной и жидется на постоянном слиянии и расторжении консенсусов. Нынешние войны не противопоставляют две чьи-то родины. Войны сталкивают интересы бесконечного количества разных властей. В этих играх какие-то отдельные центры власти зарабатывают новые очки, но всегда за счет других центров власти. Если на традиционной войне разжиревали фабриканты пушек и этот плюс мог оттеснить на второй план незначительные минусы (временные помехи коммерческому обмену), то война нового типа, разумеется, обогащает пушечных фабрикантов, но режет без ножа (и главное, в масштабах всего земного шара) индустрию авиатранспорта, развлечений, туризма, подрывает положение тех же самых СМИ (которым перестают заказывать коммерческую рекламу) и вообще наносит громадный ущерб всей индустрии необязательного – то есть костяку системы – от рынка недвижимости до автомобилей. При сообщении, что разразилась война, биржи резко подскачли вверх, однако через месяц после этого биржи совершали такие же точно скачки при малейших намеках на возможность замирения. И я не вижу ни цинизма в первом случае, ни добролюбия во втором.

Биржа реагирует на колебания в игре между властями. В этой игре какие-то экономические власти состоят в конкуренции с другими, и логика конфликта экономических властей берет верх над логикой национальной державности. Производителям, работающим на государственного потребителя (производителям оружия) способствует обстановка напряженности, но производители благ для частного пользования нуждаются в климате счастья. Конфликт формулируется в терминах экономики.

5. По всем этим и еще по иным причинам война не напоминает больше, как напоминали войны прежних времен, формулу «серийного» искусственного интеллекта. Война ближе к формуле «параллельного» искусственного интеллекта.

«Серийный» искусственный разум, тот, например, который привлекается для создания машин, способных делать переводы, или для получения выводов из комплекса информационных данных, – этот разум получает от программиста такие инструкции, чтобы принимать, на основании конечного набора правил, последующие решения, каждое из которых зависит от решения, принятого на предыдущей фазе, по схеме дерева, посредством серии бинарных дизъюнкций.

Старинная стратегия войны имела ту же конфигурацию: если неприятель двигал свои армии на восток, можно было предвидеть, что впоследствии он захочет повернуть на юг; в этом случае, следуя той же самой логике, я направлял свои войска на северо-восток и неожиданно перегораживал ему дорогу. Правила противника были в то же время и нашими правилами, и каждый мог принимать решения поступательно, по одному за раз, как в шахматной партии.

«Параллельный» искусственный разум, напротив, передоверяет отдельным ячейкам сети все решения, как им следует сложиться в окончательную конфигурацию, исходя из распределения «загрузок», которое оператор не способен ни рассчитать, ни предвидеть заранее, поскольку эта сеть порождает для себя правила, которые не были в нее заложены, и эта сеть сама себя модифицирует в поисках оптимального решения, и эта сеть не знает различия между правилами и данными. Правда, и систему подобного рода (называемую неоконнективной или системой нейтральных сетей) можно регулировать, сверяя полученный ответ с ожидаемым ответом и изменяя загрузки в зависимости от практики. Но для этого требуется: а) чтобы у оператора имелось время; б) чтобы не было двух операторов, находящихся в конкуренции и передвигающих загрузки во взаимно противоречивом режиме, и, наконец, в) чтобы отдельные ячейки сети вели себя и мыслили, как положено ячейкам, а не как положено операторам, то есть не принимали бы решений, основанных на анализе поведения операторов, а самое главное – не преследовали бы интересов, посторонних по отношению к логике сети.

Однако в ситуации разрознения властей каждая ячейка как раз и преследует именно личные интересы, которые не совпадают с интересами операторов и ничего не имеют общего с самодвижущимися тенденциями той сети, куда ячейки входят. Следовательно, если (метафорический пример) войну представить себе в виде «неоконнективной» системы, она будет развиваться и самобалансироваться независимо от желания обоих тяжущихся. Примечательно, что, объясняя устройство нейтральных сетей, Арно Пензиас (в книге «Как жить в мире High-Tech»/ Милан, Бомпиани, 1989, с. 107-108) прибегает как раз к военной метафоре. Он пишет: «Известно, что отдельные нейроны становятся электроактивными («стреляют») в результате стимуляции через каналы ввода (так называемые дендриты), тончайшим образом разветвленные. В мгновение «выстрела» нейрон выпускает электрические сигналы по каналам вывода (так называемым аксонам). Поскольку «выстрел» каждого нейрона зависит от активности множества других нейронов, не существует никакого про-

стого способа рассчитать, что и когда должно произойти».

В зависимости от конкретного расположения синоптических сцеплений (коннексий), любая стимуляция нейтральной сети из сотни нейронов даст, в качестве возможных равновесных результатов, тысячу миллиардов миллиардов миллиардов вариантов. Если война неконнективна, значит, в ее системе расчет и намерения главных действующих не имеют ценности. Из-за наращивания количества властей в этой игре загрузки распределяются самым непредвиденным образом. Конечно, может случиться и такое, что война окончится и при этом финальная конфигурация окажется выигрышной для одного из тяжущихся, однако в принципе, поскольку в подобной системе заведомо провален любой расчет, направленный на решение, – война всегда проигрышна для обеих сторон. В контексте нашей метафоры, лихорадочная деятельность операторов по руководству целью, непрерывно получающей противоположенные импульсы, приведет просто к замыканию всей сети. Вероятный исход войны в этом случае – коллапс.

Старинная война напоминала шахматную партию, где каждый играющий пытался не только съесть как можно больше фигур противника, но и заманить противника (спекулируя на индивидуальном типе восприятия противником общих правил) в мат. А в современной войне, если представлять ее через шахматы, на доске не черные и белые, а сплошь одноцветные фигуры, и игроки, воздействуя на одну и ту же сеть, едят что попадется. Самопожирание.

С другой стороны, утверждать, что в конфликте взяла верх некая сторона в некий момент, – значит отождествлять некий момент с финалом войны. Но финал мог бы иметь место, если бы война все еще и ныне, как желал того Клаузевиц, оставалась продолжением политики иными средствами (и кончалась бы при достижении равновесия, позволяющего вернуться к средствам политическим). Однако весь послевоенный период XX века политика была и всегда останется продолжением (любими средствами) распада, сложившегося во Вторую мировую войну. Как бы ни проходила новая война, она, спровоцировав хаотичное перемещение загрузок, по существу не отражающее волю противников, завершится опасной политической, экономической и психологической нестабильностью с проекцией на грядущие десятилетия и не ведущей ни к чему иному, кроме как к «воинственной политике».

А было ли раньше иначе? Запрещено ли считать, что Клаузевиц ошибался? Историография интерпретирует Ватерлоо как сшибку между двумя стратегиями (поскольку в конечном итоге был получен результат), в то время как Стендаль описал то же самое в терминах случайности. Представление, что традиционные войны вели к разумным результатам – к финальной равновесности, – основано на гегелевском предрассудке, будто история имеет направленность и будто результат родится из борьбы тезисов и антитезисов. Но мы не располагаем научным доказательством (и логическим тоже), что ситуация в Средиземноморье после пунических войн, или в Европе после наполеоновских, должна расцениваться именно как равновесная. Может быть, напротив, ее следует видеть как неуровновешенность, не имевшую бы места, не пройди перед тем война. Да, человечество десятки тысяч лет прибегало к войне для устранения неуровновешенности – что этим доказыва-

ется? Те же сотни столетий оно прибегало для устранения психологических перекосов к алкоголю и иным отвлекающим веществам

На фоне сказанного хочется подумать о табу. Идею табу уже предлагал Моравиа [*Моравиа, Альберто (Moravia, Alberto) (1907–1990), литературный псевдоним Альберто Пинчерле (Pincherle), самого известно-го за пределами своей страны современного итальянского писателя – прим. ред.]*: видя, что в течение многих столетий род человеческий шел и пришел к табуированию инцеста, поскольку убедился, что тесная эндогамия дает нежизнеспособные плоды, можно ожидать, что настанет предел, когда люди инстинктивно захотят табуировать войну. Ему резонно ответили: табу не «провозглашается» путем морального или интеллектуального декрета, табу формируется тысячелетним отставанием в темных глубинах коллективного подсознательного (по тем же причинам, по которым нейтральная сеть способна прийти сама собой к эквилибру). Да, все так, табу нельзя назначать, оно само обозначается. Однако возможно подогнать темпы вызревания.

Чтобы догадаться, что совокупление с матерью или сестрой компрометирует генетический обмен, понадобились многие тысячи десятилетий, – потому что немало лет было истрачено на то, чтобы человечество сформировало идею о причинно-следственной связи полового акта с размножением. А чтобы убедиться, что в войну авиакомпания прогорают, достаточно двух недель. Следовательно, вполне соотносится и интеллектуальному долгу, и здравому смыслу разговор о табуировании, хотя никто и не властен ни объявить табу, ни обозначить даты его установления.

Интеллектуальный долг – утверждать невозможность войны. Даже если ей не видно никакой альтернативы. В крайнем случае, всегда под рукой замечательная альтернатива войне, изобретенная в нашем (XX) веке, а именно «холодная война». Скопище непотребств, несправедливостей, нетерпимостей, конкретных преступлений, рассеянного террора – эта альтернатива (признаем вместе с историей) была весьма гуманным и в процентном отношении мягким по сравнению с войной вариантом, и в конце концов в ней определились даже победители и проигравшие. Однако не дело интеллигенции агитировать и за холодные войны.

То, что некоторые восприняли в ключе: интеллигенция замалчивает войну, – вероятно, объяснялось нежеланием высказываться на скорую руку и через рупоры СМИ по той очень простой причине, что СМИ – это часть войны, это ее инструмент, и следовательно, опасно использовать их как нейтральную территорию. Кроме всего прочего, у СМИ совершенно иные ритмы, не совпадающие с ритмами рефлексии. Интеллектуальная же функция осуществляется либо априори (относительно могущего произойти), либо апостериори (на основании произошедшего). Очень редко речь идет отом, что как раз «сейчас» происходит. Таковы законы ритма: события стремительнее, события непористее, чем размышления об этих событиях. Поэтому барон Козимо Пьоваско ди Рондо [*Герой романа Итало Кальвино (1923–1985) «Баронна дереве» (1957) – прим. ред.]* ушел жить на деревья; он не спасался от долга интеллигента понимать свою эпоху и участвовать в ней, он старался лучше понимать и создавать эту эпоху.

Однако даже при выборе ухода в тактическое молчание ситуация войны требует, в конечном итоге, чтобы

об уходе в молчание было выкрикнуто во всю глотку. Хотя всем ясно, что громглашение о молчании нелогично, что декларация слабости способна быть проявлением силы и что никакая рефлексия не освобождает человека от его личного долга. А первейший долг его все-таки — заявить, что современная война обесценивает любую человеческую инициативу, и ни ее мнимая цель, ни мнимая чья-либо победа не способны переменить самовольную игру «загрузок», лутающих в собственных сетях. Ибо «загрузка» — тот же «груз» стихов Михельштедтера: «... грузом виснет, вися-зависит... Скользит груз вниз, чтоб последую-

щим разом превзойти своей низостью низость прежнего раза... В грузном паденье... неподвластен разубеждению» [Михельштедтер, Карло (Michelshaedter, Carlo) (1887–1910), итальянский философ, поэт и художник — прим. ред.]

Так вот, подобное скольжение вниз мы не можем приветствовать, поскольку с точки зрения прав нашего рода на выживание, это хуже, чем преступление...

Из кн.: Эко У. Пять эссе на темы этики (Eco U. «Cinque Scritti Morali», «Votriani», 1997). Публикуется по тексту альманаха «Лебедь» (Бостон).

Валентин ГЕФТЕР

НАША ФУНКЦИЯ ДВОЙКА...

Вопросы о войне в Ираке и отношении к этому правозащитного сообщества сформулированы таким образом:

— Следует ли правозащитникам в принципе публично обнародовать свое мнение по этой проблеме?

— Если да, то каким должно быть это мнение (спектр от резкого осуждения военной инициативы США до ее полной поддержки, возможны компромиссные варианты)?

— Можно ли и нужно ли пытаться выступать с единым мнением, или лучше, чтобы каждый остался «при своих»?

— В какой форме (или формах) лучше выразить это мнение?

— Ответы получаются в виде рассуждений, только косвенно связанных с этими вопросами. А больше с темой и с тем, как она поставлена Умберто Эко в его эссе под названием «Осмысляя войну».

Наша функция двойка. В узком смысле она означает выйти на правовое поле и искать правовые (с точки зрения защиты права и индивидуальных прав) ответы. В более широком смысле — выступить «парламентерами от человеческого рода», осмысляющими войну как невозможность разумной попытки выхода из кажущихся неразрешимыми ситуаций.

В первом случае мы обязаны знать предмет, исходя из норм действующего международного права, из прецедентов истории XX века и из идеальных представлений о будущей системе правового регулирования конфликтов типа нынешнего иракского в виде гуманитарного вмешательства и других способов. Потому, стоит пробовать найти общую и правовую по своей сути точку зрения на эту проблему, ее сформулировать (сообща и с помощью экспертов) в форме некоего меморандума и, если получится, опубликовать хотя бы для своего круга.

При втором подходе мы вряд ли достигнем консенсуса. И вообще, осмысление — процесс сугубо индивидуальный, хотя о неких аксиомах можно и нужно договариваться. Стоит собрать наиболее яркие и убедительные «рассуждизмы» тех, кто согласен обсуждать проблему в неагитационном и даже шире — не основанном на одних только эмоциях ключе. И не

Валентин Михайлович Гелфтер — директор Института прав человека (Москва), член Совета Правозащитного Центра «Мемориал».

более того, чтобы избежать претензий на единое мнение, прокламации и обращения от имени...

Теперь по существу возможной позиции по т.н. иракскому вопросу. Это проблема не одних США, и даже не только Запада. Вне однозначного решения Совбеза ООН о конкретной военной акции и без правового (не «мониторингового»!) обоснования многосторонних (!) силовых действий против иракского режима нечего даже говорить об их поддержке. Остается резкий протест, и то, что мы в этом совпадаем с властями РФ, ничего не меняет.

Но нельзя ограничиваться лишь межгосударственно-правовой мотивировкой войны, без которой даже Буш не сможет, в любом случае, обойтись.

А для нас более существенны другие аргументы – о возможности войны как таковой. И тут есть два подхода: морально-гуманитарный и рациональный. Первый можно свести к максиме «война – это явление типа кровной мести или смертной казни, которые еще не исчезли с лика Земли, но признаются человечеством, и уже не только европейским, очевидно неприемлемыми. За редчайшими исключениями».

Здесь неизбежны бесконечные разговоры про то, является ли хусейновский Ирак исключительным случаем такого рода. Но очевидно, что история внутренних и внешних преступлений этого режима, неуменьшающиеся угрозы поддержки им международного терроризма вместе с возможным применением оружия массового уничтожения (ОМУ) – не выдумка Соединенных Штатов.

Каковы «веса» аргументов за или против уничтожения такого режима ценой войны с покорившейся ему страной? Вопрос ли это объективного (и потому вряд ли возможного) анализа, либо субъективной веры в одну из априорий – пацифистскую или основанную на историческом праве – свержения тирании любыми (в идеале – соразмерными ее угрозам) способами?..

Но есть другой ряд рассуждений, содержащий рациональные предпосылки невозможности и бесполезности современной войны, считавшейся ранее продолжением политики другими средствами. Среди них (по У. Эко):

- антипланетарный характер вреда от ОМУ с отсутствием победителя при его применении;
- отсутствие фронта и явного противника;

- информационный глобализм как причина раскрективания гостайн и распропагандирования населения;
- несовпадение «векторов» и интересов экономических и даже политических элит одной страны.

Но все это меркнет по сравнению с ведущим аргументом – принципиальной невозможностью достижения расчетного результата и финальной равновесности результата войны.

И все же, выбор, по моему представлению, лежит вне системы тех или иных доводов, основанных лишь на одном из указанных подходов. Его можно сформулировать как некое табу на войну по аналогии с эволюционно или исторически обусловленными общепринятыми императивами, такими как невозможность инцеста или полный отказ от смертной казни.

Но в любом случае мы не сможем отказаться хотя бы от какого-то выбора. Этот выбор может принять различный вид: промолчать или громкогласно признаться в отсутствии однозначной позиции; а можно заявить, что «интеллектуальная честность – в признании, что иногда проблемы решаются только выводом о невозможности их решения».

И тогда остается лишь табу на войну как следование принципу сомнений в пользу бесконечного (по усилиям и вариабельности) поиска не военного разрешения вопроса, ибо это есть выбор наименьшего зла. Только так можно противопоставить нечто конструктивное известному тезису «войне нет альтернативы», последовательно предлагая ряд альтернатив: вместо «горячей» войны – «холодная» с точечными спецоперациями; вместо силового принуждения к миру – экономическая блокада, вместо гуманитарной интервенции по-югославски – массированные гуманитарные акции помощи мирному населению, страдающему от «своего» же режима. Поиск не безальтернативно простого выхода, а выстраивание цепочки непрекращающегося давления и разведение на дву- или многосторонней основе возникающих конфликтных ситуаций.

Один из последних примеров: взаимоотношения с КНДР – закрытие атомного реактора в обмен на поставки обычных энергоресурсов. Но при отсутствии совместного контроля за такого рода договоренностью схема начала разрушаться, в том числе из-за того, что США в одиночку приняли решение о ее невыполнении со стороны КНДР...

Общество «Мемориал» о войне в Ираке

... Какую цену придется заплатить народу Ирака за свержение кровавой диктатуры? Будет ли новый режим намерен и способен вести эту страну к свободе и демократии?

Ответы на эти вопросы мы получим в недалеком будущем. Но уже сегодня очевидно: начало XXI века знаменуется крахом прежнего мирового порядка.

Этот порядок был весьма несовершенен. И тем не менее он оставлял надежду на то, что человечество продвигается к новому мировому устройству, основанному на нормах Права. С нашей точки зрения, медленное и непоследовательное продвижение в этом направлении являлось главным содержанием новейшей истории человечества.

И вот теперь единственная на земном шаре сверхдержава наглядно демонстрирует всему миру, что она намерена действовать впредь, исходя отнюдь не из норм права, но основываясь на праве сильного, на собственных представлениях о национальных интересах и глобальной справедливости.

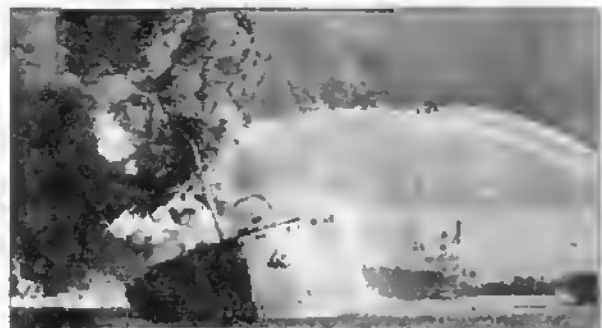
Идея создания действующей всеобъемлющей правовой системы на всех уровнях – от обеспечения и защиты прав личности до международных отношений – нанесен страшный удар.

Что остается делать нам, тем, кто по-прежнему привержен этой идее?

Продолжать работать на эту идею. В конечном счете, в нашу эпоху всеобщей глобализации ей нет реальной альтернативы.

ВОЙНА. 2003 ГОД.

Сергей КОВАЛЕВ

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ ПОД ФЛАГОМ ЗАКОНА

... Я убежден, что то, что происходит сейчас на Ближнем Востоке, — это очередной кризис мирового порядка. Правового порядка, прежде всего. Это не новая ситуация. Такое случалось в последнее время весьма часто.

Можно начинать с Вьетнама, а можно и раньше. Это такая ситуация, когда, с одной стороны, безнравственно (и очень опасно, кстати) терпеть, как в том или ином районе земного шара страдают люди, а с другой стороны, трудно смириться с тем, что что-то предпринимается только какой-нибудь одной страной, или небольшой группой стран, или даже пусть большой группой стран в нарушение существующего международного порядка. Эти страны выступают одновременно как истцы, прокуроры, судьи и исполнители приговора. А многие говорят, что и как приобретатели выгоды, жнецы результатов.

Всякий раз, когда такие ситуации повторяются, у меня лично, и не только у меня, наверное, возникает надежда, что наконец это чему-то нас научит. Научит направлению, в котором надлежит осуществлять поиск. Консенсус защиты и обвинения.

Что такое международное право, которое все так любят хвалить? В принципе это совокупность двусторонних и многосторонних договоров, это более или менее четко сформулированные принципы и совокупность разных конвенций. На деле международное право — это очень большой архив достаточно нелепых документов. Почему этот архив никуда не годится? Во-первых, потому что он содержит внутри себя принципиальные и самые резкие противоречия. Попробуйте-ка совместить фундаментальный принцип нерушимости границ с фундаментальным же принципом права народов на самоопределение вплоть до приобретения собственной государственности. Может быть, их и можно совместить, но кто пытался? Кто рассказал, как, чему, когда надо отдать приоритет?

А самый большой грех международного права состоит в том, что оно недееспособно, неэффективно. Ярчайший пример — это Организация Объединенных Наций, о которой все теперь очень энергично пекутся и вздыхают, как бы американская агрессия не разрушила эту замечательную организацию. ООН построена на очень хороших идеях, изложенных в ее уставе, и совершенно лицемерной

структуре. Это структура, состоящая из представителей правительств, а вовсе не народов. Защищать эгоистические интересы правительств там есть кому. А вот защищать интересы права совершенно некому.

Возьмем Совет Безопасности, высший орган, правомочный употребить даже силу в защиту какого-то меньшинства, в защиту принципов. Эта структура действует на основе консенсуса, потому что пять его членов обладают правом вето. Но представьте себе судебный процесс, в котором требовался бы консенсус защиты и обвинения! А мы считаем вершиной нашего международного порядка именно такую логику. На наших глазах раз за разом происходит безобразие, которое мы уже видели и которое уносит человеческие жизни, а мы ничему не можем научиться. Мы даже не пытаемся формулировать необходимость нового мирового порядка.

Что происходит с математиком, когда он видит, что его схематическая система не способна дать результат, предсказать что-то? Он делает вывод, что неверны постулаты. И меняет их. А мы говорим: да, это очень плохой порядок, но все-таки он имеет тенденцию к развитию... Лучшего все равно нет, поэтому давайте его придерживайтесь.

Я задам несколько вопросов. Вспомним Нюрнбергский процесс. С точки зрения права это чистое безобразие, это ведь суд победителей над побежденными, причем там даже не было попыток это скрыть. Какое тут равенство сторон? Это суд, который судил по специально для него написанным законам. Был сознательно нарушен фундаментальнейший, самый важный принцип права: закон не имеет обратной силы. Решили, что имеет. И вздернули людей, многие из которых поступали строго в соответствии с законами своей страны, действовавшими тогда. Ужасными законами, варварскими, но законами. Тем не менее, найдите юриста, который сказал бы, что Нюрнбергский процесс — событие печальное, о нем следует сожалеть и признать, что он отодвинул нас назад. Ни один самый строгий юрист, понимающий все юридические недостатки Нюрнберга, не выступит таким образом.

Можно придумывать некие примеры из головы. Банальный пример человека, который держит палец на ядерной кнопке и вот-вот ее нажмет. А вы уже не можете его уговорить или даже схватить за руку, но у вас в руках пистолет. Осудит ли вас кто-нибудь за то, что вы выстрелите в этого безумца? А он ни в чем не виноват, он невменяем, он даже не подлежит уголовной ответственности.

Можно вспоминать примеры иного рода. Скажем, Израиль разбомбил иракский ядерный центр.

Сергей Адамович Ковалев — правозащитник, бывший политзаключенный, первый омбудсман РФ, депутат российского парламента.

С точки зрения права это чудовищно. Но как это выглядит с точки зрения права на жизнь очень многих людей? Есть Договор о нераспространении ядерного оружия, и все сильнейшие государства мира очень хотят, чтобы этот договор действовал. Однако появляется ядерное оружие у Пакистана, у Индии, вот-вот появится у Северной Кореи, а до того появилось еще и у Китая. Между прочим, и Пакистан, и Индия проводят многомиллионные демонстрации, возмущенные тем, что у их соседа появилось ядерное оружие. Но никто не вышел на демонстрации с протестом против того, что родное правительство разрабатывает такое оружие.

Да, конечно, можно пытаться применять разнообразные санкции, это и делается в мире, иногда успешно, чаще безуспешно, как показывает рост числа членов ядерного клуба...

Я позволю себе очень грубый вопрос: а если бы вокруг земного шара летали какие-нибудь инопланетяне и делали бы то, что однажды проделал Израиль? На пакистанский реактор очень точно бомбу бросили бы, на индийский, на северокорейский, а еще до того на китайский. Что было бы в мире? Я думаю, что мировой порядок благополучно существовал бы, ссылаясь на то, что это же извне, это же не мы, это же марсиане. Но жить было бы спокойнее.

Я вовсе не хочу агитировать за то, чтобы «кто посмел, тот и съел». Я только хочу показать, что современная мировая конструкция никуда не годится и что события, подобные иракской войне, происходили, происходят и будут происходить. Пока мы не решим направить силу возмущения нашего гражданского общества не против попыток посадить в клетку очередного бандита, а против того, что существует на земном шаре порядок, который не в состоянии более предложить умных решений. Конечно, американцы были бы рады получить добро от Совета Безопасности, но было совершенно очевидно, что они его не получают. И основания для того, чтобы не получить, тоже были. Не было только одного — оснований для того, чтобы спокойно взирать на безобразия Саддама Хусейна.

Это принципиальный тупик, типичное положение цугцванга, как говорят шахматисты: когда вы имеете плохую позицию, но каждый мыслимый ход еще ухудшает эту позицию. Увы, сплошь и рядом партнеры разрешают дело тем, что в миттельшпиле надевают перчатки, а потом снова играют в шахматы, как будто бы ничего не произошло.

Что мне представляется неизбежным? Во-первых, подобные ситуации в нашем тесном и опасном мире будут повторяться достаточно часто. Никуда мы от этого не денемся. Неизбежным мне также представляется то, и это приятная неизбежность, что XXI век все-таки будет веком поисков такого порядка, который гарантировал бы, что никакой Саддам Хусейн не сумеет применить отравляющие вещества против своих граждан, что в любом таком случае он будет нести ответственность. Однако этого невозможно добиться, если ООН остается такой, какая она есть.

Я думаю, что направление, в котором разумно было бы искать, прилагать какие-то усилия, очень простое. Оно состоит в следующем: нужны некоторые правомочные наднациональные органы судебного порядка. Неконсенсус избранной группы стран должен решать вопрос о том, возможно ли применение силы, оправданно ли оно, а в законе должны быть записаны критерии, и должен быть орган, который этим законом руководствуется и которому подвластно принять и применить такое решение. Может быть, не один орган, довольно вероятно, что потребуется система разделения властей.

Я говорю не о мировом правительстве. Идея из этой колоды, но все-таки иная. Я говорю о системе наднациональных органов, которые должны заниматься только одним: следить за соблюдением законов на всей территории земного шара и иметь возможность быстро и эффективно вмешиваться в случае нарушения этих законов, прежде всего законов гуманитарного права. Может быть, даже только их. И не имеют никакой возможности вмешиваться в деятельность каких бы то ни было государств в каких бы то ни было других отношениях.

Несколько лет тому назад мысли этого рода всегда встречались как наивная и даже глуповатая фантастика. А теперь слово «глобализация» стало часто встречаться в речах. Но имеют в виду глобализацию прежде всего экономическую. Я же думаю, что надо говорить об интеграции правовой и политической.

Если вообще говорить о верности принципам права... Что же это такое — право? Это некое очень эффективное и очень полезное человеческое изобретение, коллективное многовековое творчество. Но ведь на самом-то деле, что такое человеческий суд? Имеем ли мы право кому-то определять срок тюремного заключения? С точки зрения абсолютной морали, конечно, не имеем. Хотя бы потому, что мы не можем знать ни всей истории того, кого караем, ни его генотипа. Что записано в генах? Несет ли он ответственность за тот результат генной комбинаторики, которой наградила его судьба? Ведь, по сути дела, не несет. Но мы вынуждены применять нормы уголовного правосудия в целях защиты общества.

И защищаем теми способами, какие нам даны, какими умеем.

...Я думаю, что и Ирак, и Косово являются прямым свидетельством того, что надо искать и строить новую структуру. А возможности? Если бы от меня что-то зависело, я бы думал вот о чем. Во-первых, о самой структуре. Этот наднациональный орган не должен быть составлен из представителей разных государств. Он должен создаваться на личной основе, потому что представители государств — это государственные интересы, как называют наши правительства то, что является их интересами. Это должен быть внегосударственный орган. Я думаю, что структуры типа ООН при этом уместны: должно быть место, где действительно идет торг межправительственных взаимодействий и правительственных интересах. Но над ним

должен быть другой орган, который ни от какого правительства не зависит. Возникает вопрос о том, что такая структура окажется склонной узурпировать то, что ей не полагается: полномочия уж очень широки. Тогда вспомним об устройстве современных государств и о том, как в цивилизованном мире неплохо действует принцип разделения властей. Именно этот принцип худо-бедно оберегает культурные страны от того, чтобы исполнительная власть использовала свои полномочия для того, чтобы стать пожизненным коллективным диктатором.

Вероятно, должна быть какая-то законодательная структура в той сфере, которую я очертил: безопасность и права меньшинств. И исполнительный орган, который не может предпринять никакого решения, кроме того, которое диктуется высшим судебным органом.

Теперь вопрос о том, как внедрять? Попросить Америку нарастить мощь и внедрить эту систему силой? Это как-то нехорошо. И совсем не очевидно, что будет внедрена та самая система, которая всех устроила бы. У меня на этот счет есть некое очень идеалистическое соображение. Я понимаю, что идеалистические соображения считаются нехорошими, но я не стесняюсь. Это соображение вот такое. В мире медленно, очень непросто, очень противоречиво, но происходит некоторая интеграция. Авторы этой интеграции ставят вопрос о том, что она должна быть и военной, и политической, а не только экономической. И мы видим, что нечто в этом роде происходит. Я думаю, что если бы проблемы, о которых я говорю, были бы поставлены и заявлены не как фантазия, а как трудная задача, то тогда, быть может, первые шаги интеграции могли бы оказаться шагами в эту сторону. Если бы достаточное количество государств согласилось внедрять такую систему, то, может быть, это оказалось бы заманчивым примером и для некоторых других. Особенно учитывая, что этот пример можно было бы и пропагандировать. Было бы какими успехами его иллюстрировать...

Мне кажется, что в некотором смысле это будет сверхзадача XXI века. Это не значит, что к 2101 году такая модель будет существовать. Мне это кажется маловероятным. Я просто думаю, что может быть, работа в этом направлении будет вестись. Примеры этого рода становятся заманчивыми, когда в каких-то частях международного сообщества возникает критическая масса людей, способных и намеренных в этом направлении думать. Это совсем непросто.

... Я не верю, что в Ираке американцам нужна нефть. Говорят о том, что это амбиции, направленные на монополярный мир, амбиции сверхдержавы. Я вполне допускаю, что такой оттенок в американской идеологии есть, и он меня не смущает. Не смущает потому, что это не опровергает необходимость нового мирового порядка. Как говорил в свое время Наум Коржавин: «А может, самим надрываться во мгле? Ведь нет, кроме нас, трубочей на земле». Может быть, Буш так рассуждает. Я думаю,

что это не шаг к новой системе, а очередной тупик мировой системы, из которого надо сознательно искать выход в том направлении, о котором я говорю.

Может ли многополярный мир быть паллиативом на пути к идеальной конструкции?

Может быть, без паллиатива и не обойтись, но мне это не нравится. Хотя, я должен сказать, примерно так рассуждал Андрей Дмитриевич Сахаров. Будучи вовлеченным в работу над ядерным оружием, молодой Сахаров, естественно, не мог не думать о том, что он делает. Многие потом считали, что Андрей Дмитриевич искупает свою вину, занявшись правозащитными публикациями. И даже Астафьев однажды написал горькую и очень несправедливую, по-моему, фразу: вот ведь как устроился – создал такую дубинку, отдал ее бандитам, а сам теперь в святых ходит. На самом-то деле Сахаров не раскаивался в том, что он работал над ядерной бомбой. Будучи уже вовлеченным в эту работу, Сахаров пишет, что он тогда стал рассуждать примерно о следующем: нельзя, чтобы такое оружие было в одних руках.

Я думаю, что тогда это было действительно так. Опыты Хиросимы и Нагасаки подкрепляет это соображение. Но сейчас эпоха-то уже не та. Никакой биполярности или многополярности уже не нужно для того, чтобы не разразился ядерный кошмар. Того, что уже имеется не только в американских руках, абсолютно достаточно для того, чтобы ядерное оружие еще долго по-прежнему играло роль защиты от мировой войны. Все же понимают: ну заржавели у нас боеголовки, неизвестно, куда они полетят, но их столько, что уже неважно, куда они полетят. Этого достаточно для того, чтобы нельзя было начать ядерную войну в глобальном масштабе. В таком смысле многополярный мир не есть гарантия мировой безопасности. Я бы сказал так: он достаточно немнополярен для того, чтобы опасности мировой ядерной катастрофы не возникало.

Что касается других проявлений многополярности... История нас учит, что эта самая многополярность только того и достигла, что сделала *realpolitik*, традиционную политику, чрезвычайно опасным анахронизмом.

Нам нужна монополярность не под звездно-полосатым флагом, а под флагом закона. Мы должны стремиться создать новое законодательство, которое действовало бы не в виде государственного *rule of law*, а в виде мирового *rule of law*. То есть чтобы мир управлялся законом. Вот это и есть настоящая монополярность. Между прочим, монополярность не унификация, чего страшно боятся многие антиглобалисты. Мировая интеграция – это гарантия против унификации. Если я как человек, как личность имею право практиковать лично или коллективно любую религию, если я вправе выбирать образование и язык общения для своих детей и так далее, то из этого уже следует, что и любые коллективные права любых мирных коллективов будут на этом базироваться. Никогда – наоборот. Следовательно, глобализация не грозит разнооб-

разию в мире. Наоборот, она гарантия того, что любые группы, разумеется, мирные, разумеется, не посягающие на чьи-то интересы, будут гарантированно защищены.

А многополярность... Ее понимают сейчас, как и прежде, в митрофановском геополитическом смысле: раздел сфер влияния, учет интересов и так далее. Что говорить об этой концепции? Геополитика, с моей точки зрения, – одна из самых скверных черт традиционной политики: наши интересы – там, их интересы – тут. А вот, смотрите, американцы получили базы в Средней Азии!.. Весь антиамериканизм, который процветает, в Европе в том числе, по-моему, просто неблагодарность. Я повторяю, мне очень многое в американской политической и правовой эволюции не нравится. Я никогда этого не скрывал. Но этот антиамериканизм меня достал. Нет хуже порока, чем неблагодарность. Забывать о плане Маршалла, который вытаскивал Европу, и забывать о том, что Америка сделала Японию и Германию процветающими демократическими государствами... А между прочим, только ли Японию и Германию, не всю ли Европу в некотором смысле? Забывать это просто неблагородно.

Монополярность, которой нас пугают, не так страшна. Это не значит, что надо ее принимать на полусогнутых. Это значит, что надо ставить ей границы и не терять достоинства. Я думаю, что это абсолютно возможно, при том что в мире есть одна сверхдержава. Но, кстати сказать, подрастают другие. Слава богу, не Россия. Европейский союз вполне имеет возможность стать сверхдержавой. Важно, чтобы отношения между светскими сверхдержавами в мире строились иначе. Важно стремиться к той другой монополярности, о которой мы говорили. Если по дороге побудет сверхдержавой временно одна из стран, надо иметь узду. Однако не верю я в то, что, обретя всемирное могущество, Америка вдруг бы кинулась затыкать рот Шираку или Шрёдеру, угрожая бомбой. Не может этого быть, правда?

... Когда я говорю о своих социальных грезах, я имею в виду очень резкое ограничение суверенитета. Оно заложено в идеологии Устава ООН и в основных документах по правам человека. Сейчас никто не станет спорить с тем, что права человека и права меньшинств не есть внутреннее дело государств. Такое никто теперь не говорит. Даже про Чечню мы себе не позволяем такое говорить. Ограничение суверенитета – естественное следствие. Если это ограничение для индивидуальных любителей плетки, то в том смысле, чтобы они эту свою любовь не начали проявлять по отношению к другим. А если им нравится, что их самих порют, что ж. Прискорбно, но лусть. Я ведь не предлагаю в порядке борьбы с режимом Саддама Хусейна пострелять кривобоким старух, которые обещали защитить его своими телами. Но нельзя же, основываясь на том, что много таких криков, учреждать право на существование диктаторских режимов, осуществляющих преступления у себя в стране.

В конце концов, какие еще нужны характеристики Саддама? Он ведь достаточно зарекомендовал

себя. Он начал две войны, и он в конфликте немеждународного характера применил газ и положил несколько тысяч человек. Мне бы лично было гораздо легче рассуждать об американо-иракском конфликте, если бы Америка вот тогда, в 1988 году, – когда он травил газами, а до того имел войну с Ираном, – решила, что режим Саддама надлежит устранить, что он не может, не имеет права существовать на земном шаре. Но, увы, американцы как раз не инопланетяне. Они живут в нашем реальном, скверно устроенном мире. У них тогда были политические причины Саддама простить. А кто им мешал во время «Бури в пустыне» дойти до Багдада? Вот уж тогда это было не труднее, чем сейчас. Но тогда, говорят, именно Чейни уговорил оставить Саддама в покое, потому что это гарантирует стабильность Ирака. Вот такую стабильность и гарантирует.

... Старый вопрос о целях и средствах. К сожалению, все мы клянемся в том, что для нас цель не оправдывает средства, а живем по совершенно другому принципу. И это ужасно. Главное мое сегодняшнее утверждение в том и состоит, что, увы, сейчас ничего, кроме войны как способа гуманитарной интервенции, нет. В этом и кризис, в этом и тупик. Хотелось бы обойтись другими средствами. А их нет. И до тех пор, пока их нет, мы будем воевать по таким поводам, если не хотим однажды воевать в гораздо более широких масштабах по гораздо более печальным поводам. Надо смотреть правде в глаза: ничего другого нет. И это, конечно, есть воплощение принципа: цель оправдывает средства.

Это очень скверно. Но для того чтобы этого не стало, нужно строить другую систему. Надо уподобиться грамотному математику и поменять постулаты. Эта алгебра не годится, не работает уже. А направление, которое мне представляется (может быть, есть другие какие-то), – это общий закон на планете. Если возможно, заставляя, иногда и силой заставляя, этого закона держаться. Означает ли это постоянные войны? Думаю, что нет. Для этого необходима только одна важная деталь, о которой я не сказал как об очевидной. Для этой будущей системы с наднациональными органами важно, чтобы вся подавляющая военная мощь была сосредоточена в единственном наднациональном центре, в его исполнительной структуре. И ни одно из суверенных государств этого мирового кондоминиума не имело бы ничего, кроме ограниченного полицейского контингента, вооруженного легким оружием. Важно не то, что этот центр сможет применить силу, а важно то, что никто другой не сможет ему сопротивляться.

Речь, в конечном счете, должна идти к тому, что государство не имеет права вести себя с точки зрения личных взаимоотношений непристойно.

*По материалам беседы С. А. Ковалева с редакцией журнала «Новое время», весна 2003 года.
Публикацию подготовила Любовь Цуканова.*

Андре ГЛЮКСМАН

«ЗАКРЫВАТЬ ГЛАЗА БЕССМЫСЛЕННО»

Дорогие русские друзья, вы такая же Европа, как мы. У нас общая географическая, стратегическая и интеллектуальная судьба. Если бы не война 1914–1918 годов, большевистская революция, а затем семьдесят лет разрухи, то Европа XX века с культурной точки зрения была бы русской. В музыке, театре, балете,

позии, языкознании, математике, живописи с 1900 по 1914 год нам задавал тон авангард Москвы и Санкт-Петербурга. Сегодня же ваши беды могут стать нашими. Русская армия ведет от имени русских страшную войну на Кавказе. Ваше правительство называет ее антитеррористической, пытаясь тем самым вовлечь в нее и нас. Когда Франция вела в Алжире свою последнюю колониальную войну, у французов нашлось много друзей по всему миру, которые помогли эту войну остановить. Было бы хорошо, если Владимир Путин, приехав в Париж, помимо комплиментарных речей, услышал бы и другие голоса. Можно, конечно, быть другом Платона, но истина-то все равно дороже!

Закрывать глаза бессмысленно. На пороге XXI века у всех на глазах произошло, казалось бы, невероятное: Грозный, город с четырехсоттысячным населением, был разрушен до основания. После Варшавы, которую Гитлер покарал за восстание, ни одна европейская страна не осмеливалась пойти на такое злодеяние. Благодаря самолетам, артиллерии, вертолетам война ведется на расстоянии, поражая цели отнюдь не выборочно. Говорилось о 300 или 700 террористах (точность не слишком свойственна тем, кто озвучивает официальный Кремль). Если приветствовать подобные подвиги, то господам Блэру и Аснару есть чему поучиться: например, бомбардировать Белфаст или взять в осаду Страну Басков. Удивительное слабоволие проявили американцы, ограничив число ударов по Белграду и Кабулу! Кремль такой робостью не страдает. Солнце антитерроризма взошло на Востоке задолго до разрушения Всемирного торгового центра.

Даже при том, что ежедневные сведения не доступны из-за военно-политического запрета на информацию, даже при том, что лишь немногие журналисты решаются собирать информацию на свой страх и риск, можно просто посчитать на паль-

цах: Грозный – это Герника, помноженная на десять. Русская армия ведет бесконечную войну против гражданского населения. Она расчищает место и открывает дорогу мелким жадным мафиям, которыми манипулируют ее «спецслужбы» и исламисты. Отказываясь от любых переговоров со сторонниками независимости, она разыгрывает самую худшую карту. Оставив в стороне негуманные методы, которые применялись при «освобождении» заложников в московском театре, Буш поздравил Путина. Лишив свободы беззащитных театралных зрителей, полевой командир Бараев совершил акт террора. Белый дом подчеркнул это обстоятельство. Однако, полностью с этим соглашаясь, пожалеем все же, что демократическая Америка остановилась в этом рассуждении на полпути: почему бы не сделать такой же комплимент и другу Владимиру, и ста тысячам вооруженных людей, которые изощряют свои жестокие таланты над целым народом, который они взяли в заложники? «Последний тактический прием, введенный федеральной российской армией в чеченском конфликте, – забрасывать мертвых и живых гранатами с отравляющими газами.

Именно это и произошло 3 июля 2002 года в селеении Мескир-Юрт, где мужчин, женщин и детей – всего 21 человек – связали вместе и забросали гранатами с отравляющим газом» («Ньюсуик», 14 октября 2002). То, чего молодые чеченские вдовы не совершили в московском театре, сделали русские солдаты при явном попустительстве всего мира.

В чеченском опыте, как в увеличительном стекле, яснее видится основное противоречие. После 11 сентября 2001 года глухо столкнулись два понимания главной опасности. Демократии определяют ее так: террорист – это вооруженный человек (неважно, под каким знаменем он выступает), который угрожает людям невооруженным. Второе определение предлагают правительства России и Китая: террорист – это член нерегулярных формирований, который угрожает власти (какой бы она не была и какие бы действия не предпринимала). Для демократа любое государство или государственный аппарат становится террористическим, если осуществляет насилие в отношении заведомо невинных людей.

Напротив, Николаю I, Сталину, Путину (300 лет автократии – груз тяжелый) любое противодействие государству представляется подстрекательством к терроризму, и самое незначительное сопротивление требует сильных средств. Для автократа охота на террориста есть открытая охота на любого нарушителя установленного порядка или

Андре Глюксман – известный французский философ и общественный деятель.

подозреваемого в таком преступлении. Следует вывод: хороший чеченец – мертвый чеченец. В России эта формула была выведена за пятьдесят лет до того, как генерал Шеридан произнес ее в отношении американских индейцев. Вот почему Путину не страшно отвечать на вопросы о судьбе гражданского населения. Вот почему – во имя определения №2 – он посоветовал любопытному журналисту «отрезать все».

Кто такой террорист – открытый враг государства или открытый враг общества? Оба определения, далеко не совпадая между собой, часто друг другу противоречат. Эта антиномия, как компьютерный вирус, разъедает изнутри священные анти-террористические союзы. Откуда проистекают два серьезных следствия для будущего всех нас, европейцев.

1) Чеченский вопрос – вопрос не чеченский, а русский. Развязывая очередную, начиная трехвековую войну, Путин сразу подчеркнул, что она «послужит примером» и должна символизировать общечеловеческое возвращение к порядку для всей России. Конец вакханалии свобод, развязанной Ельциным! Утверждается «вертикаль власти». Играя бицепсами, не думая о человеческой катастрофе, которую он вызывает, автократ начинает «воспитание чувств» своих сограждан. Чтобы видели, во что обходится непокорность. Огромный педагогический проект: выкорчевывая любой ценой столь дорогой сердцу Толстого «чеченский татарник», вырвать с корнем идею свободы из всякой русской головы. Выстраивание СМИ, возрождение цензуры и самоцензуры, а также советского сервиллизма происходят одновременно. Армия и спецслужбы сражаются не за нефть, не из страха перед зарозой движений за независимость, они ведут борьбу за русскую душу и культуру. Они хотят покончить с замороженностью, – которой никогда никто, от Пушкина до Елены Боннер, не скрывал, – «одной нацией, которая совсем не поддавалась психологии покорности, – не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это – чеченцы» (Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ»).

2) Русский вопрос – не только русский, он с неизбежностью становится вопросом глобальным. Если постоянный член Совета Безопасности подаст пример другим, если тому, кто обладает Бомбой, дозволено все, то разве это не подстрекательство к распространению оружия массового поражения? Тираны всех стран, запускайте мотор уничтожения, потом платите за единицу населения, привязывайте Кавказ к своему поясу, производите массовые убийства, морите голодом в свое удовольствие. Одну, две, три Чечни. Один, два, три Ким Чен Ира! Полностью оставить несчастных чеченцев во власти солдатни без чести и совести – плохое предзнаменование для всего мира. Сергей Ковалев справедливо заклеил «глупость» Запада и напомнил высказывание Ленина: «Если вам нужна веревка, на которой можно повесить Запад, вы можете купить ее у того же Запада».

Военные экспедиции, обрушившиеся на Кавказ после Петра I, сразу же превзошли все пределы допустимого. Русское завоевание быстро доходит до безудержного насилия и катастрофически приближается к «абсолютной войне» Клаузевица. Внутри этой логики Берия и Сталин выбрасывают чеченцев – всех и сразу – в ГУЛАГ (1944 г.). Бесконечная «абсолютная война», направляемая стратегами Кремля, неизбежно вынуждает чеченцев к войне за выживание. И если Большой пожарник-пироман требует от Маленького полной и безусловной капитуляции, продолжая планировать его уничтожение в ближайшем будущем, то это может только ускорить рост терроризма. Невообразимое становится реальностью.

Превозносся Владимира Путина во имя безупречного антитеррористического союза, принимая ложь и кровавые расправы, в которых он погряз, Европа «профанирует себя», как с сожалением пишет Анна Политковская в своей мужественной книге репортажей из «ада». Западноевропейское сообщество было выстроено на трех отказах – на отказе от Гитлера и расистского национализма (постфактум), отказе от Сталина и железного занавеса (тогда вполне современных) и отказе от колониальных авантюр (подразумеваемом). Ни словом не заклеив массовые убийства, в которых смешались сталинские методы и порывы к геноциду, Европа отказывается от самой себя, затыкает себе в глотку свидетельство о своем рождении.

Полвека тому назад Герман Брох обнаружил за занавесом победного шествия нацизма самую общую для всего континента ошибку – «преступление безразличия», условие, при котором только и возможны всякие гнусности. Гитлер и Сталин ушли со сцены, их наследников подобных масштабов в наших местах не объявилось, и наше безразличие благополучно вернулось. Вашингтонский «Музей Холокоста» – а его вряд ли можно заподозрить в симпатиях к исламистам – определяет Чечню как опасность геноцида № 1. Первого января Путин приземлился на Северном Кавказе в сопровождении супруги и телекамер. В качестве новогодних подарков он раздавал награды отличившимся солдатам, однако вручал не традиционные в таких случаях памятные часы, а охотничьи ружья и ножи. Так закончился XX век. Так началось новое тысячелетие, обильно орошенное шампанским в Париже и Рио-де-Жанейро, на Тайм-сквер и на Красной площади.

Андре Глюксман и присоединившиеся к философу французские интеллектуалы опубликовали в газете *Le Monde* письмо под названием «Ужас бродит по Европе», осуждающее антитеррористические действия в Чечне. Эта публикация стала своего рода идеологическим обоснованием позиции ПАСЕ по чеченской проблеме.

*Редакция журнала «Карта»
сердечно благодарит Бориса Вайля
за помощь в подготовке данной публикации.*

ПАМЯТИ ВИКТОРА ЛОЗИНСКОГО 1944–2003

20 июня 2003 года в городке Линн под Бостоном скончался Виктор Борисович Лозинский. Мы потеряли одного из самых своих близких друзей...

Виктор — член Правления Рязанского правозащитного общества «Мемориал», сотрудник редколлегии Российского исторического и правозащитного журнала «Карта», член Межрегиональной Группы «Правозащитная сеть», автор сетевого портала «Права человека в России». Один из самых активных участников демократического движения в Рязанской области эпохи «перестройки», член совета Рязанского Клуба избирателей, сопредседатель регионального отделения «Демократической России».

В прежние, еще советские годы Виктор Лозинский изготавливал и прятал микрофильмы рукописей Александра Исаевича Солженицына, а потом участвовал в переправке их на Запад, собирал материалы для Александра Гинзбурга, возил знаменитые «лефортовские сухарики» политзаключенным в Мордовию, участвовал в сборе денег для семей арестованных. Его увольняли с работы из музея, запутывали, нападали на улице и даже дошли до угроз расправиться с детьми...

Мастерская Виктора (он работал заведующим реставрационным отделом Рязанского государственного художественного музея) была местом притяжения огромного количества людей — к нему шли политзеки сталинской эпохи, «отказники» и «невыездные», шли с просьбами о помощи и за душевным теплом.

Виктора знали и любили очень многие в Рязани, его узнавали на улице — характерную колоритную внешность «Борисыча», его окладистую бороду «а'ля Солженицын», наплечный платок-арафатку — трудно было не запомнить...

Виктор Борисович очень много сделал для восстановления исторической правды о судьбах польских граждан — солдат и офицеров Армии Крайовой (АК), членов делегатуры, польских социалистов, интернированных НКВД в тюрьмы и лагеря СССР в 1944-1945 годах. Едва ли не решающим было участие Виктора в поисках могилы и перезахоронении на родину (первом тогда с территории Союза) праха бригадного генерала, коменданта Люблинского округа АК Казимежа Тумидайского (псевдоним «Грабовски»). Виктор — автор проекта мемориального комплекса на кладбище лагеря НКВД-МВД № 178-454 Рязань-Дягилево, участник восстановления кладбища спецгоспиталя НКВД № 4791 для военнопленных и интернированных под городом Скопин Рязанской области. Виктор — автор одной из первых электронных баз данных по местам лишения свободы в СССР, соавтор проекта издания «Карты ГУЛАГа».

Он навсегда останется в нашей памяти: чуть усталый и искрометно провичный, упрямый и увлеченный, веселый «мистификатор» и глубокий аналитик. Вечная тебе память, Борисыч!

Рязанский «Мемориал»

Интернет-портал «Права человека в России»

Межрегиональная Группа «Правозащитная сеть»

Российский журнал «Карта»

Бюллетень «Центры Плюрализма»

Правозащитный Центр «Выбор совести»

Рязанская Школа прав человека

Рязанский комитет солдатских матерей

Виктор ЛОЗИНСКИЙ

ОПТИМИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ЖАЛОБАХ

«Мы сейчас говорим о сути. А суть в том, что государство имеет только две функции: а) защитить своих граждан; б) так устроить жизнь, чтобы люди охотно и хорошо работали. Все остальные проблемы люди решат сами. Только не надо вмешиваться в их жизнь...»

Виктор Суворов «Последняя республика»

1. «Качай права на законном основании»

Невиданный оптимизм «зари перестройки» и «ветров перемен» перемешался у меня в середине 80-х с некоторой унылостью — уволили из музея с подачи деятелей Рязанской областной культуры. Через три

месяца суд восстановил на работе. Выплатили что положено, выгнали на пенсию директора музея, одну из начальниц культуры и обкомовскую инспекторшу по идеологии.

Такое состоялось благодаря обыкновенным жалобам, активной поддержке коллег и друзей. Благодаря массивной, целенаправленной битве слов и бумаг, «входящих» и «исходящих», «заказных» и «с уведомлением». И благодаря «сильно интеллектуальным» ответам, отпискам, увещеваниям и угрозам чиновной публики. А главное, благодаря тому, что от безысходности положения пришлось искренне поверить в возможность защиты своих прав по советско-

российским законам. Тут как в лагере – «качай права на законном основании». И, наверное, – «не верь, не бойся, не проси».

II. Вы все должны сделать сами

Видов жалоб и их образцов в классической и юридической литературе много, но скрупулезное писание жалобы по образцу, часто далекому от вашей личной проблемы, превращает искусство жалобы в обыденное ремесло.

Это совершенно недопустимо. Вы же личность, вы уверены в своей правоте, вы одновременно поэт и Пегас, вы расчетливый «одинокий волк». Вы первопроходец по извилине номенклатурных мозгов. Ваша сила – переполненность законами, нормами и актами, личная изобретательность, сатира и юмор, порожденные трагизмом с вами случившегося. Вашу голую слину прикрывают одни лишь крылья. Перед вами только конкретная, вычисленная и выстраданная цель. Вам могут помочь и друзья, и враги. Но СДЕЛАТЬ ВСЁ ВЫ ДОЛЖНЫ САМИ! Только вы и только для себя. Для себя и для тех, кто решится идти по вашему пути войны, победы и справедливости.

III. О некоторых сухих и скучно-склочных принципах жалобного мастерства

Вы расстроены и обижены донельзя конкретной несправедливостью по отношению к вам. Злостное самовольство инженера ЖЭКа, кондуктора в троллейбусе, «отца»-начальника, мэра и губернатора, секретаря, референта или военкома вывело вас из себя, круто изменив жизненные планы.

Беззащитность гражданина современной великой России, культивируемое режимом неверие как в свои силы, так и в силу и возможности закона приводит вас на первом этапе к эмоциональному написанию «ругательных» жалоб.

Раз уж я не верю в результат жалобы, но осмелел настолько, что решил жаловаться куда и на кого угодно, то хотя бы обложу этого начальника ЖЭКа на всю катушку на восьми листах мелким почерком. А в конце потребую немедленно сменить у меня кран, восстановить на работе, уволить грубиянку-секретаршу. Это естественная, но и крайне опасная дорога жалобного пути.

Вы дали чиновнику возможность **разозлиться** на ваши слова. Своими руками предоставили ему некое право вообще не воспринимать вашу реальную проблему. Теперь он может документально утверждать, что вы склочник, хам и мелкий хулиган, требующий невесть чего в матерной форме. В этом случае кран вам не поставят, секретаршу не уволят, да ещё и притянут к суду за оскорбление должностной физиономии. Придется плавно выворачиваться из созданной вами же ситуации.

Давайте запомним: долгой эмоция. Скрепя сердце предположим (и поверим в это для достижения результата), что наш чиновник – заработавшийся слуга закона, он просто ошибся, проглядел и т. п. А вы **указываете ему на его же ошибку или недогляд**, настаивая на соблюдении законности при решении вашей проблемы. С помощью жалоб и обращений вы ведете переговорный письменный процесс. Не уступая противной стороне только в главном. Вы – дипломат за «круглым столом». Вы же с крыльями, это они – с хвостом.

Решите, что для вас главное. Успокойтесь. И начинайте расчетливо и методично жаловаться. Забудьте об устных жалобах. Устную жалобу чиновник воспримет как ваше заискивание. Устная жалоба-просьба – от вашей трусости и неуверенности – от лукавого. Привыкайте сразу писать вежливую «телегу». Устно можно общаться только для достижения заранее запланированных вами тактических целей жалобной кампании. Ваша стратегия – **только документ**.

Расчетливость ваша должна опираться на некоторые принципы, выработанные современной советско-российской действительностью: **жаловаться нужно, начиная с самой низовой инстанции**. Первая жалоба может быть адресована именно тому, кто подписал бумагу, нарушившую ваши права. Получив «снизу» ответ, не устраивающий вас, немедленно жалуйтесь выше и выше, не пропуская ни ступеньки, – на нарушение закона, сроков ответа на жалобы и т.п. предыдущими жалобо-получателями, а также – на них самих.

IV. Только один вопрос!

Во всех жалобах вы поднимаете **только один вопрос**. Если у вас два вопроса, то хатайте две жалобы. Если пять – пять жалоб.

Обязательно указывайте, какая именно норма закона нарушена по отношению именно к вам. Не вздумайте написать, например, что «мне, как и другим работникам нашей шарашки, не выдают спецодежду». Жалуйтесь **только по своей проблеме**. Но ничто не мешает вам «накрутить» остальных своих коллег, не получивших спецовку и рукавички, тоже накатать жалобы.

Жалоба должна быть очень короткой и конкретной. Чиновник не должен обидеться лично ни на одно слово вашей жалобы. Ваша задача, чтобы он начал вывертываться (обижаясь только на себя или Закон, оставляя письменные следы) из ситуации, которую он для вас (или общества в целом) создал своими противоправными действиями. На которые вы и жалуетесь.

Вы должны так строить текст в первых жалобах, чтобы между строк намеком читалось ваше понимание загруженности аппарата конторы проблемами всего земного шара, но при этом указываете на досадность ошибочного применения (или не применения) к вам нормы закона.

Один лист текста – предел. Но лучше пол-листа. Еще лучше – четверть листа. Меньше четверти листа не пишите, а то чиновнику обидно за мундир, если он получает всего две строчки. Две строчки, по праву, пишет ему только его вышестоящий начальник при «накрутке хвоста».

Кстати, одна из ваших целей – добиться именно таких строк вышестоящего начальника тому нижестоящему, которому вы загнали первую свою «телегу».

V. Ваша «оперативная работа»

До написания жалоб вы должны **раздобыть служебные адреса чиновной вертикали**, по которой будете подниматься в жалобном восхождении. При определенном усилии это можно сделать. У вас есть друзья – вам помогут. И обязательно задавайте в кабинетах вежливый вопрос: «А кто ваш вышестоящий руководитель?»

Ни в коем случае не «подставляйте» помогавших вам служащих. Самое неумное – проболтаться в

начальственном кабинете: «А вот ваша секретарша Любочка мне честно сказала...» Сотрудники низового звена аппарата никогда больше не пойдут вам навстречу. Вы же должны понимать, что всякий подчиненный в России не переносит своего начальника. Используйте это, но не «стучите» по-глупому.

Полезно иногда использовать и чиновную горизонталь, когда ваш вопрос может быть решен несколькими должностными лицами одного уровня. В этом случае можно для начала использовать жалобы «на личных приемах». Чтобы вычислить конфликтующих, «хороших» и «плохих» чиновников для деликатного «подтравливания» их друг на друга. Потратьте время на «разведку» в приемных. Граждане со своими проблемами многое могут вам порассказать о характере тех, к кому они стоят в очереди.

Старайтесь в преамбуле жалобы сослаться на указ Президента, постановление губернатора или начальника ЖЭКа, которые можно всегда подобрать к теме вашей жалобы. Не «жмитесь» на то, что чиновник злобно нарушил указ, намекайте сначала на его «своевременное неознакомление с этим основополагающим документом».

Никогда не забывайте об «утечке информации» и дозировано организовывайте ее. Борьбаться можно только «гласно». Достаньте координаты ваших депутатов и их помощников. Всячески знаменитых лиц в городе и вашей области. Хорошо на будущее иметь координаты и всероссийско-известных лиц. Увидев, например, известное лицо по телевизору, вы вполне можете писать ему немного расширенную жалобу (копию жалобы) или обращение, адресуя на определенную программу телевидения для передачи Кобзону, например, или Магомэеву.

VI. Дело №...

Не приучайтесь к дурной, якобы экономной привычке писать жалобу, указывая в «шапке» сразу десяток адресов. Не обезличивайте великих людей и самолюбивых чиновников, не смешивайте их в одну кучу. Жалоба индивидуальна. Вы просите о помощи конкретное лицо, показывая этим, что вы помните и знаете о нем, его влиятельности и его справедливости. Индивидуальным обращением вы подталкиваете адресата к действиям индивидуально для вас (если он захочет действовать).

Очень важно заставить чиновника отвечать вам письменно. Поначалу не столь важно, что пишут — лишь бы писали. Чинуша не может, к примеру, как вы, отказаться от дачи любых показаний и любых подписей на протоколах до прихода адвоката. Почувствуйте свое преимущество пока хоть в этом!

Заранее заведите папку и приучите себя к четкому ведению личного делопроизводства по жалобам. Вы комплектуете свое «Дело Александра Ивановича Корейко». Там должно быть все, вплоть до трамвайных билетов и справок из поликлиники об ухудшении вашего здоровья после потрясения от незаконных постановлений власти по вашему лично поводу.

Медицинские справки очень пригодятся не только в судах. После «суровых» приёмов у должностных лиц не поленитесь тут же сходить к участковому врачу с жалобами на бессонницу, плохой «стул», нервное потрясение. Пусть вам выпишут валидол с пургеном. Но это должно быть отмечено врачом в вашей карте больного. Потом вы сможете получить из неё выписки для

суда или вышестоящих инстанций. Помните, что жаловаться — это серьезная работа, отнимающая достаточное количество времени. Не опускайтесь до любительщины. Она безрезультатна.

В жалобе необходимо указать, какая норма закона по отношению к вам нарушена и кем. Желательно подписать жалобу: «С уважением, ...», независимо от того, испытываете вы это самое уважение или нет. И вообще, нужно запомнить, что чиновник не должен суметь ничего вычислить из вашего текста о ваших дальнейших намерениях, Ваших связях и контактах, Ваших возможностях, Вашей родне и знакомых, Вашей нервной системе и привычках. Если он все это хочет узнать — пусть сам копает и ищет. Вы-то сами будете раскапывать его «парали, адреса и вьки».

В жалобном окопном сидении и встречных атаках главное — занять аппарат постоянной работой с вашей проблемой. Определенная «мутность воды» в ваших действиях только полезна. Никогда не давайте этим «партнерам» по «круглому столу» ничего конкретного, кроме статьи закона, которую они нарушили по отношению к вам.

Чиновник привык общаться намеками: «Вы же сами понимаете, за что вас уволили». — «Нет, не понимаю, объясните подробно». Выучите этот язык и применяйте его, когда это нужно. С китайцем можно говорить только по-китайски. Вы не переучите всю армию чиновников нашему языку. Да и зачем вам это нужно. Говорите на их языке. Он им понятнее. Да и вам будет интересно изучить современный канцелярит. Мне это даже доставило удовольствие.

VII. О копиях и регистрации

Кроме точного адресата, в «шапке» жалобы полезно ниже написать слово «Копии: ...» и оставить 5-6 (или 8-10) пустых строк. В которые вы можете потом по одному вписывать адресатов, которым ваша жалоба пошла в копии. Но первому «шапочному» адресату оставьте эти строчки пустыми. Пусть прикинет, кому еще вы «откатили» ваш текст.

Не считайте, что чиновник образца 1997 — 98 гг. прикрыт со всех сторон во всех случаях. Его будут защищать сверху только до тех пор, пока это безопасно защищаемому. Свою родную за коллегу-чиновника мало кто подставит. На его место (при регулярных сейчас сменах кабинетов и кабинетиков) стоит большая очередь. Если вы испортите чиновнику статистику своими жалобами (да еще поддерживаемыми обращениями ваших коллег, искренних заступников, общественности...), то мало ему не покажется...

Умными жалобами вы даете возможность разного рода начальству «заиметь компромат» или освободить этого чиновника от теплой должности, что может помочь вам в дальнейшем (даже если жалоба сразу и не удовлетворена). Чиновная братия станет относиться к вашим текстам внимательнее и не всегда захочет идти по пути «влипших» предшественников.

С самого начала осмелейте настолько, чтобы в кабинетах вежливо и неукоснительно заставлять регистрировать ваши бумаги с отметкой о приеме на уносимой домой копии. Всякая бумажка у вас — всегда в двух экземплярах!

Более накладный способ — жалоба письмом «с уведомлением о вручении». Если вы решились немного потратиться на конверты и марки из-за непреодолимой стеснительности перед секретаршами-блондинка-

ми в приемных руководителей, то обязательно на открытке (приклеиваемой вами к конверту и возвращающейся к вам же с отметкой о получении вашего письма) кратко напишите тему жалобы. Чтобы принимающая канцеляристка расписывалась не просто за письмо, а за тему. Таким способом вы обяываете почтового работника, приносящего в мэрию или ЖЭК корреспонденцию, зарегистрировать вашу конкретную жалобу. Ход жалоб в аппарате управления и исполнения (как и ответственность чиновников за этот ход) вновь теперь строго регламентирован.

Достаточно важно «загонять» копии жалоб полномочным представителям Президента, т.к. часто эти представители находятся в заметной конфронтации с исполнительной ветвью власти. И, естественно, не упустят случая «лягнуть» противника спихиванием ему вашей «телеги», а то и докладом наверх. То же относится к официальным профсоюзам, советам ветеранов, комитетам российских женщин, офисам партий и движений, любым иным общественным организациям, включая союзы художников, писателей и журналистов.

VIII. Суд идет...

Помните, что любимой отговоркой аппарата стало: «Обращайтесь в суд, пусть там решают». Не поддавайтесь на эту удочку с самого начала. «Доставьте» по порядку все чиновные инстанции, показывая сильное желание не перегружать вашей, в общем-то, не общемировой проблемой, «самый справедливый и гуманный суд в мире». Если вы добьётесь своими «просьбами» письменного намека чиновника на желательность вашего обращения в суд, то будете иметь возможность упомянуть в судебных бумагах и иных разговорах, что вы обращаетесь в суд по рекомендации этого самого чиновника. Не отказывайте себе в удовольствии поставить в неудобное положение такого представителя власти по его же «просьбе».

Суды напрочь завалены спешно-скоротечными исками. Готовьте для суда добротный «паровоз с вагонами». Накапливайте материалы. Думаю, сможете решить вопросы и без суда. Суды оставляйте на последний или чисто судебный случай. Пока же вы должны сделать все, чтобы решить свою задачу на досудебном уровне. Потом все эти бумаги и справки очень прилично раздуют палки судей в вашу же пользу. У меня сохранилось шесть пухлых томов переписки по моему делу.

Поскольку вас загнали в угол и вы чувствуете себя в собственной стране, как заграничный шпион в тылу врага, постоянно анализируйте расстановку сил чиновного лагеря. Ваша задача, по возможности, как можно удачнее «стравить» ведомства, отдельных управителей и мелких сошек аппарата между собой на почве вашей проблемы.

И набирайте себе сторонников! «Сарафанное радио» — великая вещь! Но не перебарщивайте, чтобы не превратиться в сплетника. Вы — борец за законность! Любовно-политические и финансовые похождения вашего обидчика совершенно вас не интересуют. И вот уже вам знакомые такое рассказывают... хотя это не имеет отношения к вашему делу. Но в «Дело» вы подшиваете всё! Применяя только то, что документально доказано.

IX. А если я проиграю?

Полезно регулярно представлять себе, что вы не выиграете. Именно в такие моменты обязательно проснется бесенок холодного, почти математического

«хулиганства». Вы обязательно найдете дыру в сети номенклатурных хитросплетений. Так и закиньте в нее, вместо ожидаемой ими осетрины, какую-нибудь железяку, вроде лемеха от старого плуга. Но делайте это до безукоризненности вежливо. Каждый получивший вашу жалобу «следующий вышестоящий» должен между строк понять, что вы обратились к нему только потому, что его подчиненный занимает, может быть, не свое место. Может быть, не научился работать с гражданами и не совсем умеет исполнять справедливые законы России и местного самоуправления. Начальники, конечно, могут вполне сообразить, что вы — ехидный тип, но ведь в вашей бумаге написано все очень корректно, а толковать ее никто не будет, мы же для них всего лишь «люди» или «население».

X. Никаких поблажек!

Важно не считать граждан руководителей дураками. Поймите, глупенький туда не пробьется. Если такой и проскакивает, «значит, это кому-нибудь нужно». Поменьше применяйте к ним свои моральные принципы — только принципы Закона! Не забывайте, что у нас и у них пока (боюсь, надолго) разные градусники и разные шкалы. Если вы живете, например, по Цельсию, то они обязательно по Реомюру или Фаренгейту.

В каждом своем тексте вы аршинными буквами демонстрируете, что выше закона для вас ничего нет, что он незыблем и что вы не верите в возможность сознательного нарушения законов госслужащими всех уровней, вплоть до гаранта конституции.

Если вы сможете довести чиновника до того, что он отпишет вам о своем несогласии со статьей Закона и откажет вам именно по этой причине — вы гений! В этом случае никогда не опускайтесь до получения «взятки» и поблажек в любой форме от удачно загнанного вами в угол канцеляриста!

Внимайте из него только безоговорочную капитуляцию, попуивая его Нюрнбергом. Вам нет дела до того, что он валяется у вас в ногах, размазывая по лицу насморк. Вам нет дела до его плачущих внуков, тещи и любовницы. Впрочем, как ему (и это уж точно) нет дела до ваших детей.

Чиновник для вас не человек — он должность, олицетворяющая Закон. Вы для него, вообще-то, тоже не человек, а часть населения. Если считать старыми деньгами — то просто «лагерная пыль». Поэтому — никаких поблажек! Хотя могут быть и тактические исключения. Там тоже есть порядочные люди.

Если же все эти общие советы показались вам слишком простыми и чересчур оптимистичными, то вам это действительно показалось. Попробуйте выиграть маленькую-маленькую бумажку, одержав почти незаметную победу над мелким-мелким аппаратчиком. Тогда вам станет понятно, что вы можете сделать гораздо больше. Ведь это они с хвостом, а вы-то — с крыльями!

Главное продолжение темы: «И возвращается ветер...» Владимира Буковского. Издание 1990 года. Москва. Со стр. 30 от слов «Война шла безжалостная, на износ...» до слов на стр. 34 «Победа досталась нам нелегко...».

ОМБУДСМАН В РОССИИ

Омбудсман как должностное, государственное, лицо – посредник, отстаивающий права народа перед королем, – появился в Швеции в 1809 году. Затем подобные должности постепенно возникают и в других странах. Однако в большинстве государств этот институт сформировался значительно позже, во второй половине XX столетия. Сегодня почти в 50 странах действуют более 150 различных органов и структур, выполняющих функции омбудсмана. Омбудсман осуществляет контроль и ведет расследование с точки зрения законности, эффективности, целесообразности, добросовестности и справедливости. В России этот институт называется «уполномоченный по правам человека».

<http://ombudsman.hro.org>

Институт Уполномоченного по правам человека (омбудсмана) находится в России в первоначальной стадии формирования. В 1998 году Дума РФ избрала Уполномоченного, был сформирован его центральный аппарат в Москве, сегодня дебатировается вопрос о структуре института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – быть ли ей вертикально структурированной или же уполномоченные на местах должны быть независимы от центральной власти. Сегодня вопрос о назначении или выборах уполномоченного в регионах России решается по-разному. Неясным остается организационное и властное соотношение таких центральных структур как Комиссии по правам человека при Президенте РФ и аппарата Уполномоченного по правам человека РФ.

В структурах исполнительной власти в центре России и в регионах, в средствах массовой информации, в общественных организациях сегодня обсуждается необходимость введения профилированных уполномоченных типа «омбудсман по прессе», «омбудсман по детям», «по правам заключенных»...

Согласно распространенной в правозащитных кругах критической оценке, в настоящее время в России и во многих других странах СНГ способ развития института Уполномоченного как нельзя лучше отражает реальное содержание постсоветской демократии, когда провозглашаемые независимыми общественные структуры (а именно таким должен быть институт Уполномоченного) на деле, по механизму своего функционирования, рискуют оказаться рутинными элементами государственно-бюрократического аппарата. Институт Уполномоченного на постсоветском пространстве, как и прежние «уполномоченные структуры», ведет свое происхождение от власти, а не от общества.

Созданные структуры работают по государственно-чиновному образцу и пока малоэффективны на практике. Кроме того, появившиеся уполномоченные не знакомы с мировым опытом работы института Уполномоченного, их личный опыт также невелик, а независимое положение и общественный авторитет им еще предстоит завоевывать. В настоящее время этому мешает все более проявляющаяся зависимость уполномоченных от вертикали исполнительной власти.

Институт омбудсмана-уполномоченного по правам человека призван способствовать установлению в обществе такой системы ценностей, когда права личности, права человека оказываются приоритетными при решении всего комплекса социальных проблем. Этот ценностный приоритет сегодня еще весьма слаб и по большей части декларативен – по сравнению с традиционными для России коллективными ценностями и представлениями о государственной целесообразности, которыми по-прежнему руководствуются представители власти.

Эффективное функционирование института Уполномоченного на постсоветском пространстве вряд ли возможно без создания соответствующей информационной и культурной среды восприятия этого нового для нашего общества социального механизма.

По материалам Института прав человека

*Сергей Адамович Ковалев,
первый омбудсмен России.*

*Олег Орестович Миронов,
ныне действующий омбудсмен.*

СПИСОК РОССИЙСКИХ ОМБУДСМАНОВ

Уполномоченный по правам человека в РФ

Миронов Олег Орестович

107084, Москва, Мясницкая ул., д. 47
Тел: (095) 207-3986,
Факс: (095) 207-3977
E-mail: press-sl@ropnet.ru
<http://ombudsman.gov.ru>

Уполномоченный по правам человека
в Астраханской области

Виноградов Владислав Владимирович

414000, г. Астрахань,
ул. Чернышевского, 14
Тел: (8512) 22-29-76
Тел/Факс: (8512) 22-35-90
E-mail: vpchao@mail.astrakhan.ru
<http://ombu.astrakhan.ru>

Уполномоченный по правам человека
в Алтайском крае

Вислогузов Юрий Александрович

656035, Барнаул, пр. Ленина, 59.
Тел. (385 2) 36-33-26,
(385 2) 36-37-43
Факс: (3852) 36-38-63
<http://www.altai-region.ru/main.php?id=1022>

Уполномоченный Республики Башкортостан
по правам человека

Газизов Чингиз Бареевич

450101, г. Уфа,
ул. Фрунзе, 46
Тел: (3472) 50-44-62
Факс: (3472) 50-17-52
<http://persona.bashkortostan.org/ogv211.htm>

Уполномоченный по правам человека
в Краснодарском крае

Козицкий Александр Григорьевич

350063, г. Краснодар,
ул. Советская, 35.
Тел/факс (8612) 53-52-81, 68-09-45
E-mail: ombudsman@internet.kuban.ru

Уполномоченный по правам человека в
Волгоградской области

Таранцов Михаил Александрович

400098, г. Волгоград,
пр. Ленина, 9
Тел: (8442) 93-64-43
Факс: (8442) 36-52-79
Email: upl@volganet.ru
<http://vromsu.narod.ru/ombudsman.html>

Смолянск, 2001 год. Участники круглого стола – Уполномоченные по правам человека. Слева направо:
В. В. Виноградов – Астраханская область, Р. Г. Вязилов – Республика Татарстан, С. Н. Матвеева – Пермская
область, Т. Г. Мерзлякова – Свердловская область, В. П. Глотов – Амурская область, Ч. Б. Газизов – Республика
Башкортостан, О. О. Миронов – Российская Федерация, Н. А. Волков – Кемеровская область, И. Ф. Вершинина –
Калининградская область, С. Б. Крыжов – Московская область, В. Н. Осин – Смоленская область.

**Уполномоченный по правам человека
в Республике Калмыкия****Сависко Владислав Алексеевич**

358000, г. Элиста,
пл. Ленина,
Дом Правительства, каб. 416
Тел: (84722) 5-28-32,
(84722) 6-05-15
Факс: (84722) 6-13-88
Email: savisko_vl@mail.ru

**Уполномоченный по правам человека
в Республике Коми****Волкуев Леонид Михайлович**

167010, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, 8
Тел: (8212) 24-26-88
Факс: (8212) 24-98-96

**Уполномоченный по правам человека
в Ставропольском крае****Селюков Алексей Иванович**

355000, Ставрополь, пл. Ленина, 1 («Белый дом»)
Тел: (8652) 37-14-50
Руководитель аппарата Кулик Юрий Николаевич
Тел: (8652) 37-14-55
Сотрудники Мелехова Оксана Евгеньевна,
Журавлева Антонина Ивановна
Тел: (8652) 37-14-52

**Уполномоченный по правам человека
в Республике Татарстан****Вагизов Рашид Гаязович**

420060, г. Казань,
пл. Свободы, 1
Тел: (8432) 64-13-84,
64-11-36
Факс: (8432) 64-10-95
E-mail: tatombudsman@telecet.ru
http://www.tatar.ru/00002020_a.html

**Уполномоченный по правам человека
в Красноярском крае****Жмаков Иннокентий Егорович**

660021, г. Красноярск,
ул. Карла Маркса, 112, офис 210
Тел: (3912) 21-41-64
<http://www.legis.krsn.ru/dvinfo.asp?Topic=19&ID=3670>

**Уполномоченный по правам человека
в Амурской области****Глотов Василий Петрович**

675000, г. Благовещенск,
ул. Шевченко, 6, каб. 213
Тел: (4162) 42-44-58
Факс: (4162) 42-57-90

**Уполномоченный по правам человека
в Архангельской области****Ахраменко Надежда Павловна**

163061, г. Архангельск,
пл. Ленина, д.1
Тел/Факс: (8182) 64-67-40
E-mail: upolnom@atnet.ru

**Уполномоченный по правам человека
в Калининградской области****Вершинина Ирина Федоровна**

236000, Калининград,
Советский пр-т, 13, каб. 75
Тел: (0112) 21-26-83
E-mail: ombudsman_kaliningrad@gazinter.net
http://duma.kaliningrad.org/main.asp?n=ппп_%5Cdata%5Craglment%5C18

**Уполномоченный по правам человека
в Кемеровской области****Волков Николай Алексеевич**

650099, Кемерово,
Советский пр-т, 63, каб. 225
Тел: (3842) 25-43-29
Email: ombudsman@kemtcl.ru
<http://www.kemerovo.su/zakon/75.htm>

**Уполномоченный по правам человека
в Липецкой области****Бородин Владимир Алексеевич**

398014, г. Липецк,
пл. Ленина, 1
Тел: (0742) 24-63-40
Факс: (0742) 72-24-15

**Уполномоченный по правам человека
в Московской области****Крыжов Сергей Борисович**

103070, Москва,
Старая площадь, 6 (почта),
Малый Спасоглинищевский пер., д.3, стр. 1 (конт.)
Тел: (095) 206-61-62
E-mail: ombumo@ropnet.ru
<http://www.ombudsmanmo.ru/>

**Уполномоченный по правам человека
в Пермской области****Матвеев Сергей Николаевич**

614000, Пермь,
ул. Ленина, 51, каб. 227
Тел: (3422) 90-14-57
Email: ombudsman@permreg.ru
<http://uppc.perm.ru/yearreports.htm>

**Уполномоченный по правам человека
в Самарской области****Баландин Владимир Николаевич**

Самара,
ул. Молодогвардейская, 187, к. 213
Тел: (8462) 21-31-60, 42-48-21
Факс: (8462) 42-30-19

**Уполномоченный по правам человека
в Саратовской области****Ландо Александр Соломонович**

410600 г.Саратов,
ул. Челюскинцев, 116
Тел: (8452) 24-16-61, 24-15-77
E-mail: ombudsman@gov.saratov.ru
<http://www.gov.saratov.ru/government/departments/ombudsman/>

Уполномоченный по правам человека
в Свердловской области

Мерзлякова Татьяна Георгиевна

620031, г. Екатеринбург,
пл. Октябрьская, 1
Тел: (3432) 51-04-50,
51-80-24
Факс: 58-95-94
Тел/Факс: (3432) 77-17-25
E-mail: ombudsman@midural.ru
<http://www.midural.ru/gov/PravaChel/Default.htm>

Уполномоченный по правам человека
в Смоленской области

Осин Вячеслав Николаевич

214000, г. Смоленск,
ул. Доктурова, 3, каб. 705
Тел/Факс: (0812) 65-28-85
E-mail: osin@admin.smolensk.ru
<http://admin.smolensk.ru/vlast/podrazd/upoln/>

Уполномоченный по правам человека
в Республике Ингушетия

Кокурхаев Керим-Султан Абдул Керимович

<http://www.ingushetia.ru/news/46123710.htm>

**РОССИЙСКИЕ
ОМБУДСМАНЫ**
ombudsman.hro.org

ПОЛЕЗНЫЕ ССЫЛКИ

Центр "Стратегия". Проект "Омбудсман и права человека" <http://strategy-spb.ru/>
Официальный сайт "Уполномоченный по правам человека в РФ" <http://ombudsman.gov.ru/>
Сайт Уполномоченного по правам человека в Московской области РФ <http://www.ombudsmanmo.ru/>
Сайт Уполномоченного по правам человека в Пермской области РФ <http://uprc.perm.ru/greetings.htm>
Сайт Уполномоченного по правам человека в Свердловской области РФ <http://www.midural.ru/gov/PravaChel/Default.htm>
Уполномоченный по правам человека в Республике Татарстан http://www.tatar.ru/00002020_a.html
Уполномоченный по правам человека в Смоленской области <http://admin.smolensk.ru/vlast/podrazd/upoln/>

Уполномоченный по правам человека в Саратовской области <http://www.gov.saratov.ru/government/departments/ombudsman/>

Петербургский омбудсман <http://spb-ombudsman.narod.ru>
"Омбудсман в России" (Институт прав человека) <http://www.hrights.ru/proj5.htm>

Ева Лантовска: "Как начиналась работа уполномоченного по правам человека" (Институт прав человека) <http://www.hrights.ru/text/omb1/>

Сравнительный анализ института омбудсмана <http://school-sector.relam.ru/prava/neverov/institut.html>

The European Ombudsman <http://www.euro-ombudsman.eu.int/home/en/default.htm>

Austria. Volksanwaltschaft <http://www.volksanw.gv.at/>

Belgium. De federale ombudsman <http://www.federalombudsman.be/>

Denmark. Folketingets Ombudsmand <http://www.ombudsmanden.dk/default.asp>

Germany. Der Petitionsausschuss, Deutscher Bundestag <http://www.bundestag.de/gremien/a2/index.html>

Greece. Greek Ombudsman <http://www.synigoros.gr/>

Spain. El Defensor del Pueblo <http://www.defensordelpueblo.es/Inicio.htm>

France. Le Mediateur de la Republique <http://www.mediateur-de-la-republique.fr/>

The Ombudsman <http://ombudsman.gov.ie/Ireland>

Italy. Difensore Civico della Toscana <http://www.consiglio.regione.toscana.it/difensore/index.htm>

Luxembourg. Commission des Petitions de la Chambre des Deputes <http://www.chd.lu/ft/seances/commissions/detail.jsp?code=3&des=Commission%20des%20Petitions>

The Netherlands. De Nationale Ombudsman <http://www.nationaleombudsman.nl/>

Provedor de Justica <http://www.provedor-jus.pt/> Portugal.

Finland. Eduskunnan oikeusasiamies/Riksdagens justitieombudsmans kansli <http://www.oikeusasiamies.fi/>

Sweden. Riksdagens Ombudsman - JO <http://www.jo.se/>

United Kingdom. The Parllamentary Ombudsman -Great Britain <http://www.ombudsman.org.uk/>

Czech Republic. Verejny ochrance prav <http://www.ochrance.cz/>

Estonia. Legal Chancellor <http://www.oiguskantsler.ee/>

Országgyűlési Biztosok Hivatala <http://www.obh.hu/> Hungary.

Malta. Ombudsman <http://www.global.net.mt/ombudsman/>

Poland. Rzecznik Praw Obywatelskich <http://www.brpo.gov.pl/>

Slovak Republic. Kancelaria verejného ochrancu prav <http://www.vop.gov.sk/>

Slovenia. Varuh človekovih pravic <http://www.varuh-rs.si/>

Canada. Forum of Canadian Ombudsman http://www.ombudsmanforum.ca/menu_e.asp

Уполномоченные по правам человека в регионах России:
Мерзлякова Татьяна Георгиевна, Свердловская область; Ландо Александр Соломонович, Саратовская область;
Вислогузов Юрий Александрович, Алтайский край; Матвеев Сергей Николаевич, Пермская область;
Виноградов Владислав Владимирович, Астраханская область.

Игорь САЖИН

КАК МЫ НАБИРАЛИ ОБОРОТЫ

Интервью главного редактора «Карты» Андрея БЛИНУШОВА с Игорем САЖИНЫМ, председателем правозащитной комиссии сыктывкарского общества «Мемориал», членом комиссии по помилованию при главе администрации Республики Коми.

– Игорь, кем ты был в «прошлой жизни»? Расскажи, пожалуйста, немного о себе.

– Мне 39 лет. Я родился в семье работников гражданской авиации: отец летчик, мама кассир, а до того долгое время работала режиссером в Доме культуры моего родного Сыктывкара. Папа по национальности коми, мама – русская, из крестьян. Ее семья была репрессирована: выслана из Воронежа в 1929 году на Печору, где такие же «спецпереселенцы» из Воронежской и Сталинградской областей построили поселок – Ичитди. Впервые я узнал про репрессию, когда работал в институте геологии под началом потрясающего геолога, Бориса Исааковича Гуслицера. Он много рассказывал о своих знакомых репрессированных геологах, генетиках. Все лето после школы перед армией я провел в геологической экспедиции в ямало-ненецкой тундре. Я очень благодарен Борису Исааковичу и его коллегам за то, что они открыли мне мир свободно мыслящих людей.

– А что, геологи были свободными людьми? Говорили вслух, что думали?

– Они говорили о таких проблемах, на которые я наткнулся, только слушая радио «Свобода»...

– Ты школьником слушал радио «Свобода»?

– Да. Всем тогда это было очень интересно! И я слушал его ночью, а утром говорил маме: «Как врут! Как врут!»

– Маму успокаивал?

– Не знаю... Социально адаптироваться, наверное, хотел. Тянуло к джазу. Но больше всего меня восхищали их литературные чтения. Помню, потряс меня рассказ «Невозвращенец» – фантастика с социальным уклоном.

– С «самиздатом» тебя тоже геологи познакомили?

– Нет, это случилось позже, в университете. Первым «самиздатом» была жутко слепая копия «Мастера и Маргариты»...

А геологи очень много рассказывали о сталинских временах, о том, как арестовывали людей, их знакомых. Для них это была неуходящая боль. Помню, однажды Борис Исаакович показал мне словарь 1937 года издания: «Посмотри, что написано о генетике – лженаука». Я был поражен его рассказами! Потому что у нас в семье про это не говорили. О том, что бабушка была выслана, я узнал намного позже. Единственное, когда после пионерии и комсомола я засобирался в партию, мама сказала: «Не ходи, среди коммунистов столько мерзавцев!» Это стало для меня мощным аргументом.

– А в армии ты где служил?

– Я попал на флот, в дивизион радиоразведки и электронной борьбы. Подслушивал разговоры американских летчиков, моряков. Напрямую подчинялся КГБ. Восемь месяцев мы ходили по Индийскому океану, работая по 12 часов в день. Это была очень большая нагрузка. Причем – мы не знали английского языка, но, вызубрив огромный талмуд фраз, должны были знаками заносить услышанное в тетрадь, не вникая в смысл. Я потом посмотрел в словаре, что это были за фразы: про топливо, например. А в учебку я попал на остров Русский, который, спустя пару лет после моего увольнения, прогремел на всю страну. Известен он стал информацией о самом настоящем голоде... Я потерял килограмм 15. Дедовщина была жуткая, муштровка, нас практически не кормили. Сержанты формировали из наших же ребят, кто посильнее, такую группу «волков». Эта группа держала всех в подчинении.

– «Доверенные люди» начальства?

– Дисциплина, конечно, держалась, но какой ценой... В столовой был такой «порядок»: раздавалась команда «начать прием пищи», а через минуту «закончить прием пищи». Что успел, то съел. Если потом находили кусок хлеба, перед строем заставляли быстро съесть целую буханку... Помню, мы ходили в подсобное хозяйство воровать хлеб у свиней, прибывший из нашей же столовой...

– Что это было: такая «воспитательная тактика» или сильное воровство?

– Потом выяснилось, – воровство офицеров.

– И как вот лично тебе удалось там выжить?

– Меня, фактически, заставили воровать. Да, мерзкая школа выживания...

Сказали покрасить забор. Вопросов задавать нельзя – получишь оплеуху. Иду по воинской части: где краску взять? Иду-иду, смотрю: гора мусора, покопался – нашел початую банку краски. Там же отыскалась и кисть, лопоманная, починил, покрасил забор. Сержант похвалил. Никогда и никого не спрашивай, иди и делай, сам решай свои проблемы...

– А на флоте легче было?

– Там, во-первых, сытно было. Там уж я раздобыл... Попал я на плавающий корабль. Ходили к Африке, в Красном море...

– Ты видел там что-нибудь кроме океана?

– Да! Во Вьетнаме нас выпускали на берег. В бухте Камрань – там мы стояли 3 месяца – была потрясающая коммуна Хо Шн Мина: несчастные вьетнамцы целый день тратили на добывание пищи. Вокруг нашей базы простирался забор, «Дружба» мы его называли. В нем через равные промежутки были установлены будки, в которых с одной стороны стоял вьетнамский солдат, с другой – наш. У вьетнамского в руках старый, ржавый «калашников» с полным магазином, у наших – новенькие автоматы без единого патрона. Однажды раздались с гор выстрелы. Наши попадали на пол. Вьетнамцы повели себя странно:

Игорь Сажин

забившись в угол, строчили рожок за рожком в белый свет, высунув автоматы из будки.

– Кто же напал?

– Какие-то остатки отрядов южных вьетнамцев...

В Бомбей нас не пустили из-за ядерного оружия на борту. В Йемене отпустили на берег, и даже впервые дали деньги. В магазинах, правда, были цены запредельные.

– В Йемене тогда социализм был?

– Судя по огромному количеству лавочек – нет. Мы должны были гулять пятерками с офицером во главе. Но офицеры нас отпускали восвояси, сами убежали «по своим делам». Поразило нас полное отсутствие женщин на улице.

Когда шли мимо Сингапура, на корабле была устроена серьезная профилактика: построили всех и предупредили, что в случае побега будут стрелять. Загнали в кубрики – Сингапур мы видели только в иллюминаторы. И все время рядом с нашим кораблем вились яхты, набитые фоторепортерами: ждали, что кто-нибудь выпрыгнет. Раньше побегі случались.

Затем мы на два месяца встали на острове Сокотра, принадлежащем Йемену. В тот момент случился американо-иранский конфликт (захват посольства), была стянута огромная флотилия во главе с авианосцем «Нимитц». Тогда на нас свалилась колоссальная работа по слежению! Мы в полной тишине с отключенными – конспирация! – локаторами подошли к американской флотилии. Помню: раннее утро, огромный авианосец в окружении тучи кораблей. Я был поражен!

– Ну и как они на вас отреагировали?

– Отреагировали они очень интересно. Мы тогда «потеряли» старпома. Ситуация: капитан всю ночь работал, утром отправился спать, поручив старпому ввести корабль внутрь американской флотилии. Ну

кто же такое позволит? Что сделали американцы: один из их кораблей, аналогичный нашему по водоизмещению, обошел нас и ударил со всей силы борт о борт. Это был сильный удар, корабль заходил ходунком, осталась вмятина. На удалявшемся «американце» мы увидели хохочущих негров. Оказывается, мы не только нагло вторглись в их ряды, но еще и нарушили правило судовождения: надо было пропускать идущих справа. Прилетела комиссия, и старпома сняли... Потом еще какие-то веселые вещи были: купались, стреляли на учениях...

Затем пришли во Владивосток, стояли на Дальзаводе. Здесь кормежка была похуже, совсем не то, что на корабле. Попучил десятидневный отпуск, съездил домой. Оставался еще один год службы.

И тут я узнал, что такое – строить дачи адмиралам. Таскали гравий, цемент. Кормили хорошо. Еще для Дальзавода таскали какие-то трубы...

– А ты радиоплюбительством не увлекся на службе?

– Я к радио отношусь осторожно. Но было много приятных открытий. Помню, в Индийском океане я поразился, слушая эфир: абсолютно все заграничные летчики и моряки поздравляли друг друга с Новым годом – был сплошной вал поздравлений. У нас же так не было принято!

– И что после армии?

– Один мой знакомый собирался поступать в МГУ на юридический факультет и заразил меня этой идеей. Но когда я стал готовиться, понял, что ничего не помню. Хотя историю обожал... Для уровня МГУ, естественно, «не помню»... Тогда я пошел на «рабфак» в Сыктывкарский университет. В 1985-м поступил на первый курс исторического факультета. Это было время начала перестройки, эпоха Горбачева.

Однажды в библиотеке я прочел в газете, что предстоит 19-я партконференция и что от Коми кто-то едет. Но их никто не выбирал. Я возмутился. И подбил своих друзей-однокашников выйти на улицу. Это было потрясение для всего города. Это же было впервые!

– А демократы в городе уже были?

– Было что-то... Но никто не выходил на улицу. И контактов у нас с ними не было.

Мы пытались получить у администрации города разрешение на свою акцию, но там состряпали некое постановление (причем выдали нам его неподписанным и с датой следующего дня), по которому нам следовало бы подавать вновь заявление. Но у нас же уже все было готово! И люди – вышли на улицу! Пришла пресса, телевидение. И мы всем показали, как нас «волокнули» с разрешением. Прошли мы через весь центр города, с призывами к чести-совести и т.п. Наше шествие обрастало новыми людьми!

– А где же представитель «органов»?

– Было. Перед митингом мы решили посоветоваться с преподавателями, которым доверяли. Незабвенный историк наш, Цой-Ун-Ен, убедил нас, что просто пройти – мало. Я так с ним спорил! Кричал: главное – выйти.

Но он говорил: ну выйдете и дальше что? Я так ему благодарен! Мы заранее составили требования из десяти пунктов, потом на площади их зачитали. Вообще мы тогда хорошо подготовились...

Перед самым митингом нас вызвали в деканат. Сидит кагэбэшник:

– Будете проводить?

– Будем.

– Подпишите бумагу о вашей ответственности за всё, что произойдет на вашей акции: ограбления, например.

Представляешь? Я ждал подвоха и отказался подписать. Тогда началась такая кутерьма! Они вызывали нас, организаторов, по одному, убеждали все отменить, но ничего не добились.

И вот сам митинг на площади. Мы в мегафон зачитали наши требования. Потом стали подниматься и выступать еще какие-то люди. И вдруг выходят представители райкома КПСС: ну тогда создавайте рабочую группу. И мы тут же объявили всем присутствовавшим: создаем группу. Народ активно участвовал – собрали человек 5-6, из разных слоев. Райкомовцы тогда пригласили нас побеседовать. Их «беседы» были интересными, как разговор немого с глухим: они пытались убедить нас в том, что мы взяли не за свое дело, что это не в нашей компетенции. На этом наше «сотрудничество» кончилось. Никаких демократических перемен не произошло.

Сейчас, вспоминая то время, я понимаю, что успех нашего предприятия обеспечили люди, собравшиеся вокруг нас. Я, конечно, громко кричал в рупор, призывал, «речи толкал», брал ответственность на себя и все такое... А потом ко мне пошли рекой люди: какие-то бабушки с жалобами на РЗУ и т.д. Я, кстати, тогда испугался, ведь мы не этого хотели!

– А что написала про вас пресса? Что вы – «банда террористов»?

– Нет. Все три газеты поместили идентичные, под копирку написанные статьи, довольно нейтральные: «группа студентов вышла с поддержкой 19-й партийной конференции».

– Ваша группа не распалась? Что вы дальше стали делать?

– В городе в тот момент начали строить фабрику жуткую – мы собирали подписи против строительства...

– Когда у вас «Мемориал» появился?

– В 1989 году. Тогда же была история с Револьтом Ивановичем Пименовым, основателем нашего «Мемориала»: его наша администрация не пускала на телевидение, на передачу «Молодежный канал». Тогда нынешний председатель «Мемориала», Михаил Борисович Рогачев, сказал в прямом эфире, что не станет участвовать в передаче, где нет Пименова. И редакция бросила вызов. Зрителям объявили: из-за запрета пригласить Пименова все 10 минут, которые должна была бы идти передача, экран будет черным! Мы с ребятами вышли на улицу с пикетами в поддержку «Молодежного канала», с требованиями восстановить передачу. Но мы не уведомили власти о своих акциях. И вот после ликетов нас, меня и Игоря Михайлова, вызвали в прокуратуру: заводим на вас дело об административном правонарушении. Об этом узнала вся наша студенческая тусовка, родилась идея: устроить забастовку, перекрыть весь университет. Я к этому не был причастен.

– Ребята только с вашего, исторического, факультета были или с других тоже?

– С разных факультетов. И с разных курсов. Расклеили повсюду объявления о том, что университет будет перекрыт и никто не сможет ни войти, ни выйти. Прибежала налуганная – тогда они еще боялись – прокуратура и предложила встретиться со студентами. Собрались в спортзале в общежитии – огромная куча людей. И два работника прокуратуры. Два наших преподавателя, упомянутый уже Цой-Ун-Ен и Ильин, поклонники боевых искусств, начинают рассказывать об айкидо. Ребята ждут: что дальше будет? Прокураторщики надеялись, что толпа послушает-послушает да и разойдется. Но нет: вдруг один из студентов выступил вперед и потребовал, наконец, разговора с прокуратурой. Преподаватели умолкли. Пришлось работникам прокуратуры выйти вперед. Что тут началось! Их просто по «стенке размазали!» На них кричали: «Как негров в ЮАР бьют, вы разрешаете показывать, а как нашу какую проблему надо решить – нет!» И т.п. Вечером этого же дня нас пригласили в прокуратуру: судебного разбирательства не будет, т.к. вы впервые нарушили, выносим вам административное предупреждение. На этом история кончилась.

– Игорь, расскажи, пожалуйста, о своем хобби.

– О, я очень увлекающийся человек. Я много играл в студенческом театре. Лариса Ивановна Шепитько ставила с нами спектакли. Играл пьяницу в «Прощании с Матерой», сумасшедшего летчика в спектакле про Хиросимую...

После моей геологической экспедиции я страстно увлекся археологией. Потому что это была единственная не политизированная дисциплина на нашем факультете. И люди ею занимались нормальные, не политизированные. Мне с ними очень хорошо было. Все летние месяцы я пропадал на раскопках, появляясь на занятиях иной раз к октябрю. Работали мы в Коми. У меня даже есть несколько археологических открытий.

– Вот как? И что вы копали?

– Да все копали – средневековые и позднее. Одно лето работали на Соловках. Так называемая архитектурная археология: это когда выкапывается здание, например XV–XVII веков. Обмеряли известную Филиппову пустынь, вели раскопки монастырского гончарного завода... А диплом-то у меня был по мезолиту. В то время я был комсоргом всего факультета и «прославился» такой выходкой. На одном собрании спрашиваю ребят: давайте, высказывайтесь, кто что хочет делать – перестройка же идет! Все сидят, молчат, ждут конца собрания. Тогда я достал свой комсомольский билет, положил на стол со словами: «Мне не нужна такая организация, где никто ничего делать не хочет». И ушел...

В то время я работал еще на четырех работах: сторожем, дворником, по выходным – в варьете, я там занавес открывал, и в университете у археологов, в фотолаборатории. В эту-то каморочку, фотолабораторию, я и забился после своего ухода с собрания. Сидел, думал... Ребята мне потом рассказали, что случилось: несколько человек поступили точно, как я – швырнули свои билеты. Но и только! Остальные разошлись тихо-мирно. Приезжал корреспондент из «Комсомольской правды». Я думал: начнутся санкции. Поразительно, но ничего не было. Тишина. И я понял, что никому уже ничего не нужно было от этого комсомола...

– То есть никакого жесткого идеологического прессинга не было?

– Здесь вот еще какой нюанс. В бытность мою комсоргом я старался поднимать ребят, призывать, дела делать. То у нас свой стройотряд, то скандальная газета, где студенты ставят оценки преподавателям, еще и еще что-то интересное... Нет, прессинга не было. Видимо, это были такие счастливые времена – перестройка, – когда можно было проявлять инициативу, совершать поступки...

– Как я понял, ко времени окончания университета ты был в гуще «революционной деятельности»?

– Она тогда стихла сама собой по одной простой причине: я уехал из города. После четвертого курса нужно было проходить педагогическую практику, и я направился в родную деревню моей мамы, на Печору. Ичитди уже исчезла, а всех ичитдинцев переселили в поселок Дутово. Там и отработал лето, учителем. Мне там так понравилось! А историка в местной школе не было, вот я и попросился поработать преддипломное полугодие в этой школе. Декан разрешил.

– Почему ты так решил? Потянуло в школу?

– Я идеалист. Хотелось подвигов: поработать в тяжелых условиях. Дети вокруг меня вились, хорошая компания сложилась. После защиты диплома вернулся в эту деревню в школу еще на три года. Хотя распределений уже не было, сам уехал. Как говорил мой друг: в народ пошел.

– Где эта деревня?

– Ох, далеко! Доехать туда можно автобусами через Ухту часов за 12. Сыктывкар стоит на Сысоле, а деревня эта на берегу Печоры. Там – тайга, красота! Рядом с деревней проходила целая сеть газопроводов – «Сияние Севера», «Дружба».

– А в деревне газ был?

– Нет. Кстати, он там совсем недавно появился... С ребятами мы создали краеведческий музей деревни. Занимались археологическими раскопками, собирали воспоминания, этнографию, устраивали конкурсы. Я увлекся историей деревни Ичитди, залез глубоко в архивы. Решил книгу написать. И вот тогда я «вляпался» в «Мемориал»...

– Занимаясь краеведением?

– Да. Очень много материалов перекопал, участвовал в мемориальных конференциях. Потом сам стал проводить конференции со школьниками – там, в селе. Это с девяностого по девяносто третий. А в городе в тот момент самый пик был «Мемориала». И я каждый год возил детей в экспедиции.

– Какие экспедиции?

– На плотках, на лодках. Потрясающие были походы!

– По Печоре?

– Да, по Печоре, по притокам. И за Урал ходили. Через хребет переваливали. Вдоль газопровода «Сияние Севера», в верховья Щугора. Щугор течет по Приполярному и Северному Уралу. Там заповедники... За Урал шли пешком недели полторы... Кайф был колоссальный... А все остальные экспедиции у меня были археологические, разведывательные.

– И что на это говорили родители ребят?

– Родители в восторге были: на целое лето детей забираю и только с ними и вожусь!

– Как ты познакомился с Револьтом Пименовым?

– Я тогда был еще студентом. На пятом курсе слушал его лекции по истории Октябрьской революции. В университете ему давали зал для публичных чтений. Зал набивался полный, приходили люди со всего города. Потрясающие лекции! В Академии наук Пименов возглавлял отдел физики-математики... Сейчас издали эти лекции в двух книжках, одна из них называется «История современной власти». А тогда мы это слушали, конспектировали. Помню, пропустили несколько лекций, пришли к Револьту Ивановичу домой. Он нам давал слушать записи – на магнитофонные бобины лекции записывались для расшифровки. Для нас это были откровения невероятные! Он рассказывал про большевистские течения, про оппозицию, про то, как вела себя власть... На многое открыл глаза! Это было первое общение с «Мемориалом». Потом академик Андрей Дмитриевич Сахаров привезжал. Мы ходили «на Свхарова». Но так его и не увидели, потому что была огромная толпа, забившая весь «Культпросвет» и все подступы к нему... А потом я познакомился с Михаилом Борисовичем (М.Б. Рогович, председатель сыктывкарского общества «Мемориал» – прим. ред.). Он мне много помогал – советами, информацией, где какие архивы можно посмотреть.

Потом у меня случился крутой поворот в жизни: я решил жениться.

– Там, в селе?

– Да, но на девушке из города. Я в течение восьми лет занимался боевыми искусствами, ушу.

– С девушкой?

– Девушка моя – тоже ушуистка (смеется). И мы уехали к ней на родину – в Краснодарский край, в Ейск. Знаешь, и тут я понял, что такое – социальное неравенство, что оно существует в реальной жизни. У жены семья весьма богатая была... Жена молодец, она меня понимала. Только вот в чем дело: она окончила экономический и, работая бухгалтером, получала намного больше меня. А я – школьный учитель. Опять занялся краеведением – у меня детки стали исследовать историю Ейска. И еще поступил работать в музей. Но все равно, это были мизерные деньги, копейки. И те задерживали. В общем, курортный город, всего, кажется, в достатке, квартира отдельная, машина. Но... Я сбежал.

– Не «встретился»?

– Нет. Наверное, можно было. Я сам виноват... Я был старше на семь лет. Надо было искать компромиссы. Но мне все время хотелось самовыразиться. А меня все время мордочкой тыкали: деньги надо зарабатывать! А я-то мечтал, «выпучив глаза», когда в университете учился: вот, буду учителем... А на учительские деньги семью не прокормишь... Ведь все наши учителя чем-то еще занимались: столлярничали, держали скот. В селах. В городах же почти все учителя – женщины. Если мужчины, то – военные в отставке, имеющие пенсию...

В общем, сбежал я с юга. Не в Дутово – стыдно было, – вся наша история на глазах села разворачивалась... Приехал в Сыктывкар. Устроился учителем в школу. Тогда и в «Мемориал» пришел. С репрессированными стал работать. Это был 1996-й год. Через некоторое время ко мне пришли из лицея народной дипломатии: «Не хотите ли у нас поработать?»

– *Частный лицей?*

– Нет, государственный, инновационное заведение. Перетасили меня туда, за что я им очень благодарен. Народная дипломатия – тогда это модно было: Саманта Смит, Катя Лычева, дети ездили за границу, к нам приезжали дети из Америки, из Германии. Кстати, лицей этот у нас до сих пор существует...

Сталя преподавать в лицее. И вот в один прекрасный момент были созданы комиссии по правам человека при губернаторах. И тут же «Мемориал» предложил: создавайте альтернативные общественные комиссии по правам человека. Револют Иванович к тому времени уже умер. Собрались: Михаил Борисович (Рогачев – прим. ред.), Морозов Николай Алексеевич, еще несколько человек. Будем, дескать, создавать комиссию. «А кто же ее возглавит?» И смотрят на меня. Я говорю: «Предлагаю, чтобы я возглавил». – «Вот и хорошо». Так и началась моя деятельность в правозащитной комиссии. Я сразу стал размышлять, какие направления выбрать. Подумал, что стратегически правильно – создать общественную приемную. Сразу нашел парня-юриста, который, кстати, до сих пор, уже сколько лет у нас юристом работает, причем – волонтером.

– *Он еще где-то работает?*

– Да, в разных структурах.

– *Молодец какой!*

– Да, он потрясающий, наш Витя Торопов. Так вот, юрист начал вести прием граждан. Потом пришло предложение от Московской Хельсинкской Группы: начинается подготовка региональных докладов по правам человека. Я подумал: а что? Вот в приемной мы собираем факты, почему бы их не использовать в докладе? Нам прислали свои рекомендации, содержательные, очень интересные. И мы составили первый доклад, за 1996 год.

Так сложились два направления: общественная приемная и мониторинг ситуации с правами человека в Коми. Я УПК изучил, в суды ходил... Поначалу судьи пялились на меня: это кто еще приперся?..

– *И что, сложился какой-то коллектив?*

– Актив у нас сложился крепкий. Комиссию мы избрали. Николай Алексеевич Морозов туда вошел, еще несколько человек... В эту же общественную правозащитную комиссию была включена одна девушка, из «Мемориала», из Укты. Она заканчивала исторический и юридический факультеты одновременно. Леиа, моя будущая жена. Поразительно, но тогда о существовании правозащитного движения в стране мы почти не знали.

– *Контактов не было?*

– Сильных – нет. Правда, однажды к нам вдруг приехали все представители правления «Мемориала», и началось...

– *А литература? Что-то ведь к вам попадало?*

– Почти нет.

– *Учились на практике, значит? А какие у вас были основные дела? Реабилитация?*

– Реабилитацией жертв политических репрессий занимался Михаил Борисович Рогачев. К нам люди валом шли. Чем мы только не занимались: очереди на квартиры, дела жилищно-хозяйственного плана. Помню даже битву между собственниками за шляпный магазин...

Мы всем помогли. Помню, пришла балерина: уволили с работы, из музыкального театра... Письма нам стали присылать. С зоны. Тут мы испугались, был шок, потому что никогда зоной не занимались. Потом пошли студенты. Михаил Борисович пригласил одну студентку, Юлю Белецкую, она стала в общественной приемной работать. Потом Тименчик (Михаил Тименчик – сотрудник Российско-американской проектной группы по правам человека, ныне – директор фонда «Точка опоры» – прим. ред.) объявил конкурс на стипендии студентам, работающим в общественных приемных. Мы выиграли в том конкурсе! Это была большая поддержка для нас.

Так мы работали несколько лет. Два года отсылали в МХГ доклады. На третий год они говорят: нашли для вас деньги – две зарплаты и на канцелярские расходы, – делайте серьезный мониторинг. Дали материалы – учитесь, как его делать. Тогда я впервые попал на обучение в Польшу.

– *В Летнюю школу по правам человека?*

– Нет, МХГ проводила совместно с Варшавским Хельсинкским фондом специальное обучение по мониторингу. Вот там поляки нам впервые объяснили, что такое права человека. Я вдруг понял, что очень многие вещи, которыми я занимался, к правам человека не имеют никакого отношения. Я был...

– *... удивлен?*

– Еще бы! Сейчас смотрю на свои первые доклады: елки-палки... А потом все «пошло-покатилось», набрало обороты. Часть людей от нас ушла. Работа в приемной – кропотливый труд, не всем понравилось.

– *Началась профессионализация?*

– В известном смысле. Профиль нашей работы в общественной приемной жестко не определен, но мы много стали заниматься уголовными делами. Гражданские дела брали все реже, ограничивались консультациями.

Например, дело: парень ни за что просидел в СИЗО, потерял там здоровье (30 % зрения), потом его оправдали. Он обратился в суд за компенсацией, суд его «отфутболил». Мы помогли ему с иском...

Потом был первый специализированный мониторинг по выборам. Эффект был в республике ошутимый. Например, нас Наташа Таубина (Н. Таубина – директор фонда «За гражданское общество» – прим. ред.) активно поддерживала.

На Летней школе по правам человека, которую в Варшаве организует Хельсинкский фонд по правам человека, я понял: просветительские программы и тренерская школа МХГ – это наше третье серьезное направление в работе. При этом замечу, что мой основной заработок был – в средней школе, в моем лицее. Я продолжаю каждое лето таскать детей в походы...

– *Игорь, ты до сих пор работаешь в лицее?*

– К сожалению, после того как я стал активно вести тренинги по правам человека, времени на школу не хватает... К моему огромному сожалению...

Москва

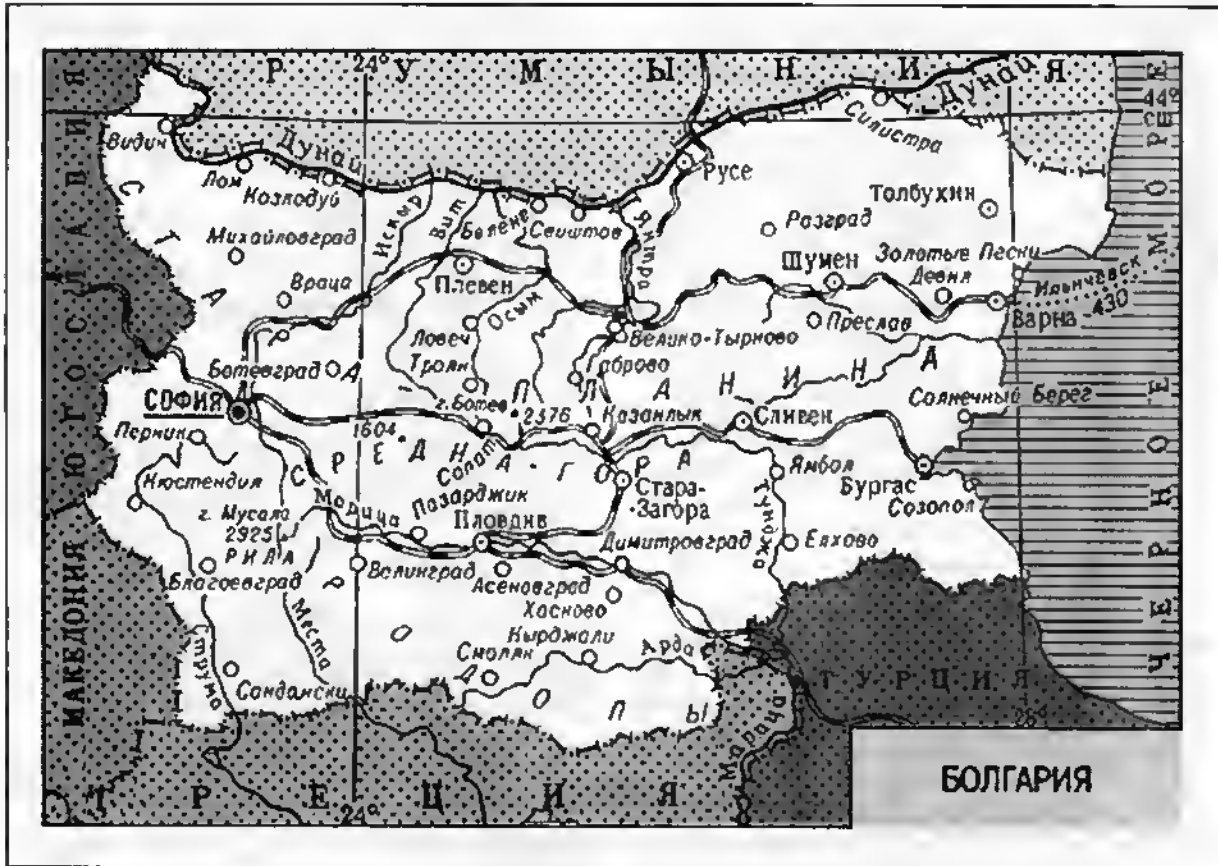
Впервые опубликовано:

Интернет-портал «Права человека в России»

(<http://www.hro.org>)

БЪЛГАРИЯ

Герб Болгарии.

БОЛГАРИЯ, Республика Болгария, государство в Восточной Европе. Болгария расположена в восточной части Балканского полуострова. Граничит на севере с Румынией – вдоль Дуная, на юге – с Грецией и Турцией, на западе – с Югославией и Македонией. На востоке омывается Черным морем (протяженность береговой линии 378 км). Столица и крупнейший город Болгарии – София с населением 1,114 млн. человек (декабрь 1995).

Поскольку страна бедна топливно-энергетическими ресурсами, она вынуждена широко импортировать нефть, газ и уголь.

В Болгарии насчитывается более 600 природных минеральных источников, имеющих целебные свойства, с температурой воды от 8° до 100°С.

В 1976 году доля городского населения составляла 59%, в 1996 она достигла 70%.

Подавляющее большинство населения составляют болгары (85,67%), включая небольшой процент «македонцев», которые официально считаются этническими болгарями. Самое крупное национальное меньшинство – турки – насчитывают, по данным переписи 1992 года, 800 тыс. человек или 9,43% всего населения.

Денежная единица Болгарии – лев. В апреле 2003 года курс лева по отношению к российскому рублю составлял 17, 21 рубля за 1 лев. Официальный курс доллара – 0,561 доллара за 1 лев.

КУРОРТНАЯ ЗОНА

От редакции:

Журнал «Карта» продолжает публиковать материалы о странах и народах, «блелевших» в XX веке тоталитаризмом. Этим мы вовсе не уходим от сегодняшних «горячих» правозащитных проблем, которым несть числа, просто, чем больше погружаешься в какую-либо проблему, тем отчетливее понимаешь, что вне исторического контекста, в тесных рамках ежедневности факты не имеют самостоятельной значимости. Лишь обобщая их в течение долгого времени, можно увидеть общественные процессы ясно, без предубеждения и пристрастия. «Большое видится на расстоянии...» Изучив возникновение, развитие и последствия тоталитаризма в таких непохожих друг на друга государствах, как, например, Вьетнам (см. предыдущий номер «Карты») и Болгария, можно получить достаточное представление об этом явлении, собрать как бы «фоторобот» из описаний свидетелей. Именно поэтому структура наших «исторических блоков» — мозаичная, состоящая из воспоминаний, фрагментов литературных произведений, официальных документов, исторических очерков, биографий. Хотелось бы уйти от назидательности и черно-белых характеристик, ведь жертвами тоталитаризма, в конце концов, стали и те, кто инстинктивно сопротивлялся с самого начала, и те, кто сознательно прокладывал в него дорогу «благими пожеланиями». Монархисты и демократы, консерваторы и революционеры — у всех был один общий знаменатель: колючая проволока и палач, у которого нет идей, нет оправданий, нет национальности. Миллионы людей в разных странах позволили палачу казнить: сначала «плохих и неправильных», с их точки зрения, ну а потом точка зрения менялась... Богатые обижают бедных, глупые портят жизнь умным, второсортные нации мешают первосортным, — ну мало ли у людей причин для раздражения!

Как будто беда одних может исчезнуть оттого, что появится беда у других. Насилие приводит только к насилию. Да, это — прописная истина, но снова и снова у кого-нибудь возникает соблазн поверить, что на этот раз все закончится хорошо, что немного крови не повредит, что еще одна казнь во имя общих интересов — и все...

И — все. Побеждает палач, который не решает проблемы, потому что умеет только пытать и убивать. Тоталитаризм — это время палача, которого люди лозвали сами.

Вряд ли первой ассоциацией со словом «Болгария» окажется лагерь и политические заключенные, скорее вспомнятся приветливые братья-славяне, красивые пляжи, фрукты-овощи — не страна, а сплошной курорт. Вот в Рязани, например, есть гостиница с названием «Ловеч», и никто не знает, что в городе-побратиме Ловече располагался один из самых страшных лагерей.

У Болгарии исторически сложившиеся дружеские отношения с Россией, не раз выручавшей «православную сестру» в исторических передрыгах, но зато и наградившей ее «по дружбе» коммунистическими идеями так, что эта прекрасная страна сполна почувствовала все прелести тоталитаризма. Во многом он проявился мягче, чем в России или Китае, только не стоит это говорить тем, кто прошел через Ловеч или Белене, тому, чьи родные и близкие остались там навсегда. Ведь зона есть зона, где бы она ни находилась.

Я — МАЛЕНЬКИЙ БОЛГАРИН*

Краткий очерк политической истории Болгарии за последние полтора века

Дорога свободы

Болгария — одно из самых древних государств континента (основано в 681 году) — в середине XIV века становится частью Османской империи. После полувекового сопротивления маленькая страна, не поддержанная Европой, на пять столетий потеряла национальную независимость. Политика ассимиляции султанатской Турции с самого начала приняла формы геноцида. Болгарский народ находился на грани демографического коллапса.

Национально-освободительное движение в Болгарии усилилось после Крымской войны (1853 — 1856 гг.). Основоположник и вождь национально-освободительного движения Болгарии Георгий Раковский приступил к сплочению революционных сил, возлагая основные надежды на вооруженную борьбу отрядов доб-

Воеводы Стефан Караджа и Видул Странский. 1868 г. фото А. Карастоянова.

* Строка из хрестоматийного стихотворения классика болгарской литературы Ивана Вазова (1850 — 1921).

...Необходимо, наконец, обратить внимание европейских правительств на один факт, столь незначительный, что они, судя по всему, как бы его и не замечают. Вот этот факт: уничтожается целый народ. Где? В Европе. Есть ли свидетели? Только один: весь мир. Правительства видят его? Нет.

...Совсем рядом с нами, у нас на глазах, идет резня, жгут, грабят, истребляют людей, перерезают горло отцам и матерям, продают девочек и мальчиков; детей, которые слишком малы, чтобы быть проданными, разрубают надвое ударом сабли; сжигают целые семьи в их собственных домах; только в одном городе — Балаке за несколько часов из девятысяч жителей осталось тысяча триста; на кладбищах скопилось больше трупов, чем вообще возможно похоронить... Мы ставим в известность правительства Европы, что беременным женщинам вспарывают живаты, чтобы уничтожить детей еще в утробе, что на площадях лежат горы истлевших женских трупов со вспоротыми животами, что на улицах собаки гложут черепа изнасилованных девушек, что все это заставляет содрогаться, и нужен только один жест европейских правительств, чтобы остановить это, и что дикари, которые совершают сии злодеяния, страшны, а цивилизованные люди, допускающие, чтобы они совершались, внушают ужас...

Пришло время поднять наши голоса в защиту. Бывают часы, когда человеческая совесть берет слово и приказывает правительствам слушать ее...

Когда придет конец мукам этого героического маленького народа?

Настало время, чтобы цивилизация торжественно положила этому конец...

Заменим проблемы политики проблемой человечности.

Все будущее в этом...

Виктор Гюго
французский писатель. 1876 г.

Константин Маковский.
Болгарские мученицы. 1878 г.

ровольцев, организованных за пределами страны. Но эта тактика не привела к желаемым результатам. Новый период в национально-освободительном движении связан с именами Васила Левского (1837 — 1873 гг.), Любена Каравелова (1834 — 1879 гг.) и Христо Ботева (1849 — 1876 гг.). В течение семи лет Васил Левский создавал сеть революционных комитетов по всей стране, готовя всеобщее восстание. В 1873 г. Левский был пойман турками и повешен. Однако подготовка к восстанию продолжалась. В 1876 г. в стране вспыхнуло Апрельское восстание, которое было зверски подавлено. Беспчинства властей вызвали возмущение европейской общественности. В Константинополе была созвана международная конференция (1876 — 1877 гг.) с целью заставить Турцию пойти на уступки, но усилия дипломатов оказались бесплодными. В апреле 1877 года Россия объявила войну Османской империи. Вместе с русскими войсками в ней участвовали дружины болгарских ополченцев, а болгарское население оказывало поддержку русской армии. После года тяжелых боев 3 марта 1878 года был подписан Сан-Стефанский мирный договор. Болгария получила свою независимость. Так были заложены основы Третьего болгарского государства.

Новый век Болгария встретила будучи уже совершенно другой страной, нежели после Освобождения. Пыл дискуссий между либералами и консерваторами поутих, партии перенесли свою борьбу в кабинеты приближенных князя Фердинанда. Русофобы одержали победу над русофилами, сторонники диктатуры — над сторонниками демократии. Фердинанд I установил «личный режим», державшийся на страхе и коррупции.

Зависимость Болгарии от иностранного капитала была столь высока, что ни одно правительство страны не рисковало идти дальше незначительных изменений в этой сфере; Запад же не менял своего отношения к экономически зависимым странам. К началу XX в. в Болгарии число партий значительно увеличилось, но политиков, способных реально противостоять произволу князя Фердинанда I, не осталось. Кроме того, люди устали от политических бурь первых лет после Освобождения; всем хотелось стабильности и спокойствия. Реальным влиянием пользовались лишь те партии, которым оказывал поддержку монарх.

Болгарская демократия стала управляемой. В экономике серьезных изменений также не происходило. Но до стабильности и спокойствия было очень далеко...

Берлинским мирным трактатом Болгарии предоставлялся статус протектората Османской империи. Хотя в реальности страна самостоятельно вела внешнюю политику и давно уже ни в чем не подчинялась Стамбулу, статус зависимого государства ущемлял национальное самолюбие болгар. О независимости как о реальной возможности начали говорить после 11 июля 1908 г., когда в Османской империи произошел переворот и к власти пришло правительство младотурок. 30 августа 1908 г. Болгария недвусмысленно показала, чего хочет добиться в ближайшее время: болгарский посол в Стамбуле Иван Гешов не пришел на празднование дня рождения султана. Вскоре после этого он был отозван из Турции. В ответ Османская империя отозвала из Софии своего посла. Балканы вновь оправдали звание «порохового погреба Европы». Вопрос о независимости Болгарии оказался в центре внимания великих держав: ведь пересмотр Берлинского договора был в интересах не только Софии, а создавать прецедент не хотелось никому. Если же говорить конкретно, то Австрия готовилась к аннексии Боснии и Герцеговины. В сентябре 1908 г. в Софии состоялось несколько секретных встреч Фердинанда I с австрийским императором Францем-Иосифом. На них венский монарх пообещал болгарскому князю лояльность Тройственного союза при провозглашении независимости Болгарии. 22 сентября 1908 г. в тырновской церкви Святых сорока мучеников

состоялась торжественная церемония провозглашения нового государства – Царства Болгарии. Однако для обретения независимости по международным правовым нормам требовалось не только ее провозглашение, но и признание Турцией. Высокая Порта согласилась сделать это, но при условии, что Болгария оплатит свою независимость. Требуемая сумма оказалась слишком большой, и правительство Александра Малинова отказалось ее выплатить. В затруднительной ситуации пришла на помощь Россия, которая простила Турции часть ее долгов, соответствующую требуемой сумме.

9 января 1909 г. Болгария была официально признана независимым государством.

«Пороховой погреб»

Берлинский конгресс оставил все балканские государства недовольными: Турция мечтала восстановить былое величие, Болгария, Греция и Сербия желали захватить стратегически важную Македонию, находящуюся в центре полуострова. Однако несмотря на противоречия, балканские государства видели главного врага в Турции, союзнике Германии.

Поодиночке воевать с гигантской империей было невозможно: это доказывал опыт Сербии в 1876 г. и Греции в 1897 г. Поэтому в начале XX в. не без влияния тайной дипломатии стран Антанты был создан Балканский союз в составе Болгарии, Сербии, Греции и Черногории. На Балканах была в избытке рабочая сила, а значит, и солдаты, но экономически эти страны самостоятельны не были и даже использовать свой военный потенциал без иностранной финансовой помощи не могли. Кроме того, Союз был раздроблен, и в экстренном случае можно было сыграть на противоречиях между его членами. Конечно, этими противоречиями мог воспользоваться и противник...

В 1912 г. Балканский союз был юридически оформлен соответствующими международными договорами, а армии входивших в него стран перевооружены и усилены.

В августе 1912 г. начались боевые действия на границе Турции и Черногории. Расчет черногорского монарха Николы был прост: он хотел сделать свое крошечное государство мучеником и настроить мировое общественное мнение против турок. В сложных природных условиях Черногории можно было долго держать оборону, а человеческие жертвы короля мало интересовали.

17 сентября 1912 г. в Болгарии, Сербии и Греции одновременно началась мобилизация, а 5 октября войска Балканского союза перешли турецкую границу. Формальным поводом для начала войны стало угнетение славянского и христианского населения Македонии.

С самого начала турецкие войска, деморализованные, плохо обученные и вооруженные, стали терпеть поражения. В Македонии болгарские, сербские и греческие солдаты при поддержке дружин ВМРО наголову разбили турецкие части. Город Эдирне, считавшийся неприступным, был осажден. К концу октября османская армия отошла к последней оборонительной линии, защищающей непосредственно Стамбул. Болгарские войска уже стояли в 40 километрах от турецкой столицы.

17 мая 1913 г. в Лондоне был подписан мирный договор. Турция отказывалась от всех своих владений в Европе, кроме Восточной Фракии. Болгария получала выход к Эгейскому морю, Эдирне и большую часть Македонии, Сербия – Северную Македонию, Греция – Эпир, Фессалию, Южную Македонию и некоторые острова в Эгейском море. На восточном берегу Адриатического моря появилась независимая Албания. С последними остатками величия Османской империи было покончено.

Первая Конституция Болгарии.

Князь Фердинанд с супругой.

Борис III, цeрь Болгарии.

Расстрел мятежников-республиканцев, 1918 г.

Виктор СЕРЖ
**От революции
 к тоталитаризму**
 Мемуары революционера

... После ряда абортс Болгария снова была беременна революцией.

Я слышал, как с кремлевской трибуны импозантный парламентарий Коларов и худой, заросший до самых глаз бородой Кабакчиев с гордостью говорили о своей партии, единственной социалистической партии в Европе, верной, как и большевики, теоретическим принципам. Они называли сами себя «тесняками» в противовес расплывчатым оппортунистам всех стран. Они утверждали, что уже захватили бы власть, если бы исполком не опасался международных осложнений; теперь для этого нужно подождать, пока крестьянская партия Стамболийского исчерпает доверие сельских масс, которые затем повернутся к ним... Однако в июне 1923 г. профессор Цанков, при поддержке военного союза, совершил переворот. Толстый Стамболийский, гигант с курчавой головой, застигнутый в своем загородном доме, был, как животное, убит с примитивной жестокостью. Мощная компартия Коларова, Кабакчиева, Димитрова соблюдала нейтралитет, оправдываемый доведенной до абсурда верностью теоретическим принципам: «Рабочая партия не поддерживает мелкую сельскую буржуазию против крупной реакционной буржуазии»...

Тотчас же подвергнутые преследованиям, ее лидеры признали в Москве свою ошибку и пообещали исправить ее. Слишком поздно. Когда в сентябре коммунисты взяли за оружие, ослабленные и растерянные крестьяне практически не поддерживали их...

Я был в Вене, когда в апреле 1925 г. царь Борис, которого мы называли «убийцей болгар», чудом избежал покушения. 15 апреля генерал Коста Георгиев пал от пуль террориста, 17-го все правительство собралось на его похороны в софийском соборе Семи Святых, когда адская машина обрушила один из хуполов. Из-под обломков извлекли сто двадцать убитых, среди которых три депутата, тринадцать генералов, восемь полковников, восемь высокопоставленных чинов. По странной случайности правительство и царская се-

большие людские потери и огромный экономический ущерб, которые Болгария получила в результате Балканских войн, помешали ее участию в Первой мировой войне на начальном этапе, но в 1914 – 1915 гг. велось активное восстановление вооруженных сил. Страна готовилась к новой войне.

6 сентября 1915 г. Болгария подписала союзный договор с Германией. 17 сентября царь принял лидеров оппозиционных партий, которые попытались убедить Фердинанда сохранить нейтралитет, но эта попытка оказалась безуспешной. Вскоре были разорваны дипломатические отношения Болгарии со странами Антанты.

1 октября 1915 г. Болгария объявила войну Сербии. В армию было мобилизовано около 800 тысяч человек.

За месяц болгарским войскам удалось выбить сербов из Македонии. После высадки в районе Салоник войск Антанты (в том числе и русских) началась рутинная позиционная война, не сопровождавшаяся особыми потерями, но, тем не менее, разлагавшая армии противников. Известно, что именно на Салоникском фронте произошли первые в истории той войны братания с неприятелем (правда, это касалось лишь русских и болгарских войск). 21 сентября 1918 г., после прорыва войсками Антанты линии фронта, в болгарской армии начался мятеж под руководством некоего Райко Даскалова, члена Болгарского Земледельческого Народного Союза (БЗНС). Он провозгласил Болгарию республикой и повел революционеров на Софию.

30 сентября верные царю части разгромили мятежников на подступах к столице, но дни правления Фердинанда I были уже сочтены. Проигрыш в Межсоюзнической войне и уже очевидное поражение в Первой мировой сделали свое дело.

4 октября 1918 г., после торжественной литургии в софийской церкви Святого Воскресения, на голову 24-летнего генерал-майора, князя Тырновского, герцога Саксонского Бориса-Клементина-Роберта-Марии-Пия-Станислава Саксен-Кобург-Готского была возложена корона, и он стал Борисом III, царем болгар.

Восстановление и разрушение

Выход Болгарии из Первой мировой войны открыл новую эру в истории страны. Изнуренный тремя дорогостоящими войнами и деморализованный двумя военными поражениями за пять лет, народ отвернулся от буржуазных партий, которые определяли политику страны с 1878 г. Александр Стамболийский возглавил массовое крестьянское движение. Парламентские выборы принесли БЗНС Стамболийского и Болгарской рабочей социал-демократической партии «тесняков» большинство голосов, а сам Стамболийский стал премьер-министром страны. Он подписал договор с Антантой, согласно которому Болгария лишилась Западной Фракии, т.е. выхода к Эгейскому морю. Эту территорию Антанта передала Греции. В то же время ряд западных пограничных районов Болгария уступила Югославии. Кроме того, Болгария должна была выплатить астрономическую сумму репараций и сократить численность вооруженных сил до 33 тыс. человек.

Политика соблюдения условий договора с Антантой, восстановление отношений с Югославией и другими соседними странами, участие в Балканском союзе, ориентация на страны Запада и Лигу наций, удовлетворение требований крестьян за счет буржуазии, предпочтение республиканской формы правления добавили Стамболийскому массу врагов. Среди них самыми многочисленными были беженцы из районов, отошедших от Болгарии после 1913 г. Таких людей в общей сложности набралось до полумиллиона, и они оказались тяжким бременем для бедной аграрной страны с населением в 6 млн. человек. Беженцы настоятельно требовали проведения политики, которая способствова-

ла бы возвращению им земель и домов, а также воссоединению семей. В июне 1923 года правительство Стамболийского после нескольких дней кровопролитной борьбы было свергнуто сторонниками возврата утраченных македонских земель – Внутренней македонской революционной организацией (ВМРО) и Союзом офицеров, монархистов и националистов. Сам Стамболийский был зверски убит. В сентябре 1923 вспыхнуло восстание коммунистов, стремившихся создать единый фронт с БЗНС. Оно было подавлено, а Коммунистическая партия объявлена вне закона.

С 1923 по 1931 год правительства Болгарии формировались союзом буржуазных партий «Демократический сговор» во главе с Александром Цанковым (до 1926 г.), а затем – с македонцем Андреем Ляпчевым. Вооруженные отряды ВМРО властвовали в стране, раздираемой политическими разногласиями. В самой ВМРО тоже существовали глубокие противоречия, порой доходившие до кровопролития. Лидер этой организации Тодор Александров был убит. ВМРО раскололась на умеренное крыло во главе с Александром Протогеровым, который поддерживал Балканский союз, открывавший путь к решению македонской проблемы, и на экстремистское крыло во главе с Иваном Михайловым, который, наряду с болгарскими националистами и монархистами, отстаивал старую идею Великой Болгарии. После убийства Протогерова в 1928 позиции Михайлова в ВМРО упрочились, но это была пиррова победа. Сотни членов этой организации уничтожались с применением гангстерских методов, а сама она окончательно распалась; в 1934 правительство объявило ее вне закона. Руководитель ВМРО Михайлов бежал за границу.

Отношения Болгарии с Югославией и Грецией становились все более напряженными, поскольку в эти страны забрасывались агенты ВМРО с баз, расположенных в горах Пирин. Во время одного из частых пограничных инцидентов в октябре 1925 г. крупные греческие отряды продвинулись в пределы Пириня, и возникла угроза войны с Грецией. Болгария поставила вопрос о нарушении границы перед Лигой наций, которая заставила Грецию вывести свои войска и возместить Болгарии причиненный ущерб. В 1926-м и 1928-м Лига наций предоставляла Болгарии средства для помощи беженцам и пострадавшим от землетрясения, а также для стабилизации государственных финансов.

В 1931 г. правительство Ляпчева провело относительно свободные парламентские выборы. Победившая коалиция Народного блока состояла из представителей Демократической, Национально-либеральной, Радикальной партий, а также БЗНС – «Врабча-1» и БЗНС – «Стара-Загора». Правительство, возглавлявшееся сначала Александром Малиновым, а затем Николой Мушановым, лыталось, в значительной мере безуспешно, справиться с углублявшимся спадом экономики. Эта тенденция наметилась еще со времени тяжелых военных поражений 1913 и 1918 годов. Отсталое сельское хозяйство, от которого непосредственно зависело более 80% населения страны, характеризовалось чрезвычайно раздробленным землевладением и значительным избытком рабочей силы. При отсутствии богатых природных ресурсов промышленность оставалась слабо развитой. Хроническую внутреннюю депрессию усугубил мировой экономический кризис 1929 года. Около 90% экспорта страны составляли сельскохозяйственные продукты; поэтому потеря внешних рынков привела к снижению цен в два раза и сельскохозяйственное производство сократилось. Увеличилась безработица на селе и в городах, а долги страны резко выросли.

Во внешней политике новое правительство Болгарии вернулось к курсу на сближение с Югославией и постепенный пересмотр отношений с Румынией и Грецией. Это способствовало участию Болгарии в Балканских конференциях 1931 – 1933 гг., и в декабре 1933 царь Борис и премьер-министр Никола Мушанов

мья не пострадали. Покушение было организовано офицерами из военной секции компартии, действовавшими, быть может, на свой страх и риск – так как партию раздирали разногласия – или по тайным указаниям; оно застало врасплох самих коммунистов, сразу же после этого войска и полиция начали хватать их, расстреливать, пытаться, убивать. Шаблин, красивый улыбочивый мужчина, с которым я познакомился в России, был, кажется, живьем сожжен в печи. Два организатора покушения, Янков и Микков, погибли, оказывая сопротивление. Выма на глазах пятидесяти тысяч софийцев повесили троих коммунистов, один из которых, Марко Фридман, на суде педантично отстаивал идеи и деятельность партии. Французский коммунист Эжен Ложе, осужденный вместе с ними и затем освобожденный при неясных обстоятельствах, бежал в Москву и там исчез. Позднее я узнал, что он долгое время просидел в секретном изоляторе в Ярославле, сошел там с ума и был переведен в лечебницу. Многие из того, что я видел и узнавал, проливалось на эти драмы нехороший свет. Целая группа участников нашей гражданской войны, влиятельная в секретных службах, ратовала за «диверсии в тылу врага», в частности, в Польше, нападение которой на Россию считалось только делом времени. С другой стороны, установившийся в партии авторитарный режим выливался в реакции резкие и отчаянные. Плюс ко всему наводнившие Вену македонские революционеры, внутренне разобщенные, кулленные как минимум тремя правительствами (советским, болгарским, итальянским), были людьми, которые не остановятся ни перед чем. За каждое покушение в Софии многочисленные мелкие банды домогались вознаграждения сразу у нескольких секретных служб, связанных с тремя посольствами.

В день казни троих в Софии случай привел меня в Каринтию, на берег лазурного зеркала Вертерзее у подножия гор Караванкен, отделяющих Австрию от Югославии. Какие дали, какие высоты, какие удивительные пейзажи открывались среди нежной зелени горных склонов. Невыносимо. А вскоре сообщают – изменил Ярославский, советский военный атташе в Вене. Я знал о его боевых заслугах, пьянстве, балканские дела наводили на него чудовищную тоску. Он бежал, оставив на столе короткую прощальную записку. Некто взял след, настиг, заманил поужинать с женщинами, сыпанул ему чего-то в бокал. Затем этот некто достал из кармана фотоаппарат и сделал хороший снимок мертвеца, который мне с горькой усмешкой показали в полпредстве. ГПУ утверждало, что Ярославский вступил о контакт с «Интеллидженс сервис».

Я занимался движением за Балканскую федерацию. Это была великая идея, единственное средство преодолеть разделение маленьких народностей полуострова на худосочные государства, которые

рано или поздно распались бы, терзая друг друга. «Доктор», высокий седой болгарин, эрудит с парижскими манерами, назначал мне встречи в маленьких укромных кафе. На такси и трамвае мы разъезжали между Флоридсдорфом и Медлингом, до самых виноградников. Там мы встречались с неизвестным молодым человеком в широком плаще реглан, которого я сразу же зачислил в категорию телохранителей; я заметил оттягивающий его карман огромный браунинг, излюбленное оружие македонцев, не доверяющих мелкому калибру. Человек в плаще, все время улыбаясь, торопливо увлекал меня за собой; на трамвае мы приезжали в район, полный уютных кабаре, шли на окруженную, как и все соседние, цветами виллу к В., последнему оставшемуся в живых лидеру Балканской федерации (близкой к коммунистам), бывшему депутату турецкого парламента... Какого такого турецкого парламента? Того еще, со званного Абдулхамидом, в день открытия которого — бомбы... В. вообще не выходил из дома, ожидая убийц из-за каждого угла; надежные люди по ночам охраняли сад, окружавший его виллу. Недавно здесь, в Вене, на спектакле в одном из театров убили его предшественника, Тодора Паницу. Незадолго до того Петр Чаулев, предшественник Паницы, на улице почувствовал, что за ним следят, и сел на миланский поезд. Убит в Милане. А еще раньше старый вождь РОИМ — Революционной организации за независимость Македонии — Тодор Александров, высказывавшийся за сотрудничество с коммунистами, был убит после конференции, в горах. Я написал для газет три некролога...

*Перевод с французского
Юлии Гусевой и
Владимира Бабинцева*

Виктор Львович Кибальчич, более известный как Виктор Серж (1890-1947) — революционер, писатель, публицист. Родился в Брюсселе. Был последовательным анархистом, совершив эволюцию от индивидуального анархизма к анархо-синдикализму. Арестован в 1928 г. как член Коминтерна и как троцкист.

В 1932 г. арестован вторично, сидел в «Крестах», освобожден в 1933 г., вновь арестован и выслан с женой и сыном в Оренбург. «Дело Сержа» получило международную огласку. В 1935 г. на Конгрессе в защиту культуры в Париже было принято обращение к Сталину А. Жиде, Ж. Дюамеля и др. с просьбой освободить Сержа.

С этой же просьбой к Сталину, Горькому и Ягоде обратился Р. Роллан, приехавший в это время в Москву.

В апреле 1936 г. Сержа с семьей высылают в Бельгию. В 1939 г. с приходом немцев они эмигрировали в Мексику.

нанесли государственный визит в Югославию. С приходом Гитлера к власти в Германии над странами юго-восточной Европы нависла угроза фашизма. В феврале 1934 г. Греция, Румыния, Турция и Югославия заключили союз, известный как Балканская Антанта, которым гарантировалась неприкосновенность их границ.

Экономический кризис, недалекость политиков, общественные антагонизмы и изоляция Болгарии — все это диктовало необходимость решительных реформ. Организатором дискуссий выступил политический кружок «Звено». 19 мая 1934 года «Звено» под руководством Кимона Георгиева и Тайный военный союз во главе с Дамианом Велчевым осуществили государственный переворот и свергли правительство Мушанова. В стране был установлен авторитарный режим. Народное собрание было распущено, политические партии запрещены, введена строгая цензура и намечена широкомасштабная программа по преодолению экономического кризиса. Правительство «19 мая» стремилось нормализовать отношения с Югославией, придерживалось ориентации на Францию и Великобританию, установило дипломатические отношения с СССР.

Руководители правительства понимали, что монархия, имевшая связи с Германией и Италией (в 1930 г. царь Борис женился на дочери итальянского короля), может нанести вред стране, и хотели установить республиканское правление. Однако в 1935 году царю Борису удалось отстранить от власти правительство и ввести личный авторитарный режим при поддержке сговорчивых премьер-министров. Таковыми последовательно были генерал Пенчо Златев, Андрей Тошев, дипломат Георгий Кыосеиванов и профессор археологии Богдан Филев. Царь продолжал политику сближения с Югославией и в 1937 г. подписал с ней договор о «вечной дружбе». Одновременно упрочились связи с Германией и Италией. Расширение германо-болгарской торговли усилило зависимость Болгарии от Германии. В марте 1938 года царь Борис заключил первое тайное соглашение с Германией о кредитах на поставки вооружения, и в июле 1938 г. в Салониках Балканская Антанта была поставлена перед фактом перевооружения болгарской армии.

Царь Борис хотел заручиться внутренней поддержкой своего режима и в 1938 решил провести парламентские выборы. Однако поскольку политические партии оставались под запретом, кандидаты могли выступать лишь с индивидуальными программами. Примерно треть из 160 избранных депутатов отождествляла себя с бывшими партиями, которые находились в оппозиции к политике царя. Оппозиция была ослаблена за счет исключения из парламента депутатов от БЗНС и Коммунистической партии, а на более тщательно подтасованных выборах 1940 года в парламент попало всего несколько представителей оппозиции.

И вновь — война

После Мюнхенской конференции в сентябре 1938 г., которая способствовала пересмотру границ в Восточной Европе, царь Борис обратился к Гитлеру за помощью по поводу возвращения Южной Добруджи, захваченной Румынией в 1913 г. Но Гитлер, памятуя о необходимости сохранить мир на Балканах — жизненно важном источнике экономических ресурсов для Германии, отказал в этой просьбе. Когда в 1939 разразилась Вторая мировая война, Болгария формально провозгласила нейтралитет, но тем не менее ее связи с Германией и Италией постоянно укреплялись. После того как Румыния с одобрения Германии уступила Бессарабию СССР, Гитлер в сентябре 1940 г. добился возвращения Болгарии Южной Добруджи; эту акцию поддержали СССР и Великобритания. В самой Болгарии официальная пропаганда тракто-

вала этот акт как заслугу Гитлера и Муссолини. СССР пытался заигрывать с Болгарией, предлагая заключить пакт о взаимопомощи и поддержать территориальные претензии к Греции и Турции, но царь Борис давно сделал свой выбор и отклонил советские предложения. 1 марта 1941 г. Болгария официально присоединилась к оси Рим – Берлин, и крупные немецкие воинские соединения, сосредоточенные на территории Румынии для нападения на Грецию (операция «Марита»), вступили на территорию Болгарии.

После нападения на СССР в июне 1941 г. Гитлер неоднократно требовал от царя Бориса отправки болгарских войск на Восточный фронт. Однако, опасаясь роста прорусских настроений, царь уклонялся от выполнения этого требования, и Болгария фактически не участвовала в войне Германии против СССР. Когда в декабре 1941 г. Япония развязала войну с США, царь Борис из чувства солидарности уступил германским требованиям, и 13 декабря 1941 г. Болгария объявила войну США и Великобритании. Царь Борис предоставил в распоряжение немцев экономические ресурсы страны и ввел дискриминационные меры по отношению к немногочисленному еврейскому населению Болгарии, включая выселение евреев из больших городов. Однако он почитался с общественным мнением, настроенным против выдачи евреев немцам, и ни один болгарский еврей не был депортирован.

Когда Германия стала терпеть военные поражения, царь Борис попытался прервать союз с Германией, но 28 августа 1943 года, после посещения штаб-квартиры Гитлера, скоротостижно скончался.

Советские призывы о помощи заставили болгарских коммунистов начать саботаж и партизанскую борьбу в немецком тылу, и постепенно в Болгарии нарастало движение Сопротивления. Оно возглавлялось коммунистами, но включало также представителей других партий: левого крыла аграриев, социалистов, «Звезда», Союза офицеров и других противников союза с Германией. В 1942 г. эти политические группировки по инициативе болгарского коммунистического лидера Георгия Димитрова образовали коалицию Отечественный фронт. Победа Красной Армии под Сталинградом и ее наступление на запад в значительной степени способствовали развитию движения Сопротивления в Болгарии. В 1943 году Болгарская рабочая партия (БРП) создала объединенную Народно-освободительную повстанческую армию. В сентябре 1944 г., когда Красная Армия вышла к границам Болгарии, в движении Сопротивления участвовало около 30 тыс. партизан.

Стремясь получить полный контроль над Болгарией, советское правительство 5 сентября объявило ей войну. Красная Армия оккупировала страну, 8 – 9 сентября коммунисты и сочувствовавшие им совершили государственный переворот и сформировали правительство Отечественного фронта во главе с Кимом Георгиевым, а 28 октября 1944 г. в Москве было подписано перемирие.

За Лениным и Сталиным

Коммунистическое движение в Болгарии возникло в 1880-х годах. Первым руководителем этого движения был Димитр Благоев (1856 – 1924). В 1891 г. Благоев и другие социалисты создали Болгарскую социал-демократическую партию. Расхождения между революционерами и реформистами в конце концов привели к расколу этой партии. В 1903 г. Благоев со своими сторонниками сформировал Болгарскую рабочую социал-демократическую партию, известную под названием «Партия тесняков» (т.е. «узких социалистов»), которая стала самой влиятельной марксистской революционной партией на Балканах и верным союзником русских большевиков. Будучи всегда надежной опорой левого крыла Второго Интернационала, она в 1919 г. стала членом-основателем Третьего (Коммунистического) Интернационала и получила название Болгарская коммунистическая партия (БКП).

«Привет с фронта». Открытка, отправленная сержантом С. Дичевым из Греции.

Георгий Димитров. Конец 30-х годов.

Айно КУУСИНЕН

Георгий Димитров и Коминтерн

...Почти весь 1938 год я провела в следственных тюрьмах Москвы, в потом – восемь лет в одном из печально знаменитых воркутинских лагерей за Полярным кругом...

Более 15 лет я была политическим заключенным советской власти. В эти долгие годы родилась мысль написать и издать воспоминания.

...В 20-е годы интерес Коминтерна был нацелен и на балканские страны. Но результата удалось достичь только в Болгарии. Да и то – благодаря многовековым хорошим отношениям между Россией и Болгарией. Болгарское правительство возглавил председатель левой аграрной партии Стамболийский, но в 1923 году произошел военный переворот и во главе правительства встал профессор Цанков. Коминтерн принялся готовить контрудар. Компартия Болгарии получила приказ пока отказаться от каких-либо активных действий. Через два года подготовка была закончена, коммунисты получили приказ убить царскую семью и членов правительства. На торжественном богослужении в Софийском соборе в апреле 1925 года при взрыве погибло более двухсот человек. Царь и министры остались невредимыми.

ми. Главным инициатором этого тайного предприятия был Георгий Димитров, коминтерновец.

После описанного выше прискорбного приключения Димитров работал в различных отделах Коминтерна, но всякий раз его приходилось смещать: его интересовали только выпивка и женщины. Когда возмущение и жалобы достигали предела, его куда-нибудь переводили. В Коминтерне попросту отказывались с ним работать, и его отправили в другое здание, в Крестинтерн, к старику Мещерякову. Однажды в кабинет Отто (я была там) ворвался Мещеряков: «Товарищ Куусинен, нужно поговорить! Заберите Димитрова! Он ничего в нашей работе не понимает, знает только пить и соблазнять наших девушек. Я не начальник отдела, пока он там! Пожалуйста, заберите его от меня!» Отто обещал что-нибудь придумать, а когда Мещеряков ушел, он сказал мне, смеясь: «Никто не хочет связываться с Димитровым. Куда его деть? Лучше, наверное, отправить обратно на Балканы». И отправили. Вместе с двумя другими учащимися Ленинской школы — Таневым и Поповым.

Через несколько лет, году в 1930-м, их всех перевели в Берлин. Когда они в 1933 году были арестованы по обвинению в поджоге рейхстага, Отто использовал ситуацию для широкой антифашистской акции. Эти трое выступали в роли невинных мучеников. Коминтерн начал пропагандистскую войну. Публикациями он оказал большое влияние на профсоюзы всего мира.

На Лейпцигском процессе нацистские руководители потерпели моральное поражение, а Димитров произнес свою знаменитую политическую речь. В Москве, правда, не верили, что Димитров сам может подготовить «политически выверенную» пламенную речь, он и по-немецки-то говорил неважно.

Отто получил задание написать длинное вдохновенное обличение фашизма. Димитров должен был зачитать речь как свою. Отвезти текст речи в Лейпциг должна была младшая дочь Отто — Рийка, в паспорте значившаяся женой Попова, обвиняемого вместе с Димитровым. «Госпожа Попова» поехала в Германию в сопровождении русского адвоката. Во время процесса в речах защитника не раз мелькали мысли Отто. Когда наступила очередь Димитрова, он произнес речь весьма драматично, и все поверили, что он написал ее сам, находясь под следствием.

Речь привлекла всеобщее внимание. Когда Димитров со своими товарищами вернулся в Москву, многие коммунисты и антифашисты превозносили их как «пионеров борьбы с фашизмом». Менее известна судьба товарищей Димитрова в СССР: Танев был расстрелян, а Попов сгинул в одном из лагерей. Сам Димитров стал генеральным секретарем ИККИ — Коминтерн обрел нового руководителя..

Айно Куусинен
«Господь низвергает своих ангелов». Петрозаводск, 1991.

После Первой мировой войны эту партию возглавляли Васил Коларов (1877 — 1950) и Георгий Димитров (1882 — 1949). В 1922 — 1924 г. Коларов был генеральным секретарем Коминтерна, а после неудачного мятежа болгарских коммунистов в сентябре 1923 г. он, Димитров и другие коммунистические лидеры уехали в СССР, где учредили заграничное бюро БКП. Поредевшая в результате мятежа и объявленная в 1924 г. вне закона, БКП пережила период борьбы между заграничным бюро и т.н. «левыми сектантами» в самой Болгарии; число ее членов сократилось с 38 (1922 г.) до 3 тысяч. После того как Димитров в 1935 г. был избран генеральным секретарем Коминтерна, заграничное бюро БКП одержало победу в этой борьбе, и триумфатор, возглавляемый Трайчо Костовым (1897 — 1949), вернулся в Болгарию, чтобы очистить ряды БКП от «левых сектантов» и создать партию «большевистского типа». Когда в 1944 г. коммунисты пришли к власти, их лидерами стали Димитров и Коларов в Москве и Костов в Болгарии. В сентябре 1944 г. партия была переименована в болгарскую рабочую партию (коммунистов) — БРП(к).

Коммунисты заняли ключевые посты министров внутренних дел и юстиции в правительстве Отечественного фронта и вытеснили оттуда всех своих противников. Была организована «народная милиция» под руководством министра внутренних дел, а партизанский лидер Тодор Живков организовал массовые облавы, которые закончились судебными процессами.

Эти показательные процессы проводились специальными «народными трибуналами» над высшими должностными лицами страны военного времени (регентами; членами кабинетов, существовавших до 9 сентября 1944 г.; депутатами Народного собрания военного времени, избранными в 1940 г.) и многими другими.

Только по официальным данным, в 1945 году было казнено более 2800 человек и 7000 человек заключено в тюрьмы.

Мирный договор, вступивший в действие 2 октября 1947 года, признавал границы по состоянию на 1 января 1941 года, т.е. закрепил присоединение Южной Добруджи к Болгарии, но отвергал ее притязания на греческие и югославские территории, равно как и притязания Греции на болгарские земли. Согласно договору, Болгария должна была выплатить репарации: 45 млн. долларов в пользу Греции и 25 млн. долларов — в пользу Югославии.

После выборов и подписания мирного договора Димитров приступил к ликвидации оппозиции. Лидер оппозиции Никола Петков был арестован и 23 сентября 1947 года, несмотря на протесты стран Запада, казнен. Другие руководители оппозиции были брошены в тюрьмы, а все партии, за исключением части БЗНС, пожелавшей сотрудничать с коммунистами, распущены или включены в состав БРП(к). После ликвидации оппозиции Великое народное собрание 4 декабря 1947 года приняло т.н. Димитровскую конституцию, и Болгария была реорганизована по советскому образцу.

Вражда, возникшая в 1948 году между Сталиным и Тито, имела далеко идущие последствия. Димитров встал на сторону Сталина, что привело к ухудшению болгаро-югославских отношений. Курс на объединение Македонии был приостановлен, а Болгария стала одним из наиболее энергичных участников антититовской кампании, проводившейся Сталиным.

В самой Болгарии ужесточились репрессии против македонцев и сторонников союза с Югославией, протестантских и католических общин и школ, а также всех, кто имел контакты со странами Запада.

Были организованы судебные процессы над протестантскими священниками, которые признавались виновными в шпионаже в пользу США и заключались в тюрьмы; отношения с Ватиканом были разорваны, а болгарскую православную церковь вынудили снять со своего поста патриаршего экзарха Стефана.

Смерть Георгия Димитрова в 1949 году, в самый разгар конфликта между Сталиным и Тито, спровоцировала кризис в руководстве Болгарской коммунистической партии (БКП — так стала называться БРП(к) с декабря 1948). Вспыхнул давно назревавший конфликт между коммунистами-репатриантами, вернувшимися после 1944 г. из СССР, и «местными» коммунистами. Главным кандидатом в преемники Димитрова был Трайчо Костов, но он выступал против советской политики экономической эксплуатации страны, и Сталин заподозрил в этом действительный или потенциальный «националистический уклон». Сталин поддержал кандидатуру зятя Димитрова — Вылко Червенкова, который большую часть жизни провел в СССР.

В 1949 г. Червенков организовал судебный процесс над Костовым и его сторонниками, обвинив их в сговоре с Тито и американскими дипломатами с целью совершения государственного переворота. Трайчо Костов был казнен.

Червенков возглавил БКП, а в феврале 1950 года, сразу после смерти Коларова, занял также пост премьер-министра.

Червенков приобрел репутацию болгарского «маленького Сталина». Массовые репрессии против сторонников Костова и Тито привели к исключению из партии 92,5 тыс. человек. Развернулась яростная пропагандистская кампания за изоляцию Болгарии от «тлетворного западного влияния» и борьбу с «вражеским окружением».

США и Великобритания изображались как империалистические агрессоры, натравливавшие Югославию, Грецию и Турцию на Болгарию; Югославию называли ренегатом социализма; границы с этими тремя соседними странами были закрыты.

В 1950 г. было объявлено о необходимости депортации из Болгарии 250 тыс. турок, и в 1951 — 1952 гг. около 160 тыс. из них было переселено в Турцию. Чтобы усилить элементы болгарского национализма в этой кампании и заручиться поддержкой Болгарской православной церкви, в 1953 году ей был придан статус патриархата, которого она лишилась в XIV веке при захвате страны турками-османами.

После смерти Сталина в 1953 г. позиции Червенкова в Болгарии стали ослабевать. Предвестником изменений явилась его отставка с поста руководителя БКП в марте 1954 года. Первым секретарем ЦК БКП стал Тодор Живков. Червенков обнаружил полную неспособность адаптироваться к политике десталинизации, проводившейся в СССР Хрущевым, и в апреле 1956 г. был смещен с поста председателя совета министров НРБ. Новый режим пытался приспособиться к изменившейся ситуации в Москве и применить идеи и политику Хрущева к болгарским реалиям. Вслед за аналогичными процессами в СССР начался процесс либерализации. Так, в 1956 году был посмертно реабилитирован Костов.

После периода фракционной борьбы и чисток Живков при поддержке Хрущева одержал победу и в ноябре 1962 г. стал председателем совета министров и первым секретарем ЦК БКП. После падения Хрущева в 1964 году внутривластная политика Живкова сводилась к лавированию между «ревизионистами», т.е. проюгославскими элементами, и «догматиками», т.е. сталинистами и прокитайскими элементами. Во внешней политике Болгария копировала СССР.

Болгария выступила против демократических реформ в Чехословакии и в августе 1968 года вместе с СССР, Венгрией, Польшей и ГДР участвовала во вводе на ее территорию войск Варшавского Договора.

В 1971 году на референдуме получила одобрение новая конституция. Она узаконила экономическое, политическое и идеологическое полновластие коммунистов.

...Димитров. Его нынешняя, совершенно неожиданная, карьера вызвана исключительно его поведением на фашистском суде. Мы все ему аплодировали, в особенности сравнивая его поведение с поведением председателя сталинской парламентской фракции Торглера. Но не надо превеличивать Русские революционеры, не только большевики, но также, например, социалисты-революционеры террористы, в большинстве своем всегда мужественно и с достоинством держались перед царскими полицейскими. Это было правилом, а не исключением. Презрение было трусам, преклонения не было перед мужественными. И как характерно для морального уровня коминтерновской бюрократии, что из Димитрова за храброе поведение перед судом она сделала полубога. Во всяком случае, Димитров никогда не находил или не искал повода, чтоб показать себя в противоположность сталинской генеральной линии, марксистом, большевиком. Он проделал всю постыдную политику эллигов, на всех ее ступенях и несет за это полную ответственность.

Лев Троцкий
«К VII Конгрессу Коминтерна».

Трайчо Костов и Георгий Димитров.

Вылко Червенков.

«Советские» болгарские левы.

Карикатура на Тодора Живкова обошлась художнику Тодору Цоневу в два месяца тюрьмы в 1979 году.

...Сообщение, полученное от Маклина, однако, ясно давало понять, что британское и американское правительства хотели с помощью «плана Маршалла» приостановить репарации Советскому Союзу и странам Восточной Европы и предоставить международную помощь, основанную не на двусторонних соглашениях, а на международном контроле.

Подобная ситуация для нас была абсолютно неприемлема, она препятствовала бы нашему контролю над Восточной Европой. А это означало, что коммунистические партии, уже утвердившиеся в Румынии, Болгарии, Польше, Чехословакии и Венгрии, будут лишены экономических рычагов власти.

Знаменательно, что через полгода после того, как «план Маршалла» был нами отвергнут, многопартийная система в Восточной Европе была ликвидирована при нашем активном участии.

...Уникальная ситуация сложилась в Болгарии. Во время войны мне приходилось часто встречаться с Георгием Димитровым, возглавлявшим Коминтерн до того, как он был распущен в 1943 году. В течение года он являлся заведующим международным отделом ЦК ВКП(б). Когда в 1944 году Димитров вернулся в Болгарию, он позволил царице и ее сыну, наследнику престола, покинуть страну, забрав с собой все семейные ценности. Зная, какую угрозу могут представлять монархические круги в эмиграции, Димитров решил уничтожить всю политическую оппозицию внутри страны.

Ключевые фигуры бывшего парламента и царского правительства Болгарии подверглись репрессиям и были ликвидированы. В результате этой акции Димитров стал единственным коммунистическим руководителем в Восточной Европе, не имевшим среди эмиграции организованной оппозиции, реально претендующей на власть.

В начале 1970-х годов развернулась кампания против прав некоторых национальных меньшинств, в частности болгароязычных мусульман (помаков), цыган и турок. Эта кампания получила идеологическую поддержку на десятом съезде БКП (1971) в виде тезиса о растущей социальной однородности на стадии «развитого социалистического общества». В 1973 – 1974 гг. помаков вынуждали менять мусульманские фамилии на болгарские. Наступление на права этнических турок привело к постепенному закрытию турецких школ и мечетей; число изданий на турецком языке систематически сокращалось, а атеистическая пропаганда была направлена в первую очередь против ислама.

Призыв к болгарскому национализму, который подпитывался также демографическими доводами (болгарские семьи имели одного или двух детей, в то время как турецкие и цыганские – как минимум троих или четверых), проявил себя в 1981 году, после празднования 1300-летия основания Болгарского государства. Эта кампания достигла апогея в 1984 – 1985 гг., когда практически всех турок заставили принять славянско-болгарские имена и фамилии.

После этой кампании, сопровождавшейся репрессиями, коммунистический режим попал в полосу углубляющегося экономического, политического и нравственного кризиса. Ситуация осложнялась международной изоляцией страны, а также внешним долгом, который в 1990 году достиг 10 млрд. долларов. Реформы, начатые советским лидером Михаилом Горбачевым, не были поддержаны Тодором Живковым.

Болгарская «перестройка»

В 1988 – 1989 гг. в Болгарии развернулась широкая политическая дискуссия. Среди первых диссидентских объединений наиболее заметными были: Комитет по экологической защите «Русе», Независимое общество по защите прав человека, клуб в поддержку гласности и перестройки «Экогласность» и профсоюз «Подкрепя».

Активно выступали против властей и этнические турки. После массовых демонстраций в турецких районах весной 1989 года правительство открыло границу с Турцией, и в течение двух месяцев около 300 тыс. турок покинули Болгарию, причем некоторые из них – против своей воли.

Общественное недовольство накалилось до предела после ареста 20 членов «Экогласности» в октябре 1989 года, а также после демонстрации, проведенной по инициативе этой организации перед зданием Народного собрания в начале ноября. С этой акцией выступили 4 тыс. человек, требовавшие обратить внимание на состояние окружающей среды. Партийные функционеры, почувствовав угрозу для существующего режима, 10 ноября 1989 года сместили Живкова с постов генерального секретаря ЦК БКП и председателя государственного совета.

После отставки Живкова политическая активность населения резко возросла. Премьер-министр коммунистического правительства Андрей Луканов и председатель госсовета Петр Младенов, заменивший на этом посту Живкова, предприняли ряд шагов, направленных на демократизацию политической системы. Наиболее важными среди них были: признание возможности официальной регистрации политических партий и организаций с явными антикоммунистическими платформами; ликвидация первичных организаций БКП на предприятиях; привлечение к судебной ответственности Живкова и некоторых видных функционеров БКП; первые шаги по деполитизации армии и сил безопасности; исключение из конституции статьи 1, гарантировавшей БКП ведущее положение в обществе и государстве. Этническим меньшинствам было разрешено восстановить через суд свои мусульманские фамилии.

В апреле 1990 года БКП была переименована в Болгарскую социалистическую партию (БСП). 10 и 17 июня 1990 г. состоялись первые выборы в Великое народное собрание, которое должно было выполнять функции парламента и конституционного собрания. БСП получила 211 из 400 мест, а Союз демократических сил (СДС) – 144 места. Остальные места в парламенте заняли представители БЗНС и Движения за права и свободы (ДПС), которое представляло интересы турецкого меньшинства. Великое народное собрание было уполномочено принять новую конституцию. Оно начало свою работу 10 июля 1990 года, через четыре дня после отставки председателя госсовета Младенова, который при Живкове занимал пост министра иностранных дел.

1 августа 1990 года президентом Болгарии был избран Желю Желев, лидер СДС. В ноябре в ответ на массовые демонстрации и четырехдневную всеобщую забастовку правительство Луканова ушло в отставку. Независимый кандидат Димитр Попов с трудом сформировал из членов БСП и СДС коалиционное правительство.

12 июля 1991 года была принята новая конституция. После ряда отсрочек 13 октября 1991 г. были проведены выборы в новое Народное собрание Болгарии. Странники СДС получили 110 из 240 мест, БСП – 106, Движение за права и свободы – 24 места. Филип Димитров, который стал председателем СДС в декабре 1990, был назначен премьер-министром. В январе 1992 г. Желю Желев победил в первых прямых президентских выборах, проведенных в соответствии с новой конституцией.

Тодор Живков был отдан под суд и приговорен к семи годам тюремного заключения по обвинению в коррупции при исполнении служебных обязанностей.

В 1993 г. в Болгарии была объявлена массовая программа приватизации.

«И до днес...»

1996 – финансовый кризис. Петр Стоянов, преемник Желева, – на посту президента.

болгарский Верховный Суд отменяет приговор Живкову.

1997 – массовые акции протеста в результате экономического кризиса. Оппозиция бойкотирует парламент и призывает к выборам.

1999 – длительные попытки разрушения мраморного мавзолея первого коммунистического лидера Георгия Димитрова становятся предметом многочисленных анекдотов.

Июнь 2001 – бывший король Симеон II одерживает победу на парламентских выборах. В июле Симеон становится премьер-министром.

Ноябрь 2001 – тысячи протестующих демонстрантов в Софии в 100-й день пребывания в должности премьер-министра Симеона, не сумевшего осуществить предвыборные обещания по улучшению жизненного уровня народа.

Лидер Социалистической партии Георгий Пырванов становится президентом в результате выборов, собравших наименьшее число голосовавших со времени падения коммунистического режима. Он клянется улучшить жизнь простых людей и ускорить вступление страны в ЕС и НАТО.

Декабрь 2001 – парламент одобряет правительственное предложение об уничтожении советских ракет к концу октября 2002 года и о подготовке к членству в НАТО.

Ноябрь 2002 – Болгария включена в список семи стран, формально приглашенных на Пражскую встречу на высшем уровне для присоединения к НАТО.

2003 – Болгария принята в НАТО.

По материалам российской и зарубежной печати

Преемники Димитрова пользовались плодами этого положения более тридцати лет. Генерал Иван Винаров, один из руководителей разведки Болгарии, работавший под моим началом в 4-м управлении в годы войны, позднее, когда мы встретились с ним в 70-х в Москве, говорил: «Мы использовали ваш опыт и уничтожили всех диссидентов, до того как они смогли бежать на Запад».

П. Судоплатов
«Спецоперации. Лубянка и Кремль». М., «Современник», 1997.

...В конце 1978 года офицеры КГБ смогли своим болгарским коллегам ликвидировать осевших на Западе болгарских диссидентов Маркова и Симеонова. «Консультировали» же болгар генералы Голубев и Калугин. После на Олега Даниловича дождь наград обрушился: ордена советские и болгарские, дорогое оружие. Славная была охота...

Иногда приходилось прибегать к помощи «чужих» террористов, используя их «втемную» – не от своего имени. 13 мая 1981-го турок Али Агджа стрелял в Папу Римского Иоанна Павла II. На Западе твердили про «болгарский след» и «руку Москвы», на Востоке – про происки ЦРУ. Без происков, понятно, не обошлось. Ну с какой целью незадолго до теракта болгарская Дуржавна Сигурность работала с Агджой? Или турок гостил у них в качестве туриста? А чем объяснить прохождение Агджой спецподготовки на палестинских базах под руководством офицеров госбезопасности? И поныне многие чекисты охотно вспоминают, с каким радостным оживлением в Центре встретили сообщение о покушении, как сожалели, что поляк Кароль Войтыла лишь ранен. Во всяком случае, кому еще, кроме Москвы, была выгодна его смерть? После августа 1991-го Бакагин пытался найти следы возможной причастности КГБ к покушению. Наивный! Заглянем в мемуары Шебаршина: «Приказ не уничтожать документы был отдан... но проверить его исполнение я не собирался, и если что-то и ушло в печку или канализационные трубы, то не мне об этом жалеть».

Владимир Воронов

Демонстрация молодежи в Софии. 1990 г.

ШКОЛА ТЕРРОРА

О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры

Из стенограммы докладов одного из ближайших сотрудников НИ. Ежова, начальника ленинградского управления НКВД Леонида Заковского (1894-1938) на Ленинградской областной партконференции и на совещании секретарей парткомов Ленинграда. Опубликовано в 1937 году в виде отдельной брошюры.

...В 1936 г. в Ленинграде была арестована террористическая троцкистская группа болгар: Христов, Читалиев, Павлов и др. Эти троцкисты-террористы работали по заданиям иностранной разведки. Им было дано задание совершить террористический акт против руководителей Коминтерна. Вожаком у них был некий Павлов, который в прошлом участвовал в революционном движении «тесняков».

Павлов на протяжении ряда лет занимался фракционной, раскольнической работой в компартии Болгарии, примыкая к троцкистам.

Он, по его словам, несколько раз подвергался арестам, а потом поступил на службу в болгарскую политическую полицию. По заданиям политической полиции он внутри страны погубил не одного революционера. После провала судебного процесса по поджогу рейхстага, когда гестапо было вынуждено разрешить Дмитрову выезд в Советский Союз, фашисты не могли простить пощечины, которую нанес им Дмитров, и обратились за помощью к троцкистам-террористам. Германская разведка через одного официального представителя в Софии связывается с руководителем террористической организации в Болгарии неким Д. и берет на службу террориста Павлова с целью перебросить его в Советский Союз под видом эмигранта. Ему дается задание изучить обстановку в Советском Союзе, сблизиться как болгарину с Дмитриевым и совершить террористический акт. Павлов, прибыв в Советский Союз, некоторое время был в Москве, встречался с Дмитриевым, но обстановка тогда не позволила ему выполнить задание разведки. Он перебрался в Ленинград, где связался с троцкистской террористической организацией. Болгарские террористы все время просили Дмитриева, чтобы он сделал доклад о международном положении в Ленинграде. После доклада они хотели пригласить Дмитриева поужинать (квартира для этого у них была

Вадим РОГОВИН

Каждый третий...

...Сталин оказывал непрерывное давление на руководителей Коминтерна, стремясь глубже втянуть их в проведение и идеологическое обоснование политического террора.

11 февраля 1937 года он принял Дмитрова для обсуждения проекта постановления ИККИ по поводу процесса Радека-Пятакова. Как явствует из записи Георгия Димитрова, Сталин заявил ему: «Европейские рабочие думают, что все из-за драки между мною и Троцким, из-за плохого характера Сталина». Чтобы дезавуировать подобные мнения, Сталин потребовал указать в постановлении, что Троцкий и его сторонники «боролись против Ленина, против партии еще при жизни Ленина». В заключение беседы Сталин произнес зловещую фразу: «Вы все там, в Коминтерне, работаете на руку противника»¹.

В ноябре 1937 года, познакомившись с очередным проектом постановления ИККИ о борьбе с троцкизмом, Сталин дал Дмитрову еще более изуверскую установку: «Троцкистов надо гнать, расстреливать, уничтожать. Это всемирные провокаторы, злейшие агенты фашизма»².

Зарубежные коммунисты представляли особую опасность для Сталина, потому что они во время пребывания в своих странах имели доступ к троцкистским источникам. Основанием для арестов политэмигрантов часто служило их знакомство с «троцкистской литературой». В этом отношении показательна судьба Д. Гачева, члена Болгарской компартии в 1921 – 1926 годах и члена ВКП(б) в 1926 – 1938 годах (революционные эмигранты нередко после прибытия в СССР меняли членство в своих партиях на членство в ВКП(б)). В заявлении генеральному прокурору СССР Гачев, осужденный к 8 годам лагерей за «контрреволюционную троцкистскую деятельность», писал, что единственным вменявшимся ему «преступлением» было чтение в 1934 году статьи Троцкого, обнаруженной им случайно – во французской газете, которой были обернуты продукты его товарища, приехавшего из Болгарии. Несмотря на то что он в личной беседе сослался на эту статью как на «новый

Сталин и Димитров. Конец 30-х годов.

пример перерождения троцкизма в самый неприкрытый фашизм», следствие расценило этот разговор как свидетельство того, что Гачев, «субъективно не являясь троцкистом, объективно вел пропаганду контрреволюционных троцкистских идей»¹.

Из более чем трех тысяч болгарских эмигрантов был репрессирован каждый третий. В сталинских тюрьмах и лагерях погибло 600 болгарских коммунистов, составлявших наиболее активные кадры БКП².

В феврале 1941 года Димитров направил секретарю ЦК ВКП(б) Андрееву список 132 арестованных болгарских эмигрантов, дела которых, по его мнению, следовало пересмотреть, поскольку «на основании имеющихся у нас данных об этих людях никак нельзя считать их способными на совершение антисоветских антипартийных поступков». Димитров упоминал и о том, что множество дел, необоснованность которых давно и бесспорно установлена органами прокуратуры, остаются неликвидованными и осужденные по ним продолжают находиться в лагерях. Он просил Андрееву способствовать «прекращению, по крайней мере, дел тех политэмигрантов, которые являются на языке прокурорских работников явно "липовыми". Такой же характер, по словам Димитрова, носили дела многих арестованных немцев, австрийцев и т. д. «Вопрос идет, — подчеркивалось в письме, — не только о реабилитации и спасении невинно страдающих людей, но и о возвращении к полезной работе и к боевой деятельности против наших классовых врагов в капиталистических странах преданных кадров братских коммунистических партий»³.

После войны Димитров обратился к Сталину с просьбой об освобождении 29 болгарских коммунистов «для крайне необходимой работы в интересах партии». Данный вопрос был передан на рассмотрение министра госбезопасности Абакумова, который в записке, направленной в Совет Министров СССР, указал: «В связи с примененными в ходе следствия методами физического воздействия к большинству из арестованных выпускать их за границу в настоящее время нецелесообразно»⁴.

Вместе с тем Димитров и Коларов ничего не сделали для спасения болгарских оппозиционеров (группа Искова), которые критиковали политику ЦК БКП.

В 1937 году были арестованы сопроцессионники Димитрова по Лейпцигскому судилищу — Попов и Танев. Из них по просьбе Димитрова был освобожден только Танев. В характеристике на Попова Димитров написал, что «Попов в 1927 году, солидаризировавшись с известным троцкистом Исковым, настаивал на широкой и длительной дискуссии, не соглашаясь с методами борьбы против троцкистов». Попов был направлен в лагерь, откуда после войны был переведен в ссылку. Он вышел на свободу только в 1953 году.

В конце 40-х — начале 50-х годов многие из бывших лидеров Коминтерна инспирировали в своих странах чистки и процессы по тилу тех, которые ранее происходили в Советском Союзе. Даже те политические деятели «стран народной демократии», которые отваживались на сопротивление советскому гегемонизму, были запятаны активным участием в чистках 30-х годов.

Только на самом исходе своего пребывания у власти руководство компартий этих стран решилось обнародовать данные о численности членов своих партий, репрессированных в Советском Союзе.

Из кн.: «Партия расстрелянных»,
М., Искра-Research, 1997.

¹ Коммунист, — 1991, — № 7, — С. 94-95.

² Правда, — 1989, — 7 апреля.

³ Дружба народов, — 1989, — № 7, — С. 178-179.

⁴ Коминтерн и вторая мировая война. — Ч. 1. — М., 1994. — С. 503.

⁵ Там же. С. 501-502.

⁶ ЛГ-Досье, — 1994, — № 8, — С. 24.

уже подготовлена), чтобы там совершить террористический акт, а потом бежать за границу. Все было подготовлено. Консульство одного иностранного государства должно было снабдить документами и визой убийцу, чтобы он мог убежать за границу. Это рассказывал террорист Павлов, когда он был арестован. Вот вам пример, как иностранные фашистские разведчики совместно с троцкистами-террористами ведут свою кошмарную работу в Советском Союзе.

Чтобы успешно бороться с иностранными разведками, с троцкистско-зиновьевско-правыми выродками, мы должны овладеть большевизмом. Ибо в арсенале большевизма имеется достаточное количество средств, которые, будучи приведены в действие, смогут парализовать и уничтожить самые хитроумные и изощренные комбинации иностранных разведок и их троцкистско-бухаринской агентуры. Врага надо громить и выкорчевывать до конца.

Овладев непобедимым оружием большевизма, свято выполняя указание товарища Сталина о повышении революционной бдительности, мы, создав лучшую в мире разведку, обезвредим все происки врагов нашей великой родины, сделаем каждую нашу партийную организацию, каждый завод, каждое учреждение крепостью, неприступной для троцкистско-бухаринских и иных агентов иностранных разведок.

Врагам мы жить не дадим — выкорчем, разгромим и уничтожим их до конца.»

Обложка книги А. Даллина и
Ф. Фрисова «Димитров и Сталин».

Владимир ПЯТНИЦКИЙ

Способный ученик

Сталин заменил Пятницкого* Димитровым, очень популярным после Лейпцигского процесса о поджоге рейхстага. Но не в популярности Димитрова было дело. Димитров, об этом часто говорили дома отец и его друзья, приходившие к нам и знавшие Георгия по партийной работе, был очень бесхарактерным человеком.

Он беспрекословно подчинялся Сталину, а значит, выполнял в Коминтерне любую его волю. С Пятницким такие игры не проходили. Что касается бурной реакции и неожиданной покорности Коминтерна, то здесь все объясняется довольно просто. Большевистская партия была одной из крупнейших секций Коминтерна. В тридцатые годы он фактически существовал на советские деньги. Напомню, что и штаб коммунистического движения работал в Москве, в стране

победившего социализма. Вот потому Коминтерн был вынужден во имя сохранения собственных рядов «отдать» Пятницкого. Кстати, уже после ареста поводом для обвинения в шпионаже стали именно связи отца с западными коммунистами... Димитров был очень напуган. Все помнили сталинскую реплику по поводу позиции Коминтерна в отношении ареста Радека. Сталин сказал Димитрову: «Вы все там в Коминтерне работаете на руку противника».

Из документов, найденных Владимиром Пятницким. «7 ноября 1937 года во время демонстрации на Красной площади Сталин сказал Димитрову: «С разъяснениями по вопросу о раскрытых фактах о контрреволюционной деятельности в ВКП(б) и Коминтерне надо подождать... Пятницкий — троцкист и замешан в шпионаже».

В тот же день на торжественном обеде Сталин произнес тост, в котором заявил, что следует уничтожать каждого врага, будь он даже старым большевиком. «Мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями, да и мыслями, покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать».

Георгий Димитров заявил: «Я не могу ничего прибавить к тому, что товарищ Сталин сказал насчет беспощадной борьбы против врагов... Я сделаю все, что в моих силах, чтобы это было учтено в Коминтерне».

Из интервью газете
«Невское время» № 202. 1993 г.

*Осип Пятницкий (Иосиф Таршис) — известный революционер, подпольщик, агент «Искры», один из организаторов московского вооруженного восстания. После создания Коминтерна Пятницкий возглавил Отдел международных связей и взял на себя основную организаторскую работу в Коминтерне. В 1937 году Пятницкий был арестован за выступление на июньском пленуме ЦК против передачи НКВД дополнительных полномочий и лично против Ежова. В 1938 году Пятницкого расстреляли.

8–10 марта 2003 года в болгарских городах Софии, Пловдиве и Кюстендילה прошли трехдневные торжества, посвященные 60-летию спасения болгарских евреев в годы Второй мировой войны.

Во всех школах Болгарии прошли «Уроки достоинства», посвященные истории спасения болгарских евреев.

Димитру Пешеву, Петру Михалеву, Асену Суичмезову, Ивану Момчилову и Владимиру Куртеву присвоено звание Почетных жителей Кюстендילה.

10 марта объявлен в Болгарии Днем памяти жертв Холокоста.

Публикуемые ниже материалы рассказывают о том, что происходило в Болгарии в 1943–44 годах, как, по словам Георгия Пырванова, болгарский народ, спасая евреев, спас достоинство болгарской нации.

СПАСЕНИЕ

Стефан СТОЯНОВ

СУМЕТЬ СКАЗАТЬ «НЕТ»

ВЫНУЖДЕННЫЙ АНТИСЕМИТИЗМ

В начале второй мировой войны в идеологии и политике монархо-фашистской диктатуры начал проявляться антисемитизм. Но тогда он не был обусловлен внутренней потребностью режима, а насаждался извне, являлся следствием и результатом курса на политическое подчинение гитлеровской Германии.

На начальном этапе войны болгарское правительство, стремясь к экономическому и политическому сближению с рейхом, тем не менее, всячески старалось избежать прямого участия болгарии в военных действиях. Оно пыталось нейтрализовать давление извне, делая уступки в областях, считавшихся второстепенными по сравнению с главным – вступлением в войну.

В конце 1942 г. Берлин усилил требования о проведении более жесткого антисемитского курса. Правящим кругам, в разрез с их намерениями и целями, в соответствии с тактикой разделения целей на главные и второстепенные, в конце концов пришлось уступить. Жизнью болгарских граждан еврейского происхождения решено было пожертвовать ради достижения более высокой цели – уверить Гитлера в поаяльности царя.

28 августа 1942 г. был создан «Комиссариат по еврейским вопросам» во главе с активистом болгарской фашистской организации «Ратник» Александром Белевым. Комиссариат, не мешкая, приступил к работе. Для евреев был введен комендантский час – с 21-го часа. До 10 часов утра им запрещалось делать покупки. Это распространялось и на товары первой необходимости. В ряде городов страны они могли свободно выходить из дома только на два часа в сутки. В еврейских домах конфисковали радиопри-

емники, телефоны, пишущие машинки. Евреям запретили заниматься интеллектуальным трудом. В торговые фирмы, что покрупнее, назначали главных управляющих, выполнявших роль ликвидаторов. В банках были заблокированы счета еврейских вкладчиков. В отношении владельцев маленьких магазинов принимались жесткие меры, которые, по сути дела, вели к их разорению. Стоило только стемнеть, как группы пьяных молодчиков, подстрекаемых фашистской пропагандой, устраивали погромы и грабежи. И чтобы полностью уподобить страну прочим «возрожденным тысячелетним рейхом землям», в обязательном порядке были введены постыдные знаки средневекового невежества: шестиконечная желтая звезда на лацкане верхней одежды, таблички «Еврейское жилье» на дверях и «Евреям вход запрещен!».

Оставалось исполнить последнюю, самую зловещую часть плана – переправить евреев в Майданек, Освенцим, Бухенвальд... С так называемых «новых земель» царства немецкие оккупанты выслали почти всех евреев. Остались только те, что жили в пределах старых границ.

По просьбе дворцовых антисемитов в Софию прибыл личный представитель Гитлера гауптштурмфюрер Теодор Данеккер, чтобы осуществлять методическое руководство действиями Александра Белева в ходе операции. В тщательно подготовленных договорах уже была уточнена сумма, которую царское правительство обязалось уплатить Германии за освобождение страны от «национальных врагов». Немного поторговавшись, Совет Министров 2 марта 1943 года утвердил соглашение об отправке первой партии евреев – 20 тысяч человек – в газовые камеры. И они уже фигурировали в отчетах гестапо.

БУРЯ В ВЕРХАХ

19 марта 1943 г. премьер-министр Болгарии Богдан Филев получил письмо с выражением протеста против депортации евреев, подписанное 43 депутатами. Инициатором выступления был заместитель председателя Народного собрания Димитр Пешев. *(В 1944 году по приговору прокоммунистического «Народного суда» был осужден на 15 лет тюремного заключения. После освобождения уехал в Израиль. Удостоен звания «Праведник мира» – прим. ред.)* «Это большая демонстрация, которая не останется без последствий», – записал в своем дневнике Филев и весьма энергично взялся за парламент. На депутатов был оказан сильный нажим, и они начали отказываться от своих подписей. На заседании, проходившем 24 марта, депутаты вынесли вотум доверия правительству. Народное собрание без лишнего шума и какого бы то ни было обсуждения, несмотря на протесты немногочисленной оппозиции, освободило Пешева от обязанностей заместителя председателя.

Но акция Пешева достигла своей цели. Подготовка к депортации была приостановлена.

Пешев принадлежал к числу близких друзей и соратников царя. Это обстоятельство и использовалось еврейской и демократической общественностью Кюстендила (*Кюстендил – город на западе Болгарии, в котором в начале войны имела большая еврейская община – прим. ред.*), чтобы с помощью правящих

кругов помешать депортации. Но маловероятно, что Пешев пошел на такой шаг, не уведомив царя.

Следовало найти достаточно веский предлог, чтобы отказать от уже заключенного соглашения. Антиправительственные выступления можно было бы использовать как доказательство высказанных ранее царем соображений относительно того, что в Болгарии еврейский вопрос не имеет большого значения и что крайних мер народ не поддержит. Но вряд ли на Гитлера произвели бы особое впечатление реакция коммунистов или речи оппозиционеров в парламенте, известных своей антигерманской и прозападной ориентацией.

Появление Д. Пешева во дворце с протестом против готовящегося злодеяния подсказало царю аргумент, который мог бы иметь вес в Берлине – значительная часть верхушки прогерманского лагеря выступает против депортации. В этом смысле выглядит основательным предложение, что акция Д. Пешева была согласована с царем**.

УДАР В СОФИИ

В столице в то время проживало около 25 тысяч евреев, то есть половина того количества, которое было решено вывезти из страны. Поэтому, взбешенные своим провалом в Кюстендиле и Дупнице (город

*О «Праведниках мира» см.: «Карта». – № 32-33. С. 30.

** В 1996 г. болгары, живущие в Израиле, в память о событиях 1943 года посадили «Лес болгарского народа» и установили на его территории памятники Борису III, его жене царице Джулиане и Димитру Пешеву.

Разгон демонстрации в Софии против депортации евреев. Акварель Н. Мирчева. 1943 г.

на западе Болгарии – прим. ред.). Белев и Данеккер постелили взять реванш. Как гласило изданное ими предписание, до 30 сентября «вопрос следовало решить». Предусматривалось вывозить из страны по 16 тысяч евреев в месяц, при этом считалось нежелательным разбивать партии на части.

В государственной типографии уже печаталась повестка следующего содержания: «В трехдневный срок с момента получения настоящей повестки вам надлежит явиться в указанный пункт с ручным багажом весом не более 30 кг». В Софии операция намечалась на 24 мая 1943 г.

Леденящая душу новость быстро распространилась. Несмотря на полицейский контроль, рабочему типографии удалось вынести один экземпляр повестки и передать его друзьям – коммунистам Исааку Франсезу и Фиделю Баруху. На следующее утро на главных улицах города появились листовки с призывом к борьбе.

Столица стала свидетелем сцен, которые наверняка пришлось наблюдать жителям Мадрида и Барселоны в 1492 г., когда Великий инквизитор Торквемада изгнал евреев из своего католического королевства. На улице Пирот – главной артерии бедняцкого квартала Ючбунар – скопилось множество евреев. Они продавали или меняли на продукты все, что можно продать или обменять: мебель, одеяла, простыни, женщины продавали свои скромные украшения, дети – свои детские «сокровища». Торговались так же, как когда-то в Испании. «Виноградник за осла» – эта горькая прибаутка снова была в ходу.

А город был похож на поле сражения перед первым выстрелом. Напряжение достигло своего предела. Во дворец сыпались протесты. Писатели, общественные деятели, профессора университета и даже товарищество парикмахеров – протестовали все, в том числе люди, стоявшие в стороне от политики. Полиция была приведена в состояние боевой готов-

ности. К протестам своей паствы присоединились многие представители духовенства. Премьер-министр Богдан Филев ужесточал меры поддержания порядка. В такой обстановке царь Борис III решил поехать на охоту...

Рассказывает Бети Данон, коммунист, в то время отвечавший за столичный район Ючбунар:

«Рано утром 24 мая во дворе центральной синагоги и на прилегающих к ней улицах начал собираться народ. Но двери были закрыты. Не хочу обвинить никого из консистории. Они просто думали, что, если не давать повода для вмешательства полиции, удастся избежать страшной участи наших братьев из Польши и Германии. Недолго покопавшись, мы отправились в малую синагогу в Ючбунаре. И она оказалась закрытой, но раввин Давид Цион не выдержал. Влез на подоконник, ногой разбил стекло и открыл синагогу изнутри. После службы мы ушли. В это время на улицы вышли десять тысяч человек – евреи и болгары.

На площади Возрождения нас поджидала полиция. Завязалась жестокая схватка. По данным полиции, в тот день было арестовано свыше 400 человек. Аресты продолжались несколько дней. Для задержанных создали специальный лагерь «Сомовит». Мы покинули улицу Клементины поверженные, но не побежденные. И все-таки, хоть нас выселили из Софии, но того, чего хотели фашисты, не произошло».

Димитр Пешев

ОТРЫВКИ ИЗ ПРОТЕСТОВ, НАПРАВЛЕННЫХ В АДРЕС ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА «ЗАКОНА О ЗАЩИТЕ НАЦИИ»

ОТ ИМЕНИ БОЛГАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

... Мы крайне удивлены и даже смущены тем, что в Болгарии дело дошло до принятия «Закона о защите нации», на которую никто не нападал и которой никто не грозил. Мы считаем такой закон неприемлемым. В нашем законодательстве не должно быть закона, порабощающего хотя бы часть болгарских подданных, в противном случае в новейшую историю отечества будет вписана черная страница.

В историческом прошлом болгарское племя преследовали и унижали. Изши отцы помнят постыдное иго. У нас еще не прошли, по выражению народного поэта, «синяки от бича, следы от страданий».

Неужели и мы из чувства подражания должны вступить на опасный путь и перечеркнуть себя как свободный и культурный народ?

Мы защищаем не то или иное меньшинство, а скорее, доброе имя нашего народа в культурном мире и призываем тех, от кого это зависит, не допустить принятия подобного закона и тем самым не подорвать престиж страны и завоеванные традиции веротерпимости и чеповечности.

София, октябрь 1940 года.

Подписали:

Т. Влайков, Елин Пелин, С. Чилингиров, К. Константинов, Никола Филипов, Хрисан Цанков-Дерижан, Людмил Стояков, Элисавета Багряна, Младен Исаев, П. Горянский, Николай Лилиев, Мирослав Минев, В. Русапиев, Илия Волан, Д. Б. Митов, Никола Джеров, П. Н. Икономов, Ана Каменова, Грегор Чешмеджиев, Минко Генов, Трифон Кунев.

Листовки, телеграммы и письма протеста против преследования евреев. Фото из экспозиции Национального архива Болгарии.

ПИСЬМО ГРУППЫ ПАРИКМАХЕРОВ:

Господин министр!

Сегодня, в столь тревожные дни, требующие сплочения всего болгарского народа, принимаются решения, идущие не только вразрез с его волей, но и во вред ему. Одним из них является решение о принятии проекта «Закона о защите нации».

Мы не знаем, прислушаетесь ли вы к справедливому голосу класса, больше всего способствовавшего процветанию нашего народа. Мы работаем бок о бок с нашими соотечественниками-евреями и, если потребуется, вместе будем гибнуть на фронтах, как гибли наши и их отцы. Мы не видим в них ничего плохого, а их хотят оторвать от нашего народа, лишив всех прав. И если преследовать спекулянтов (евреев), то надо преследовать и наших (спекулянтов).

ОТ ТОВАРИЩЕСТВА ПРИКАЗЧИКОВ:

Что касается разработанного Советом Министров проекта «Закона о защите нации», мы нижеподписавшиеся приказчики считаем, что вершится неправда, ибо евреев, работающих в торговле, хотят лишить малейшей возможности зарабатывать себе на жизнь.

Писали и группы граждан, не состоявших в профессиональных союзах и обществах, как, например, группы четвертого и шестого избирательных участков Софии:

Господин Председатель, господа министры!

Со вторника началось рассмотрение «Закона о защите нации», лишаящего экономических и гражданских прав несколько десятков тысяч болгарских граждан — евреев, преданных отечеству и давших многие тысячи убитых и раненых на полях сражений в былые годы, готовых и сейчас пропить кровь за отечество. Этим законом отрицается наш основной закон — конституция. Законом о подданстве (статья «Закона о защите нации») узаконяется полный произвол административных властей, им дается право лишать подданства болгарских граждан под предлогом, будто они представляют «опасность для общественного порядка». А между тем имеются законы, гарантирующие полную безопасность страны в этом плане. Закон ставит крест на конституционных свободах народа, за которые наши деды проливали кровь. Упраздняются организации, искреннеяются любые признаки самоуправления и, если так будет продолжаться и далее, наступит темная непроглядная ночь в душе нашего народа. Необходимо воспрепятствовать принятию закона, противного нашему духу. Предоставить амнистию, отказаться от интернирования и таким образом прекратить насилие.

Иван ПЕТРОВ

«Я УКРОЮ ВСЕХ ЕВРЕЕВ В ЦЕРКВИ!»

Потрясает смелость болгарских православных и католических священников, евангелистских пасторов и всех служителей христианского культа, явленная в спасении еврейского населения во времена фашизма.

Софийский митрополит Стефан, узнав от председателя столичной еврейской общины о том, что Комиссариатом уже подготовлены первые списки видных евреев, подлежащих высылке в гитлеровские лагеря смерти, заявил перед всеми присутствовавшими в митрополии: «Я укрою евреев в церквях и монастырях, но не выдам их на расправу». За несколько дней до этого он лично направил телеграмму премьер-министру Богдану Филову с просьбой отменить домашний арест евреев в Юс-

тендиле и Дупнице. Он несколько раз писал царю и даже встречался с ним.

Софийский митрополит заявил, что не намерен считаться и с другим решением правительства, конкретно, с распоряжением директора отдела вероисповеданий Сарафова, который уведомил церковь о том, что «министерство будет признавать только те свидетельства о крещении евреев, которые были выданы до 1943 года».

В ответ на эту меру митрополит опубликовал воззвание к священникам, занимающимся вымогательством, обирающим приобщающихся к лону церкви евреев, и призвал их «не превращать величественное таинство крещения в торговлю с целью наживы». А в письме к царю писал буквально следу-

ющее: «Давайте не делать мерзостей, за которые когда-нибудь нашему добродушному народу придется испытать стыд, а может быть, и другие невзгоды». Митрополит дошел до угрозы, что сам сядет под домашний арест, если евреи из Кюстендила и Дупницы не будут освобождены. За это он был обвинен фашистской организацией «Отец Паисий» и «Организацией болгарских легионов» в «родоотступничестве и предательстве».

Другое высшее духовное лицо — пловдивский митрополит Кирилл, впоследствии болгарский патриарх, тоже не убоился потревожить царский дворец, воззвав к совести монарха.

В письме Борису III он потребовал, чтобы тот немедленно отменил варварский приказ, в противном случае, говорил далее митрополит, он не отвечает за действия народа и духовенства. По воспоминаниям очевидцев, он предупредил местные полицейские власти о том, что заявил евреям беднейшего квартала Орта Мезар: «Я предоставляю вам свой дом. Посмотрим, удастся ли им выдворить вас отту-

да!» Он вторично пишет Борису III и Филову, что с крестом в руках пойдет в Польшу впереди конвоя с евреями.

На эти строки были написаны им в день гнева. Возвратимся на несколько лет назад. Еще 15 сентября 1940 года Святейший Синод Болгарской православной церкви принял декларацию протеста против законов Комиссариата, которую подписали: заместитель председателя Святейшего Синода Видин Неофит и все митрополиты: софийский — Стефан, доростолочервенский — Михаил, врачанский — Паисий, великотырновский — Софроний, варненский — Иосиф Преславский, пловдивский — Кирилл, ловечский — Фипарет и сливенский — Евлогий.

Святейший Синод протестовал также против запрещения «лицам еврейского происхождения» вступать в брак с христианами и крестить детей от этих браков.

Болгарская православная церковь до конца осталась верной своей позиции и тем самым доказала, что хорошо чувствует душу своего народа.

Ангелина ПЕТРОВА

ВИЗЫ, СПАСШИЕ ЖИЗНЬ

Несмотря на заверения, болгарское правительство не отказалось от намерения разрешить транзитный проезд через Болгарию еврейских детей, следующих из Румынии в Палестину. Вначале говорилось, что согласие дается для отвода глаз и за ним последует отказ со ссылкой на технические трудности. Однако установлено, что болгарское представительство в Бухаресте по приказу министерства иностранных дел Болгарии выдало транзитную визу для перевозки еврейских переселенцев.

До своего адресата — Главного имперского управления безопасности в Берлине — это донесение консула министерства иностранных дел Германии Вальтера Пауша от 7 апреля 1943 г. дошло с опозданием. Директор консульско-хозяйственной дирекции болгарского министерства иностранных дел Никола Пацев и советники Никола Вачев, Харри Левенсон и Любен Златаров начали «двойную», по выражению Пауша, деятельность еще в начале 1941 г. По их распоряжению болгарские представительства в Будапеште и Бухаресте удовлетворяли просьбы о транзитном проезде через Болгарию венгерских и румынских евреев, а также евреев из Португалии, Франции, Швейцарии, Египта, Турции и Испании, которых в Румынии и Венгрии застал гитлеровский закон о чистке Европы. Четыре чиновника идут на это, несмотря на категорическое распоряжение болгарского правительства о выдаче транзитных виз евреям только с согласия болгарской службы госбезопасности. Они шли на риск, так как их вполне могли обвинить в саботаже решений правительства, которое в конце 1940 г. сумело провести через Народное собрание антисемитский закон, призванный служить свидетельством союзнической преданности Германии.

Они продолжали давать разрешения на транзитный проезд через Болгарию и после разоблачения со стороны германского представительства в Софии в 1943 г. «Хотя антисемитское законодательство в союзническом балканском государстве, — говорилось в нем, — сравнительно неплохо утверждается, тут не только откладывают депортацию болгарских евреев в Польшу, но и помогают евреям из других стран».

До конца августа 1944 г. болгарские чиновники в Софии, благодаря транзитным визам, спасли жизнь почти 1000 евреев из европейских стран — детей, женщин, мужчин.

Общее число евреев, спасенных в результате действий болгарских государственных и общественных деятелей и простых граждан в 1943 — 1944 гг. составило 48000 человек.

По материалам журнала «Болгария»

Юбилейный конверт и почтовая марка.
Художник Тодор Варджиев.

БОЛГАРСКАЯ ГИЛЬОТИНА

Ивайла ВЫЖОВА

НИКОЛА ПЕТКОВ. ТРАГЕДИЯ ЛИДЕРА НАРОДНЫХ МАСС

В январе 1990 года на 13-й сессии Народного собрания НРБ девятого созыва было объявлено о полной гражданской и политической реабилитации Николая Димитрова Петкова и других репрессированных по политическим мотивам лиц. Решение было принято большинством голосов. Народное собрание признало противоконституционными действия после 1 января 1946 года против Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) и реабилитировало эту организацию. Так, спустя более чем сорок лет с большой группой «земледельцев» и одного из самых видных лидеров БЗНС Николая Петкова были окончательно сняты малейшие подозрения в некоем «предательстве».

Кто такой Никола Петков? Каким было его политическое кредо? За что он боролся и как погиб? На эти вопросы мы можем найти ответы только теперь.

Никола Петков родился в 1893 году в сильно политизированной семье. Его отец Димитр Петков — один из видных лидеров Либеральной партии, которую в то время возглавлял известный болгарский государственный деятель Стефан Стамболов. Димитр Петков был мэром Софии, министром благоустройства, трижды — председателем Народного собрания, был даже премьер-министром. В начале века в болгарской политической жизни не обходилось без уличных убийств — так погибли Стефан Стамболов и Димитр Петков. В семье Петковых много говорили о политике, ею увлеклись и Никола, и его младший брат Петко, но в формировании мировоззрения братьев решающую роль сыграли внушительная фигура Александра Стамболийского, бесспорного лидера БЗНС, и место самого Болгарского земледельческого народного союза, которое он смог занять в конкретных условиях страны. Никола и Петко не пошли по политической стезе своего отца, а уже в начале 20-х годов включились в движение «земледельцев» (членов БЗНС). Они руководствовались разумом, эмоциями, обостренным чувством патриотизма.

Никола Петков поступил на юридический факультет Софийского университета, продолжил учебу в Сорбонне, работая одновременно секретарем болгарского посольства в Париже. Тогда-то он узнал о трагическом событии на родине — фашистском перевороте 9 июня 1923 года. Правительство БЗНС во главе с Александром Стамболийским было свергнуто, а сам он зверски убит. Наступили годы фашистского террора. Без колебаний Н. Петков подает в отставку, становится политическим изгнанником, энергично участвует в акциях по разоблачению кровавого режима в Болгарии, готовит к изданию книгу об А. Стамболийском.

Носудьба нанесла ему новый удар — его брат Петко Петков, избранный депутатом Народного

Елена ВАЛЕВА

Политические судебные процессы в Болгарии в 1944–1948 гг.

9 сентября 1944 года политическая власть в Болгарии перешла в руки представителей партий, объединившихся в 1942 — 1943 гг. в Отечественный фронт (ОФ), руководимый коммунистами. Сразу же после прихода к власти новое правительство приступило к радикальным политическим и экономическим преобразованиям. Начала проводиться в жизнь программа, изложенная в Манифесте Национального комитета Отечественного фронта к болгарскому народу от 28 августа 1944 г. Среди прочих требований в нем фигурировал пункт 9-й, который гласил: «Народный суд над виновниками катастрофической политики, проводившейся до сих пор, и над всеми виновными в злодеяниях в отношении народных борцов и мирного населения Болгарии и оккупированных областей». Этот пункт почти дословно был позже включен в программу правительства ОФ, оглашенную новым премьер-министром К. Георгиевым на массовом митинге в Софии 17 сентября 1944 г.

Вопрос о «народном суде» был поставлен болгарскими коммунистами еще в годы войны. В 1942 г. по нелегальной радиостанции «Христо Ботев», находившейся в Москве, Заграничное бюро Центрального комитета Болгарской рабочей партии (ЗБ ЦК БРП) предупреждало, что по окончании войны на скамье подсудимых международного трибунала окажутся и представители болгарских правящих кругов как соучастники гитлеровцев. В то же время ЗБ ЦК БРП призывал не выжидать, а начать «суровое народное возмездие» немедленно. Специальные боевые группы, составленные из коммунистов и комсомольцев, убивали сельских старост, сборщиков налогов, полицейских и других «народных кровопийц». Однако поистине массовый характер эти акции приобрели после 5 сентября 1944 г., когда Советский Союз объявил войну Болгарии. При этом надо отметить, что значительное число убитых стало жертвами люмпенов, не имевших партийной принадлежности и часто сводивших личные счеты.

Накал гражданской войны достиг таких масштабов, что вызвал беспокойство в руководстве БРП(к). 11 сентября 1944 г. Г. Димитров, фактически возглавлявший тогда Отдел международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б), дал из Москвы указание ЦК БРП(к) приступить к созданию народных судов для рассмотрения дел «предателей» и «фашистских преступников». Спустя два дня руководство БРП(к) сообщило в Москву: «В первые дни революции стихийно были сведены счеты со злейшими врагами, попавшими в наши руки. Сейчас принимаются меры к тому, чтобы этими делами занимались соответствующие органы правопорядка. Министр правосудия работает над созданием народных судов и следственных комиссий». 25 сентября в Москву была направлена шифрограмма, в которой говорилось, что готов «законопроект о народном суде», «принята самая короткая процедура». В начале октября ЦК БРП(к) сообщил Димитрову: «Рево-

люционную чистку решительно заканчиваем». Однако наряду с этой, в какой-то мере, неизбежной стихийностью «чистка», начавшаяся в сентябре 1944 г., отличалась и планомерностью. Большая часть ее жертв — это люди, уничтоженные по заранее составленным спискам и с вполне определенной целью — ликвидировать всех деятелей и сторонников правых (по коммунистической терминологии) партий.

В первые двое суток после прихода к власти правительства ОФ были арестованы регенты при малолетнем царе Симеоне, министры кабинетов, функционировавших с 1 января 1941 г. до 9 сентября 1944 г., депутаты парламента. На их имущество был наложен секвестр. Для того чтобы придать этим действиям, а также проходившим по всей стране массовым арестам видимость законности, 12 сентября 1944 г. принимается специальное постановление Совета министров. Другим постановлением, от 10 сентября, было узаконено создание народной милиции. Фактически ее функции уже начали исполнять на местах боевые группы БРП(к).

С самого начала в проводимую болгарскими коммунистами политику вольно или невольно оказались вовлеченными их союзники в правительстве Отечественного фронта — представители левых течений в болгарском земледельческом народном союзе (БЗНС), Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП) и Народном союзе «Звено». Однако все чаще незаконные аресты и «бесследные исчезновения» лиц, объявленных «политически опасными», вызывали негативную реакцию союзников БРП(к). Не желая на этом этапе портить с ними отношения, коммунисты пошли на временные уступки. 1 октября 1944 г. ЦК БРП(к) телеграфировал Г. Димитрову в Москву: «В связи с известным недовольством, выраженным нашими мягкотелыми союзниками по поводу революционной ликвидации фашистской агентуры, решили: чистка продлится еще неделю, после чего начнут работать народные судьи, и чистка будет проходить законным путем».

3 октября 1944 г. указом нового регентского совета был утвержден Декрет о предании Народному суду виновников вовлечения Болгарии в мировую войну против Объединенных наций и связанных с этим злодеяний. В интервью печатному органу БРП(к) — газете «Работническо дело» от 12 октября 1944 г. главный обвинитель коммунист Г. Петров заявил, что историческая деятельность Народного суда будет развиваться под лозунгом «Смерть фашизму!». Что же скрывалось за этими словами на самом деле?

В опубликованной в тот же день декларации центральных руководителей партий, входящих в ОФ, подчеркивалось, что вне ОФ не существует демократических политических организаций. Отсюда следовало, что к фашистам будут отнесены, помимо прочих, члены Демократической и Радикальной партий, а также сторонники правых — в БЗНС во главе с лидером Д. Гичевым и в БРСДП во главе с Кр. Пастуховым, то есть все те, кто отказался от сотрудничества с коммунистами на основе программы ОФ. Что же касается лиц, непосредственно связанных с властными структурами буржуазной Болгарии, — регентов, членов пяти последних правительств, депутатов парламента, придворных советников, высших духовных и военных чинов, — то на них с самого начала был наклеен ярлык «народных предателей» и «преступников», которым не должно быть пощады. Будущий лидер объединенной оппозиции «земледелец» Никола Петков так охарактеризовал предстоящий «народный суд»: «Будут судить регентов, министров, депутатов, военных и полицейских, объявленных фашистами. Это расправа с болгарской государственностью, а не с гитлеровскими агентами».

собрания от БЗНС, 14 июня 1924 года был убит на улице. Это раз и навсегда определило выбор Н. Петкова — он посвятил себя служению народу, партии, в которой состоял, которая избрала своей путеводной звездой идею демократии, свободы, народовластия, установления республики.

Возвратившись на родину после частичной амнистии, Никола Петков продолжает активную политическую и журналистскую деятельность: он член Постоянного присутствия БЗНС, главный редактор газеты «Земледельско знаме». Но 19 мая 1934 года царь издает указ о запрещении в Болгарии политических партий, любой политической деятельности Земледельческий союз продолжает борьбу в нелегальных условиях, выпускает книги, брошюры, манифесты, листовки. В руководящем ядре выделяются фигуры д-ра Г. М. Димитрова-Гемета и других лидеров объединенных «земледельцев», среди которых был и Н. Петков. Несмотря на полицейский террор, в 1938 году Никола Петков был избран в Народное собрание от Софийской сельской коллегии.

В Народном собрании он решительно отстаивал свои антифашистские, республиканские, демократические идеи, за что был отстранен от работы в парламенте и выслен из столицы. Но Н. Петков продолжает действовать, не порывает контактов с объединенными «земледельцами» в Болгарии и за ее пределами (в это время Г. М. Димитров был в эмиграции).

Среди оппозиционных течений внутри самого БЗНС были разногласия, но Н. Петков уверен: единственный для Болгарии выход из сложного положения — сплочение революционных сил в борьбе против фашизма. Именно Никола Петков представляет БЗНС в первом составе Национального совета Отечественного фронта, созданного в августе 1943 года. Он поддерживает идею образования Отечественного фронта, потому что убежден: народовластие возможно только при равноправном сотрудничестве всех демократических сил, при наличии многопартийной системы, которая сама по себе является выражением народовластия. В статье «О демократии» («Земледельско знаме» от 18 ноября 1944 г.) он пишет: «И сегодня сущность демократии выражается идеями Французской революции о свободе, братстве и равенстве... Нет подлинной демократии без полной свободы — политической и экономической...»

В первом послевоенном правительстве Отечественного фронта Никола Петков был министром без портфеля, а партией «земледельцев» руководил возвратившийся в страну Г. М. Димитров (де повторной эмиграции в 1945 г., навязанной в качестве условия сохранения БЗНС взвешившими верх сталинскими течениями в Болгарской коммунистической партии).

Сегодня известно: Сталину очень хотелось ликвидировать оппозицию в Болгарии, где многие слепо верили, что оппозиционные силы уведут страну с верного пути к социализму, о котором так мечтали, который так восхваляли... Начинается период конфронтации, столкновения между коммунистами и членами БЗНС — повсюду, начиная с центра до последней деревушки. Кое-где против членов БЗНС пвели настоящую кампанию репрессий. Тогда Никола Петков и другие министры от Земледельческого союза, а также группа представителей Социалистической партии подают в отставку, закладывают основы объединенной (вс еще законной) оппозиции. Начи-

нает выходить газета «Народно земеделско знаме» — орган оппозиционного БЗНС. Назначенные выборы поставили оппозицию в неблагоприятное положение. Напомним, что в то время в стране еще действовала Союзническая контрольная комиссия. По настоянию англичан и американцев выборы откладываются. В результате референдума в сентябре 1946 года Болгария была провозглашена республикой — этот факт удовлетворял почти все общественные силы страны. В октябре 1946 года были объявлены выборы в Великое народное собрание — последние выборы с участием оппозиционных сил. Несмотря на трудные условия, на, прямо скажем, террор, оппозиция получает в парламенте 101 место из 364. Никола Петков возглавляет в Народном собрании объединенную оппозицию. В мае 1947 года он предлагает проект новой Конституции Болгарии, согласно которому страна должна стать народной республикой с демократическим парламентарным управлением, свободным независимым государством, единой и неделимой национальной общностью, управляемой согласно Конституции и созданным по ее предписаниям законом.

Н. Петков выступает против однопартийной власти, указывая, что верный путь для Болгарии — народовластие и многопартийное управление.

5 июня 1947 года американский сенат ратифицировал мирный договор с Болгарией, подписанный в феврале предыдущего года. И тогда, как по сигналу, правительство вносит в парламент резолюцию о снятии с Никола Петкова иммунитета депутата Народного собрания. Ему предъявляются абсурдные обвинения в военном заговоре против законной власти. В острых прениях Н. Петков сохраняет удивительное самообладание, он не только категорически отвергает обвинения, но и заявляет: «Мои позиции такие же, что были и 9 сентября 1944 года. Эти позиции предполагают равноправное сотрудничество с Рабочей партией, право на свободную организационную жизнь для Болгарского земледельческого народного союза».

Никола Петков был отдан под суд, осужден на смерть и казнен, несмотря на протесты представителей мировой общественности.

Казалось, его имя было навсегда стерто из истории Болгарии. Но Петков вернулся. Его имя носит возрожденный Земледельческий союз, проспект в Софии, институт. Его идеи оказались востребованы новыми поколениями болгар.

Для подготовки столь масштабного процесса, такого еще не знала болгарская судебная практика, было отведено всего три месяца. Сами заседания по двум центральным процессам — против членов пяти кабинетов министров, регентов и придворных советников и против депутатов Народного собрания 25-го созыва — длились немногим более месяца. На протяжении всего этого времени на суд оказывалось политическое давление со стороны властей, а также через средства массовой информации и организованные по всей стране массовые акции. В течение нескольких месяцев издавалась специальная газета «Народный суд», на страницах которой помещались главным образом устрашающие снимки казненных в годы войны партизан и свидетельства очевидцев о злодеяниях жандармерии и полиции с целью разжигания ненависти населения к представителям бывшего правящего режима. Перед судом был поставлен именно режим в целом, а не отдельные политические, административные и хозяйственные деятели. Поэтому преобладающей мерой наказания стала смертная казнь, фактически без учета личной вины каждого подсудимого и даже при ее отсутствии.

Народный суд в Болгарии проходил при полной поддержке Москвы. Г. Димитров подробнейшим образом информировал советское руководство о ходе судебных процессов. 12 декабря 1944 г. он направил Сталину и Молотову полученное им 6 декабря сообщение министра юстиции Болгарии коммуниста М. Нейчева о подготовке к Народному суду: «Делается все возможное для того, чтобы начать 18 декабря рассмотрение двух главных процессов в Софии... В Софии и в провинции сформировано около 65 обыкновенных составов [судов] по 5 судей каждый. <...> Параллельно с двумя крупными процессами, но немного позже начнется особый процесс против участников (болгар) Катынского и Винницкого дел, с тем чтобы приговор по этому процессу был вынесен одновременно с приговором по двум центральным процессам. До настоящего времени по всей стране привлечено к ответственности перед Народным судом около 10 тысяч человек. Немногим из них удалось уклониться от суда. Их процессы, равно как и процессы против 15 лиц, изъятых советскими властями, согласно закону будут разбираться заочно. Суд по крупным процессам в Софии будет заседать в двух кинотеатрах в центре города. Будут установлены громкоговорители, для того чтобы придать большую гласность процессам. Некоторые процессуальные акты, например оглашение обвинительных заключений, речи обвинителей, будут передаваться по радио. Ныне организуется участие печати в процессах. Вероятно, будет издаваться специальная газета с более подробной информацией».

14 декабря Г. Димитров направил Сталину и Молотову перевод обвинительного акта. Кстати, при его подготовке в Софии вышла заминка. В ноябре 1944 г. Димитров сообщил Молотову о получении им от ЦК БРП(к) следующей шифrogramмы: «Дипломатическая переписка и другие документы министерства иностранных дел взяты советскими следственными органами и посланы в Москву. Часть этих документов, однако, теперь необходима для составления обвинительного акта против бывших фашистских правительств для Народного суда. Устройте так, чтобы срочно были сняты копии и документы возвращены, так как без них связаны руки государственного обвинителя». «Очень прошу дать указание, — писал Димитров, — чтобы необходимые документы были предоставлены в распоряжение болгарского государственного обвинителя для соответствующего использования».

Болгарские коммунисты просили вернуть не только документы, но и главных обвиняемых. Секретарь ЦК БРП(к) Тр. Костов запрашивал Димитрова: «До настоящего времени советскими органами взяты под арест регенты, 4 министра и 3 депутата. Некоторые из них еще не находились под следствием здесь. Если так будет продолжаться, то наш народный суд останется без министров. Будут ли они возвращены, с тем чтобы их судили мы, или их будут судить советские органы, или же будем судить их дважды – заочно мы и советские органы?» Получил ли Димитров какой-либо ответ на этот вопрос, автору не известно. Из Москвы регентов и министров привезли в Софию в конце января 1945 г., незадолго до суда и расстрела 1 февраля 1945 г.

[...]

Целенаправленно и планомерно с болгарской политической арены устранились люди, чей авторитет или активная деятельность мешали установлению единовластия БРП(к). Только этим можно объяснить, почему перед Народным судом предстали, например, министры последнего буржуазного правительства Болгарии, возглавлявшегося К. Муравиевым. Все пункты предъявленного им обвинения находятся в полном противоречии с их политической деятельностью. Никто из них не поддерживал прогерманский курс в годы второй мировой войны, некоторые, как Н. Мушанов, открыто, с трибуны Народного собрания выступали против проводившейся внешней политики. Приговоры, вынесенные министрам кабинета Муравиева, были более мягкими по сравнению с приговорами министрам предшествовавших правительств (лишь сам Муравиев и его заместитель В. Димов были приговорены к пожизненному заключению). Однако этих приговоров было достаточно, чтобы вытеснить из политической жизни Болгарии таких видных носителей либерально-демократических и аграристских концепций, как Н. Мушанов и А. Гиргинов (Демократическая партия), Д. Гичев, К. Муравиев, В. Димов (БЗНС «Врабча 1»), Ат. Буров (Народная партия).

Жестокость и бесчеловечность пронизывают многие документы, раскрывающие механизмы Народного суда и его незаконные методы. Одним из таких документов является протокол заседания Секретариата ЦК БРП(к) от 28 декабря 1944 г., составленного для устранения замеченных в ходе судебных процессов недостатков. Общее мнение сводилось к тому, что суд держится слишком либерально по отношению к подсудимым: им разрешается слишком много говорить, их не прерывают, защита ведет себя «недисциплинированно», «убивает политический эффект», не чувствуется руководства судьи и обвинителя. Рекомендовалось образовать в составе суда ядро из коммунистов, способное оказать влияние на остальных судей. Прессе было решено давать не весь материал, а только то, что разоблачает подсудимых. Высказывалось и пожелание судить министров и депутатов наравне и одновременно с уголовниками. Были намечены меры улучшения работы суда и прежде всего максимальное ускорение хода процесса путем более быстрой и краткой процедуры

допроса свидетелей. О бесчеловечном отношении к семьям осужденных свидетельствует радиограмма Г. Димитрова, направленная Тр. Костову в апреле 1945 г. В ней предлагалось срочно выселить в специальные районы родных и близких осужденных, а часть из них послать на принудительные работы. «Никакие соображения гуманности и милосердия не должны играть в данном случае никакой роли», – подчеркивалось в радиограмме.

С 20 декабря 1944 г. до конца апреля 1945 г. по закону о Народном суде по всей Болгарии состоялось 135 массовых процессов с 11 122 подсудимыми, в результате которых к смертной казни было приговорено 2730 человек, к пожизненному заключению – 1305 человек. Из 160 представителей социальной элиты буржуазной Болгарии – регентов, министров, депутатов парламента – ни один не был оправдан, а 103 из них были осуждены на смерть. Как удовлетворенно рапортовал Димитров секретарю ЦК ВКП(б) А. Жданову в июне 1945 г., «деятельность народных судов в Софии и по всей стране нанесла жестокий удар по внутренней реакции, ослабила позиции крупной буржуазии и явилась грозным предостережением для всех внутренних врагов нового, демократического режима в Болгарии». К этому прилагался подробный материал о судебных процессах на 40 листах.

Суровая чистка в Болгарии, затронувшая не только сторонников царского режима и прогерманской внешнеполитической линии, но и многих демократов с прозападной ориентацией, значительно превзошла по своим масштабам аналогичные «народные» судилища в других странах, оказавшихся в зоне советского влияния. Не исключено, что немалую роль в этом сыграли инструкции Г. Димитрова, переданные из Москвы в Секретариат ЦК БРП(к) о том, что все подсудимые должны быть осуждены. Главный обвинитель болгарского Народного суда Г. Петров искренне возмущался результатами аналогичного процесса в Венгрии: «Народный суд там издает такие мягкие приговоры, что его смело можно назвать чисто антинародным, пораженческим судом». Не лучшим образом, как он считал, дело обстояло и в Румынии: «Народный суд там остается только на бумаге – результатов никаких!» Даже в Югославии, по мнению Г. Петрова, «результаты этой большой народной акции ни в коем случае не достигнут результатов нашего Народного суда».

Прошедшие в Болгарии в 1944 – 45 гг. политические процессы со всей очевидностью показали, что коммунисты начали решительно расчищать путь к своему единовластию в стране. Народный суд, организованный и руководимый БРП(к) под зорким оком Москвы, занимает центральное место в послевоенных репрессиях в Болгарии. Однако с окончанием его деятельности преследования политических противников коммунистов не прекратились. В последующие годы перед судом болгарской компартии оказались оппозиционные партии и их лидеры, большинство которых были подлинными носителями демократических традиций. Некоторые из них (как Н. Петков, К. Лулчев) еще вчера были союзниками коммунистов по ОФ, но осмелились выступить про-

тив усиливающейся советизации Болгарии. Сам же Отечественный фронт все больше превращался в ширму, за которой БРП(к) прибирала к рукам всю политическую и экономическую власть в стране, сверяя при этом каждый свой шаг с Москвой. В соответствии с договоренностями «большой тройки» о разделе сфер влияния СССР имел возможность прямого воздействия на развитие внутривнутриполитических процессов в Болгарии. Это обеспечивалось присутствием здесь советских войск и оперативных групп НКВД, решающей ролью СССР в Союзной контрольной комиссии (СКК) в Болгарии, использованием системы политических, экономических и военных советников.

[...]

Единственной политической силой, способной тогда преградить коммунистам путь к утверждению монополии на власть, был болгарский земледельческий народный союз – партия, пользовавшаяся поддержкой крестьянства, наиболее многочисленной социальной группы населения страны. БЗНС имел массовое влияние не только в деревне, но и среди мелких предпринимателей города. В период с сентября 1944 г. по январь 1945 г. происходил процесс бурного роста членской массы и престижа Союза. Этому во многом способствовало возвращение в Болгарию из эмиграции признанного лидера партии доктора Г. М. Димитрова-Гемето. В 1941 – 1944 гг., преследуемый за свою антигерманскую деятельность, он находился в эмиграции на Ближнем Востоке, где создал при поддержке и финансировании англичан болгарский национальный комитет, который вел антигерманскую пропаганду через радиостанцию «Свободная и независимая Болгария». Возвращение д-ра Димитрова на родину в конце сентября 1944 г. сопровождалось небывалым триумфом. На национальной конференции БЗНС в октябре 1944 г. он избирается главным секретарем Постоянного присутствия (руководящего органа Союза). Деятельность Г. М. Димитрова на этом посту характеризовалась стремлением отстаивать независимый курс БЗНС в рамках ОФ, что не могло не вызвать противодействия коммунистов. БРП(к) расценила создавшуюся ситуацию – организационное восстановление и количественный рост БЗНС, увеличение популярности д-ра Димитрова в стране в ущерб авторитету коммунистических лидеров, прежде всего Г. Димитрова и В. Коларова, все еще находящихся в Советском Союзе, – как исключительно опасную для своих политических амбиций.

В Москве Г. Димитров в тесном контакте с советским руководством разработал стратегию, направленную на устранение БЗНС как сильного конкурента БРП(к) с болгарской политической арены. В качестве первого шага была поставлена задача отстранения д-ра Димитрова от руководства БЗНС и замены его человеком, который будет послушно выполнять волю БРП(к).

4 декабря 1944 г. газета «Работническо дело» начала кампанию против д-ра Г. М. Димитрова, который обвинялся в разжигании пораженческих настроений после включения болгарской армии в боевые действия против германских войск, а также в попыт-

ках саботировать единство Отечественного фронта. По настоянию коммунистов (получивших через заместителя председателя СКК Бирюзова указания из Москвы) 18-19 января 1945 г. БЗНС провел свою конференцию, на которой следовало переизбрать руководящий орган – Постоянное присутствие – и прежде всего главного секретаря. В своем отчете д-р Димитров привел данные, объяснявшие тревогу и его московского однофамильца, и самого Сталина: в начале 1945 г. БЗНС насчитывал 750 тысяч членов. Если принять во внимание, что состав компартии к середине января 1945 г. вырос до 254 тысяч человек (с 25 тысяч накануне 9 сентября 1944 г.), то становится очевидным, что Земледельческий союз представлял собой партию номер один по численности и влиянию в массах.

После своего отчета д-р Г. М. Димитров объявил, что уходит с руководящего поста Союза во имя сохранения единства БЗНС (именно такая «рекомендация» была дана Бирюзовым накануне во время встречи с министрами-«земледельцами»). Реакция участников конференции на заявление д-ра Димитрова была бурной и отрицательной. Лишь с четвертой попытки было избрано новое Постоянное присутствие. Главным секретарем Союза стал Никола Петков. В Москве его рассматривали как наиболее левое лицо БЗНС, способного повернуть партию к сотрудничеству с коммунистами на их условиях. Петков действительно был одним из самых левых «земледельцев» до 9 сентября 1944 г. Кроме того, он казался на первый взгляд более мягким и уступчивым, чем непримиримый антикоммунист д-р Димитров. Однако Н. Петков весьма скоро проявил решимость не допустить превращения своей партии во второразрядную сателлитную организацию, выполняющую чужую волю.

1 мая 1945 г. Трайчо Костов (в то время фактический руководитель болгарских коммунистов в стране) передал Н. Петкову рекомендацию Г. Димитрова созвать конференцию БЗНС с целью очистить Союз от последователей Г. М. Димитрова-Гемето и повернуть его курс к сотрудничеству с компартией на ее условиях. Н. Петков и министры-«земледельцы» Б. Бумбаров и А. Павлов, учитывая преобладающие настроения членов Союза, отказались созвать такую конференцию. 7 мая Димитров в разговоре по ВЧ с Бирюзовым и Костовым вновь просил передать Н. Петкову, чтобы он отмежевался от «геметовцев», принял участие в конференции и остался во главе Земледельческого союза и в правительстве. Если же Петков прямо или косвенно поддержит «геметовцев», предупреждал Димитров, то партия и он лично «будут вынуждены публично выступить против такого вредного для народа поведения». Когда коммунистам стала очевидна беспочвенность надежд на капитулянтство Петкова, их взгляды обратились к другим «земледельческим» лидерам. Роль руководителя коллаборационистской группы в БЗНС, назвавшей себя «левыми земледельцами», согласился играть крайне амбициозный Ал. Оббов.

В – 9 мая 1945 г. «левые земледельцы» провели конференцию, на которой постановили изгнать из Союза всех «геметовцев» и участвовать в предстоя-

щих парламентских выборах на основе единого списка всех кандидатов от Отечественного фронта. Формально Н. Петков сохранил свой пост, но по распоряжению министра внутренних дел коммуниста А. Югова вся собственность БЗНС, включая здание и газету «Земедельско знаме», была передана группе Оббова. Н. Петков, не участвовавший в конференции, отказался принять ее решения, счел действия МВД незаконными и превратил свой собственный дом в резиденцию БЗНС. Именно этот шаг, с которым солидаризировалось большинство членов Союза, в том числе министры А. Павлов и А. Держанский, знаменовал собой рождение болгарской демократической оппозиции.

[...]

Тем временем нападки на д-ра Г. М. Димитрова продолжались — его открыто обвинили в подготовке антинародного и антисоветского заговора. В конце апреля 1945 г. был издан приказ о его аресте и отправке в «трудовой воспитательный лагерь». В связи с болезнью д-р Димитров временно оставался под домашним арестом. Месяц спустя ему удалось бежать и укрыться в здании американского представительства в Софии. На следующий день, 25 мая, он был исключен из БЗНС. Болгарские власти не решились уничтожить д-ра Димитрова физически, опасаясь осложнений в отношениях с американцами, взявшими его под защиту и требовавшими разрешить ему выезд в США. Хотя позиция части руководства БРП(к), выраженная секретарем ЦК Т. Павловым, сводилась к тому, что «можно было бы не поднимать такого шума, скромно и потихоньку убрать его (Г. М. Димитрова. — Е. В.) Тогда РП (БРП(к). — Е. В.), да и правительство были бы освобождены от тех неудобств, в которых они теперь оказались». Известно и личное отношение вождя болгарских коммунистов к своему однофамильцу (ему приписывается фраза: «В Болгарии нет места для двух димитровых!»). Тем не менее, обсудив ноту американского представителя в Болгарии М. Барнса от 14 июля 1945 г. с просьбой разрешить ему отправить д-ра Димитрова в Америку, болгарское правительство дало следующий ответ: «Передать Димитрова болгарскому правительству, с тем чтобы потом сам Димитров обратился к болгарскому правительству с просьбой разрешить ему выехать в Америку, и оно гарантирует ему выезд в Америку». Естественно, это решение было согласовано с советским руководством. Сталин решил пойти на эту незначительную уступку западным державам. В начале сентября 1945 г. д-ру Димитрову был оформлен загранпаспорт, и он выехал вместе с женой в США.

Эмиграция Г. М. Димитрова и его политическая деятельность за границей стали поводом для судебного преследования его в качестве «шпиона» и «врага народа». Начались аресты его сторонников. В конце мая — июне 1946 г. состоялся «показательный процесс». Главного обвиняемого — д-ра Димитрова — судили «заочно». Еще 15 членов БЗНС обвинялись в пораженческой пропаганде во время военных действий Болгарии против немецких войск, в содействии побегу главного обвиняемого в мае 1945 г., в укрывательстве лиц, разыскивавшихся Народным судом.

ДИНЮ ШАРЛАНОВ

ТИРАНИЯТА

ЖЕРТВЫ И ПАЛАЧИ

Книга Диню Шарланова «Тирания», рассказывающая о репрессиях 40-50 годов в Болгарии.

Процесс шел с большими трудностями ввиду отсутствия серьезных доказательств и, главное, потому, что д-р Димитров покинул страну с официального разрешения властей. Тем не менее «заочно» он был приговорен к пожизненному тюремному заключению, десять обвиняемых получили различные сроки заключения, пятеро были оправданы.

Суд над д-ром Г. М. Димитровым открыл целую серию политических процессов против лидеров болгарской оппозиции. В июне 1946 г. состоялся суд над патриархом болгарской социал-демократии Кр. Пастуховым. Обвинения против него основывались на двух его статьях, в которых критиковалась политика компартии в армии. Но фактически это был процесс, на котором осуждению подверглась вся политическая деятельность Кр. Пастухова, ревностного защитника социал-демократических идей как до, так и после 9 сентября 1944 г. 72-летний Кр. Пастухов был приговорен к 5 годам строгого тюремного заключения. За несколько дней до своего освобождения, в августе 1949 г., он был задушен в тюремной камере посаженным к нему уголовником.

Летом 1945 г. союзником Н. Петкова в борьбе против монополизации власти коммунистами становится часть Болгарской рабочей социал-демократической партии. На нее также оказывалось массированное давление со стороны БРП(к) с целью превра-

щения партии в безликую сателлитную организацию. В июне – июле 1945 г. в БРСДП произошел раскол. Значительная часть членов партии, объединившись вокруг главного секретаря Косты Лулчева и Григора Чешмеджиева, отказалась капитулировать под натиском коммунистов и сохранила свою демократическую платформу и самостоятельность.

[...]

К середине августа политическая обстановка в Болгарии накалилась до предела. 14 августа министры-«земледельцы» подали в отставку в знак солидарности с Н. Петковым, который вышел из правительства двумя неделями раньше. Позиция Н. Петкова и его сторонников получила поддержку западных держав. 20 – 21 августа правительства США и Англии направили болгарскому правительству ноты, смысл которых сводился к следующему: если выборы не будут отложены, то США и Великобритания не признают правительство, которое образуется в результате этих выборов. 23 августа министр иностранных дел П. Стойнов, склонявшийся к поддержке оппозиции, неожиданно для многих членов кабинета и для руководства БРП(к) сделал заявление перед иностранными журналистами о том, что болгарское правительство не возражало бы против возможного решения СКК об отсрочке выборов. Узнав об этом, Димитров был разгневан. «Безобразие! Это скандальное, капитулянтское заявление неизбежно приведет к отсрочке выборов...» – отметил он в своем дневнике. Так и произошло. Опираясь на заявление Стайнова, представители США и Англии в СКК потребовали согласия своих советских коллег на отсрочку выборов. В противном случае западные державы пригрозили не признать их результатов и не заключать мира с Болгарией. Советские представители в СКК были вынуждены уступить. 25 августа, то есть за день до выборов, болгарское правительство было вынуждено объявить об их отсрочке. 30 августа 1945 г., во время встречи с руководителями БРП(к) Димитровым, Костовым и Червенковым, Сталин, обращаясь к присутствовавшему там же Бирюзову, заявил: «Отложили выборы – это была существенная уступка. Больше никаких уступок. Никаких изменений в составе правительства». Однако в это же время прагматик Сталин вынужден был на словах согласиться не только с требованием своих западных союзников перенести выборы, но и разрешить легальное существование оппозиции в Болгарии. В конце августа 1945 г. он дал директивы болгарским коммунистам, суть которых сводилась к ограниченным временным уступкам оппозиционным силам, с тем чтобы лучше подготовиться к новому наступлению на них. Возможно, новая тактика Сталина была связана с проведенными в начале августа США атомными бомбардировками Японии. Они заставили советское руководство стать более уступчивым во всех спорных вопросах американо-советских отношений, в том числе и в Восточной Европе. Сталин рекомендовал болгарским коммунистам разрешить оппозиции легализоваться для того, чтобы ее можно было держать в руках и заставить быть лояльной. «Вы заинтересованы в том, чтобы иметь оппозицию, – поучал Сталин руководство БРП(к). – Если вы будете

хорошо работать, вы сможете овладеть оппозицией Петкова и использовать ее в целом ряде случаев».

В соответствии с этими директивами в августе 1945 г. оппозиционерам было разрешено легализоваться в качестве самостоятельных политических партий. БЗНС-НП (Никола Петкова) и БРСДП(о) (объединенная) вместе с некоторыми «независимыми» политиками образовали так называемую «лояльную оппозицию» Отечественному фронту. Как писал позже в одном из своих предсмертных писем Н. Петков, он «ушел в оппозицию не для того, чтобы бороться против ОФ, не с целью свержения ОФ, а с целью борьбы против отклонений от его программы от 17 сентября 1944 г., против некоторых ошибок и уклонов...». Отклонения, как это следовало из многочисленных выступлений Н. Петкова, заключались в следующем: БРП(к) не обеспечивает свободной организационной жизни БЗНС и других партий, ОФ превратился в ширму, за которой управляет одна политическая организация – БРП(к), в стране не соблюдаются основные демократические свободы, коммунисты подчинили себе министерство внутренних дел и армию.

В августе 1945 г. была обнародована избирательная платформа оппозиционного блока, в главной повторявшая программные установки БЗНС, альтернативные планам компартии. Их стержень составляла идея «крестьянской кооперативной республики», то есть кооперативные принципы организации экономики и политическая гегемония крестьянства в обществе. Кооперативные принципы организации экономики были выдвинуты Н. Петковым еще на I съезде комитетов ОФ (март 1945 г.). Демократический потенциал идеи «крестьянской кооперативной республики» (парламент, политические и гражданские свободы, социальное равноправие, трудовая собственность и кооперация как средство ее защиты, уничтожение экономических позиций спекулятивных групп буржуазии) отвечал задачам прогрессивного развития болгарского общества. Эти идеи были весьма популярны как в деревне, так и в различных слоях городского населения.

[...]

В своих воззваниях и письмах, распространявшихся по всей стране, Н. Петков и его соратники требовали от правительства демократизации политической жизни. Оппозиционные партии издавали свои газеты – «Народно земеделско знаме», редактором которой был Н. Петков, и орган БРСДП(о) «Свободен народ», руководимый талантливым журналистом Цв. Ивановым, вскоре представшим перед судом и впоследствии погибшим в концлагере.

Для успеха своей борьбы «легальная оппозиция» стремилась заручиться поддержкой западных держав в лице представителей США и Англии в СКК и иностранных журналистов. Учитывая колоссальную поддержку, которую оказывало советское руководство БРП(к), можно считать такое стремление оппозиционеров попыткой уравновесить силы в стране, противопоставить советскому внешнему фактору западный. Впрочем, поддержка болгарской оппозиции со стороны Запада носила в значительной мере згоистический характер – она скорее преследо-

вала цель принудить Кремль к уступкам в других спорных вопросах, в то время как с ситуацией в Болгарии западные державы фактически смирились: Лондон соблюдал договоренность с Москвой о взаимном признании интересов Болгарии и Греции.

Общепризнанным лидером объединенной оппозиции был, несомненно, Никола Петков.

[...]

На Московском совещании министров иностранных дел (СМИД) в середине декабря 1945 г. по настоянию Англии и США было принято решение о том, что советское правительство даст дружеский совет болгарскому правительству о включении в состав кабинета министров дополнительно двух представителей оппозиции и о проведении в 1946 г. новых выборов в Народное собрание. Представители западных держав заявили, что признают болгарское правительство и установят с ним дипломатические отношения только после выполнения этих рекомендаций.

23 декабря Сталин вынужден был посоветовать Димитрову: «...подумайте, не могли бы вы включить одного или двух министров из оппозиционных кругов, оторвав их от оппозиции. Надо дать им какое-нибудь незначительное министерство. Естественно, вопрос не стоит о Петкове». Однако лидеры оппозиции Н. Петков и К. Лулчев поставили перед премьер-министром К. Георгиевым свои условия: ограничение позиций БРП(к) в органах государственной власти и управления, прежде всего в министерствах внутренних дел и правосудия, роспуск парламента, проведение новых выборов в Народное собрание. Для объяснений со Сталиным в Москву в начале января 1946 г. отправилась правительственная делегация, возглавляемая премьер-министром. На вопрос Сталина по поводу трудностей в реализации решений Московского совещания К. Георгиев заявил, что «оппозиция выдвигает абсолютно неприемлемые требования». Возмущенный вождь, просматривая письменный ответ Петкова, заметил: «Очевидно, нам надо вмешаться. Ясно, что ни Петков, ни Лулчев, ни Пастухов не должны попасть в правительство». Тут же возникла идея послать в Болгарию заместителя министра иностранных дел Вышинского, «чтобы он распутал там дела». Отдавая Вышинскому по телефону инструкции в отношении Болгарии, Сталин сказал: «Петков нахально требует реконструкции болгарского правительства и роспуска парламента. Это наглец. Его надо оставить на месте... Пусть Петков не думает, что СССР и Америка будут воевать из-за него».

В начале января 1946 г. Вышинский прибыл в Софию. Он провел переговоры с болгарским правительством и лидерами оппозиции. Н. Петков и К. Лулчев не отступили от своих требований. Пополнение болгарского кабинета министров представителями оппозиции так и не состоялось, что послужило причиной отказа западных держав в дипломатическом признании Болгарии вплоть до заключения мирного договора. В марте 1946 г. было сформировано новое правительство лишь из представителей отечественно-фронтовых партий. При распределении портфелей болгары послушно учли все пожелания советс-

кого правительства. 28 марта Сталин через Молотова передал Димитрову указания проводить по отношению к неспособным оппозиционерам следующую политику: всячески игнорировать оппозицию, не вести с ней больше никаких переговоров, а умелыми действиями задушить ее.

Высшей отметки накал политической борьбы достиг осенью 1946 г. 27 октября предстояли выборы в законодательное Великое народное собрание (ВНС). «Легальная оппозиция» (БЗНС-НП, БРСДП(с) и «независимые интеллигенты») выступила на выборах с единым списком кандидатов под названием «Федерация сельского и городского труда». В программе оппозиции подчеркивалось, что она борется против «однопартийного и коммунистического ОФ», за демократическую, независимую республику, основанную на свободе, равенстве, прав собственности и социальной справедливости. В программе содержался призыв не допустить проведения в жизнь «коммунистического проекта конституции, выдвигаемого от имени ОФ». Использовались традиционные для болгарского крестьянства и мелкобуржуазных масс города лозунги: добровольное и свободное кооперирование на основе частной собственности, осуществление принципа «земля — тому, кто ее обрабатывает», организация кооперативного экспорта и импорта основных товаров, устранение разрыва в ценах на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, предоставление ремесленникам возможности свободно развивать частную инициативу. О привлекательности программы для значительной части болгарского общества свидетельствовал внушительный митинг в поддержку оппозиции, состоявшийся в Софии 19 октября.

На этот раз БРП(к), уверенная в своей силе, распорядилась, чтобы каждая входящая в ОФ партия участвовала в выборах отдельным избирательным списком. Выборы продемонстрировали концентрацию голосов избирателей на двух политических полюсах: БРП(к) получила свыше 53% голосов, объединенная оппозиция — свыше 28%. Коалиция БЗНС-НП, БРСДП(с) и «независимые» получила 101 место в парламенте из 465. Учитывая многочисленные нарушения процедуры выборов, запугивание избирателей и фальсификации, можно считать эти результаты серьезным успехом демократической оппозиции.

После выборов в Великое народное собрание главной ареной борьбы против усиливавшегося господства БРП(к) в экономике и политике для Николы

«Специалист по Балканам» — маршал С. Бирюзов. Имя этого московского координатора репрессий до недавнего времени носило Рижское военное училище, в улице в Рязани — носит до сих пор.

Петкова стал парламент. В связи с первой же декларацией нового правительства (возглавленного вернувшимся 4 ноября 1945 г. в Болгарию Г. Димитровым) Н. Петков с трибуны Народного собрания заявил, что группа депутатов от оппозиции «не признает декларацию правительства, являющегося результатом выборов, проведенных в обстановке угроз, беззаконий, избиений, арестов и убийств, а не свободного волеизъявления болгарского народа. Парламентская группа Болгарского земледельческого народного союза не одобряет внутреннюю, хозяйственную и культурную политику, объявленную г-ном премьер-министром в декларации». Будучи хорошо осведомленным о положении в деревне, Петков отметил: «Сегодня болгарский крестьянин почувствовал следующие результаты политики, проводимой в сельском хозяйстве: незаконное и насильственное кооперирование и конфискация его земли по закону о трудовом земледельческом кооперативном хозяйстве, ... несправедливое и жестокое распределение подлежащих сдаче государству товаров, реквизиции, налоговое обложение, трудовая повинность не в соответствии с нуждами и податными возможностями, а в соответствии с партийной принадлежностью гражданина и налогоплательщика». Касаясь внешней политики правительства, Петков заявил о принципиальной ее поддержке, но категорически возражал против попыток правительства убедить СССР во враждебном к нему отношении со стороны болгарской оппозиции. Петков осудил также правительственную кампанию против западных демократий.

Лидер оппозиции резко раскритиковал предложенный правительством проект конституции, в котором не соблюдался принцип разделения властей – законодательной, исполнительной и судебной. «В проекте конституции болгарский народ видит сосредоточение всей власти в руках партии, имеющей большинство в Народном собрании», – сказал Петков и заметил, что подобное положение присуще только тоталитарным государствам. «Рабочая партия захватила всю власть, несмотря на данные до и в день 9 сентября 1944 г. торжественные обещания демократического управления при равных правах и обязанностях, и Отечественный фронт превратился в ширму однопартийного управления – управления РП(к). Посмотрите на новое правительство – в нем нет ничего, кроме Рабочей партии (коммунистов) и личности г-на премьер-министра», – заключил лидер оппозиции.

Объединенная оппозиция внесла в ВНС свой проект конституции, основанный на принципах парламентского режима, гарантирующего основные права и свободы человека, включая право на частную собственность. Нет нужды говорить, что коммунистическое большинство в парламенте проголосовало за правительственный проект конституции сталинского образца. Проект Н. Петкова был охарактеризован в прессе как «политическая программа реставрации империализма и фашизма».

Вторым участком неравной борьбы Н. Петкова против утверждающегося тоталитарного строя была руководимая им газета «Народно земеделско знаме». С ее страниц он разоблачал беззакония полити-

ки компартии, участвовавшие случаи нарушения прав и свобод человека в Болгарии. «Редко в истории человечества свобода прессы и право человека свободно выражать свое мнение имели столько фанатичных противников, открыто и тайно стремящихся их уничтожить, как это происходит сегодня», – писал Петков 24 апреля 1947 г., за шесть дней до закрытия газеты. – «Никогда раньше тоталитарная идея о диктатуре не была столь тесно связана с насилием над человеческой мыслью и совестью».

Терпеть подобные заявления не намеревались ни советская, ни болгарская партийно-государственная элита. Имеются свидетельства, в частности члена ЦК БРП(к) в тот период П. Семерджиева, что уже в конце 1945 г. руководство болгарской компартии получило из Москвы указание покончить с демократической оппозицией и ее лидером. Прямых архивных документов на этот счет пока не обнаружено, но косвенных подтверждений тому достаточно. Даже московское радио, не говоря уже о болгарских средствах массовой информации, было подключено к дискредитации и травле болгарской оппозиции. 24 декабря 1946 г. по нему прозвучало абсурдное утверждение, будто «во время гитлеровского господства в Болгарии ... оппозиционеры, называющие себя теперь истинными демократами, служили немецким агентам – Кобургам – и помогли превратить Болгарию в немецкую колонию».

Лидер болгарской оппозиции стал жертвой новой советской политической линии, главным в которой в это время было форсирование революционного процесса в Восточной Европе, ускорение ее советизации. Следуя этой линии, руководство БРП(к) начало разрабатывать сценарий предстоящего ареста и суда над Н. Петковым.

В течение целого года «готовилось» следственное дело, собирався (а точнее – фабриковался) материал, на основании которого можно было бы обвинить оппозицию и ее лидера в подрыве народно-демократического режима. Самым тяжким, несомненно, могло стать и стало обвинение Н. Петкова в том, что он является политическим организатором государственного вооруженного переворота. Для обоснования связи «оппозиция – военные» были использованы политические процессы против конспиративных военных организаций «Нейтральный офицер», «Военный союз» и «Царь Крум», проходившие в 1947 г. почти одновременно с процессом Петкова. О существовании этих организаций известно лишь из следственных и судебных материалов, «некоторые из которых вызывают сомнение», как осторожно выразился болгарский ученый М. Исусов. Другие же исследователи полагают, что организаций «Царь Крум» и «Военный союз» вообще не существовало.

Аресты военных начались в июле 1946 г. БРП(к) боялась влияния Народного союза «Звено» в армии. По болгарским законам в нее не имели доступа представители подчиненных коммунистам органов безопасности и милиции. С помощью процессов против офицеров компартия стремилась укрепить свои позиции в армии. Подчинение болгарской армии БРП(к) имело особо важное значение еще и потому, что после подписания мирных договоров с Болгарией,

переговоры о которых начались в 1946 г., предполагался вывод из страны советских войск.

Прозвучавший во время процесса против организации «Царь Крум» тезис «вооруженный заговор – земледельческая оппозиция» уже широко использовался на суде против нелегальной военной организации «Нейтральный офицер». 31 января 1947 г. «Работническое дело» поместило переданную московским радио статью, озаглавленную: «Превращение оппозиции в странах новой демократии в банды диверсантов, террористов, вредителей и шпионов». В статье прямо формулировался тезис будущего обвинения против Н. Петкова: «Уже полностью установлено, что вожди оппозиции организовали реакционный заговор с целью свержения народной власти путем насильственного военного переворота. Никола Петков хотел сыграть роль кровавого Цанкова. Для успеха этого преступного дела рассчитывали на иностранную помощь... Что еще нужно, чтобы заключить, что болгарская оппозиция вступила на путь измены и предательства?» Так было достигнуто сразу две цели. Во-первых, очевидна необходимость «чистки» офицерского корпуса болгарской армии, а во-вторых, разоблачена «заговорщическая и «предательская» роль БЗНС – НП. Забегая вперед, отметим, что при обыске помещений оппозиционного Земледельческого союза было найдено всего 12 охотничьих ружей, 8 карабинов (из них 4 без затворов), 8 револьверов и 7-8 ножей.

Генеральной репетицией судебного фарса по делу Н. Петкова был процесс против члена Постоянного присутствия БЗНС, депутата парламента Петра Коева. Он обвинялся в том, что во второй половине

1945 – начале 1946 г. подстрекал ряд высших офицеров образовать тайную организацию «Нейтральный офицер», ставившую целью военный переворот. Коев был также объявлен руководителем вымышленного военного центра при руководстве БЗНС. В первый раз Коев был арестован в августе 1946 г. В ноябре он направил из тюрьмы письмо Н. Петкову, которое тот зачитал с трибуны Народного собрания. Зал, затаив дыхание, слушал эти свидетельства жертвы «правосудия» народно-демократической Болгарии: «Допрос продолжался пять дней непрерывно, 24 часа в сутки. Следователи сменялись каждые три часа, я же все это время должен был стоять, закованный в наручники, без сна, без права прислониться к стене и, что было хуже всего в эти жаркие августовские дни, без воды. Для человека, который впервые подвергается этому продолжительному террору, немислимо выдерживать и не подписать все, что ему предложат».

В начале февраля 1947 г. П. Коева вновь арестовали и в течение нескольких месяцев подвергали чудовищным пыткам, чтобы довести до «нужной кондиции» к моменту начала процесса над Петковым. Действительно, свидетельские показания Коева по делу организации «Нейтральный офицер», по существу, стали обвинением против главного секретаря Земледельческого союза. Не случайно еще в день своего ареста, в своей последней речи в Народном собрании, П. Коев предупредил, что если после периода «воздействия» появятся какие-либо его «признания», то они будут вырваны у него при «тяжелейших, невозможных и невыносимых условиях». Излишне говорить, что это заявление Коева не было принято во внимание правительственным большинством парламента. В середине июня 1947 г. он был приговорен к 12,5 годам строгого тюремного режима.

Итак, материал для нового судебного процесса, который займет особое место и сыграет исключительную роль в послевоенной истории Болгарии, был подготовлен. 28 мая 1947 г. министр внутренних дел А. Югов направил Г. Димитрову докладную записку с информацией о том, что органы госбезопасности располагают данными о «преступной деятельности» Н. Петкова. На основе этих данных было составлено письмо прокуратуры, которое председатель Народного собрания В. Коларов зачитал на заседании парламента 5 июля 1947 г. В нем говорилось, что в ходе следствия по делу военных организаций «Нейтральный офицер» и «Военный союз», а также по делу П. Коева было собрано «исключительно много данных, которые бесспорно доказывают, что главным вдохновителем, организатором и руководителем всех этих заговоров является народный представитель Никола Димитров Петков из г. Софии. Из всех этих данных видно, что Никола Д. Петков вместе со своими близкими соратниками нашел в среде реакционно настроенных офицеров лиц, с помощью которых готовился совершить государственный переворот против народной власти вооруженным путем».

После оглашения прокурорского письма Коларов добавил, что по закону юридическая комиссия Народного собрания должна представить по данному вопросу свой доклад до конца заседания парламента.

Никола Петков во время судебного процесса. Август 1947 г.

Последнее публичное выступление Г. Димитрова.
София. 1948 г.

мента. Комиссии потребовалось всего полчаса (!) для того, чтобы ознакомиться с «преступлениями» Н. Петкова и единогласно принять решение об удовлетворении требования прокурора лишить оппозиционного лидера депутатского мандата и арестовать его. После возобновления заседания Н. Петков в последний раз поднялся на трибуну Народного собрания. Основной мотив его выступления – разоблачение существующего режима, защита демократических позиций своей организации, опровержение клеветнических обвинений. Далее события развивались так: микрофон отключен, правительственное большинство свистом и криками мешает Петкову говорить. В зал парламента врываются вооруженные милиционеры. Депутаты от оппозиции безуспешно пытаются загородить собой своего лидера, но их жестоко избивают и оттесняют. Н. Петкова выводят из зала и сажают в милицейский фургон. 23 оппозиционных депутата вскоре будут лишены своих мандатов.

Началась непосредственная подготовка процесса. В течение июня Г. Димитров провел несколько совещаний, на которых присутствовали руководители болгарской госбезопасности и советские советники. 11 июня Димитров записал в своем дневнике: «Наши из ГБ и сов[етские] советники по процессу Н. Петкова». 26 июня – подобная запись: «Совещание с друзьями по процессу Петкова» («друзья» – советские специалисты в органах МВД Болгарии). На протяжении двух месяцев Петкову непрерывно устраивали очные ставки. Одних он не знал вообще, другие – его бывшие соратники или просто знакомые с неузнаваемыми от пыток лицами, повторяющие заученную клевету о конспиративной деятельности, совершавшейся якобы по его внушению.

Для защиты Петкова его партия направила пятерых лучших адвокатов страны (позже режим расправится с каждым из них). Но защита бессильна – сценарий судебного фарса расписан до мелочей.

Правительственная печать ежедневно выливает потоки грязи и клеветы на оппозицию и ее лидера. Создается обстановка общественного психоза – как в СССР в 1937 г. Трудовые коллективы мобилизованы для участия в бесчисленных митингах и собраниях, на которых принимаются резолюции с незыблемым требованием: «Смерть Николе Петкову!»

В конце июля Н. Петкову и обвиняемым по одному с ним делу четырем офицерам был вручен обвинительный акт, проект которого, по свидетельству Димитрова, был составлен при участии советских юристов и следователей. Столь тяжкое обвинение, как «подготовка вооруженного государственного переворота», понадобилось для обоснования высшей меры наказания – смертной казни.

Судебные заседания открылись 5 августа 1947 г. и продолжались 11 дней. Н. Петков не признал себя виновным, отверг все обвинения в конспиративных связях с военными и в создании нелегальной организации для свержения власти ОФ, отстаивал свои антифашистские, демократические убеждения и приверженность Отечественному фронту в его первоначальном виде. Обвинение представило в качестве доказательств «преступной деятельности» Петкова свидетельские показания участников «раскрытых» военных организаций, материалы оппозиционной прессы – критические статьи в «Народном земледельском знамени» о положении в армии, о насильственном колерировании крестьянства, об односторонней внешнеполитической ориентации Болгарии. Значительная часть арестованных офицеров, привлеченных в качестве свидетелей, дали требовавшиеся показания о конспиративном характере и целях «Военного союза» и его связях с Н. Петковым. Они были вырваны у содержащихся к тому времени больше года в заключении офицеров в результате жесточайших моральных и физических пыток. Академик М. Исусов, читавший все судебные и следственные материалы процесса, утверждает, что в деле нет ни одного аутентичного документа, из которого следовало бы, что Н. Петков участвовал в военном заговоре или поддерживал шпионские связи с Западом. Защита никогда еще не сталкивалась со столь необоснованным обвинением, с попранием элементарных правил юриспруденции, но ее усилия по опровержению обвинения были напрасны, речи адвокатов никто не слушал. В своем последнем слове Н. Петков вновь отверг все обвинения как грубую фальсификацию. Многим присутствовавшим на процессе запомнились его слова: «Переворота я не готовил, но боролся против вас!»

16 августа 1947 г. был оглашен приговор: Николе Петкову – смерть через повешение, другим подсудимым, обвиненным в создании тайных организаций, – многолетнее тюремное заключение. На следующий день «Работническо дело» опубликовало приговор Н. Петкову с комментарием: «Никакой пощады могильщику нашей национальной независимости Николе Петкову! Разгон оппозиционного «Земледельческого союза» – пристанища фашистов и спекулянтов». Смертный приговор был вынесен фактически не только Н. Петкову, но и возглавлявшейся им орга-

Димитр Батаров, член Молодежного земледельческого союза, попущенный (1951–1960), создатель «Союза репрессированных после 1945 года».

полумеры неуместны. Следует действовать решительно, чтобы закрыть эту страницу внутривнутриполитического развития нашей страны и расчистить себе путь для дальнейшего благотворного развития. Не следует слушаться заграничной шумихи».

26 августа 1947 г. ВНС принял закон, по которому БЗНС-НП был запрещен. Его имущество и архив были конфискованы, все подразделения и секции распущены, парламентская группа лишена депутатских мандатов. Начались массовые аресты сторонников Петкова.

[...]

Разгон оппозиционного БЗНС и казнь его лидера означали ликвидацию «земледельческой» демократической альтернативы общественного развития. Однако целью компартии была полная дискредитация идей Земледельческого союза, которые исповедовало тогда большинство населения страны, обезличивание «земледельческого» движения в политической жизни Болгарии. С этой целью был организован судебный процесс против Димитра Гичева – последнего из крупных деятелей БЗНС. Гичев – один из создателей и руководитель БЗНС «Врабча» (правого крыла Союза). В годы второй мировой войны он занимал антигерманские и антифашистские позиции, но отказался войти в Отечественный фронт, руководимый коммунистами. Участвовал в правительстве Муравиева, за что был осужден Народным судом. Как один из самых влиятельных лидеров БЗНС Гичев был вскоре освобожден при условии, что его крыло «Врабча» будет бороться против БЗНС-НП. Гичев, однако, пошел на сотрудничество с Петковым, за что и «оплатился». Сценарий повторился – Гичева обвинили в организации саботажа и боевых групп для свержения законной власти. 16 апреля 1948 г. его осудили на пожизненное заключение. Д. Гичев умер в 1964 г., вскоре после выхода на свободу.

Шел 1948 год. Разгоралась «холодная война», опускался «железный занавес». Монополия компартии на власть в Болгарии, как и в других странах Восточной Европы, уже практически утвердилась. Последнее препятствие (пусть уже и формальное) на пути к окончательному установлению однопартийной системы – существование руководства и парламентской группы оппозиционной БРСДП(о) во главе с К. Лулчевым. 6 ноября 1948 г. против них открылся судебный процесс. Обвиненные в контрреволюционной и антисоветской деятельности, подсудимые были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. БРСДП(о) – последняя легальная оппозиционная сила в стране – перестала существовать. БРП(к) начала подготовку к своему V съезду (декабрь 1948 г.), который сыграл решающую роль в советизации Болгарии и в реализации здесь сталинской модели социализма.

Процесс в Болгарии по делу группы заговорщиков, предателей и шпионов

СОФИЯ. 4 июля. (ТАСС). В окружном народном суде в Пловдиве закончился процесс по делу группы заговорщиков, в которую входил Димитр Кынев, Иордан Паунов, Иван Шаламанов и другие преступники.

Преступная деятельность подсудимых была полностью доказана судебным следствием и целиком подтверждена показаниями свидетелей. Было установлено, что обвиняемые занимались восстановлением бывшей реакционной предательской группировки врага народа Николы Петкова и всячески саботировали мероприятия партии и правительства по строительству социализма в деревне.

Окружной народный суд, признав всех подсудимых виновными, приговорил главных руководителей группы – Димитра Кынева и Иордана Паунова – к смертной казни, Ивана Шаламанова – к 20 годам тюремного заключения и остальных подсудимых – к тюремному заключению на срок от 2 до 10 лет.

«Правда»
5 июля 1951 год.

В публикации использованы материалы Межсетевого исторического журнала, Национального архива Болгарии, Военно-исторического архива Болгарии, журнала «Болгария».

Жоэль КОТЕК, Пьер РИГУЛО

БОЛГАРСКИЕ ЛАГЕРЯ*

Создается впечатление, что система концентрационных лагерей в Болгарии функционировала образцово; она просуществовала при тоталитарном режиме вплоть до 60–70-х годов и беспрепятственно выполняла большинство функций, свойственных такой системе: способствовала изоляции нежелательных элементов от общества, их наказанию, использованию их рабочей силы и в конечном счете их уничтожению. Формально эта система продолжала существовать и тогда, когда собственно сам тоталитарный режим уже пал, в посттоталитарную эпоху, вплоть до начала 80-х годов, но только заключенных не принуждали к работе.

Свидетельства, которыми мы располагаем¹, ясно показывают, что в болгарских лагерях с узниками обращались еще более жестоко, чем в лагерях других стран Восточной Европы с коммунистическими режимами: там били сильнее, чаще и больше, чем где бы то ни было. Несчастных избивали в момент ареста, их избивали при прибытии в лагерь². Избивали в лагере Богданов-Дол и в лагере Ловеч, где это иногда делали палачи-садисты, стремившиеся убить человека с одного удара; били и в Белене, и мы располагаем свидетельскими показаниями, что в своем утонченном садизме мучители доходили до того, что жесточайшая порка происходила под звуки скрипки, на которой играл кто-то из заключенных³.

Свидетели сообщают и о других пытках, которым подвергались заключенные: например, им иногда поджигали волосы, их обливали на морозе холодной водой, а иногда на глазах у отца насмерть забивали сына...⁴ Садистские наклонности охранников проявлялись и в том, что заключенных в лагере Ловеч заставляли таскать с собой мешки, в которые после смерти должны были быть зашты их трупы⁵.

Руководили этими лагерями офицеры политической полиции, их верными помощниками были охранники из числа полицейских, а также бригадиры из числа заключенных (в других странах их называли «капо»), именно они обычно избивали и убивали узников.

Идея создания трудовых лагерей для изоляции врагов коммунистической революции была впервые выдвинута 16 ноября 1944 г. в ходе собрания членов Центрального комитета Болгарской рабочей партии⁶. Месяц спустя правительство принимает решение создать два типа лагерей: один — для различных уголовников, асоциальных элементов, проституток, попрошайек-нищих и т.д., а другой — для лиц, представляющих опасность в политическом плане.

Обычно человека отправляли в лагерь просто в соответствии с административным решением: «В лагерь по приказу, исходящему из Министерства внутренних дел, может быть направлено сроком до шести месяцев (с последующим возобновлением этого срока) любое лицо, на которое укажет руководство органов милиции»⁷.

На территории Болгарии функционировало около тридцати лагерей, большая часть которых располагалась в болгарской части исторической области Добруджа. Они именовались «центрами по трудовому перевоспитанию». В начале 50-х годов, по оценке ввторов эмигрантского журнала «Будущее», число их возросло: вместе с филиалами в Болгарии насчитывалось 76 лагерей.

ПЕРВЫЕ ЛАГЕРЯ

Первым лагерем, открытым болгарскими коммунистическими властями, был лагерь Зелени-Дол, находившийся около границы с Грецией. Там содержали выходцев из стран, воевавших на стороне фашистской Германии, а также болгар, заподозренных в каких-то связях с гражданами этих стран или имевших там родственников: всего 239 человек, мужчин, женщин и детей.

В лагере Свети-Врач (сегодня этот населенный пункт называется Сандански, он тоже находится вблизи границы с Грецией) за колючей проволокой томились около 800 заключенных, среди которых было немало бывших жандармов и офицеров царской болгарской армии; узников заставляли работать на прокладке железнодорожных путей. В лагере Бобов-Дол в апреле 1945 г. отбывали срок около 1600 человек, и основную массу там составляли заключенные из лагеря Свети-Врач, переведенные на новое место из-за страшной тесноты. Затем под руководством тех же лиц, что возглавляли вышеуказанные лагеря, были организованы еще два лагеря в Куцане и в Богданов-Доле, в которых заключенные либо работали на маленьком кирпичном заводе, выпускавшем кирпичи для жилищ шахтеров, либо трудились на шахтах, добывая уголь. В апреле 1945 г. был открыт лагерь в Росице, на севере Болгарии, куда доставляли арестованных из восточной части страны и где насчитывалось около 900 узников, трудившихся на строительстве плотины.

Начиная с 1946 г., и в особенности в 1947 г., явно проявились два феномена: изменился «цвет» политического спектра заключенных, так как к лицам, придерживавшимся правых взглядов, сторонникам авторитаризма, находившимся у власти в период «между двумя войнами», присоединились афари (члены крестьянской партии), социал-демократы, анархисты и т.д.; с другой стороны, явно увеличилось количество арестованных и интернированных лиц. Так, в момент открытия лагеря Белене число заключенных в болгарских лагерях перевалило за 5000 человек.

Вообще в своих оценках общего количества заключенных в Болгарии исследователи расходятся. В работах ученых-историков из университетов фигурирует цифра в 23 000 заключенных, прошедших через лагерь в период между 1944 и 1962 гг. Как обычно, эти статистические данные намного ниже тех цифр, что называют сами бывшие заключенные (по их оценкам, в лагерях побывали около 100 000 человек). Так, один свидетель утверждает, что в 1962 г. в Белене было 7000 заключенных; другой бывший узник пишет, что в

* Фрагмент книги «Век лагерей», Editions JC Lattes, 2000 (перевод на русский язык — «Текст», 2003 г.).

период владычества коммунистов всего через лагерь прошло около 186 000 человек (но нам кажется, что речь в данном случае может идти о всех лицах, подвергшихся аресту и заключению в тот период, а не только об узниках лагерей). По мнению авторов «Будущего», эмигрантского журнала, около 50 000 человек прошли только через лагерь Белене с 1949 по 1962 г. За эти тринадцать лет более 7000 человек нашли там свой конец.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БОЛГАРСКИХ ЛАГЕРЕЙ

В истории болгарских лагерей, как нам кажется, можно выделить несколько периодов:

I. 1945 – 1949 гг. – заключенные заняты на принудительных работах на многочисленных стройках, разбросанных по всей стране; среди них немало уважаемых деятелей крестьянской партии, которых почему-то называют фашистами.

II. 1949 – 1953 гг. – политические заключенные собраны вместе в лагере Белене, расположенном на острове Персин посреди Дуная, на границе с Румынией.

III. 1954 – 1956 гг. – процесс депортации в лагерь почти прекращен, но лагерь Белене продолжает функционировать.

IV. 1956 – 1959 гг. – в Белене прибывают новые заключенные, в частности лица, арестованные во время народного восстания в Венгрии.

V. 1959 – 1962 гг. – после голодовки заключенных лагерь Белене закрыт, а оставшиеся в нем узники переведены в Ловеч, где к ним присоединяются тысячи и тысячи новых заключенных.

VI. В 1961 г. женщин из Белене перевели в лагерь в Скравене; условия пребывания в лагерях несколько улучшились (прекратились избиения, рабочий день сокращен до 8 часов, узникам выдали приличную одежду и т.д.); в марте приступила к работе специальная следственная комиссия, сформированная по поручению Политбюро компартии Болгарии для изучения положения в лагерях; в апреле был закрыт лагерь в Ловече.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛАГЕРНОЙ СИСТЕМЫ

Кто попадал в лагерь? Как и во всех странах, находившихся под властью коммунистов, «сети забрасывали очень широко». Коммунистическая партия, как говорится, предпочитала скорее сжечь волосы, чем подвергать себя риску, что в прическе заведется вошь.

Тодоров говорит о троцкистах, об анархистах. Практически все те, кто действительно представлял хоть какую-то угрозу для установленного в стране режима, оказывались в лагере, но попадали туда и те, кто реальной угрозы не представлял, а был врагом лишь воображаемым, мнимым. Например, аграрий Борчев был арестован и брошен в лагерь в 1946 г. только за то, что выступил в защиту Петкова 8 октября того же года. Его еще можно было причислить к политическим деятелям, враждебно настроенным по отношению к режиму, но были и такие, что оказывались за колючей проволокой вообще без видимых на то причин. Их не судили, им не выносили приговоров, а

просто отправляли в заключение по административному решению властей. Димитр Пенчев, приговоренный к смертной казни в 1959 г.³, свидетельствовал, что в лагере Белене он видел человек 40 «политических», представших в свое время перед судом и официально осужденных, но они терялись в огромной массе людей, отправленных в лагерь по административному решению властей.

В 1962 г. Политбюро компартии приняло новое решение, предусматривавшее наказание сроком до пяти лет без суда и следствия, которое могло применяться в качестве административной меры по предложению массовых общественных организаций, таких, к примеру, как местные комитеты Отечественного фронта.

Следует заметить, что, кроме отправки в лагерь для «искупления вины» на принудительных работах, в административном порядке могли применяться и другие меры: например, предписание к обязательному пребыванию в определенном пункте местожительства или, напротив, запрет на проживание или обучение в каких-то населенных пунктах, проживание под наблюдением органов правопорядка и т.д.

Труд заключенных использовали на самых разных тяжелых работах: большинство было занято в сельском хозяйстве, другие рыли оросительные каналы, третьи добывали камень в каменоломнях, четвертые строили плотины и дамбы, работали на лесоповале (дневная норма на распилке бревен составляла шесть больших бревен на человека), изготавливали кирпичи.

Работали заключенные и на шахтах, в рудниках. В районе Димитрове (Перник) тысячи и тысячи из них трудились в забоях угольных шахт. Поручали узникам также прокладку дорог и строительство железнодорожных веток.

Все свидетели отмечают, что условия содержания заключенных значительно различались в зависимости от лагеря. Например, в Богданов-Доле они были вполне сносно, то есть далеки от того, чтобы считаться суровыми. Там заключенные жили в большом многоэтажном здании, набитом нарами. Там были водопровод, умывальники и туалеты⁴, на кухне можно было кулить сигареты и конфеты. Бочев привез с собой в лагерь «Фауста» Гете, «Историю греческой

Заключенные депутаты болгарского парламента в исправительно-трудовом лагере «Куциан». Конец 40-х годов.

Цветан Тодоров, диссидент, философ,
историк болгарского ГУЛАГа.

культуры» Якоба Бурхардта, словари, грамматику латинского языка, и эти книги у него не отобрали. И, наконец, из репродукторов там лились звуки классических мелодий. Если хлеб там не был мягким и свежим, то недостатка в нем хотя бы не ощущалось, так что узники не страдали от голода; и если им и разрешалось получать по одной посылке раз в три месяца, то вес такой посылки мог достигать 10 килограммов. Вот почему Бочев с полным на то основанием мог написать, что «по сравнению с другими лагерями Богданов-Дол был пансионом для юных благородных девиц».

В лагере Белене (названном так по названию городка с населением около 10 000 человек, расположенном на берегу поблизости от острова Персин) жизнь была гораздо более тяжелой, чем в Богданов-Доле. Созданный в 1949 г., этот лагерь продолжал функционировать вплоть до падения режима, условия существования там были ужасны, к тому же для заключенных были установлены чрезвычайно завышенные нормы ежедневной выработки. С 1949 по 1953 г., затем с 1956 по 1959 г. в Белене в основном содержали «политических узников», а в периоды с 1954 по 1955 г. и с 1959 по 1962 г. там совместно содержали «политических» и уголовников. С 1968 по 1981 г. там содержали оппозиционеров, так называемых диссидентов, но только их уже не заставляли работать. Именно в лагере Белене отбывали срок заключения представители мусульманского меньшинства, противившиеся процессу «болгаризации» имен и фамилий, навязанному обществу представителями коммунистического режима в 1984 г. В Белене, как и в

других лагерях, уголовники держались уверенно и находились в привилегированном положении. «Политические» же, брошенные в лагерь без суда и следствия, без приговора, без определенного срока наказания, вечно пребывали в сомнениях, а охранники, играя на их неуверенности в своей судьбе, очень любили издеваться над ними и кричать: «Вы скорее сгниете здесь, чем выйдете отсюда!»

Уголовники получали письма и посылки чаще и гораздо регулярнее, чем «политические». Такое неопределенное положение было нетерпимо для многих «политических» заключенных, вот почему некоторые из них отваживались на мелкие провокации, на незначительные преступления, для того чтобы предстать перед судом и быть приговоренными к определенным срокам заключения!

Баракы в лагере были выстроены из самана, а крыши покрыты соломой и высохшими стеблями кукурузы и подсолнухов, так что во время ливневых дождей внутри образовывались настоящие водопады. В каждом бараке ютились от 50 до 70 узников; в соломенных тюфяках кишмя кишели блохи, крысы напали на заключенных и до того обнаглели, что в конце концов администрация была вынуждена осознать, что они наносят вред съестным припасам. Были приняты решительные меры и крыс уничтожили. Заключенные страдали от вшей до тех пор, пока в лагере не построили баню и не оборудовали специальную камеру для дезинфекции одежды; летом же узники страдали от туч насекомых.

Территория лагеря была окружена рядами колючей проволоки высотой более 2 м 30 см, за которыми проходил ров трехметровой глубины, всегда заполненный водой¹⁰; за рвом высилась стена, по гребню ее расхаживали вооруженные охранники; через каждый километр располагались сторожевые будки, а между ними вдоль стены была натянута проволока, к которой на петлях прикреплялись поводки сторожевых собак так, чтобы они могли бегать вдоль стены; для завершения картины над лагерем возвышались сторожевые вышки, всего их было семь.

На маленьком соседнем острове Щурчето располагался женский лагерь, в котором томились полторы сотни узниц.

Питание в лагере было очень скудным: если узник выполнял норму выработки (например, сумел перевезти на тачке или перенести на носилках 5 кубометров земли), он имел право получить фунт хлеба, миску похлебки в обед, а вечером на ужин порцию макарон или вареного дробленого риса. Изредка заключенным давали даже мясо, но всегда либо очень жесткое, либо полупротухшее, словом, такое, что нельзя было продать в магазинах. Если же заключенный норму не выполнял, то ему выдавали уменьшенную порцию хлеба (360 г). Иногда снабжение лагеря было столь плохим, что заключенным приходилось довольствоваться лишь ложкой варенья по утрам и миской жидкого супа на обед и на ужин, хлеба же в такие дни им не давали вовсе.

Заключенных заставляли хором распевать гимн военизированных рабочих бригад, смысл которого сводился примерно к следующему: «Мы, виновные перед народом, находимся здесь, чтобы построить светлое будущее...» На центральном плацу, где дважды в день, утром и вечером, проводились общелагерные переключки, красовалось огромное панно, на ко-

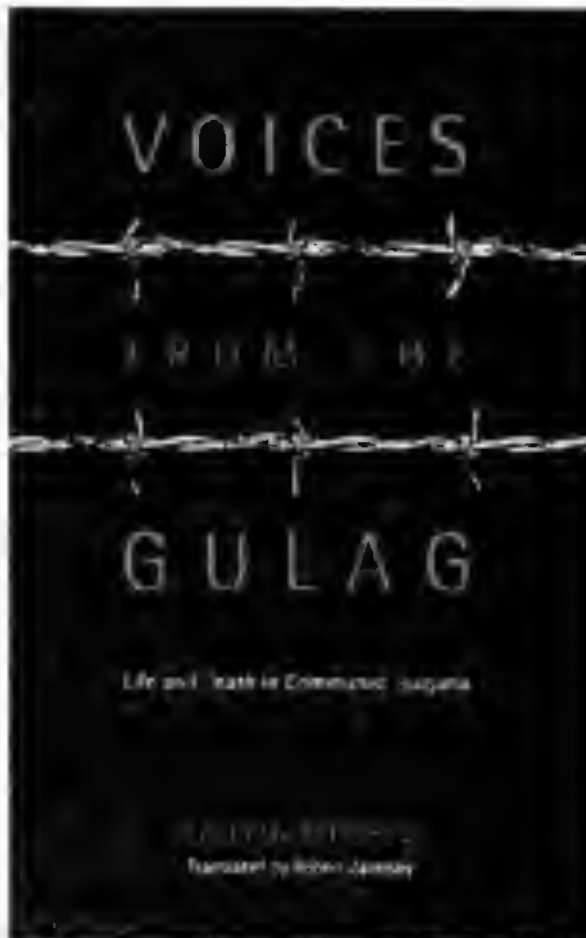
тором было начертано высказывание, приписываемое Максиму Горькому: «Если враг не сдается, его уничтожают!»

Лагерь Ловеч был, несомненно, самым ужасным из всех болгарских лагерей, ибо отличался чрезвычайно суровым режимом и жесточайшей дисциплиной. По мнению Юдорова, собравшего множество свидетельских показаний об условиях содержания заключенных в Ловече, именно на этот лагерь приходилось самое большое количество убийств узников. Лагерь был создан в 1958 г., но в строй полностью вошел лишь в 1959-м, чтобы принять несколько сотен не поддающихся перевоспитанию упрямцев из Белене, официально уже в то время ликвидированного. Хотя Ловеч и был при строительстве рассчитан на содержание примерно 120 заключенных, очень скоро там насчитывалось уже около 1000 человек¹¹, как «политических», так и уголовников, которых администрация, как и везде, использовала в борьбе против «политических». Все заключенные жили не в обычных бараках, а в особых блоках, которые при надобности могли служить бомбоубежищами. По обе стороны от прохода в помещениях высились двухэтажные нары, где на прогнивших соломенных тюфяках, под изорванными в клочья старыми армейскими одеялами вповалку спали заключенные; в каждом блоке ютилось около сотни человек: по стенам ползали полчища клопов, духота и вонь стояли там просто невообразимые. Лагерь был окружен забором из колючей проволоки более двух метров в высоту; через каждые 50 метров над оградой, крепившейся к толстым кольям, возвышались сторожевые вышки.

В Ловече заключенные трудились шесть дней в неделю по 15 часов в сутки, а в воскресенье — шесть часов; те из них, кто не выполнял норм (к примеру, не могли перелопатить и перенести 10 кубометров песка), должны были принять участие в «вечере танцев», что на лагерном жаргоне означало: после ужина колоть дрова или рассыпать в кормушки корм для животных, и все это уже ночью, когда другие уже спали.

Заключенные могли иметь при себе небольшую сумму денег и получать одну посылку весом 15 кг раз в три месяца, но распределять посылки и письма было поручено офицерам из охраны, так что нередко письма и посылки возвращались к отправителям, поскольку наказания в виде лишения права переписки и получения посылок применялись в лагере часто. Лагерь в Ловече прекратил свое существование весной 1962 г.

В дополнение скажем еще о волнах «трудовой мобилизации», прокатывавшихся по стране периодически в 1946 — 1950 гг. Аресту и отправке на тяжелые работы (прокладку железных дорог, строительство каналов и т.д.) подлежали лица, причисленные к разряду «тунеядцев». В основном то были родственники политических заключенных, которых заставляли таким образом «расплачиваться» за то, что они были связаны кровными узами с «врагами народа»¹². При коммунистическом режиме на практике применялась и такая мера наказания, как депортация городского населения в сельскую местность, в самые глухие уголки в глубине страны, под наблюдение органов охраны правопорядка. Наказания в виде ссылки (с запретом покидать место ссылки) практиковались очень долго, вплоть до 1984 г.

Обложка книги Цветана Тодорова «Голоса из ГУЛАГа. Жизнь и смерть в коммунистической Болгарии».

Примечания:

¹ Цветан Тодоров «От имени народа» (Tzvetan Todorov, «An nom du peuple». L'Aube, Paris, 1992).

² Стефан Бочев «Белене, воспоминание о болгарском ГУЛАГе» (Stephanc Botchev «Belene. souvenirs du goulag bulgare». Editions: Noir sur blanc. Montrichet, 1998); (Elisaveta Bonioheva, Bolgarskijat goulag. Svideleli». Sofia, ed. Demokratsija 1991.

³ Цветан Тодоров, там же, с. 5–90.

⁴ Стефан Бочев, там же, с. 144.

⁵ В книге Цветана Тодорова «От имени народа» на с. 173 и 182 автор сравнивает болгарский лагерь с Адом великого Данте.

⁶ Здесь мы опираемся на работу Моны Фосколо «Образ врага в Болгарии». 1948 — 1953 г. (Mona Foscolo «La Figure de l'ennemi en Bulgarie». 1948 — 1953. Paris, IEP), а она ссылается на труд (на болгар. яз.) Любомира Онжанова «Государственная и политическая система Болгарии. 1944 — 1948 гг.», София, 1993

⁷ См. работу Моны Фосколо, с. 80.

⁸ Цветан Тодоров, там же, с. 37.

⁹ Стефан Бочев, там же, с. 81.

¹⁰ Там же, с. 69.

¹¹ Христо Деведжиев «Сталинизация болгарского общества. 1949 — 1953» (Hristo Devedjiev «Stalinisation of the Bulgarian Society. 1949 — 1953» Philadelphia, 1975, p. 133).

¹² Георгий Василев «Остров Персид — позор Болгарии». (На болгар. яз.) София, изд-во Ун-га Св. Климента Охридского, 1995, с. 142.

Перевод с французского:

Е. Мурашкинцова, Н. Малыгина, Ю. Розенберг.

Христо ПЕЕВ

БЕЛЕНЕ – ОСТРОВ БОЛГАРСКОГО ГУЛАГА

В 1983 г. в Бельгии появилась скромная на вид книга, выпущенная совсем мизерным тиражом, под названием «Белене – остров забытых». На первый взгляд заглавие звучит почти романтично. Но полистав страницы, вы окунаетесь в тщательно скрывавшийся годами жестокий бесчеловечный мир – мир болгарского (по сталинской модели) ГУЛАГА. «Тут был кромешный ад! Как и у всех живых существ, у нас были не только обязанности, но и "права". Так, например, мы имели "право" совершать длинные "прогулки" с шестью-семью кирпичами или с тяжелыми бревнами за спиной. Мы также имели "право" шагать по лилкой грязи, работать по 12-14 часов в сутки, "право" голодать, попадать в карцер за ничтожные провинности, "право" влачить скотское существование, быть расстрелянным или умереть в муках. У нас не было только одной "привилегии" – газовых камер быстрого истребления».

Автор этих строк Недялко Гешев попал на дунайский остров Белене в расцвете молодости – когда ему было всего 21 год. Его «привилегией» была молодость, позволявшая ему выдерживать нечеловеческий лагерный режим, дважды предпринять попытку к бегству – во второй раз успешно – и документировать свои свидетельства «привилегий», дарованных болгарскому народу сталинским социализмом.

«Работа, работа, работа! Это слово повторялось ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Оно повторялось даже во сне. Ученые и простые люди, бывшие министры, фабричные рабочие, крестьяне, ремесленники, генералы и полковники, православные и католические священники, врачи и адвокаты, инженеры и профессора, моряки и портовые рабочие, недовольные коммунисты и герои движения Сопротивления, представители разных партий – прогрессивных и консервативных, разных национальных меньшинств и народностей, греческие партизаны, евреи, армяне, турки, цыгане, люди всех возрастов – и безусые юноши, и белобородые старики. Народ, народ, народ! Сколько их было? Сколько костей осталось там гнить?»

ЕСТЬ ЕЩЕ И ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Обложка книги Н.Гешева «Белене – остров забытых».

Те немногие счастливицы, которым удалось вырваться живыми из беленского ада, берегут в сознании свои воспоминания, чтобы они «не исчезли» из памяти поколений, как некоторые архивы. «Лагерь в Белене был открыт 24 июня 1949 г., когда сюда перевели первую группу заключенных из шахты «Кучиан», около которой размещался

известный лагерь, – рассказывает 62-летний Григор Данов, бывший деятель оппозиционного Земледельческого союза, лидером которого был Никола Петков. (В 1947 г. Никола Петков, лишенный депутатского мандата, был арестован по сфабрикованному обвинению в шпионаже и повешен. Возглавляемый им Земледельческий союз был запрещен). – Меня перевели в Белене 9 октября, т.е. спустя три с половиной месяца после открытия лагеря. Там я застал первых «постояльцев». Большинство из них были политические деятели, в основном члены Земледельческого союза. Было также немного анархистов, социал-демократов, несколько министров из дореволюционного кабинета и бывших царских офицеров. Все они, как и мы, были сосланы в Белене без суда и приговора лишь за то, что состояли в оппозиционных партиях. Позднее, когда сюда прибыли и политзаключенные, у нас была возможность разговаривать с ними. Мы стали понимать, по каким нелепым поводам людям выносились приговоры. Так, например, одного солдата осудили на шесть лет только за то, что в его вещах нашли лист бумаги, на котором было написано: «Долой Вилко Червенкова!»

Репрессиям подвергались целые семьи. Одна знакомая, Снежана Дудева, оказалась в лагере за то, что была знакома с мужчинами из американского посольства. Ее четверо братьев – Пламен, Георгий, Кирилл и Стоян – тоже были в лагере, а их родители, насколько помню, были выселены из Софии в Панагюриште».

Уникальный случай? Нет, скорее правило. Брат и отец Недялко Гешева были арестованы за год до него. В то же время, в 1953 – 1954 гг., в Белене сидели Димитр Баталов и его отец – Иван Баталов. Двое из трех братьев Димитра (один – бывший партизан Второй средногорской бригады имени Васила Левского, а другой – член Земледельческого союза имени Никола Петкова) погибли еще в 1951 г. в застенках госбезопасности. Некоторое время держали в тюрьме их младшего брата, 14-летнего мальчишку, – чтобы не стал «бандитом», как другие братья.

«До чего мы тогда дожили, что приходилось радоваться тому, что наша мать давно умерла, – вспоминает сейчас Димитр Баталов. – Потому что я не мог себе представить, сколько ей понадобилось бы сил, чтобы каждый раз ждать известия о следующем расстрелянном сыне...»

Зловещая статистика «победившего» сталинского социализма. По данным Комитета репрессированных после 1945 г., возглавляемого Димитром Баталовым, за период до 1964 г. по политическим причинам через застенки и лагеря болгарского ГУЛАГа прошло около 180 тыс. мужчин и женщин. Большинство из них – в расцвете своей молодости, только что получившие среднее или высшее образование или взятые прямо со школьной или институтской скамьи. Большая часть – дети рабочих и крестьян, интеллигенции и служащих средней категории. Обвинения против них были самые разные – в зависимости от конъюнктурной «моды» на образ «врага» – от контрреволюционной деятельности и шпионажа до «неправильного

отношения» к мероприятиям «народной власти» и «морально-бытового разложения». Позднее, восставливая в своей памяти атмосферу тоталитарного насилия, Недялко Гешев напишет:

«Может ли режим, который называется "демократическим", украшающим себя такими словосочетаниями, как "народная власть", "народная милиция" и др., пользоваться методами, которыми лобрезговали бы даже турецкие завоеватели? В Белене держали большей частью молодых, еще не познавших в жизни труд и лишения. Среди них не было таких, о ком можно было бы сказать, что он "морально разложившийся", как нам это представлялось властями. У нас, молодых, было отнято право радоваться весне и молодости. Мы гнили в карцерах за то, что любили свободу и ненавидели диктатуру...»

«ПОНТОН УЖАСА»

Это название осталось в эпоху беленского лагеря. Тридцать пять парней, в основном из запрещенного Земледельческого молодежного союза, должны были понести «наказание», которое, наверное, не пришлось бы в голову и самому Берии. В начале января, когда ртутный столбик ночью опускался до 10 – 20 градусов ниже нуля, их держали четырнадцать суток в понтоне по щиколотку в воде. Четырнадцать суток под открытым небом, на ветру, ни сесть, ни выйти из воды, которая по ночам замерзала, а днем чуть-чуть оттаивала. Трудно представить себе больший кошмар. Это событие делит историю Белене на два периода – до «Понтона ужаса» и после него. Те же, кто его пережил, стали живой легендой. Григор Данов – один из них:

«Мне повезло, что известному в прошлом боксеру Борису Стойлову удалось, с риском для жизни, принести мне из моего барака вместе с похлебкой и резиновые боты, за что я ему благодарен всю жизнь (мы все были обуты в царвули – гапоши с ремешком). Тогда один из так называемых "воспитателей" говорил нам: "Возможно, некоторые не выдержат. Это мы предусмотрели. Я распорядился: тех, кто не выдержит и кончит плохо, будем складывать вон там, на той копне сена на берегу..." И вот умер Любен Чобаиов, один из двух братьев из города Русе, с которыми мы держались вместе. Его смерть тяжело переживал не только его брат, но и все мы. Ужасно видеть, как человек угасает, а ты не в состоянии ничем помочь ему. Невозможно передать словами, как мы провели эти четырнадцать суток. Доживаешь до утра и ждешь вечера, не зная, сколько часов еще протянешь... Но настоящая трагедия пришла после, когда надо было выходить на берег. Один из нас снял с ног гапоши и носки вместе с мясом. Сгнившее мясо отпало точно до того места, докуда доходила вода, и остались белеть только кости и хрящи. Стал разуваться и я; осторожно-осторожно, ожидая, что и со мной произойдет то же самое. Страшные мгновенья!.. Но вижу свои ноги целыми... Однако другим не повезло. Несколько человек отвезли в Свиштов: пришлось ампутировать пальцы и ступни ног...»

«ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО»

Под аркой, на которой была написана эта цитата из пьесы Горького «На дне», заключенные входили в

Концлагерь в Белене

лагерь. А с другой стороны ворот была «крылатая мысль» того же Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают». Эта «мудрость» особенно была по душе одному из самых ярких садистов – начальнику третьего объекта, младшему лейтенанту Борису Митеву, который любил повторять: «Вы здесь не на курорте, а для того, чтобы мы уничтожили вас!» И поскольку остальные его коллеги по госбезопасности тоже придерживались этой чекистской максимы, лагерники далеко не чувствовали себя как на курорте. Они должны были каждый день работать по 11 – 12 часов, а если не выполнят полагающуюся норму, то и ночью. За малейшие провинности их били дубинками, обливали водой и снова били. Их держали по несколько дней в карцере без еды, без воды, не позволяли ходить в туалет. Но зато пол постоянно поливали водой, чтобы днем нельзя было ни лечь, ни сесть на него. Частыми явлениями были сумасшествия и самоубийства. В зарослях вербы и кустарников, по пути от барakov до места работы, скрывались в засаде милиционеры, которые стреляли без предупреждения по каждому лагернику, кто отклонялся от дороги по нужде или чтобы сорвать ягоду ежевики. Все по дороге к рабочему объекту и обратно должны были бодро петь песню: «Мы, согрешившие пред народом, прибыли в Белене переродиться духом и строить светлый социализм».

И строили его – годами строили! Так, как описывает Недялко Гешев: «Грязные и обросшие до неузнаваемости, – все едва плетутся, группами по пять, десять, двадцать человек – с толстыми бревнами на плечах, согнувшись, словно рабочий скот под тяжелой ношей. Шагают и проклинаят всё подряд – премьер-министра, секретаря партии, госбезопасность. Вот на повороте кто-то оскальзывается, падает в грязь, остальные, налетев на него, тоже теряют равновесие. В общей свалке бревна падают на чьи-то ноги, трещат кости, струится алая кровь. Кто-то со сломанной рукой торопится к медпункту. Кого-то двое-трое несут на руках со сломанными ребрами, без сознания». Каждый обязательно должен выполнять дневную производственную норму. При невыполнении – карцер на 14 дней и паек 320 граммов хлеба. Работа, работа, работа! Отдых в бараке только при жаре выше 32 градусов. В этих условиях единственными людьми, на кого могли рассчитывать заключенные, были их товарищи – врачи, которых нередко

выпускали даже из карцера, чтобы спасти кого-то от явной смерти. Добрым словом вспоминают лагерники имена хирурга Николы Грозева (он и сейчас живет в г. Поморие), который сделал операцию без наркоза, обычным виноградарским ножом, когда у одного нашего товарища было прободение язвы желудка; терапевта Петра Дертлиева – бывшего депутата Народного собрания (1946 г.), секретаря парламентской группы оппозиционной Болгарской рабочей социал-демократической партии (объединенной). Димитр Баталов рассказывает: «Врачи Грозев и Дертлиев спасли меня от перитонита – оперировали в полевых условиях, без наркоза, для чего их специально освободили на время из штрафной бригады».

Из села Каравелово, откуда родом Димитр Баталов, в те времена было отправлено в лагерь 56 человек, а 150 других прошли через следственные казематы службы госбезопасности.

Сам он, еще 15-летним мальчишкой осужденный на 15 лет тюрьмы, обвинялся в том, что участвовал в восстановлении Земледельческого молодежного союза. В общей сложности он отсидел 10 лет в тюрьмах шести городов и на острове Белене.

В период 1947 – 1957 гг. доктор Петр Дертлиев прошел почти все тюрьмы (около тридцати) и лагеря страны, а в Белене побывал дважды. «Его любили все заключенные, – пишет Недялко Гешев, – которые рассчитывали на его глубокие познания и его умелые руки». В наши дни П. Дертлиев – уважаемый и единомышленниками, и политическими противниками председатель восстановленной после 10 ноября 1989 г.

Болгарской социал-демократической партии – одной из авторитетных политических организаций в оппозиционном Союзе демократических сил. С грустной улыбкой он вспоминает о тех обвинениях, которые тогда ему приписывались: будто бы он американский врач, поскольку боролся за то, чтобы дали отдых лагернику с вывихнутой ногой или с сердечным приступом... «Однажды, – рассказывает он, – я увидел цыгана, сидевшего до этого в плевенской тюрьме как криминальный преступник, а потом оказавшегося милиционером в Белене. Смотрю, читает какую-то книгу, вроде о гитлеровских концлагерях. Вдруг он взглянул на меня и говорит: "Доктор, а ведь и у нас, как в Бухенвальде". Если спросите, что мы ели, скажу вам, что даже аисты сбежали с проклятого острова, потому что мы убивали все, что было съедобно, – птиц, лягушек, змей, даже падаль, – предпочитая умереть от отравления, но хоть раз наесться досыта».

«А В ТО ЖЕ САМОЕ ВРЕМЯ, –

лишет Недялко Гешев, – молодые поэты "обещали счастливое будущее всему народу".» И добавляет: «Требовали неисчислимых жертв и обещали светлое будущее грядущим поколениям. Мы должны были лишиться своего куска, чтобы платить дань вернувшимся из Советского Союза злодеям, служившим Сталину»..

Тысячи людей прошли в те годы лагеря, тюрьмы и камеры зловещей службы госбезопасности. Многие из них погибли...

По материалам журнала «Болгария»

Георгий ДАНАИЛОВ

Пока я помню

фрагмент биографического романа

[...]

... Нашли мне учителя музыки.

Большоголовый, узкогрудый, в подтяжках. По его словам – закончил музыкальную академию – был первым на курсе. Ожидало его блестящее будущее, но...

В его доме постоянно были задернуты занавески. Когда меня привели к нему в первый раз, он сидел за пианино и что-то играл, бурно и драматично; неожиданно остановился и махнул рукой.

– Это я когда-то сочинил!

Потом открыл принесенные мной ноты, заглянул в них и сказал:

– Играй!

Я запилихал на скрипке. Он аккомпанировал мне на пианино.

– Ля бемоль, ля бемоль!

– Здесь бекар.

– Никакой не бекар. Ля бемоль. И выше скрипку!

Выше скрипку!

Поднимаю скрипку выше.

Оказалось, что мой новый учитель никогда не играл на скрипке. Это обстоятельство не способствовало моему обучению и предопределило печальный конец. Но для собственного успокоения хочу сказать, что и при лучших обстоятельствах вряд ли я стал бы

хорошим скрипачом. Пальцы у меня короткие, падонь маленькая, не гибкая, даже шнурки на ботинках не мог завязать как следует. Видно, дирижер – это для другого.

– В шахматы играешь? – строго спросил меня учитель.

– Немного.

– Садись! Я лучший шахматист в городе.

Сыграли несколько партий. Он мне быстро поставил мат и победно посмотрел. Выбирал себе противников послабее, уверенно расставлял фигуры и побеждал. Если случалось обратное, взрывался, принимался кричать и ругать партнера.

Никогда не встречал его на улице. Учитель музыки не выходил из своей квартиры. Он боялся коммунистов. Как будто они были опасны лишь при встрече на улице.

Перед войной он был директором гимназии, сочувствовал националистическим идеям и навлек на себя гнев победившего пролетариата.

Настоящий Страх был в нескольких километрах западнее – лагерь возле Белене.

И сегодня, когда вспоминаю это соседство, понимаю тех немцев, что жили в непосредственной близости от концлагерей и утверждают, что ничего не знали. Люди в Свищове знали, понимали, что там за лагерь,

и, вероятно, представляли, каково там находится, хотя ни один из заключенных, выйдя на свободу, под страхом смерти не мог поделиться своими воспоминаниями о пережитом, описать мучения и условия, в которых там жили.

«Всех нас, когда выпускали из лагеря, заставили подписать декларацию, что обязуемся ни при каких обстоятельствах и никому не сообщать о происходившем с нами... Даже слово "лагерь" нельзя было упоминать, это было просто подразделение МВД номер такой-то», — так тихо и коротко мой друг Стефан Вылев рассказывал о пережитом. Но он рискнул написать, и я прочитал его записи. Прочитал и рукопись одной заключенной, прочитал и другие воспоминания.

Но что значит — прочитал. Слова «сострадание», «соболезнование» придуманы для удобного использования в печальных обстоятельствах. Можно сочувствовать, сопереживать, но и тогда не осознавать всю меру происшедшего.

Потому что одно и то же мучение не переживается одинаково.

Боль забывается, унижения забываются, и даже самые жуткие страдания...

О лагерях написано много, снято много, казалось бы — тема исчерпана. После Солженицына и Шаламова, после Виктора Франкла* говорить о величайшем преступлении против народа — сложно. Но и промолчать — грешно.

Итак, люди знали, что находится в нескольких километрах от Белене, знали, что на острове посреди Дуная сосредоточено зло, скрываемое за густыми деревьями, но отталкивали это знание от души своей, от мыслей своих, от памяти своей, ибо надо жить, а жить с непрестанным ужасом в сердце — невозможно.

Возможно, следовало моему другу, восхищавшемуся однажды красотой заката, отвести глаза от чудесных красок и, перекрестившись, сказать: «Боже, там Белене!»

Возможно, но человек — не святой праведник...

Таким уж он создан — как отгоняет от себя мысли о собственной смерти и живет, словно ее нет, так и если не допускает до себя знание о соседствующем зле, то оно и не существует.

А иначе...

Хирургу Попову привезли заключенного из лагеря с сильным внутренним кровотечением при язве желудка. Подготовили срочную операцию, а милиционер, который привез больного, настоял на том, чтобы остаться в операционной. Его пытались отговорить. Нет! Запрещено. И не отходил ни на шаг от заключенного. Нет времени на разговоры.

Одели ему белый халат, маску, бахилы и поставили у края стола. Хирург сделал разрез, и в то же мгновение милиционер зашатался и рухнул на цементный пол. Обморок. Вынесли его из операционной, а он, как пришел в себя, с большим удивлением признался:

— Что же это, доктор, получается, я этого человека сколько раз сам бил до крови и ничего, а сегодня вдруг — мне что-то плохо стало...

Известно, что в лагере бьют, но обычный человек считает, что побои связаны хотя бы с каким-то, пусть и незначительным, проступком, вызваны хотя бы ничтожной виной избиваемого. «Канадская конная полиция сначала стреляет, потом спрашивает, болгарская полиция сначала бьет, а потом спрашивает». Но в лагере болгарская милиция била и не задавала никаких вопросов. Искусство ради искусства!

«Едва мы ступили на остров, охрана накинулась на нас и, избивая палками, потянула по дороге к месту нашего будущего пребывания. До него было несколько километров. Мы бежали, шатаясь и слтыкаясь, нас гнали часа два, а может, и больше, и весь этот дикий марафон сопровождался палочными ударами». Так рассказывал Стефан Вылев.

Бегущих избивали, не жалея сил. Часть пути, чтобы не утомляться, охрана гнала заключенных, сидя на лошадях. Сколько человек было убито по дороге, никто уже не узнает.

Болгарские концентрационные лагеря не могли соперничать с немецкими в педантичности и организованности умерщвления и с русскими в размахе, но, возможно, превосходили остальные лагеря на свете по «творческому использованию» побоев.

Ванко Оббов — прекрасный человек, будущий лауреат награды Французской академии по литературе, оказался в одной группе с молодым Стефаном Вылевым. Они познакомились и стали друзьями навсегда. Ванко били палками по голове, его любимый берет, с которым он не расставался, насквозь промокал от крови и, высыхая, намертво приклеивался к волосам.

Но и на следующий день после избивания Ванко Оббов невозмутимо и тщательно брился. Он прошел через все испытания без жалоб, не изменив своим привычкам, и всегда аккуратно раскладывал перед собой белый платок, который бережно хранил в солдатском ранце. Этот мягкий, добродушный человек, обладавший железной волей, был готов разделить последний кусок с ближним и укрепить дух всех погибающих.

А Лиляна Спасова-Пиринчева, женщина, не сломленная лагерями, начала свои воспоминания о Добрудже и Белене словами Адама Мицкевича: «Возможно, лишь Бог помнит о том, что мы пережили!» А может, и он не помнит, память отбили, хочется добавить.

Эта интеллигентная молодая аптекарша, арестованная за свои убеждения, провела в женском концлагере пять лет и восемь месяцев, ни разу не увидев за это время своих двоих детей и мужа, не смогла проститься с умирающим отцом, но сумела среди стальных терзаний сохранить свежесть души.

«Когда меня выпустили из лагеря, я отправилась в Русе, где оставались мои мать и бабушка. Они меня не узнали... Врач, который меня осматривал, увидев мой анализ крови, сказал: "Теоретически вы не можете быть живой!"

«В самые жаркие летние дни в Добруджском лагере», — пишет она в своих воспоминаниях, — нас, женщин, впрягали вместо лошадей в водоподъемник... Под единственным деревом рядом сидел охранник и следил, чтобы колесо не останавливалось. Когда он ненадолго отходил, чтобы справить нужду, многие из нас, как подкошенные, без сил валились на

* Виктор Франкл — психолог, узник немецкого концлагеря, автор книги «Психолог в концлагере».

горячую пыльную землю. Как только охранник возвращался, он пинками и руганью поднимал лежавших. День длился бесконечно. Женщины часто теряли сознание...»

«Из Ножарево прислали поручика Николова. Каждое его появление сопровождалось нашими слезами. Обычно он произносил долгие речи, обвиняющие, поучающие и совершенно бессмысленные... В руке он постоянно держал кнут, которым время от времени щелкал, как самым убедительным аргументом... В это раз, едва он начал свою "воспитательную" речь, на него громко залаяла наша Иванка, большая пастушья собака, которая ходила по полю с нами и стерегла наши узелки с хлебом... Своим лаем она словно старалась отомстить за все наши унижения. Поручик взбесился и на глазах всех застрелил единственное существо в лагере, которое было ласково с нами. У нас вырвался крик ужаса и боли. Тогда он в наказание заставил нас долго бегать по затопленному густой грязью двору...»

«Однажды увидели, что за амбаром зарыли двух кур, издохших от болезни. Женщины их тайком выкопали и ночью сварили в консервной банке. Хотя была опасность заразиться, но издохших кур съели до последней косточки. И удивительно — никто не заболел. В другой раз в казане, где варилась бобовая чорба, утонули две крысы. Несколько женщин побрезговали и не стали есть, но у большинства голод победил брезгливость...»

«Летом Щурчето (*маленький остров рядом с островом Персин*, — Г. Д.) почти полностью затоплялся и превращался в зловонное болото, в котором плодились тучи комаров, свирепых, как инквизиторы. Это было одно из самых ужасных наказаний, — когда "провинившуюся" женщину отвозили на Щурчето и оставляли там голой на съедение комарам. Так бывало часто...»

[...]

Год назад Лиляна Пиринчева дала мне экземпляр своих записок. Из текста чувствовалось, что их автор начитанная, рассудительная, глубоко чувствующая женщина. Прочитав ее воспоминания, я сожалел, что подробно не поговорил с ней.

Когда начал писать эту книгу, решил спросить ее согласия на использование ее рукописи... В телефонной книге нашел номер, который долго не отвечал... На восемьдесят втором году жизни Лиляна Пиринчева была жива и здорова, энергична, с мальчишеской короткой стрижкой. Видя, как бодро она идет мне навстречу, чтобы проводить к себе домой, я был радостно удивлен. Когда поднялись в ее опрятное скромное жилище, она познакомила меня со своим братом, пожилым аскетичным человеком. И без предисловий начался долгий разговор. Пиринчева была троцкисткой. А для «правовверных» коммунистов троцкисты были величайшими врагами. Так было в России, так было и в Болгарии.

Из ее воспоминаний я знал, что Лиляна ненавидела Сталина и сталинистов. Они были тупыми, бесчеловечными садистами.

Я, однако, убежден, что в лагерях было немало людей, проклинавших Троцкого как наследника Ленина.

Бертран Рассел писал после встречи с ним, что как личность Троцкий был равен Ленину.

Он превосходил Иосифа Сталина во многих отношениях, но вряд ли был гуманнее его.

[...]

В 1957 году мой дядя Марко снова попал в лагерь. На этот раз — в Белене. Когда его освободили, я его встретил на вокзале в Свиштове. Он был очень истощен, но опрятен и бодр. Не изменился. Обнялись. Он улыбался, словно вернулся из Парижа.

Когда успокоились, я спросил:

— Скажи, в этот раз — за что?

Он развел руками:

— Мне так и не сказали!

Дома долго, очень долго мылся щеткой и мылом. Вместе поехали в Софию, чтобы оттуда на поезде отправиться в Пловдив.

Было у нас несколько часов до поезда, и дядя Марко решил, как свободный человек, пообедать в приличном ресторане. Заходим, садимся. Он оглядел обстановку — чисто, белые скатерти. Остался доволен. Тут же подошел официант. Заказали венский шницель:

— Какой гарнир желаете?

— Положите, какой найдете. — неожиданно разгорячился дядя и, опережая любые предложения, воскликнул, — хоть вареных камней, только не кислой калусты!.. В лагере нам ее только и давали!

Официант сочувственно поклонился и ушел.

Дядя виновато поглядел на меня:

— Разве поймешь теперь, за что меня отправляли в разные места.

После вдвоем зашли в магазин грампластинок. Дядя подошел к прилавку с классикой и обратился к продавщице:

— Извините, у вас есть одна соната Бетховена? — и запел, — тари-та-там, тари-та-там, тари-та-там, тари-та-ти!

Продавщица поняла. Дядя напевал третью часть сонаты Бетховена соч.31 номер 2. Еще ребенком, не зная ни названия, ни номера, пел ее трогательно и фальшиво.

[...]

Перевод с болгарского:
Владимир Холмогорский

Георгий Данаилов родился в 1936 году в Софии. Окончил гимназию в Плевене (1954), физико-химический факультет в Софийском университете (1960). Был учителем химии, нач. лаборатории на комбинате в г. Свиштове. В 1963–76 гг. — ассистент на кафедре органической и общей химии. Первые публикации в 1960 г. в газетах «Народна младеж» и «Вечерни новини». Первая пьеса написана и поставлена в 1975 г. Драматург, беллетрист и киносценарист, Данаилов один из популярнейших сегодня болгарских писателей. Среди фильмов, поставленных по его сценариям, — «Куда идете?» («За къде пътувате?») и «А теперь куда?» («А сега накъде?») Рангела Вилчанова, «Лагерь» («Лагерът») Георгия Дюлгерова.

с написана и поставлена в 1975 г. Драматург, беллетрист и киносценарист, Данаилов один из популярнейших сегодня болгарских писателей. Среди фильмов, поставленных по его сценариям, — «Куда идете?» («За къде пътувате?») и «А теперь куда?» («А сега накъде?») Рангела Вилчанова, «Лагерь» («Лагерът») Георгия Дюлгерова.

Божидар ПЕТРОВ

ЛАГЕРЬ В ЛОВЕЧЕ: ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ В АДУ

«Изнемогающие, голодные, с кровоточащими ранами и гноящимися спинами, мы работали из последних сил, а вечером, возвращаясь с работы, думали о вечерней поверке. Физически истощенные, больные и пожилые погибали первыми. От ударов по спине, ягодицам и рукам многих образовались незаживающие раны, в которых заводились черви. Боли были невыносимые, тела издавали гнилостный запах. Обычно такие люди не выдерживали, каждый новый удар по больному месту выводил их из строя, а это означало, что они не могли больше работать, следовательно, их ждала смерть...»

В дверь звонили и стучали

Удары усиливались, слышались ругательства. Я вскочил с кровати, открыл дверь. Передо мной стояли несколько человек в форме и в гражданском. Наставив на меня дула пистолетов, они кричали: «Империалистическую музыку слушаете, откуда она взялась у вас? Где магнитофон? Все скажешь, как миленький!» Мать плакала, отец объяснял им, что я музыкант, играю на скрипке, на аккордеоне и гитаре, люблю музыку. «Ты нам необъясняй. Мы знаем, какая музыка разрешена и какая нет». Потом они взяли наш магнитофон и единственный ролик с лентой, который у нас был, и велели моему брату спешно одеваться – чтобы дать объяснения в милиции. Магнитофон не вернули, брат не вернулся. Пришел он домой года через два...

Оказывается, его отвезли в лагерь на острове Белене. Свидания с ним не разрешались. Через шесть месяцев после ареста от него пришло письмо. Мать плакала и причитала. Мы писали разные прошения и жалобы в прокуратуру, откуда нам отвечали, что у них его нет, обратитесь, мол, в органы милиции. Писали мы и министру внутренних дел, но ответа так и не получили. Брату моему тогда было девятнадцать, а мне четырнадцать лет. Шел 1957 год. По возвращении из лагеря брата взяли в армию. Семью нашу содержал отец – режиссер, сценарист, артист. Через некоторое время, в 1962 году, его вызвали в кабинет полковника МВД Чакрыова, который сказал ему: «Мы не подвели тебя под Народный суд, так сейчас твои сыновья ответят».

В 1959 – 1960 гг. меня семь раз вызывали в Софийское управление МВД, что на ул. Московской, 5. Причины: носил узкие брюки, слушал западную музыку, танцевал американские танцы и т.д. Вот что случилось в первый раз, когда однажды субботним вечером мы были на танцах в клубе на ул. Гочо Гопина. Около восьми часов вечера в клуб нагрянули милиционеры и какие-то штатские и приказали нам, парням, снять брюки, не разуваясь. Я и еще несколько ребят не подчинились команде. Тогда нас впахнули в закрытую машину, стоявшую перед клубом, и привезли в городское управление милиции (ул. Московская, 5). Ввели в приемную и начали вызывать по одному. Пришла и моя очередь, и я оказался в комнате, где

сидели двое офицеров в милицейской форме. «Снимай быстро штаны, ублюдок!» – закричал один из них и, подойдя, ударил меня по лицу. «Подождите, не бейте меня, я ничего плохого не сделал, – закричал я. – Брюки у меня новые и мои, не чужие!» «Отведите его вниз!» – приказал другой офицер. Вызвали старшину, он отвел меня по лестничным переходам в просторное подвальное помещение с деревянным полом и десятью камерами.

Прошло немало времени, вероятно, было уже после полуночи, когда раздался стук шагов многих людей и какой-то человек громко крикнул: «Всем снять верхнюю одежду, засучить рукава, снять обувь и носки, закатать брюки по колено. Готовы?» Потом раздался звук поворачиваемого в двери ключа. «Выходи!» – приказал кто-то. Вывели и других. «Ложись, подними ноги!» Раздались страшные крики... «Не кричи, мать твою эдак! Пятьдесят ударов!» Слышались удары, вопли, ругань. «Связывай этого, мать-перемать!...» Этот кошмар продолжался больше часа. Подошла моя очередь... Началось. Рядом со мной били другую жертву. Длинным резиновым бичом, со свистом, наносили удары по ступням, заставляя нас самим считать до пятидесяти... «А сейчас иди мыться. Через час будет осмотр, у кого останется след, будем бить снова». И я, корчась от боли, поплелся мыться в указанном направлении.

...Один из палачей вывел меня по ступеням наружу, сказав на выходе: «Отправляйся прямо домой и никому ни слова, иначе опять привезем сюда». Доб-

Поминальное шествие к месту захоронения узников лагеря Ловече. 1990 год.

рался до дому где-то около 4 часов утра. Ничего не сказал своим родителям: просто не хотелось их расстраивать.

В 1960 году палачи еще больше озверели. Они били бичами свои жертвы по груди, по спине. Свирепея с каждым днем, они уже не требовали, чтобы избиваемые держали это в тайне. Многие пострадавшие стали жаловаться и рассказывать об этих издевательствах. Я же не делал этого.

В последний раз меня били в конце 1960 года. К этому времени все палачи меня уже знали, да и я их тоже знал. Ударили меня раз двадцать резиновым бичом по рукам и ногам, но на этот раз не отпустили, а посадили в машину и отвезли в первое отделение МВД. Там я встретил 1961 год. Тогда мне исполнилось 18 лет, я стал совершеннолетним. Держали меня двадцать дней без всяких объяснений. Я и не спрашивал, поскольку меня не соблазняла мысль о новой встрече с мучителями.

Большинство из них теперь уже на пенсии. Впоследствии, при встрече со мной на улице, они улыбались, словно старые приятели. Все они занимали различные руководящие должности в системе Министерства внутренних дел. Полковник Павлов был начальником Софийского управления МВД, Рангелов – тоже полковником, Бакырджиев – полковником, советником генерала Софийского городского управления МВД, Георгиев – полковник в самом министерстве. Фамилий других трех мучителей уже не помню, но все они были членами БКП, бывшими партизанами, занимавшими ответственные должности, а люди, стоявшие на еще более высоких постах, давали им распоряжения о проведении инквизиций. Такими были мои палачи. Издевались надо мной только потому, что я слушал западную музыку, что носил узкие брюки, что отец у меня работал в области культуры еще до революции Девятого сентября.

... Когда я был в милиции в последний раз, мне исполнилось восемнадцать лет. Этого они и ждали, держа меня под арестом двадцать дней.

Где-то между 10 и 12 января 1961 года меня посадили в машину и отвезли в эталное отделение Центрального софийского вокзала. Там я переночевал, а утром на меня надели наручники и посадили на поезд, не сказав, куда повезут. Милиционеры, охранявшие меня, непрерывно сменялись. Мне показалось, что некоторые из них смотрели на меня с состраданием. Один даже снял с меня наручники и сказал, что я слишком легко одет и надо бы, чтобы мне разрешили взять одежду потеплее. Так нас везли три дня... И вот мы добрались до Ловеча, где нас ожидала крытая машина, на которой мы тряслись около получаса. Когда нас доставили на место, всех вновь прибывших заставили построиться в шеренгу перед какими-то низкими постройками. Милиционеры были в огромных тулупах, с автоматами в руках. Холодной, очень холодной была та зима. Одет я был очень легко, в ботинках на босу ногу, потому что носки износились у меня еще в предварительном заключении и я их выбросил. Потом прибыло трое офицеров, чин которых невозможно было рассмотреть по погонам на огромных полушубках. Зачитывали наши фамилии по каким-то палкам и после каждой фамилии о чем-то тихо говорили между собой. Потом один из них начал объяснять нам, что нужно безусловно выполнять все приказы, так как в противном случае можно зарабо-

тать и смертную казнь, что усердной работой мы должны заслужить свое освобождение, искупить свои грехи перед родиной и т.д. Потом один из офицеров куда-то отлучился и принес несколько деревянных палок. Одному из нас, мужчине лет около пятидесяти, сказали, что его не следовало доставлять сюда, а еще на месте ликвидировать. Он молчал (помню только, что он был из Пловдива). Его заставили лечь на снег лицом вниз и начали бить палками...

Он кричал и молил о пощаде...

... Но они били его по спине и ногам до тех пор, пока он не перестал кричать. Я увидел, что шея его кровоточит, избиваемый корчился на земле. И я подумал тогда: как хорошо, что меня семь раз избивали в управлении на улице Московской. Привычка, какой бы она ни была, великое дело! Кто-то принес мешок, палачи запихали мужчину в него, нажали, чтобы тело вошло полностью, завязали мешок проволокой и куда-то унесли...

Так я попал в лагерь смерти, как позднее его называли и о котором сегодня помалкивают. Досье лежат, архивы имеются (если их только не уничтожили), но самое главное, что я вместе с немногими оставшимися в живых свидетелями, выдержавшими все изощренные пытки инквизиции, все еще существую. Многие годы я читаю и перечитываю литературу, связанную с репрессиями и мучениями людей. И прихожу к выводу, что лагерям Французской Гвианы, лагерям Гитлера и Сталина, лагерям Гешева и Ферещанова в дореволюционной Болгарии далеко до того, чего удалось достичь многим из ответственных служащих госбезопасности и Министерства внутренних дел в наше время.

После обеда, состоявшего из фасолевой похлебки без хлеба, так как хлеб давали только вечером, четверо милиционеров с автоматами повели нас на работу. Пройдя около километра по дороге с небольшим подъемом, мы дошли до карьеров, которые здесь называли «элеваторами». Тут я провел большую часть времени моего пребывания в лагере. Дневная норма была 15 вагонеток гранита на человека – погрузить и отвезти. Из числа заключенных лагерное начальство назначило бригадиров-убийц (конечно, не все они были такими), отвечавших за бригады и отряды, а также множество других «привилегированных». Они тоже не были вечными, и, как пойдет об этом речь дальше, некоторые из них тоже там погибли. Всем руководили трое офицеров, самым главным среди них был капитан Газдов. Этот палач отвечал за лагерь по линии госбезопасности. Бригадиры ходили с огромными палками и были одеты в более новую одежду и военные ботинки. Они контролировали, как идет выполнение наших дневных норм, били и до смерти забивали – по указке местного начальства – намеченную жертву...

Время погрузки вагонов было строго ограничено, поэтому требовалось работать с большой быстротой, силой и умением. При погрузке камня, которая проводилась после обеда, около 14 часов, обстановка накалялась, охрана усиливалась огромными овчарками, и если, не дай боже, кто-нибудь упускал камень на рельсы, это уже считалось саботажем. Десять из нас нашли свою смерть под ударами дубинок. Именно при погрузке камня иногда из-за «текучести кадров», смены рабочего места или по другим причинам менялся

состав грузчиков. Вновь прибывшие, которые еще не умели быстро работать в новой обстановке, впадали в панику или сильно переутомлялись, что становилось причиной их гибели. Двое лагерников, работая попарно, должны были загрузить вагон всего за 10 минут. Из «элеватора» они кидали дробленый камень в вагон, и малейшее замедление создавало затор, что мешало равномерной погрузке вагона и, в свою очередь, задерживало состав. За подобную провинность тут платили жизнью. На «элеваторах» работало 40-50 человек.

В большинстве случаев при погрузке поезда присутствовал и кто-нибудь из офицеров. Начальником лагеря был майор Гогов, капитан Газдов отвечал по линии госбезопасности, а майор Горанов был ответственным по режиму. Было и четверо дежурных старшин, которые проводили проверку и замещали начальников, когда те отсутствовали. В Большом карьере, находившемся неподалеку от «элеваторов», работало больше людей. Там было более двадцати забоев. Обычно в одном забое работало по 5-7 человек, но там «текучесть кадров» была больше. Имелся и штрафной забой, где норма была вдвое выше. Он находился под постоянным наблюдением бригадира, который старательно избивал намеченную жертву. Газдов и Горанов тоже пробовали силу своих ударов. Наиболее известными бригадирами были Димитр Цветков и Шахо Цыган из Софии, Славе и Шаро из провинции и другие. Камень собирали в большие кучи на специальных площадках, где его скапливались огромные запасы. Капитан Газдов говорил: «Сыпьте, потолка нет!»

Другими объектами, на которых работали заключенные, были несколько дач, строившихся для сотрудников МВД и БКП, печи для обжига извести, стадион в Ловече. Жили в лагере по следующему расписанию: подъем в 5 часов, туалет и завтрак до 6 часов, краткая поверка, построение по бригадам, указания о работе, дорога на объект, работа, обед с 12 до 13 часов, снова работа до темноты (в зависимости от сезона). Ужин прямо на плацу, стоя на ногах или сидя на земле, затем страшная вечерняя поверка, которая иногда продолжалась до 2 часов ночи. Собственно, сама поверка длилась около 20 минут, но все заключенные подолгу стояли в строю в дождь и в холод в ожидании очередного «представления», которое нам давали Газдов, Горанов и Гогов, — очередного убийства кого-нибудь из нас. Жертвой чаще всего был тот, кто работал плохо, а значит, по их словам, такому человеку не следовало больше жить. Майор Гогов большей частью был просто зрителем. Мне приходилось видеть, как он бил заключенных, но не до смерти. Активными действующими лицами были Газдов, Горанов и их верный помощник — цыган Шахо. Любый инквизитор позавидовал бы им, как ловко и с какой жестокостью они это делали. Среди убийц-бригадиров и папачей-офицеров были и соответствующие пароли. Например, Газдов намечал какую-либо жертву и, если лично не занимался ею, говорил: «С этим нужно как следует поработать!» Дальше уже бригады знали свое дело: жертву били, с перерывами, в течение всего дня, а когда мы возвращались с работы, ее уже несли в мешке. Изнемогающие, голодные, с кровоточащими ранами и гноящимися спинами, мы работали из последних сил и, возвращаясь с работы,

Установленный в Пловдиве бронзовый памятник музыканту Сашо Сладуре («Симпатяге»), погибшему в 1961 г. в концлагере Ловеч.

думали о вечерней поверке. Физически истощенные, больные и пожилые погибали первыми...

Всего несколько дней выдержал в лагере известный болгарский скрипач Саша (по прозвищу Симпатяга). Он попал туда за то, что рассказывал политические анекдоты. Мне доводилось видеть мешки с жертвами, которых за день иногда оказывалось более пятнадцати (эти мешки оставляли около забора, за туалетами). Где-то часа в два ночи за ними приезжала машина и куда-то их отвозила. Ходили разговоры, что их зарывали в Белене, но это лучше известно палачам и их руководителям. Использовались разные приемы истребления людей. Но основной была работа. Придумывались методы доработки дневной нормы. В летние месяцы некоторых оставляли работать до полуночи, а остальных заставляли ждать их, чтобы провести общую поверку. Лагерное начальство было неумолимо в истязаниях. Утром нас отправляли по рабочим местам, днем приходили убивать жертву прямо на объекте, а вечером устраивали «представления» после вечерней поверки. Мы работали без выходных, по воскресеньям трудились до обеда, а после этого выносили наружу соломенные тюфяки, на которых мы спали, для дезинфекции паразитов (у нас были вши и блохи). И в это время вокруг нас с палками в руках расхаживали офицеры. И для них не было выходных дней, и если все же они уходили на выходной, то мы радовались, что хоть сегодня будет меньше забоев. Один из заключенных, парень лет двадцати пяти, не выдержал и бросился под маневрирующий состав в Большом карьере. Ему отрезало обе ноги, но он был еще жив. Старшина из охраны спросил звеньевоего по фамилии Левордашки, что происходит. Левордашки взял в руки молот и, когда пострадавшего оттащили с рельсов, ударил его в грудь. Жертва испустила дух, а старшина одобрительно кивнул убийце. На вечерней поверке Газдов и Горанов держали залпугивающие речи в том смысле, чтобы никто не смел кончать жизнь самоубийством. Им не хотелось упустить удовольствие собственноручно лишить нас жизни. В их руках была жизнь всех нас. Они были судьями и палачами.

Нас, молодых, кому было по 18-20 лет, можно было сосчитать на пальцах — я и Никола. Он попал сюда за то, что знал чужие, «капиталистические языки» и «разговаривал с империалистами». Мы спали

Установка креста в память о заключенных концлагеря Ловеч. 1990 год.

рядом. Эмо (по кличке Пиколо) тоже «беседовал с капиталистами» – и он знал языки. Бойко тоже попал в лагерь из-за «фашистских» языков, и еще двое-трое. Все мы выжили, кроме Бойко.

Он жил всего несколько дней

Бойко работал в моем забое, я ему помогал товарищески, учил его работать. Однажды после обеда жарким июльским или августовским днем мы вернулись после погрузки поезда, он лежал пластом на камнях в нашем десятом забое. Около него суелится бригадир Благо Гайтански, из Пловдива. Он его убил. Наметил его сам или от кого-то получил указание. Благо был двухметровым гигантом с очень тяжелой рукой. Бил и убивал. Вскоре после того, как он ликвидировал Бойко, начал налетать и на меня. Узнал, что я дружил с Бойко. Он сам сказал об этом, вперившись в меня взглядом. От его побоев у меня на спине было много следов, и в любой момент в них могли завестись черви. А ударял он именно по этим местам, хотя видел и понимал мое состояние. Я раздумывал: начальство ли велело ему заниматься мной или он это делает по своей инициативе? Если первое, то спасения нет, но если он вытворял это по собственному желанию, то у меня теплилась искорка надежды. Главный бригадир

«элеваторов» Пешев держался со мной хорошо. Я сказал ему о действиях Благо, показал мои раны. Он сразу же понял меня и спас мне жизнь, послав меня работать в другое место – на камнедробилку.

Меж тем в мае – июне 1961 года лагерь был переполнен заключенными. В помещениях негде было спать, поскольку нас стало более тысячи. В августе выпустили на свободу большие группы лагерников. Я был одним из старожилов – находился в лагере почти год, а таких мало осталось в живых. Наказали и бригадира Пешева. Тогда Благо снова начал издеваться надо мной, однако потом, поздней осенью, сменилось руководство лагеря, запретили побои и убийства, и так я уцелел.

Несколько сотен убитых – таков печальный итог за время моего пребывания в лагере. А в общей сложности там было истреблено более тысячи человек. Были убиты и бригадиры-убийцы. Так, например, Димитр Цветков, отвечавший за один отряд и считавшийся главным бригадиром, когда его сняли с этой должности, начал работать в штрафном забое. И он не выдержал тяжелой работы и подставил руку под вагонетку. Рука была раздавлена, и на него обрушился град ударов палками. В конце концов от бросился с высокого обрыва в карьере, получил сильные повреждения, и его добились. Во время моего пребывания в лагере несколько раз из Софии приезжало с проверкой высшее начальство из МВД во главе с заместителем министра внутренних дел генерал-полковником Мирчо Сласовым. В такие моменты обстановка особенно накалялась. Число жертв удваивалось, а когда комиссия уезжала, утраивалось. Палачи получали личные указания, и многие несчастные расставались с жизнью. Такими были «стиль и методы» действий людей, занимающих ответственные посты в госбезопасности, которые в настоящее время «перестроились», получают огромные пенсии. Если спросите их о прошлом, они, вероятно, ответят: это ошибки в времени. Да, к сожалению, сейчас это считается так. Их преступления истолковываются как ошибки, а ошибки простого человека для них – преступления.

В конце 1961 года, после того как в лагере сменилось начальство и прекратились побои и убийства, заключенных стали выпускать группами на свободу. В начале 1962 года освобождение снова приостановили, потом снова начали выпускать. Так продолжалось до 22 марта, когда подошла и моя очередь. Меня освобождали с последними группами. Четырнадцать месяцев у меня не было связи с моей семьей. По лагерным правилам только раз в полгода мы имели право получить письмо и посылку. Я писал домой, но ответов не получал. Мне даже не в чем было поехать домой после освобождения. Одежда моя за это время истлела, мне выдали другую, рабочую, и резиновые галоши с ремешком (царвули), которые пришлось обуть на босу ногу. При освобождении, в присутствии нового начальника, с меня взяли подписку, что не буду рассказывать о том, что я видел во время пребывания в лагере. Вместе с десятком мне подобных меня посадили в закрытую машину и высадили на станции Левски. Там охранники сказали, чтобы на вопросы людей мы отвечали, будто мы лесорубы, а лучше всего – избегали разговоров с пассажирами. Дали мне проездной билет до Софии и – валяй на все четыре стороны!

Возвращение из небытия

Моя радость была неопишима и ни с чем не сравнима — я на свободе! Но это продолжалось очень недолго, так как через несколько часов я узнал, что вся наша семья интернирована в одно село за четырьмя километрами от Софии. А в нашем доме разместился (на неопределенный срок) полковник из дирекции народной милиции. Десять лет мы скитались без дома. Родители мои состарились, потеряли здоровье. Немало мытарств выпало на мою долю, после того как я уехал из этого села: работал, учился, ночевал в подвалах и на чердаках, у друзей и близких. В то время за интернированных отвечал полковник Чакрыров. Мы обивали пороги его кабинета в здании дирекции милиции, что у Львиного моста. Большой силой он обладал. Мы писали жалобы министру, правительству, а он показывал нам их и, смеясь, говорил: «Разве вы не поняли, что здесь все решаю я?!» В 1963 году многие люди писали о моем отце и вообще о нашей семье. Особенно заступались за нас народный артист Владимир Трендафилов, писатель Димитр Симидов, эстрадная певица Магда Пушкарова и другие работники культуры. Министр отменил решение о нашем выселении из Софии, и мы были реабилитированы, но приказ об этом вручил все тот же полковник Чакрыров. Он зачитал нам его и дал

прочитать другой приказ, который обязывал нас не претендовать на свое жилье. «Если вы согласны, подпишитесь. Каждый в отдельности». Отец сказал, чтобы я ничего не подписывал, и я, конечно, послушал его. Тогда Чакрыров положил перед нами приказ министра, где мы были перечислены все поименно, и вычеркнул меня и моего брата. Такой силой обладал этот Чакрыров, что полностью располагал нашими судьбами. Только спустя десять лет полковник из дирекции народной милиции сообразовал вернуть нам ключ от нашего жилья, и мы вернулись в свой дом. Снова вся семья была в сборе. К тому времени я уже был женат, у меня был сын. Мой брат решил, что жизни для него в Болгарии больше нет и сбежал в Западную Германию. Там женился, у него двое детей. Сейчас ему 52 года. Целых десять лет после его бегства меня то и дело вызывали в МВД и напоминали, что мой брат — изменник родины.

... Все это правда, нелюдская, не приглаженная редакторским пером, правда об инквизициях в управлении милиции на ул. Московской и в лагере под Ловечем. Немного свидетелей этого ада осталось в живых. Мы, жертвы, не требуем расправы над палачами. Пусть их судит история, но мы хотим гарантий для наших детей. Чтобы такое больше не повторилось никогда.

По материалам журнала «Болгария»

Методи ТЕРЗИЕВ

ПО ЛАГЕРЯМ

[...] К македонскому освободительному движению я примкнул еще в начале 40-х годов, когда учился в Неврокопатской гимназии. Большое влияние на меня оказали мои друзья по гимназии Александр Думбаров, Константин Попов и другие, учившиеся в старших классах, уже знакомые с нелегальной работой, беседы и споры которых, мы, младшие гимназисты, слушали с большим интересом.

В 1943 году группа молодежи из моего родного города Банско решила почтить память Тодора Александрова у его могилы. Путь туда лежал через горные перевалы. С большими трудностями удалось миновать полицейские кордоны и патрули, устроенные в горах для борьбы с партизанами.

[...]

Когда мы достигли цели своего похода, то узнали о смерти царя Бориса III.

После торжественного поклонения могиле Тодора Александрова группа направилась в Свети Врач (ныне — Сандански), где неожиданно была арестована.

Очевидно, наша молодость и та уверенность, с которой все задержанные утверждали, что являются заблудившимися туристами, сыграли свою роль, и на следующее утро все были отпущены по домам.

Со времени той акции я примкнул к «Ванчо-Михайловистам», хотя, рожденный в 1927 г., самого Ива-

на Михайлова не видел. Но меня привлекали его радикальные взгляды и активная деятельность по организации тайных складов оружия и распространению воззваний ВМРО.

После 9 сентября 1944 г. Иван Михайлов был объявлен «врагом болгарского народа», и, как «Ванчо-Михайловист», я был арестован.

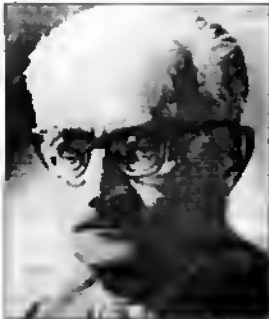
Мне было 17 лет. Меня переводили из участка в участок, а затем отправили в исправительно-трудовой лагерь «Куциан».

Там были собраны только македонцы. В нашей группе было 56 человек, и в их числе — писатель Димитр Талев. В помещении, куда нас затолкали, не хватало воздуха, и Димитр Талев*, у которого было большое сердце, стал задыхаться и терять сознание. Мы стали стучать в дверь и кричать: «Человек умирает, человек умирает!» — и милиционер, охранявший нас, «смиловившись» и приоткрыл окно, забранное решеткой. Утром нас вытолкали во двор, заставили раздеться, остригли и устроили переключку, требуя отвечать, кто такой и за что арестован.

Вспоминаю, что Димитр Талев был в лагере уже вторично. Первый срок он отбывал в лагерях Бобовдол и Богданов-Дол. Он лично знал начальника лагеря-рудника «Куциан» капитана Гершанова, бывшего

Методи Терзиев — зам. председателя Внутренней Македонской Революционной организации — Союза Македонских обществ.

**Талев Димитр (1898 — 1966) — болгарский писатель, автор тетралогии о национально-освободительном движении в Македонии XIX — нач. XX вв.: «Железный светильник» (1952), «Ильин день» (1953), «Преспанские колокола» (1954), «Слышу ваши голоса» (1966).*

Димитр Талев

по совместительству «градоначальником» в городке. Он был кошмаром для заключенных лагеря. Капитан Гершанов узнал Талева и начал издеваться над ним, говоря: «Ну, мой друг, для тебя уже готова здесь могила». Димитр Талев рассказывал, что в Богданов-Доле режим был «полегче», поскольку начальником трудовой роты был «наш» человек – Георгий Димчев, симпатизировавший македонцам. Мы мечтали, чтобы нас перевели в Богданов-Дол... Только в 1948 году большая часть македонской группы была выпущена из лагеря.

В «Куциане» выдавали по 400 грамм хлеба в день и один раз в неделю – 14 грамм брынзы. В начале января 1948 г. часть заключенных, среди которых был и я, была переведена в Богданов-Дол... «Внутреннее руководство» там было в руках Георгия Димчева. При распределении групп я попал на объект, имевший издевательское название «Депутатское шоссе». Там работали депутаты от оппозиции. Норма была – 4 кубометра грунта на человека, но земля была мерзлая, и с трудом удавалось выработать полкубометра.

Поскольку Димитр Талев был сильно истощен, Георгий Димчев организовал работу так, что его норма была распределена между нами. Все старались помочь Талеву.

Его поселили в самой теплой части барака, и Димчев добыл ему дополнительное одеяло. Руководство хотело знать общую выработку от 300 человек, и мы успевали покрыть норму Талева. Однажды, когда он находился на руднике, его вызвали в дирекцию, куда приехала какая-то «делегация». Вернувшись, он сказал, что разрешили издать его роман «Железный

светильник». (В конце 1947 года Димитр Талев перенес тяжелый сердечный приступ и в январе 1948 г. был выпущен на поселение. Скончался в 1966 г. – прим. пер.)

В сентябре 1949 года меня выпустили из лагеря. Я отправился в Пирин, где в то время уже обосновался мой друг Борислав Иванов с группой наших единомышленников.

Из университета я был исключен после моего ареста, возвращаться в Банско мне было нельзя, по причине ареста членов нелегальной группы, в которой был мой дядя и другие близкие. Надеюсь затеряться в большом городе, я добрался до Софии, где стал работать в «строительной» бригаде, занимавшейся разборкой разрушенных в войну зданий. Сначала ликвидировали Ботанический сад, расчищая территорию для советского посольства, которое, впрочем, построили совсем в другом месте. После этого разбирали территорию Артиллерийских казарм. В развалинах я обнаружил мемориальную плиту с именами героев полка. Пока уговаривал работников Исторического музея спасти ее, цыгане украли с нее бронзовые украшения и буквы... Когда работы добрались до Южного парка, было приказано разрушить казармы Первого и Шестого полка Его Величества Бориса III, на стенах которых были установлены мемориальные доски с именами погибших. Мне удалось их тайком снять и, как я предполагал, надежно спрятать. Но в 1964 году один оперативный работник, имевший на меня «зуб», обнаружил, что я не уничтожил мемориальные доски. Я вновь был арестован и осужден на 15 лет тюрьмы. [...]

Из интервью газете «Македония», август 1994 г.

Перевод с болгарского:
Владимир Холмогорский

Смерть Сталина предотвратила гибель католической церкви в Болгарии

Интервью со Светлозаром Елдыровым

Светлозар Вл. Елдыров родился в Плевене, в семье католиков. Доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института Балканистики БАН. Автор более 150 статей и публикаций в научных изданиях, в том числе шести монографий, среди которых «Католики в Болгарии 1878-1989» и «Болгария и Ватикан. Дипломатические, церковные и другие взаимоотношения».

– Является ли 9 сентября 1944 года началом жестоких гонений на болгарских католиков?

– После переворота 9 сентября руководители Отечественного фронта обрушили свою религиозную нетерпимость на всю болгарскую церковь. Тогда десятки православных священников были расстреляны без суда и следствия, но католическая община осталась, испытывая определенную дискриминацию

внутри авторитарного государства. 2-3 она года находилась в относительно спокойном положении. Но это было лишь кратковременное затишье.

– Существует ли историческое объяснение «мирного подхода» к католикам в это время?

– Во-первых, Болгарии предстояло участвовать в Парижской мирной конференции (1946 г.) для установления своего нового положения на международной карте. «Народной власти» требовались влияние католической церкви и ее контакты для поддержки болгарских интересов. Представитель Ватикана Франческо Галони, к которому министр иностранных дел Петко Стайнов обратился с просьбой о поддержке болгарской позиции Папой Пием XII, был благосклонно настроен к Болгарии. Государственный секретарь Ватикана Джованни Батиста Монтини (будущий Папа Павел VI) был земляком и большим другом Галони.

– Как в кино...

– Это было важно в историческом и государственном аспекте. Благодаря этим связям Святейший престол направил инструкции своим нунциям в Париж, Лондон и Нью-Йорк – сделать все возможное для поддержания болгарских интересов.

Во-вторых, папский нунций в Париже архиепископ Анджело Джузеппе Ронкали (будущий Папа Иоанн XXIII) с 1925 по 1935 год был представителем Ватикана в Болгарии. За что получил прозвище «болгарский папа». Ронкали принял болгарских делегатов Кимона Георгиева и Васила Коларова в 1946 году и приложил много усилий, пропагандируя болгарскую позицию и всячески стараясь как уменьшить огромные репарации, так и разоблачить территориальные амбиции Греции. Вследствие этих ходатайств 10 февраля 1947 года был подписан Парижский мирный договор с Болгарией.

– И что произошло с толерантностью к католической общине после достижения поставленной цели?

– В июле 1948 г. в Москве было созвано всеправославное совещание стран «социалистического лагеря». На первый взгляд – чисто религиозное событие, но на самом деле это оказалось политическим мероприятием, ставшим элементом конфронтации между Востоком и Западом. И что было самым злое – были осуждены католическая церковь в целом, Ватикан, Священный престол как «орудия англо-американского империализма». В Москве еще продолжались заседания, а в Болгарии уже появилось постановление о закрытии всех католических колледжей, в том числе и авторитетнейшего французского колледжа «Святой Августин» в Пловдиве.

– Принимались ли какие-либо законы в этом направлении?

– Новый закон о вероисповедании, принятый в 1949 году, налагал жесткие ограничения на деятельность католической церкви, которая лишалась какой-либо возможности осуществлять просветительскую и культурную деятельность. Были закрыты три католические больницы (в Софии, Пловдиве и Раковски), сиротские приюты, столовые для бедных и др. На

осиновании этого закона все католические священники, монахи и монахини не болгарской национальности были изгнаны из страны. Имейте в виду, что к тому времени в стране действовали представители 16 католических орденов и конгрегаций с 400 священниками, монахами и монахинями почти из всех европейских стран. Другими словами – Европа была тут, в Болгарии.

Епископ
Евгений Босилков.

– Какими были инструкции Москвы?

– Учитывая традиционную для Болгарии религиозную толерантность, инструкции Москвы были беспрецедентно суровы.

В 1951 году начались первые аресты католических священников, объявленных госбезопасностью «ватиканскими франко-англо-американскими шпионами». В следующем году прошла серия закрытых судебных процессов. Единственным публичным процессом стал проходивший в сентябре-октябре 1952 года суд над 40 католиками, священнослужителями и мирянами. Процесс широко освещался в газете «Работническо дело» и снимался на киноплёнку. Обвиняемые были осуждены в общей сложности на 405 лет тюрьмы. Были вынесены четыре смертных приговора: епископу Никопольской епархии Евгению Босилкову (в 2000 г. был канонизирован и стал первым католическим святым в Болгарии – прим. пер.), преподавателю философии в колледже «Св. Августин» в Пловдиве о. Камену Вичеву, о. Павлу Джиджову и о. Йосафату Шишкову. Примерно треть осужденных прошла через ад Беленского лагеря.

– Как реагировал Ватикан на эти события?

– В 1949 году Папа Пий XII отлучил от католической церкви всех коммунистов и издал энциклику, в которой осуждал гонения на католиков в странах коммунистического блока и конкретно назвал Болгарию.

– Но священников все-таки расстреляли...

– Долгое время Ватикан дезинформировали с помощью спецорганов, что казнённые католические священники живы, что их видели то в Сибири, то в Белене или Старогорской тюрьме и т.п.

– Что произошло с имуществом католической церкви?

– В 1953 году было издано печально известное секретное постановление Совета Министров № 188, по которому конфисковывалось все имущество католической церкви, за исключением храмового. Возможно, лишь смерть Сталина предотвратила полную физическую ликвидацию католической церкви.

– Но госбезопасность продолжала действовать в полную силу?

– Все католические священнослужители были под надзором секретных служб, и по всем велись активные агентурные разработки. В католической митрополии, епархии и монастыре в стены были вмонтированы подслушивающие устройства, вся корреспонденция перлюстрировалась.

Приговор по делу шпионской заговорщической католической организации в Болгарии

СОФИЯ, 3 октября. (ТАСС). Сегодня Верховный суд Народной Республики Болгарии рассматривающий дело шпионской заговорщической католической организации в Болгарии, вынес приговор подсудимым.

Главные руководители организации католические священники Павел Джиджов, Камен Вичев, Йосафат Шишков, Евгений Босилков – приговорены к смертной казни с конфискацией всего имущества. Остальные подсудимые приговорены к различным срокам лишения свободы от полугода до 20 лет.

«Правда» 4 октября 1952 года.

– Минуем несколько десятилетий. Кто был заинтересован в появлении «болгарского следа» в покушении на Папу Иоанна-Павла II?

– Как историк должен сказать, что следует отделить покушение от «болгарского следа». Ни Папа, ни Священный престол и Ватикан никогда не обвиняли Болгарию в причастности к этому преступлению. Перед миллиардом католиков всего мира, во время посещения Болгарии, Папа подтвердил вклад нашей страны в дело Кирилла и Мефодия и заявил, что никогда не верил в какую-либо связь Болгарии с покушением.

– Но затем отношения вновь ухудшились?

– В 1979 году Папа Иоанн-Павел Второй посетил свою родину – Польшу, и коммунистическая номенклатура пришла в ужас от многотысячных толп молодых людей, которые падали в ноги Святому отцу.

Возникла угроза того, что научный атеизм рухнет. Лишь за шесть месяцев (с июня по ноябрь 1979 года) было созвано три консультативных совещания в государственных органах по религиозным вопросам в странах. Вновь последовали инструкции из Москвы – ограничить деятельность Святейшего престола и усилить антирелигиозную пропаганду. Так Болгария была вынуждена пожертвовать своим хорошим положением перед Ватиканом, а именно первенством и монополией на дело Кирилла и Мефодия. И еще – некоторые из союзников по Варшавскому Договору не одобряли интенсивные контакты между нашей страной и Ватиканом... Так что в антиболгарской кампании был заинтересован не столько Запад, сколько Восток.

Беседовала Мариана Митева
«Демократия», 27 мая 2002

Перевод с болгарского:
Владимир Холмогорский

Хью ПОУЛТОН

«Они украли мое имя»

Представьте себе, что ваше правительство запретило ваше имя, ваш родной язык, ваши традиции. Абсурд?

Но именно это и случилось в Болгарии с турками.

Исмаил Хазамов (Ismail Haxetov) размахивает газетой партии Права и Свободы (ДПС – главная политическая сила этнических турок в Болгарии) и улыбается.

«Теперь у нас есть наша партия и наша газета на турецком. Мы вернем наши имена. Мы сможем свободно ходить в мечеть», – говорит он, показывая рукой в сторону минарета в центре города.

«Это казалось невозможным всего несколько лет назад», – и замолкает на мгновение, вспоминая ужас недавнего прошлого.

«Процесс возрождения» начался в сочельник 1984 года в мирной деревне Горски Извор на границе с Грецией, в которой проживали представители самого большого этнического меньшинства Болгарии – этнические турки.

Крестьяне спали, когда вооруженная полиция с собаками и армейские танковые подразделения окружили деревню и следовали от дома к дому, поднимая людей с кроватей и выдавая им паспорта с новыми болгарскими именами, заменяющими их прежние, турецкие. Так в Болгарии началась принудительная ассимиляция, в результате которой должна была появиться «объединенная социалистическая нация», официально не включающая никаких меньшинств, кроме небольших – евреев и армян. За три месяца все этнические турки страны, составляющие приблизительно 10 процентов от всего населения (не менее 900 тысяч), были насильно переименованы. Например, Исмаил Хазамов стал Иваном Азеновым.

Все публикации на турецком языке были прекращены. Говорить на турецком запрещалось под угрозой штрафа или еще более сурового наказания. Многие мечети были закрыты (турки в большинстве своем – мусульмане, а этнические болгары – православные христиане). Исламские обряды, например такие, как обрезание, стали наказуемыми как для родителей мальчиков, так и для производящих обряд. Женщинам было запрещено носить чадру и шаровары. Запрещалась даже турецкая музыка. Сотни людей были арестованы и заключены в тюрьму. Многие были убиты, включая и представителей других меньшинств: цыган и помаков (помаки – болгары-мусульмане, обращенные в ислам турецкими завоевателями в 16-18 вв., но сохранившие родной язык и обычаи. Живут главным образом в Родопских горах – прим. ред.), также подвергнутых принудительной ассимиляции.

«Мы были безоружны, а у них были оружие и танки, они стреляли даже в женщин и детей», – говорит Исмаил.

Жестокие репрессии вынудили турок подчиниться новому порядку, только изредка нарушаемому протестами. «Мы слышали о немногих, кто сумел убежать, как те три семьи, которые сделали подкоп под заграждение на греческой границе. Болгария охранялась, как тюремный лагерь. И еще как "Белене..."» – Исмаил качает головой, называя известный лагерь, куда были заключены многие турки.

Процесс ассимиляции был прерван, когда в мае 1989 года начались массовые мирные протесты в северо-восточных и южных областях страны, где преобладало турецкое население. «Слушая иностранные радиостанции, мы узнали о больших подпольных организациях турок в Болгарии, таких как "Демократическая лига" и "Ассоциация для поддержки Вены, 1989"», – говорит Исмаил. По радио он и другие турки могли получить информацию о протестах по всей стране и координировать голодовки и марши.

Хью Поултон – сотрудник отдела стран Восточной Европы Международной Амнистии.

«Власти вновь избивали и расстреливали нас, — говорит Исмаил. — В мае отряды прибыли в нашу деревню, поставили солдат с винтовками возле каждой двери. Избивали всех, кто выходил. Мы слышали, как стреляли на улице. Это было ужасно. Но мы не сдавались, и они стали выкидывать нас из страны».

Столкнувшись с организованным общенациональным протестом в масштабах, сопоставимых с Солидарностью в Польше, власти запаниковали, и началась массовая депортация. Всех подозреваемых в участии и организации протестов вынуждали уехать в Турцию. И хотя их предки жили в Болгарии пятьсот лет, им давали лишь один час на сборы, они уезжали в том, в чем были, и при этом считали, что им повезло.

После насильственного изгнания части турок власти ничего не сделали, чтобы остановить добровольную эмиграцию остальных. К концу августа более чем 300 тысяч турок уехали в Турцию, что сильно ослабило сельское хозяйство Болгарии, ввергнув его в хаос.

Несмотря на все эти события, Исмаил остался: «Я думал об отъезде и часто говорил с женой об этом, но наш дом — здесь».

Неожиданно все изменилось.

10 ноября 1989 г. Тодор Живков, болгарский лидер, ответственный за кампанию насильственной ассимиляции, был смещен в результате правительственного переворота. Внутренняя политика тут же была смягчена. Начались амнистии, и в конечном счете из тюрем были выпущены все турки, заключенные за сопротивление насильственной ассимиляции. Среди них — Ахмед Доган, научный сотрудник Института философии в Софии, приговоренный к 12 годам лишения свободы за организацию оппозиции. После освобождения он сформировал партию ДПС и организовал кампанию за возвращение имен, которая успешно завершилась после года горячих дебатов. Это

была не единственная победа: вновь открылись мечети для верующих, турки могли свободно говорить на своем языке и носить национальную одежду. Два раза в месяц выходит газета «Мусульманин».

Партия ДПС набирала силы, открыто участвовала в выборах, проводимых после смерти Живкова. Сейчас у них 20 мест в парламенте, это семь с лишним процентов голосов, несмотря на то что партии, организованные по национальному или религиозному признаку, все еще запрещены по новой конституции.

Этот запрет не позволяет 550 000 болгарским цыганам, постоянно подвергаемым дискриминации, иметь свой голос в парламенте.

Все изменилось к лучшему, но еще потребуется время, чтобы зажили все шрамы. Во многих частях страны межэтнические отношения сохраняют напряженность. Например, в городе Разград, где 75 процентов славянского населения, была объявлена «Болгарская республика». На предложение правительства о введении уроков турецкого языка в школах некоторых областей болгарские националисты ответили угрозами бойкотов и гражданского неповиновения.

Несмотря на эти помехи, ситуация за два года изменилась к лучшему, но репрессивная политика в стране должна быть прекращена как можно скорее.

Ахмед Доган,
председатель ДПС.

Перевод с английского:
Ирина Холмогорская

Азат АХУНОВ

СОПЛЕМЕННИКИ

Геноцид по отношению к туркам, который был развязан режимом Тодора Живкова в 1985 г. в Болгарии, не оставил равнодушной и татарскую общественность. В некоторой степени это было связано с тем фактом, что в этом конфликте пострадали и болгарские татары — соплеменники современных казанских татар. Тем не менее на фоне общего молчания молчала и татарская интеллигенция. Нет, говорить об этом говорили, но выступить открыто в печати никто не решался. Лишь в конце 1980-х — начале 1990-х гг. об этой проблеме в Казани заговорили вслух. И первым, кто ознакомил широкую общественность с произволом, творящимся в Болгарии, был татарский писатель Тауфик Айди (1941 — 2001). Главной темой писателя была жизнь татар за пределами своей исторической родины — Татарстана. С целью изучения жизни татар-

ской диаспоры он побывал в Узбекистане, Казахстане, Германии, Румынии, Болгарии, Турции и других странах, что впоследствии вылилось в десятки очерков, повестей и романов.

В 1987 г. Тауфик Айди посетил Болгарию, где из уст тамошних татар услышал о геноциде турок и вообще мусульман, который развернулся за два года до этого. Кое-что писатель опубликовал, вернувшись в Казань, но по-настоящему, в полном виде, свои путевые заметки по Болгарии ему удалось напечатать лишь в начале 1990-х гг., после ладения режима Живкова. Может быть, он не хотел «подставлять» своих болгарских соплеменников, может, ему помешали какие-то другие причины, но журнальный вариант заметок вышел лишь в эти годы, а отдельной книгой они были изданы в 1999 г. В этой книге¹, скорее художественной, чем документальной, описаны поездки Тауфика Айди в Болгарию, Румынию, Молдову и на Кипр. Книга начинается с болгарского путешествия, и именно болгарские события становятся «красной нитью», связывающей весь замысел книги.

Азат Ахунов — старший научный сотрудник Института татарской энциклопедии Академии наук Татарстана.

Тaufик Айди

В начале своей книги Тауфик Айди рассказывает о том, как он познакомился с болгарскими татарами. Где-то в конце 1970-х гг. редактор татарского литературного журнала «Казан утлары» («Огни Казани») Заки Нури, узнав, что Тауфик Айди занимается изучением татарской диаспоры за границей, дал почитать ему письмо татарской девушки Фатымы Садык из болгарского города Толбухина, которая просила помощь ей с изучением татарского литературного языка. Так завязалась переписка, которая потом переросла в дружбу. Фатыма вышла замуж за соплеменника Сагадата, у них родились мальчики, которых назвали исконно тюркскими именами Тимер и Алтай. Каково же было удивление Тауфика Айди, когда он по приезде в Толбухин в 1987 г. узнал, что его старых друзей теперь зовут совсем по-другому: Фатыма стала Линой, Сагадат – Юрием Семовым, дети Тимер и Алтай – Тихомиром и Римом. Много что еще удивило писателя. Оказывается, они не имели права даже разговаривать на своем родном языке в общественных местах – за это полагался солидный штраф. Тауфик Айди приводит в своей книге немало фактов дискриминации болгарских турок по этническому и религиозному признаку, – обо всем невозможно рассказать в журнальной статье. Предоставим читателям свидетельство лишь одного героя книги – вышеупомянутого жителя Толбухина Сагадата (Юрия Семова), по профессии компьютерщика:

«Нас «крестили» зимой 1985 г. – но не только нас одних, а всех живущих в Болгарии турок и татар, цыган-мусульман и албанцев. Всех заставили сменить свои исконные имена на христианские... У мусульман рождаемость выше, чем у болгар. Но официальные органы боялись обнаружить истинные цифры. Несмотря на многочисленную эмиграцию в Турцию, число турок в Болгарии к середине 80-х гг. все еще превышало полтора миллиона человек. Кроме того, татар – 15 тысяч, гагаузов, по меньшей мере, 30 тысяч, цыган еще больше. Если добавить к этой цифре болгар-мусульман, то получалось, что каждый третий гражданин Болгарии – мусульманин. Именно эти цифры не давали покоя болгарским шовинистам. Испугавшись того, что турки организуют автономию, они, используя различные хитрые методы, провели кампанию их расселения и выпыливания по всей стра-

Книга Тауфика Айди «Райский остров», вышедшая в Казани.

не... Сейчас ставится задача сделать болгарский народ односоставным. Чтобы обмануть мировую общественность, наши руководители придумали политику «возвращения к своим истокам». Дескать, под 500-летним турецким игом большинство болгар отуречилось и стало мусульманами – поэтому, мол, нынешние тюркоговорящие жители страны есть исконные болгары. Мол, сейчас, когда начался процесс пробуждения их национального самосознания, они стали возвращаться к своему истоку и поэтому меняют свои мусульманские имена на христианские. Это якобы восстановление исторической справедливости, возврат исторической правды.

Секретарь ЦК компартии Болгарии М. Балева тогда сказал буквально следующее: «Наши люди, поменяв свои мусульманские имена на болгарские, поступили очень мудро и предусмотрительно, они сами выбрали свою историческую судьбу. Все это говорит о том, что они поверили в БКП, в партию, главная задача которой – забота о трудящихся, политика которой полностью отвечает интересам широких масс населения...»

Главная задача этой кампании – ликвидация турок, татар, а также всех не титульных меньшинств страны. Тогда войска и милиция вместе с органами безопасности вошли почти во все места компактного проживания турок. С помощью танков, пулеметов и автоматов запугали мирное население. Всю ночь палат из оружия, а утром мусульман поодиночке вызывают на допросы; угрозы, избивания, ссылки, аресты, убийства – разве все это было свободным выбором населения?.. Почти стопроцентная смена имен за каких-то несколько дней – разве это не расизм? Это дикарь, которой не было ни в одной стране мира! Что только не вытворяли милиционеры в те дни! Заходили в дома, проводили обыски, если найдут турецкие плевтинки – растапывали тут же, если найдут книги на турецком языке – сразу сжигали... Тех, кто не хотел менять свои имена, волоком вытаскивали из домов, разбивали окна и заливали из шлангов квартиры холодной водой – сколько тогда стариков и детей умерло от переохлаждения – словами не передать...

В один из дней войска окружили и наш Толбухин. Все выезды из города были перекрыты милицией и войсками. Мусульман не выпускают и не выпускают из города. В этот день меня вызвал секретарь парткома нашего завода Станчев. Всегда был приветливым, а тут спрашивает: «Вы хорошо знаете историю своих предков? Наши историки сделали открытие, что наши турки и татары вовсе не турки, а отуреченные в период османского ига болгары. Мы даем вам возможность вернуться к своим корням. Наступил момент исторического перелома. Теперь вы не будете людьми второго сорта. Вы человек умный, надеюсь, вы не захотите неприятностей, отказываясь от этого предложения? На размышления я даю три дня. Если не примете правильного решения, можете больше не выходить на работу»².

¹ Айди Т. Райский остров. – Казань: «Аваз», 1999. – 320 с. (на татарском языке).

² Перевод дается в сокращении.

ОБОРВАННЫЙ СТИХ

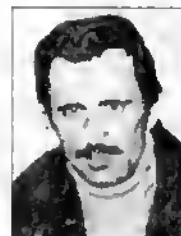
Милош Зяпков родился в г. Ракиово в 1940 году. Окончил педагогическое училище в Велинграде и заочно — литературное отделение в университете «Св. Климент Охридский». Его отец, член анархистской партии, отбыл срок в лагере Богданов-Дол. В том же лагере умер его дядя, а другой провел в заключении двадцать лет за антикоммунистическую деятельность.

Преподавая в Велинградском техническом училище, Зяпков одновременно писал стихи и сценарии, руководил театральной студией.

Попытки опубликовать свои стихи закончились не только беспощадным отзывом критики: «пессимизм и мелкотемье», но и пристальным вниманием госбезопасности. Попытка сделать из Зяпкова «добровольного помощника органов» провалилась, и с того дня жизнь Милоша значительно осложнилась.

Он был вынужден уйти с работы, вернуться в Ракиово. В конце 80-х Зяпков возглавил ракиовский клуб «Демократия», выступал со статьями и стихами на митингах и в демократической печати. 1 июня 1990 года, за несколько месяцев до

крушения коммунистического режима, Милош Зяпков погиб, сброшенный неизвестными в шахту лифта. Первая книга стихов вышла только после его гибели.

Милош Зяпков

РАЗГОВОР С ПОДЛОСТТА

В борбага с теб докрай изнемощях —
веднъж ли в схватки падах и се вдигах.
Не те сломих — приемам го за грях,
но сили на един за туй не стигат.

Змия да бе, студения ти врат
с ненавист силна можех да извия.
Да бе отрова, не като Сократ,
а за да свършиш, щях да те изпия.

И луд от радост, миг след твоя крах
с усмивка щях в земята да се скрия.
Но, хора, опростете моя грях —
прекръшен падам, без да се превия.

1980 г.

РАЗГОВОР С ПОДЛОСТЬЮ

В борьбе с тобой совсем я изнемог,
Но если даже падал — поднимался.
Тебя не победил — таков итог,
Один я в поле воин оказался.

Ты — скользкая холодная змея,
Что шею обняла удавкой ката.
Ты — горький яд, что ныне выпил я,
А прежде был испыт Сократом.

Пусть будет мне прощен невольный грех:
Я победить тебя, увы, не волен,
Но ты услышишь мой последний смех —
Я мертв уже почти — но я не сломен.

Перевод с болгарского:
Ирина Холмогорская

Марко ГАНЧЕВ

ОПЕРАЦИЯ «СОЛЖЕНИЦЫН»

Система тоталитаризма охватывает всю твою жизнь: она нависает над тобой, когда ты трудишься, отдыхаешь, участвуешь в навязанной тебе псевдополитической жизни, она присутствует даже в детских садах и яслях, вешает о себе с телевизионного экрана, обнажается во всей своей отвратительной сути в доносе соседа, поспешившего настучать на тебя за анекдот, который ты неосмотрительно рассказал. Система знает не только, что ты читаешь, что ты говоришь, но и то, что ты думаешь. Впрочем, все это ее не особо беспокоит, ее волнует лишь то, как ты поступишь в определенной ситуации. Она не допуска-

ет, чтобы ей оказывали не только политическое, но и моральное сопротивление. Сопротивление же пяти болгарских писателей в декабре 1970 года было вызвано именно моральными соображениями, а не политическими.

Здесь, очевидно, стоит пролить свет на одну черту болгарского характера. Ни для кого не секрет: рвение болгарских функционеров объясняется отнюдь не любовью к системе. Болгарские функционеры, в отличие от советских или, скажем, гедезровских, рьяно защищали интересы системы лишь тогда, когда это сулило им определенную выгоду. Никакой преданностью догматам в данном случае и не пахнет. Иначе как объяснить, что Георгий Джгаров (в то время председатель Союза болгарских писателей), не будучи догматиком, с таким усердием и суровостью проводил операцию «Солженицын» в нашем писа-

Марко Ганчев — поэт, автор лирических, сатирических и детских стихов. Один из авторов нового болгарского «Букваря».

тельском союзе? Что же тогда случилось? В конце 1970 года состоялась небезызвестная Вторая национальная конференция Союза болгарских писателей. Почему национальная конференция, когда все члены союза могли в любое время спокойно собраться в самом обычном кинозале? Сейчас в союзе 380 членов, в то время было меньше. Но председатель явно тяготел к громким названиям. Одно дело, когда пресса сообщает, что состоялось собрание писателей, другое – если это съезд или конференция.

Та конференция, как назло, проходила в сочельник. Жена пыталась удержать меня дома, мол, сочельник – семейный праздник, нас ждут ее родители, но куда там! Писательская семейная среда была мне куда дороже родни. Как бы то ни было, собрание как собрание, хотя и названо конференцией. Но для чего надо было зализывать двери, приставлять к ним суровых стражей, которые возвращали на место каждого, кто пытался выйти из зала? Оказывается, от нас требовалось проголосовать против решения Нобелевского комитета, присудившего премию советскому писателю Александру Солженицыну. Если бы такой пункт значился в повестке дня, я наверняка послушался бы жены и остался дома. Но его не было! Такой метод решения литературных проблем буквально ошарашил меня.

Пока Леда Милева зачитывала готовый текст нашего решения, я лихорадочно пытался сообразить, что же делать. Выбраться из зала невозможно, нельзя даже подняться с места, так как стражи у выхода моментально засекут тебя, как засекают радары взмывающий в небо самолет. Посоветоваться не с кем... Да, как и в любой экстремальной ситуации, «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». И тогда я решил воздержаться при голосовании. В случае чего, скажу: книг Солженицына не читал, а потому ни у-

лить, ни хвалить не могу. Голосование. Кто – за? Лес рук. Против? Один – Благой Димитров (*поэт и переводчик, перевел на болгарский язык стихи А.С. Пушкина – прим. ред.*). Кто воздержался? Поднимаю руку и от стыда опускаю голову: а вдруг окажется, что воздержался только я? И тотчас с облегчением вздыхаю. Джагаров подсчитывает: один, два, три, четыре. Воздержалось четверо. Я сидел в одном из первых рядов, поэтому обернулся посмотреть, кто же были те трое: Валерий Петров, Христо Ганев, Гочо Гочев. Они сидели далеко друг от друга, так что сговориться никак не могли.

Не стану подробно останавливаться на том, что было дальше. Упомяну лишь, что мы, четверо воздержавшихся, были исключены из партии на целых четырнадцать лет. Беспартийного Благоя Димитрова исключили из Союза писателей. Не буду говорить и о том, какими были последствия для каждого из пятерых. Описание наших мытарств прозвучит кошмарно на фоне страданий тех, кто прошел следствие, лагеря, тюрьмы...

Тогдашний председатель Союза болгарских писателей спокойно и логично объяснял расправу с нами следующим образом: чего же вы хотите – идет политическая борьба, подобное положение вещей совершенно естественно. А за десять лет, когда вам ничего не удастся напечатать, ваше имя канет в небытие. И все же делать прогнозы оказалось рискованным занятием даже в период расцвета тоталитарной системы. Думаю, что все глобальные выводы из подобных эксцессов системы наше общество уже сделало, даже если они еще не высказаны или не облечены в слово. Уже давно ясно: произведение, имеющее художественную ценность, невозможно отторгнуть от литературы, рано или поздно оно и его автор вернутся, а на голову тех, кто кликушествовал и преследовал, падет позор.

«ТЕРРОРИСТ»

Девять лет из своих сорока Цветан Килограмский провел в тюрьме. И это заметно – по глазам. А вообще-то он не похож на того, за кого его выдавали, – человека, покушавшегося на Тодора Живкова. Впрочем, версий было много, и в каждой из них он представлялся эдаким гориллой. А ведь даже сейчас он выглядит почти юношей. Так что профессионалы из госбезопасности никак не могли ошибиться – образ убийцы, супермена создавался умышленно. По всей вероятности, кто-то хотел сделать себе на этом карьере, его случай оправдывал существование огромной службы охраны. Кстати, дело, заведенное 26 ноября 1980 года под номером 45, было секретным. Первый приговор вынес сразу Верховный суд. Важными делами в стране занимались высшие судебные инстанции...

Тогда говорили: Тодор Живков может все. Никто мне не советовал, я сам решил поговорить с ним. Речь шла о моем отце – Иване Килограмском. Двадцать лет он проработал чабаном, заболел артрозом. Пришлось уйти, так сказать, на заслуженный отдых. Но какой там отдых! Пенсия была небольшая, а мы с сестрой учились во Враце, я – в строительном техникуме. Отцу было трудно, на работу никто не брал. Вот

тогда я (боже, какая наивность!) решил помочь отцу и поговорить лично с Тодором Живковым. Из газет узнал, что 1 июня по случаю дня в честь погибших за свободу Болгарии он придет во Врацу. К месту торжеств я прибыл заблаговременно. Когда Живков и его свита приблизились к тому месту, где я стоял, я набрался смелости и направился прямо к нему. Сначала меня вроде бы никто не заметил, и мне удалось подойти к нему самому. Я даже успел сказать, что, мол, хочупоговорить с вами, есть у меня одна просьба. Но в этот момент несколько здоровых ребят схватили меня и потащили в машину. Вот и все. Я и пальцем не прикоснулся ни к Живкову, ни к охране. Позднее я узнал, что в подобной ситуации кто-то из охраны обязан повалить Живкова на землю и прикрыть его своим телом. Может, поэтому потом говорили, будто Живков упал. Но я этого не видел, меня схватили и увели. В машине избили и увезли в окружное управление милиции, а ночью отправили в Софию, в главное следственное управление. Что я там пережил, говорить не хочется. Лишь спустя месяцы я узнал, где нахожусь. Время потеряло для меня всякий смысл. Я был помещен в камеру-одиночку, под потолком мерцала лампочка – днем и ночью, так что я потерял счет

суткам. То и дело вызывали на допросы. Все спрашивали, кто меня подговорил, были ли у меня контакты с людьми Горуни (Иван Горуня, член ЦК БКП, находившийся в оппозиции Тодору Живкову, был убит по его непосредственному распоряжению 7 апреля 1965 г. Странники Горуни были арестованы и осуждены на различные сроки тюремного заключения по обвинению в попытке организации государственного переворота – прим. ред.). А я никого не знал, ни с кем не встречался. Показали мне фотографию и говорят, дескать, тут ты рядом с сыном Горуни. Я такой фотографии в жизни не видел и на том месте никогда не снимался. Это была прекрасно сработанная фальшивка, у госбезопасности возможности большие...

Наступил день суда. Мое дело рассматривалось при закрытых дверях Верховным судом. Адвоката назначили в служебном порядке. Было двое наблюдателей – что за люди, не знаю. Слушание прошло быстро. Мне даже не дали сказать последнее слово. Приговор – 5 лет тюрьмы за хулиганство и подрыв престижа главы государства. Никого не интересовало, почему я решился на эти несколько шагов, оказавшихся для меня роковыми. Откровенно говоря, я даже не думал, что меня будут судить, все надеялся, что это недоразумение, которое рано или поздно выяснится. Ведь от Живкова, первого в стране человека, всемогущего, я хотел только одного – чтобы помог отцу...

Между прочим, служащие госбезопасности заявляли, что нападавших якобы было трое, в том числе и я, и что у меня было оружие. Тогда причем здесь хулиганство? Имей я при себе оружие – убили бы на месте. Потом госбезопасность проводила следственный эксперимент, там присутствовал начальник Управления безопасности и охраны (УБО) генерал Кашев. Все было так, как в тот день, – охрана, я, машины. Одного из снайперов спросили (оказывается, там были и такие), почему он не открыл огонь. «А я не понял, – сказал он. – Вижу, выходит какой-то парень, думал, поздравлять идет». «Что вы болтаете! – повысил голос генерал. – Этот парень выставил всех вас на посмешище!» Перед отправкой в тюрьму меня строго предупредили, чтобы никому ни о чем не рассказывал, а если спросят, за что посадили, отвечай – за драку. В противном случае...

Что могло последовать «в противном случае», мне было ясно. Отсидел я восемь лет и девять месяцев. В Старозагорской тюрьме, с политическими. Это было ужасно. Когда за мной закрылись тяжелые тюремные ворота, я сказал себе: «Это все. Не видать мне белого света». То был самый страшный момент. Во время следствия я жил, как во сне, был не в себе... В тюрьме работал. Деньги отправлял домой. Конечно, то были гроши, но все же. Мои товарищи по камере поняли, за что я сижу, и все были единодушны – не видать мне белого света. Так и вышло. За несколько дней до воли нашли предлог и вынесли так называемый внутренний приговор.

Тем, кто меня упрятал в тюрьму, не удалось убить во мне человека, и я отказался доносить на товарищей. От меня требовалось, например, сказать, что тот-то и тот-то занимается саботажем, ломает машину, на которой работает. Я категорически отказался. И моя жизнь в тюрьме, и без того не сладкая, стала еще хуже.

Цветан Килограмский с отцом. 1990 г.

Я чувствовал, что вокруг меня что-то затевается, меня постоянно провоцируют. И однажды я не выдержал. Ко мне подошел заключенный Шукри (я часто на него жаловался) и начал оскорблять. Сначала я терпел, но когда он выматерил меня, я сорвался и замаяхнулся доской. Удар пришелся ему по руке. Прибежало начальство. Хоть следа от удара и не обнаружили, тем не менее меня обвинили в попытке... убийства.

Дали мне еще семь лет. Все эти годы боялся какой-нибудь провокации. Но ничего, обошлось. И когда меня освободили 28 марта 1989 года, я не поверил. Сразу же пришли из госбезопасности и предупредили, чтобы молчал. А Десятым ноября еще и не пахло (имеется в виду 10 ноября 1989 года, когда был свернут режим Тодора Живкова – прим. ред.). Хоть жил я на воле, но это был кошмар. За мной велась постоянная слежка. С кем встречаюсь, с кем разговариваю, кто ко мне приходит? Откровенно говоря, было страшно. Я боялся, что меня могут попросту убрать, чтобы правда о моем деле не стала достоянием гласности. Однажды, совершенно случайно, я услышал, как двое незнакомых мне людей говорили, что, мол, Цветан – не жилец на этом свете. Да, признаюсь, я боялся. Я никуда не писал, никому не жаловался. Да и кому жаловаться? Моя молодость прошла в страхе... Люди сторонились меня, потому что не хотели иметь дело с госбезопасностью. Между тем начали преследовать моих близких. Уволили с работы мать, потом дядю.

После 10 ноября 1989 года, когда Живкова сняли, я свободно вздохнул. Даже поправился на десять килограммов. Уже никто меня не преследует, не оскорбляет. Сейчас все по-другому. Сейчас от журналистов стобя нет. А где они были, когда меня обвиняли в покушении на главу государства?

Я столько лет был лишен свободы! Теперь надо спешить, наверстывать упущенное. Среди моих одноклассников есть инженеры, архитекторы. Я тоже хочу продолжить свое образование, найти хорошую работу, жениться, иметь детей. Хочу жить нормальной жизнью. Я постоянно спрашиваю себя: за что я отсидел почти девять лет?

Литературная запись: Орлин Филев
(Журнал «Болгария»)

..Пошумели люди, покричали, а потом каждый занялся своим делом, хозяйством, потекли домашние будни, а кому не терпелось язык почесать, тот переключился на политические проблемы...

Георгий Караславов (1904-1980), «Дурман»

Елена ВАЛЕВА, Юрий ЗУДИНОВ

БОЛГАРСКИЙ ВАРИАНТ «НЕЖНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Начавшиеся в конце 80-х годов перемены в общественной жизни Болгарии отличались, по крайней мере, на первой своей стадии, довольно своеобразным сценарием. В нем отразились особенности исторического прошлого страны, ее развития в период «реального социализма», определенные специфические черты массового сознания, умонастроений различных слоев населения.

Известно, что среди других европейских стран «социалистического содружества» Болгария и политически, и экономически, и идеологически, и психологически была наиболее тесно связана с СССР. В течение многих лет это приносило ей определенные преимущества, выгоды. Вместе с тем такая связь постепенно становилась (и чем дальше, тем очевиднее) для Болгарии источником различных трудностей, коллизий.

Как отмечала болгарский историк И.Баева, руководство страны, прежде всего Т.Живков, прагматично и небезуспешно стремилось трансформировать дружеские чувства болгар к СССР «в привилегированное положение Болгарии в борьбе за советские поставки сырья, особенно нефти, электроэнергии, при периодическом советском субсидировании часто болеющей болгарской экономики»¹. Так, в 1973 – 1985 гг. Болгария ежегодно получала от СССР помощь в размере 400 млн. руб. для поддержания своего сельского хозяйства, занималась весьма выгодным реэкспортом советского сырья и др.².

Аналогичные констатации высказывали и представители властных структур. Так, К.Чакыров, проработавший около 15 лет на высоких должностях в государственном и партийном аппарате, в том числе и в качестве политического помощника Т. Живкова, отмечал, что советские поставки сырья и энергоносителей в Болгарию далеко превышали ее потребности и неред-

ко, даже без разгрузки вагонов, переправлялись на Запад. В свою очередь, некачественные болгарские товары находили надежный сбыт на советском рынке. Поэтому, считает автор, говоря о перенесении в Болгарию «сталинской модели» социализма, не следует также забывать, что без СССР страна с ее непродуктивной экономической системой никогда бы не создала национального богатства и жизненного стандарта 70-х годов. Под мощным сырьевым покровом советской экономики Т.Живков нашел «уютное местечко», которое долгое время оставалось «золотым дном»³.

В ответ Болгария неизменно демонстрировала свою лояльность, поддержку СССР, что для последнего было особенно важно в период возникновения кризисных ситуаций в Центральной и Юго-Восточной Европе – будь то конфликт с Югославией в 1948 г., известные события в ГДР, Венгрии, Чехословакии, Польше.

Вместе с тем Т. Живков в своих мемуарах категорически отвергает приписываемое ему намерение присоединить Болгарию к СССР, называя эти утверждения инсинуациями «шарлатанов от политики и журналистики», ложью, за которой проглядывают грязные цели некоторых болгарских «перестройщиков», стремящихся возвысить себя, принижая многолетнего руководителя страны, спекулируя священным чувством патриотизма, присущего болгарскому народу⁴.

Изменившиеся во второй половине 80-х годов условия показали пагубность тесной привязки болгарского хозяйственного комплекса к советскому. Развал традиционных связей, переход на рыночный, эквивалентный товарообмен при резком сокращении его объема обострили социально-экономические проблемы Болгарии, что явилось одним из важных катализаторов общественно-политических процессов, приведших к падению живковского режима, последующему продвижению от тоталитаризма к демократии. Их конкретные промежуточные результаты, некоторые формы проявления в ряде случаев выделяют (иногда весьма заметно) Болгарию среди других бывших социалистических стран Европы при всей общности декларируемых или целей.

Стало уже общим местом отмечать отсутствие в Болгарии в годы «реального социализма» массовой, влиятельной и организованной антикоммунистической оппозиции. Вряд ли Т. Живков так уж лукавил, заявив в 1982 г., что в стране нет политических конфликтов и столкновений, нет «организованных политических сил, которые были бы против социалистического развития». Враги социализма в Болгарии не имеют классовой базы, не имеют социальных позиций. Они составляют единицы, они изолированы и в одиночестве дождутся своего конца»⁵. В этом утверждении, применительно к существовавшей в указанное время в стране ситуации, содержится большая доля истины. Болгария не пере-

Последние дни мавзолея Димитрова.

живала событий, подобных венгерским, чехословацким, польским. Болгарское общество не выдвинуло из своей среды организаторов борьбы с коммунистическим режимом, соответствующих духовных лидеров. Оно, как отметил президент Болгарии П. Стоянов, не знало своего В. Гавела или Л. Валенсу, не говоря о таких масштабных фигурах, как А. Сахаров или А. Солженицын.⁶

Болгария не переживала событий, подобных венгерским, чехословацким, польским. Не пользовалась влиянием и церковь, которая не могла претендовать на роль кристаллизующего ядра альтернативной политической субкультуры, как в Польше.

В целом можно утверждать, что акцентация обществом социалистических ценностей продолжалась в Болгарии дольше, чем во многих других восточноевропейских государствах. Причиной тому были иные исходные условия и социальные ожидания. По сравнению с отсталостью довоенного времени период социалистического строительства выглядел достаточно динамичным и результативным. Власти удалось на определенное время создать сравнительно прочный интеграционный механизм, оформить своего рода «общественный договор», в соответствии с которым за относительно благополучное развитие общество платило отказом от политических требований.

Однако с течением времени указанный механизм все труднее было поддерживать в нормальном функциональном состоянии, он все чаще давал сбой. Растущая открытость мира расширяла возможности для сравнения, убеждала в неэффективности административно-централизованной экономики. В различных слоях общества, включая правящие круги, все более ощущалась необходимость перемен. Массовым становилось недоверчивое, даже враждебное и часто персонифицированное, отношение к власти.

Среди значительной части болгарского общества весьма благоприятную почву нашли идеи и лозунги советской («горбачевской») перестройки, хотя вряд ли кто предвидел ее практические результаты.

В 1988 – 1989 гг. в Болгарии возникают различные неформальные организации, которые далеко не во всем вписывались в официальную идеологию и политику и в той или иной мере выражали оппозиционные настроения. К таким организациям относились: Независимое общество защиты прав человека, Комитет по защите религиозных прав, свободы и духовных ценностей, Союз репрессированных после 1945 г., Политический клуб «Экогласность», Независимый профсоюз «Подкрепа» (был создан в качестве альтернативы «государственным» профсоюзам) и др.

Власть пыталась «приручить» неформалов путем включения их в официальные организационные рамки (комитеты общественных и политических сил при Отеческом фронте) или же пресекать их деятельность, квалифицируя ее как антисоциалистическую.

И все же думается, что названные неформальные организации не могут быть безоговорочно отнесены к политической оппозиции. Ни одна из них не выдвинула в то время альтернативной программы общественного развития, во имя реализации которой данная организация готова была бороться за власть. В этом смысле появлением действительно влиятельной антикоммунистической оппозиции в Болгарии можно считать создание в конце 1989 года, уже после отстранения Т. Живкова от власти, Союза демократических сил (СДС).

Необходимость реальных перемен осознала и часть представителей высшего эшелона партийно-государственного руководства Болгарии, которые, очевидно, понимали, что очередной косметический ремонт режима, декларации о намерении совершенствовать систему управления путем ее демократизации не смогут эффективно решить социально-экономические проблемы и предотвратить возможного общественно-го взрыва.

По существу, нужно было решать вопрос о власти, освобождении ее от наиболее одиозных фигур. Важно, что к концу 80-х годов Т. Живков практически лишился поддержки Москвы; напротив, демонстрировалось расхождение к тем деятелям (А. Луканов, П. Младенов, А. Лилов, С. Михайлов, Ч. Александров), которые в той или иной мере не разделяли взглядов Т. Живкова, методов его работы⁷.

По мнению К. Чакирова, Т. Живков не заблуждался относительно чувств М. Горбачева к нему. Он понимал, что они принадлежат к разным эпохам и ничего нельзя сделать для их сближения. При этом, замечает К. Чакиров, по всем советским каналам – дипломатическим, разведывательным, через прямые связи между представителями интеллигенции двух стран – текла негативная информация как об обстановке в Болгарии, так и о самом Живкове⁸.

Последний отмечал в своих мемуарах, что в 1988 – 1989 гг. в Болгарии «группировались люди, непосредственно руководимые советской дипломатической миссией. Известные болгарские деятели были «обработаны» и во время своих посещений Советского Союза»⁹. Живков утверждал также, что, если бы Горбачев не совершил предательства, социализм можно было бы не только спасти, но и всесторонне реформировать его, от чего выиграл бы весь мир¹⁰.

Как известно, Т. Живков был отправлен в отставку на основании решения пленума ЦК БКП 10 ноября 1989 г. Серьезным сигналом об ослаблении его позиций было письмо, направленное в Политбюро ЦК БКП председателем парламента (Народного собрания) С. Тодоровым. В этом документе указывалось на принижение роли и формализацию деятельности высшего законодательного органа страны. Действительно, решение основных проблем общества регулировалось преимущественно указами, а не законами.

Сильнейшим ударом по Живкову явилось письмо министра иностранных дел П. Младенова, адресованное членам Политбюро и членам ЦК БКП. В письме, датированном 24 октября 1989 г., говорилось о порочности стиля работы Живкова, его негативных личных качествах. Указывалось, что Т. Живков довел страну до глубокого экономического, финансового и политического кризиса; он стремится как можно дольше удержаться у власти и ради этого не остановится ни перед чем; он сумел изолировать Болгарию от всего мира, даже от СССР, и страна оказалась в одном стойле с прогнившим диктаторским семейным режимом Чаушеску. П. Младенов не исключал возможности физической расправы лично с ним или с членами его семьи.

Т. Живков считал, что письмо П. Младенова было задумано по заранее составленному сценарию, в разработке которого участвовали люди как внутри страны, так и вне ее. Не являлись, в частности, тайной связи Младенова с Горбачевым и Шеварднадзе¹¹.

Существуют различные версии относительно подготовки и оформления отставки Т. Живкова. Сам он

утверждает, что избрал ее добровольно, в силу преклонного возраста, неудовлетворительного состояния здоровья, что препятствовало активной работе.

Т. Живков признал, что в то время он не видел ни в Политбюро, ни в ЦК БКП достойного кандидата на пост генерального секретаря. Он склонялся к кандидатуре А. Лилова (хотя тот был выведен из состава ЦК еще в 1983 г.), однако Москва остановила свой выбор на П. Младенове. Этот вариант, по мнению Живкова, был отнюдь не самым удачным, однако в сложившейся ситуации он не смог ему воспротивиться, а советское посольство усиленно обрабатывало тех, от чьих галосов зависело избрание нового партийного и государственного лидера¹².

Несколько иначе освещает этот сюжет К. Чакьров. Он пишет, что до 8–9 ноября не существовало никакой «группы переворота». Были, правда, недовольные, но они выжидали, и риск противостояния Т. Живкову взял на себя только П. Младенов. Однако в указанный период в партийных верхах поняли, что в сложившейся международной обстановке, при отсутствии советской поддержки Живков стал «не так страшен». Автор отмечает, что до последнего момента, уже в ходе работы пленума, Живков сохранял надежду, что решение о его отставке будет отложено. Этого, однако, не случилось¹³.

Но версия об имевшем место антиживковском заговоре также получила распространение. Ее, в частности, изложил (в серии из шести публикаций под общим заглавием «Переворот») 12–17 ноября 1998 г. в болгарской газете «Труд» известный журналист Т. Томов, который опирался на воспоминания работавшего в Софии советского дипломата В. Терехова. По свидетельству последнего, в заговоре против Живкова участвовали, помимо автора воспоминаний, посол СССР в Болгарии В. Шарапов, полковник КГБ А. Одинцов, а с болгарской стороны – кандидат в члены Политбюро А. Луканов и П. Младенов. Через В. Шарапова с текстом письма П. Младенова был ознакомлен М. Горбачев, который «благословил» посла действовать в соответствии с обстановкой. Москва одобриительно отнеслась к кандидатурам А. Луканова и П. Младенова в качестве преемников Т. Живкова, но конкретный выбор был оставлен за болгарской стороной. Кроме того, до Т. Живкова была твердо доведена точка зрения советского руководства, положительно отнесшегося к идее отставки болгарского лидера.

Весьма вероятно, что такая недвусмысленная позиция Москвы во многом побудила Т. Живкова не «цепляться» за власть, не прибегать к решительным, силовым действиям против своих оппонентов. Нельзя здесь, конечно, не отметить, что история с отставкой Живкова подвергает серьезному сомнению искренность тезиса о советском невмешательстве со второй половины восьмидесятых годов в какие-либо внутренние дела восточноевропейских государств.

Сравнительно спокойное, цивилизованное отстранение Т. Живкова от власти, осуществленное «сверху», помогло Болгарской компартии сохранить позиции, из-

бежав судьбы других компартий бывших социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В этом, представляется, состоит одна из главных особенностей болгарского варианта перехода от тоталитаризма к демократии.

БКП, переименованная вскоре в Болгарскую социалистическую партию (БСП), смогла в июне 1990 г. выиграть парламентские выборы, проведенные на многопартийной основе. Она сохраняла парламентское большинство до октября 1991 г. Нужно, однако, добавить, что, не сумев взять власть «с первого захода», антикоммунистическая оппозиция безуспешно прибегла к тактике постепенного «выдавливания» коммунистов (социалистов) из различных управленческих структур и институтов.

На XXXIX съезде БСП (сентябрь 1990 г.) было выражено негативное отношение к попыткам перенесения в Болгарию сценариев «бархатной» или «нежной революции». Отмечалось, что в некоторых странах Восточной Европы «нежная революция» действительно положила начало демократическим процессам. Но в этих странах существовали иные, чем в Болгарии, условия – более богатые демократические традиции, более высокая политическая культура, лучшее состояние экономики и рынка. В болгарском же («балканском») варианте «нежная революция» вызвала бы хаос, насилие, могла бы привести к гражданской войне.

Со своей стороны, оппоненты социалистов именно в «нежной революции» видели надежный эффективный инструмент отстранения последних от власти, обеспечения полного разрыва с тоталитарным прошлым, необратимости демократических преобразований и т.д. Было высказано, в частности, мнение, что в начале 1997 г. «нежная революция» в Болгарии завершилась.

Точку в этом процессе поставили парламентские выборы (апрель 1997 г.), на которых внушительную победу одержал правоцентристский блок «Объединенные демократические силы» (ОДС), ядром которого был ОДС П. Стоянов в 1996 г. был избран президентом Болгарии.

1. Баева И. Българо-съветските отношения в годините на «перестройка»// България в сферата на съветските интереси. – София, 1998. – С.118.

2. Там же. С. 119-120.

3. Чакьров К. Втория етаж. – София, 1990. – С.124-125.

4. Живков Т. Мемоари. – София, 1997. – С.487

5. Живков Т. Избранные статьи и речи. Март 1981 – июль 1987 – М., 1987. – С.176

6. Независимая газета – 1998. – 27 авг.

7. Баева И. С.121.

8. Чакьров К. С.206.

9. Живков Т. Мемоари. – С.388.

10. Там же. С.9.

11. Там же. С.622.

12. Там же. С.623.

13. Чакьров К. С.207,213.

Редакция журнала «Карта выражает благодарность отделу комплектования Рязанской областной библиотеки им. М.Горького, и лично Н.А. Выропаевой, за помощь в подготовке блока «Курортная зона».

«ТОЧНОСТЬ У НАС “НА КОНЧИКАХ ПАЛЬЦЕВ”...»

С Олегом ОРЛОВЫМ, председателем Совета Правозащитного центра «Мемориал», и Татьяной КАСАТКИНОЙ, исполнительным директором ЦС «Мемориал», беседуют Юлия Середа и Андрей Блинушов.

Семья

— Традиция «Карты» — начинать с вопросов о детстве, о семье... Пожалуйста, кто начнет?

Олег Орлов. Ну что ж... С отцовской стороны я происхожу с юга России. Мама отца — русская, родом из Ростова, из учительской семьи. Отец отца — наполовину украинец. Михаил Прокопьевич Орлов, дед, был агрономом. Слава богу, я знаю, что он не был причастен ни к раскулачиванию, ни к коллективизации, потому что с самого начала работал в крупном совхозе по производству сахарной свеклы. Семья кочевала по югу России. Под конец жизни, в начале 50-х, его перевели на работу в Министерство сельского хозяйства, в Москву. Дед был идейным коммунистом. Когда я с ним общался, о политике мы говорили, конечно, мало, но я хорошо помню, что у них с отцом были очень крупные и серьезные разговоры и, временами, полное непонимание. Дед умер в 62-м, оставаясь коммунистом.

Отец был членом партии еще с армии. В 1944-м его призвали и направили в танковое училище — ускоренный курс, — но война закончилась, и на фронт он не попал. Прослужил некоторое время и демобилизовался. Поступил в МИФИ и стал инженером.

На него очень сильно повлияли ХХ-й и особенно ХХII-й съезды КПСС. С ним произошел буквально коренной переворот. И с этого времени он стал настоящим противником коммунизма. Не по действиям, а по убеждениям. В 68-м эта позиция, конечно, только усилилась. И у нас на кухне, а кухня была действительно московской кухней, вечно была куча народу, знакомых, друзей, политические разговоры, споры, и, конечно, часто слушали записи бардов...

Отец и мать мои познакомились на Кавказе, в турпоходе, и вскоре поженились.

Мама — коренная москвичка. Ее семья совсем другого происхождения. Бабушка Мария Ильинична Радченко (в девичестве Орлова), можно сказать, из средней буржуазии. Ее отец, мой прадед, Илья Архипович Орлов, держал фабрику, производившую всяческий, как бы сейчас сказа-

Олег Орлов на антивоенном митинге 16 июня 2003 г.

ли, ширпотреб. Там такая история, почти по Островскому. После того как прадед умер относительно молодым, его партнер, совладелец фабрики, хапнул все себе. Семья прадеда осталась без ничего.

Бабушка закончила Московские Высшие женские курсы и стала учительницей. Преподавала русский язык и литературу в одной из московских

гимназий. Вышла замуж за дворянина. Это мой дед, столбовой дворянин, Николай Николаевич Радченко. Имение его было в Пензенской губернии, но жил он в Москве. Дед окончил Политехнический институт в Петербурге, был инженером-металлургом. В Гражданскую войну работал на железной дороге, потом на различных московских заводах. А мама в 1945 году поступила на филологический факультет МГУ и однажды, из любопытства, пошла с подругами в турпоход на Кавказ, где и познакомилась с моим отцом, который был инструктором этой тургруппы. Она — учительница русского языка.

Отец был одним из тех, кто начинал и развивал туристское движение. В институтские годы он очень серьезно занимался горным туризмом, много ходил, был инструктором. Когда начал работать, от гор несколько отошел, зато стал байдарочником. У нас была байдарка «Салют» первого выпуска. А потом отец купил редкую вещь — польскую байдарку «Нептун», с парусом. И он, конечно, меня с собой стал довольно рано брать. Помню свой первый водный поход — «Салют», отец, мама и река Днестр... Потом были Волга, Ахтуба, реки и озера Карелии. А по воскресеньям — Истринское водохранилище, под парусом. Сам он ходил, конечно, в более сложные походы. Очень любил Архангельскую область и вообще «северя». Так что и я — турист-водник. Мы вот с Татьяной и по сей день ходим в походы, продолжаем. И это все от отца...

От него, в общем, я унаследовал идеологию туризма и антикоммунизма... Хотя, когда был школьником, очень сильно сопротивлялся отцу. Еще бы — школа, пионерская организация, красный галстук, повязанный в музее Ленина... Он буквально с третьего класса пытался мне объяснить. А я спорил, как мог: у нас лучшая в мире страна, у нас лучший в мире строй, самые счастливые мальчишки! Но со временем, потихоньку, он все-таки сумел меня убедить в истинном положении вещей.

— А репрессии вашей семьи коснулись?

Олег Орлов. Репрессии коснулись косвенным образом. Никто из близких родственников не был посажен, несмотря на то что семья матери была дворянской. Но самого Николая Николаевича в 30-е годы, когда он работал на одном из московских заводов, стали вызывать в «органы» и склонять к сотрудничеству: «Вы работаете в большом коллективе, вокруг вас много разных людей... Вы подумайте о семье...» И вот представьте себе коплизию: сказать «нет» — у него семья, двое детей, братья. Он понимал, что, сказав «нет», он просто сядет! Сказать «да» — невозможно, ни под каким видом невозможно. В общем, закончилось все это нервным заболеванием, и однажды, когда его в очередной раз вызвали, бабушка сказа-

Татьяна Касаткина. Язына, декабрь 2002 г.

ла: «Он в больнице». Ну, а больно он был им уже не нужен. Во время войны он умер...

Татьяна Касаткина. У меня все значительно проще с семьей. Все у меня было абсолютно советским. Папа – военный. Фортификатор, полковник, родом из учительской семьи. У него было семь дядьев, все учителя, и все были расстреляны. Потому что попали в какие-то списки, как говорил отец, «потенциально опасных для советской власти». Этим судьба отца была сильно осложнена. Он не мог поступить ни в какой вуз. Однако все-таки перед войной поступил в некий коммерческий институт – тогда были такие – работал дворником и учился. Он был блестящим математиком. Прощел всю войну. И, слава богу, вернулся даже без ранений. У отца было семь сестер, и все трудились на ниве народного просвещения.

Мама была из семьи служащих. Кем был ее отец – не знаю, а вот моя бабушка была поваром. Одно время кормила Ворошилова. Мама стала преподавателем английского языка и работала в Военно-инженерном институте имени генерала Карбышева в Нахабино под Москвой. Она там и жила. В этом же институте работал отец. Здесь они с мамой и познакомились.

Отец закончил свою военную карьеру в этом же институте. В начале 60-х его назначили директором. Он должен был получить генеральское звание и принять руководство. Но возник какой-то конфликт со старыми сослуживцами. Отец очень переживал и оставил службу в армии. После этого работал в Госстрое.

В «прошлой жизни»

– Таня, Олег, а где познакомились вы?

Олег Орлов. На работе. Мы оба закончили биологический факультет МГУ. Только Таня по элитной кафедре микробиологии, а я – по физиологии растений. Дело в том, что я с треском провалился при первом поступлении на биофак МГУ. Пришлось идти в сельскохозяйственную Тимирязевскую академию. Там я очень старался, три курса был круглым отличником и попробовал перевестись.

Меня взяли, но выбора не было – только физиология. Я был единственным парнем в своей группе. Так что с Таней в МГУ мы, пожалуй, даже и не виделись. Зато по окончании попали в один институт, а именно – Институт физиологии растений Академии наук СССР.

– Вам нравилась ваша работа в институте?

Татьяна Касаткина, Олег Орлов (вместе). Да, да, очень!

Татьяна Касаткина. Я сейчас расскажу один эпизод про Олега. Когда он уже стал мемориальцем и ушел к Сергею Адамовичу Ковалеву, я еще работала в институте. И вот однажды вечером Олег пришел ко мне в лабораторию. Я его окликаю, а он стоит и так смотрит на колбочки, так смотрит! Потом оторвался, разговариваем, а у него глаза прилипли к холодильной камере и не отлипают...

Когда я тоже ушла из института, у меня долгое время была острая тоска по микропипетке, по белому халату... И сны такие долго снились...

Олег Орлов. И мне тоже...

Татьяна Касаткина. Сейчас, правда, уже не снятся...

– А над чем вы работали, если не секрет?

Олег Орлов. И Таня, и я работали с одноклеточными водорослями. Я с эвгленой, а Таня – с хлореллой и со слируллиной.

Юлия Середа. Эвглена зеленая...

Андрей Блинушов. А что, у тебя тоже что-то связано с этой ... эвгленой?

Юлия Середа. Да нет, просто это – такая классика, из школьного учебника биологии...

Олег Орлов. Это замечательный организм! Он может быть и гетеротрофом, и автотрофом, в зависимости от условий.

Татьяна Касаткина. А может быть и миксотрофом*.

Олег Орлов. Да! И вот эти переходы я и изучал. Это была очень увлекательная работа.

Татьяна Касаткина. Я считаю, что мне в жизни потрясающе повезло: во-первых, я работала в прекрасной лаборатории, во-вторых, мне достался такой интереснейший объект исследования, в-третьих, у меня был замечательный шеф. Правда, с ним было очень трудно. Особенно, когда я только что пришла, и он проверял, могу ли я работать точно. Вот представьте себе: жизненный цикл хлореллы – 8 часов, мне нужно снять три цикла подряд. С анализами это двое-трое суток. И вот на третьи сутки сидишь полусонная, полуголодная, нервная, а шеф из-за спины мягко эдак: «Таня, а Вы уверены, что ту пипетку взяли?» Ты сидишь тут вторые сутки, работать можешь уже только на «автотрофе», а он: «Вы ту пипетку?..» Кошмар! Но дух творчества в лаборатории был замечательный! Это была настоящая школа. Умение подходить к материалу, умение анализировать, умение работать в группе. Ведь параметров много, каждый работает над своим, а надо уметь видеть общую картину, единый процесс. Меня там научили работать. Это были одни из самых счастливых лет в моей жизни. Долгое время у нас была закрытая лаборатория, связанная с космосом, и у нас подобрался коллектив по-хорошему одержимых людей. В общем, один из самых счастливых периодов в моей жизни прошел именно там.

Юлия Середа. Это что же, ты выращивала ту самую хлорелловую похлебку, запасы которой потом погибли на Каллисто?*

Олег Орлов. Именно это.

Татьяна Касаткина. Да, мы сотрудничали с Институтом медико-биологических проблем, который был головным по космической тематике.

– А вышло что-либо из этой «похлебки»? Или ее загубили, когда на науку не стало денег?

Татьяна Касаткина. Загубили проект раньше. Просто не очень получалась эта «похлебка»...

– А ты сама веришь в эту идею? Она изначально была не «дохлая»?

Татьяна Касаткина. Да вроде бы нет... Но мы отошли от этой тематики, и ее целиком взял Институт медико-биологических проблем.

*Автотрофы – организмы, синтезирующие из неорганических соединений органическое вещество с использованием энергии Солнца или энергии, освобождающейся при химических реакциях.

Гетеротрофы – организмы, использующие для питания исключительно или преимущественно органические вещества, произведенные другими видами (воттрофами), и неспособные синтезировать вещества своего тела из неорганических веществ.

Миксотрофы – организмы со смешанным питанием: неорганическими и органическими веществами.

** См. А. и Б. Стругацкие «Путь на Амальтею», пролог.

Олег Орлов. 1988 г.

Олег Орлов. Что касается моей работы, то я очень и очень жалею, что не доделал ее до конца.

Татьяна Касаткина. У него была готовая диссертация. И очень хорошая.

Олег Орлов. Я не думаю, что она была настолько уж готовой. Но ее нужно было доделать до конца. В ней были

чрезвычайно любопытные вещи... Другое дело, что с хорошо поставленной лабораторией и с руководством мне не повезло. Мой научный руководитель был примером типичного советского ученого в плохом смысле этого слова. Да, с руководством мне не повезло...

— А почему ты не доделал? Ушел в «Мемориал»?

Олег Орлов. Не доделал я потому, что Сергей Адамович Ковалев сказал: «Больше тянуть нельзя». Я ведь был у него доверенным лицом на выборах 91-го года. После выборов в Верховный Совет РСФСР он возглавил там Комиссию по правам человека и стал набирать штат. Мне было сказано: «Олег, сейчас есть возможность привести в аппарат Верховного Совета новых людей. Есть возможность реально что-то делать, чего-то добиться. Я считаю, что Вы нужны на этой работе. Другой возможности не будет. Давайте, решайте». Я сказал: «Да, Сергей Адамович. Но мне надо доделать диссертацию. Если можно, зарезервируйте». Он зарезервировал. Но в науке ведь на самом деле как? Кажется — еще два, три месяца и все будет готово и замечательно. Смотришь, ан нет... Я увидел, что там еще копать и копать. А тут Сергей Адамович говорит: «Все, больше тянуть не могу. Решайте». И у меня началась дикая «ломка». Действительно, было море интересного в моей работе... Я исследовал процесс перехода от автотрофии к миксотрофии, то есть изменения, которые происходят в аппарате хлоропласта в тот момент, когда клетка, кроме света, получает дополнительный источник энергии. Это важно не с практической точки зрения, а с точки зрения понимания тонких механизмов взаимодействия хлоропласта и окружающей его среды потребления. Мы выходили на очень интересные моменты...

Татьяна Касаткина. А у меня была диссертация по теме: «Рибупезодифосфаткарбоксилаза зеленых и сине-зеленых водорослей». Это были, на самом деле, близкие темы.

Олег Орлов. В моей работе исследовался этот же фермент!

Татьяна Касаткина. Вот на чем мы еще сошлись!

Так вот, директор института Андрей Львович Курсанов, когда отпускал Олега, просил его вернуться. У нас, надо сказать, был замечательный директор, один из немногих директоров академических институтов — беспартийный. В свое время он помогал репрессированному ученому, такой у нас в институте был дух.

Но Олег никогда бы не написал диссертацию. Вернее, не защитил. Дело в том, что его научный руководитель не был заинтересован в защите, а сам-то Олег при его жуткой научной щепетильности... Ведь он опыты повторял по 10-15 раз! И он просто закапывался в

Татьяна Касаткина. 1990 г.

материале. Им двигал интерес, а не защита. Вот тут-то и нужен руководитель, который сказал бы: «Все, садись и пиши. И без готовой страницы ко мне не приходи». У Олега такого не было, и потому процесс растягивался безумно. Правда, когда он уходил, его вызвал Курсанов и сказал: «Мы понимаем, что Вас зовут на весьма важную работу. Ну что ж, идите к Ковалеву, поработайте полгода, год. Но потом возвращайтесь и дописывайте диссертацию». То есть его отпускали условно...

Олег Орлов. Да, но жизнь распорядилась по-иному...

— Таня, а ты ведь защитила диссертацию?

Татьяна Касаткина. Да, я успела.

Олег Орлов. Я одним из первых ее поздравил!

Татьяна Касаткина. Олег был заведующим виварием в институте...

— Как — виварием?! Зачем виварий, если у вас растения?

Татьяна Касаткина. Спокойно! Это была очень тонкая работа.

Олег Орлов. Виварий у нас был небольшой...

Дело вот в чем. Это один из способов изучения белков как таковых — иммуно-химический метод. Ты выделяешь белок, неважно какой, ровно так же можешь растительный, вкалываешь животному...

— Крысе?

Олег Орлов. Крысе, кролику, кому угодно. У нас были кролики. Человеку можно, свинье — кому угодно. Так вот, вводишь белок, вырабатываются антитела. Ты берешь кровь, выделяешь сыворотку, в ней эти антитела. Потом ты можешь выделить фракцию антител. И у тебя есть тест на белок. Теперь я эту вытяжку введу куда угодно, вот в яблоко, например, и определю, есть в нем этот белок или нет, сколько его там, и так далее. Могу в пробирке, могу на агар-агаре — неважно. Много разных вариантов.

— Понятно, вы все ходили к Олегу за кроликами!

Олег Орлов. Да-да, за кроликами. Но виварий — это была моя дополнительная нагрузка. Я кроликов этих... утилизировал. По идее я должен был их сдавать — приезжает ветеринар и их увозит, не знаю уж, куда. Естественно, часть этих кроликов...

Татьяна Касаткина. Тех, которых он иммунизировал чем-то безвредным...

Олег Орлов. Ну, конечно. Если я им ввожу свою зглену, что тут вредного. Вот, я этого кролика после окончания работы с ним забивал, свеживал...

— Тебя, Олег, наверно, особенно любили в институте?

Татьяна Касаткина. Конечно! Когда друзья-туристы собирались, интересовались в первую очередь: принесет ли Олег кролика? Туристы-то вечно голодные...

Олег Орлов. Вы думаете, мне было так просто? Я ведь вел журнал, приходилось слисывать кролика...

Татьяна Касаткина. А я так ни разу твоего кролика и не попробовала...

— Как у вас в институте было с самиздатом?

Олег Орлов. Самиздат был очень распространен. Я начал работать в 76-м, а Таня на год раньше. Время было как раз самое самиздатовское. Ходило многое и разнообразное. От Солженицына до «Сказки о тройке».

– *Порукём гулял «ГУЛАГ», и можно было подойти к коллегам и попросить?*

Олег Орлов. Ну, как гулял... Он не по рукам гулял, а из рук в руки довольно строго. Мы, конечно, не знали всей цепочки, но знали несколько человек, у которых брали и которым отдавали. А вообще, мне сейчас трудно говорить точно про институт, потому что было несколько источников поступления. Первый – друзья вне работы, второй – круг знакомых отца, третий – работа. Поэтому трудно сказать, что было откуда. Таня, «ГУЛАГ» я тебе давал читать?

Татьяна Касаткина. «ГУЛАГ»? А как же.

Олег Орлов. Солженицына я читал много и, пожалуй, все, что ходило... Вспомнил, откуда появился «ГУЛАГ»? Это был не самиздат. Это был тамиздат. Тонкая бумага такая, «посевовское» издание. И получил я его от Ирины Ереминой (она сейчас работает помощницей Ковалева в Думе). Она мне его дала, а к ней пришло – от знакомого француза. С Ириной я учился в одной группе в Тимирязевке.

– *И как вам тогда «ГУЛАГ» показался? Откровением или...*

Олег Орлов. Для меня – нет. Я уже к тому времени огромную информацию имел...

Татьяна Касаткина. Да, читали много. Но, конечно, не открыто. Если на работе, то искали уголок поукромнее. Однажды я прихожу в лабораторию, там мой шеф и еще одна наша сотрудница. Я вхожу, а они прячут какие-то листки. Они что-то – не помню сейчас, что именно, – читали и не знали, что это уже прошло через мои руки. Иногда было так: тебе что-то приносили в 8 часов вечера и говорили, что завтра, в 10 утра, нужно вернуть...

– *А был ли какой-то круг, где обсуждалось все это?*

Олег Орлов. Конечно. Было много кружков и компаний, где мы говорили. Они где-то пересекались. Например, непосредственно с диссидентскими кругами я не был связан, но были знакомые отца, которые с ними общались, и потом это доходило и до меня. Много слушали «голоса», хотя глушили их беспощадно...

Листовки

– *Расскажите, как вы пришли в «Мемориал».*

Олег Орлов. До «Мемориала» у меня была еще некая «зпопея» с изданием листовок...

Я уже говорил, что с диссидентами не был связан, да, честно говоря, и не горел желанием с ними связаться. Сейчас я понимаю, что был не прав, а тогда я считал, что их путь никуда не ведет. Ну борются, ну святые люди, ну слава Богу, что они есть. Но ни к чему, кроме отсидок, это не приводит. А ведь народ-то надо как-то поднимать. А среди моих знакомых кто-то самиздат читает, кто-то в туристические походы ходит, кто-то просто выпивает, и никто не готов ни к какой активной деятельности. В принципе.

– *Ты задумывался об организации?*

Олег Орлов. Да.

– *И когда это было?*

Олег Орлов. Ну, давай вспомним... Начало ввода наших войск в Афганистан, то есть в 79-м году. Так вот, я вижу, что никто к активным действиям не готов...

Я понимал, конечно, что все это похоже на самотерапию, но ведь надо что-то делать, если из тебя просто прет... И вроде бы и смешно немного, а с другой стороны, вроде бы и надеешься... Короче говоря, я стал делать листовки на гектографе.

– *А откуда гектограф-то?!*

Олег Орлов. Сделал. Взял Брокгауза и Эфрона, прочитал про гектограф и – изготовил его. Первые листовки были про Афганистан. Я написал, что война – это ужасно, что там уничтожается мирное население, ради чего гибнут наши солдаты и т.д. В общем, все то, что сейчас можно писать про Чечню. Формат – А4. У меня дома была старинная, дореволюционная машинка. На ней я печатал матрицу. Потом обводил буквы гектографическими чернилами. Чернила делал сам из анилинового красителя, стыренного на работе. А еще я думал тогда про КГБ, что они все умеют, все могут, проведут спектрографический анализ, определят, откуда краситель... И я в эти анилиновые чернила совал всякие соли, чтобы там было побольше всяких анионов, катионов, чтобы они не могли понять, откуда краситель.

– *Вот это да! Бедные эксперты!*

Олег Орлов. Но листовки получались. С одной матрицы штук 25.

– *Кто-нибудь знал про это?*

Олег Орлов. Некоторые друзья знали. Таня знала. Мама раз меня увидела. Ужаснулась, устроила дикий скандал: «Что ты делаешь? Ты себя губишь!»

– *А где расклеивал? В институте?*

Олег Орлов. Что ты, в институте! По подъездам, по телефонным будкам, по разным улицам. Нужно было успеть до часу, потому что в час ночи закрывалось метро и надо было успеть вернуться. Про Афганистан я сделал несколько выпусков листовок. А потом стало нарастать ощущение, что СССР вот-вот введет войска в Польшу. Это был конец 1981 года. И я написал, что «Солидарность» борется за права трудящихся, что режим Кани абсолютно коррумпирован, что это режим преступников, что наши правители собираются везти туда войска, подумайте, что из этого может выйти. Сделал и расклеил.

Интересно, кстати, что все про Афганистан, что у меня оставалось недорасклеенного и матрицы, я уничтожил полностью. А про Польшу почему-то пожалел и несколько штук спрятал. Сейчас они в архиве «Мемориала» у Сани Даниэля.

– *А обыска не боялся?*

Олег Орлов. Боялся, но я крепко подумал, куда спрятать, и засунул подальше. Одно время, правда, меня начал обуревать какой-то иррациональный страх: вот-вот что-то должно произойти... Но потом все прошло.

– *Твоя, в ты с Олегом эти листовки не клеила?*

Татьяна Касаткина. Нет, я не клеила. Как я только с ним пошла, так нас милиция сразу и сцапала.

Олег Орлов. Да, я ее посвятил, но не втягивал.

– *А что это было с милицией?*

Татьяна Касаткина. Это было потом, с «Мемориалом» связано, и ничего страшного нам не грозило.

– *И что было после листовок?*

Олег Орлов. Последнюю листовку я сделал перед введением военного положения в Польше.

Потом, вплоть до перестройки, листовок уже не выпускал.

«Мемориал»

— Как это было в Москве?

Олег Орлов. Довольно бурно было. Мы с Татьяной ходили по разным местам, слушали. Вы помните, конечно: Клуб «Перестройка», Нуйкин, Клямкин, Афанасьев, Гаврила Харитонович Попов... И вот все это мы слушали, и очень нам хотелось куда-нибудь примкнуть. А куда примкнуть — Бог его знает!

Татьяна Касаткина. И вот однажды Олег приходит и говорит, что есть такое движение, называется «Мемориал». А вернее — инициативная группа, в которую он вошел. Это была зима — с 87-го на 88-й год. Точнее, январь 88-го.

Олег Орлов. А произошло это так. В нашей лаборатории работала Света Чаянова (племянница знаменитого экономиста Чаянова). Она была знакома с Хавкиным, а он с Димой Леоновым — одним из первых членов инициативной группы «Мемориала». И вот, с подачи Хавкина, мы со Светой пришли на квартирник Диме Леонову и Нине Брагинской (это его жена). Я пришел просто посмотреть, что там и как. Говорили об очень простых вещах: как создавать группы, куда идти, кто пойдет, как собирать подписи и т.д.

— А саму идею обсуждали?

Олег Орлов. А вот об этом как раз и ни слова. Идея была очевидной. Мне просто показали исходный документ, он уже был. Я прочел, пришел еще раз, познакомился с Леней Жемковой. Ну и закрутилось... Я стал заниматься, что называется, оргделами. Куда-то ходил, что-то налаживал. А месяца через два и сам стал членом инициативной группы.

Татьяна Касаткина. Один раз он приходит ко мне в лабораторию и говорит шепотом: «Ты знаешь, я сегодня иду на встречу... Возможно, меня примут в члены инициативной группы». Они мне понравились — увлеченные, энергичные, интересные люди. Но, конечно, с первого раза было видно, что там не без сложностей. Буквально на моих глазах Дима так сцепился со Львом! (Пономаревым — прим. ред.) Это были совершенно разные взгляды, подходы, представления.

— А Ковалев?

Олег Орлов. Ковалев появился позже. После того, как меня уже приняли в инициативную группу. Однажды на одно заседание, которое проходило у Майи Лазаревны Хромовой (Ковман) на Арбате, к нам пришла группа диссидентов. Саня Даниэль привел Арсения Рогинского, Сергея Ковалева и Ларису Богораз. Это было весной 1988 года. Они пришли посмотреть на нас.

Ну Ковалев, Богораз, Даниэль — фамилии! А вот о Рогинском я не слышал ничего. И вот, они сидели и так с интересом нас слушали... Арсений, помню, заинтересовался больше всех, это ведь его кровное дело, он историк. И он сразу начал говорить о карточках, картотеке, архивах и так далее. Кстати, часть инициативной группы с самого начала занималась «устной историей», проводила опросы, делала записи. Так что интересы совпадали.

— И как они вам показались, диссиденты?

Олег Орлов. Как они могли нам «показаться»? Это мы им показались немного странными... А они — люди из легенды!

— Они сразу стали работать вместе с вами?

Олег Орлов. Нет. Они посидели, послушали, поговорили и ушли. Вступать в группу не стали. Просто познакомились и все. Через некоторое время они той же командой пришли в наш московский гайд-парк — на «Пушку». (Пушкинская площадь — прим. ред.) Еще раз посмотреть на нас в деле. Мы в то время регулярно туда выходили с

Рвзгон демократического митинга.
Москва, Пушкинская пл., 1988 г.

Выставка в фойе Дома кино во время
Подготовительной конференции
«Мемориала». Москва, октябрь 1988 г.

На выставке в рамках «Недели совести».
Москва, ДК МЭЛЭ, 1988 г.

Елена Жемкова. 1989 г.

Александр Даниэль. 1993 г.

Надежда Богатикова. 1991 г.

Арсений Рогинский. 1989 г.

плакатами, собирали подписи. Сначала стояли у «Известий», потом около памятника Пушкину, потом напротив него и под конец у «Московских новостей». Постепенно нас туда отжали...

Так вот, они пришли, посмотрели на плакаты и лозунги, посмотрели, как идет сбор подписей, и сказали: «Да, интересно...».

— А как у вас возникло понимание, что нужно создавать общественную организацию?

Олег Орлов. По большому счету, сознание, что нужно создавать общество, возникло с приходом Арсения Рогинского. Дело в том, что в скором времени, после встречи на «Пушке», именно Арсений Борисович вошел в более плотный контакт с нами. А вскоре он вообще стал членом инициативной группы «Мемориал». Ковалев тоже появлялся, но был как-то больше «со стороны». Вплоть до момента выдвижения его кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР.

Татьяна Касаткина. Олег, извини, что прерываю, но я очень хорошо помню эпизод, с этим связанный. Это было на собрании, где Дима Шаповов вручал собранные подписи Андрею Дмитриевичу Сахарову. Это было незадолго перед смертью Сахарова... Мы тогда собрались в какой-то комнате за сценой, и я там впервые увидела Ковалева. И еще подумала: «Вот ему бы сидеть у костра... в ватнике». Такой у него был вид... И вот тогда Андрей Дмитриевич и сказал: «Ковалева нужно двигать в депутаты».

Олег Орлов. Так вот, Рогинский очень быстро вошел в инициативную группу и как-то моментально проявил себя ее лидером. И с его подачи мы стали переходить на рельсы создания большого общества.

— Это он предложил, чтобы учредителями «Мемориала» стали творческие союзы страны?

Олег Орлов. Нет. Это, пожалуй, Юра Самодуров, один из инициаторов создания группы. Именно он взял

на себя взаимодействие с творческой интеллигенцией, вернее, с аппаратными работниками союзов.

Татьяна Касаткина. Помню, было первое собрание с союзами летом 88-го года. Там я познакомилась с Рогинским. После этого мероприятия нам дали маленькую комнатку от Союза дизайнеров на улице Чернышевского, недалеко от метро «Аэропорт».

— А когда возникло само название «Мемориал»?

Олег Орлов. Когда я пришел, оно уже было... Я могу ошибаться, но, по-моему, это название летом 1987 года на клубе «Перестройка» произнес Вячеслав Игрунов, говоря о необходимости движения, нацеленного на переосмысление прошлого нашей страны. В том же году с инициативой создания мемориального комплекса памяти жертв репрессий, включающего памятник, музей и библиотеку, выступил Юрий Самодуров. Вокруг этих идей и образовалась инициативная группа.

Сама эта инициативная группа была небольшой — примерно 14 человек. Последним, кого приняли, был Арсений Рогинский. И вот в такой небольшой группе, собравшиеся для воплощения одного дела, тут же разделились на фракции. Это было смешно, но меня это не отталкивало, потому что я понимал, что иного и быть не могло. У нас появились «умеренные» — это Пономарев и Самодуров, они были за последовательное взаимодействие с творческими союзами, и «радикалы» — в первую очередь это два члена Демократического Союза (ДС): Юра Скубко и Виктор Кузин. Сейчас эти фамилии мало что кому-то говорят, но тогда! Это такие были трибуны, такие непримиримые! «Вперед! На баррикады! Преступный коммунистический режим к ответу! Дашь Нюрнберг!» Скубко тогда сказал серьезно Лене Жемковой: «Я понимаю, конечно, вы ведете умеренно-либеральную политику, а у нас ведь иного пути как в тюрьму — нет». И это Скубко, который вскоре уехал в Париж и писал там диссертацию о русской

Дмитрий Леонов. 1999 г.

Юрий Скубко. 1989 г.

Лев Пономарев. 1988 г.

Вячеслав Игрунов. 1988 г.

Андрей Сахаров

Сергей Ковалев

перестройке... А Кузин стал адвокатом. Сейчас это смешно, но тогда это были радикалы почище Валерии Ильиничны Новодворской...

— А кто был «центром»? Раз есть крылья, должен быть и «центр».

Олег Орлов. Ну я, наверное, Лена Жемкова. Еще были люди.

— А Рогинский к какому крылу принадлежал?

Олег Орлов. Рогинский был вне всяких крыльев. Он просто думел, моделировал, а потом, когда нужно, «махал» этими крыльями.

— Ну да, Рогинский ведь прошел такую школу в лагере...

Татьяна Касаткина. Да, он «хорошо» сидел!

Олег Орлов. Он очень «хорошо» сидел! Когда он вошел в нашу группу и очень быстро стал ее лидером, мы узнали, как он сидел. Рогинский ведь сидел не в политическом лагере, а в уголовном, а это — намного тяжелее. Я думаю, он колоссально изменился, пройдя лагерь. Ну представьте только, рафинированный интеллигент попадает в уголовный лагерь.

— И не только выживает там, но и становится весьма авторитетным эзком.

Татьяна Касаткина. Да! Именно!

Дальше была целая серия мероприятий

В июне 1988 года «Мемориал» провел в парке «Дружба», у «Речного вокзала», первый санкционированный митинг. Это был вообще один из первых разрешенных митингов в Москве. И Андрей Дмитриевич пришел и выступал. И это было первое его публичное выступление на массовом митинге после возвращения из ссылки. Хотя какой там массовый! Мы живем рядом с этим местом. И я хожу сейчас мимо, смотрю на эту площадочку... А тогда казался такой огромный, такой мощный митинг! Меня даже чуть там не побили...

Я стояла с плакатом, рядом прохаживалась милиция, «охраняла». Митинг-то разрешенный. Вдруг на меня набрасывается какой-то мужчина, за ним — женщина, и начинают вырывать плакат. И в этот момент милиция дружно, как по команде, поворачивается спиной... Но самое интересное, что, как только на меня набросились, тут же возникли и защищающие. И вот я уже в стороне со своим плакатиком, а «на моем фоне» разыгрывается бурный «диспут»...

— А как попал на митинг «Мемориала» Андрей Дмитриевич?

Олег Орлов. Через Льва Пономарева. Лев хорошо знал Юрия Орлова и вообще физиков из ФИАН. И вот

так это произошло. Но, надо сказать, выступление Сахарова прозвучало.

Затем была организована серия вечеров и встреч группы с бывшими репрессированными. Они не были объединены ни в какие организации, но такое желание у них имелось. И это стало дополнительным мощным импульсом к созданию общества «Мемориал».

Потом в клубе Московского электротрампового завода была организована выставка памяти жертв репрессий.

Татьяна Касаткина. Она, кстати, много дала.

Олег Орлов. Да, народ просто валом пошел! Очереда колоссальные стояли!

— Это же было живое дело. Помнится, как люди писали записки с именами своих репрессированных родственников, вешали тут же на выставке эти записки...

Олег Орлов. Количество проходящих к нам волонтеров стало расти буквально как на дрожжах. Только что была группка из 14 человек, а тут — сотни людей. Был создан оргкомитет общества «Мемориал». Появились аналогичные группы во многих других городах СССР.

А потом была такая странная идея — сейчас вспоминаешь и думаешь: как такое в голову пришло? — создать общественный совет «Мемориала» путем прямых выборов на улицах гражданами кандидатов, которых они сами и выдвинут. Непонятная какая-то идея. То ли этот общественный совет должен наблюдать за созданием памятника жертвам репрессий? То ли за становлением самого общества? Непонятно. Но тем не менее выборы провели. Народ пишет, голосует. В числе первых — Виталий Коротич (кто сейчас помнит, кто это такой?), Михаил Шатров со своей ленинградкой.

— Академик Лихачев вошел...

Татьяна Касаткина. Да, Дмитрий Сергеевич Лихачев, Евгений Евтушенко, Борис Ельцин и т.д. Андрей Дмитриевич Сахаров, естественно... В общем, такой полный набор перестроечных кумиров. И все эти выборы были задокументированы, можно посмотреть...

Провели мы эти выборы и даже их легитимировали. Было специальное собрание с журналистами, где мы огласили результаты, и часть выбранных присутствовала. Но, естественно, этот общественный совет в значительной мере был мертворожденным. Целиком он никогда не собирался. Частично собирался, но никогда даже не было кворума...

Подготовительная конференция «Мемориала». В президиуме Л. Пономарев, В. Игрунов, О. Орлов. Москва, Дом кино, октябрь 1988 г.

Опрос населения по кандидатурам в общественный комитет по созданию памятника жертвам репрессий. Москва, Пушкинская пл., 1988 г.

Ухода в залы, где проходила «Неделя совести». Карта ГУЛАГа и точка для пражертвованной. Москва, 1988 г.

Учредительная конференция «Мемориала». Москва, ДК МАИ, 1989 г.

Ну а затем начались бодания с творческими союзами. Странная и трудная была ситуация. Потому что, с одной стороны, союзы помогают, а с другой, понятно, что они приставлены ЦК КПСС наблюдать за нами и сдерживать. И тут была целая война между умеренными – Самодуровым и Пономаревым, которые горой стояли за сотрудничество до конца, и радикалами, которые были, естественно, против. Помню, как Миша Коваленко – радикалом он у нас был – кричал: «К черту союзы! Мы выведем народ на площади!» и т.д. А ведь зачем нужны были союзы? Без них нельзя было зарегистрировать общество. Граждане тогда не имели на это права. И мы продолжали работать с союзами. Они и деньги давали на размножение материалов, и комнатку выделяли.

– А они искренне были с вами?

Олег Орлов. Не все. Были очень приличные люди, но были и вполне очевидные стукачи – я не буду называть фамилии...

Так вот, люди из творческих союзов сначала говорят с нами, а потом идут в ЦК КПСС. Там им дают установку, они идут и озвучивают ее нам. Мы не соглашаемся, они снова идут в ЦК... Напрямую давить тогда уже было невозможно. Правда, один раз на заседание оргкомитета пришел представитель из ЦК – Купцов. Сейчас он, кажется, один из секретарей КПРФ. Посидел, послушал. У них ведь какая была идея? «Зачем вам нужно общество? Ведь вы хотите памятник. Давайте создадим фонд «Мемориал». Фонд станет аккумулировать деньги и будет такой общественно-государственной структурой. Что вам еще надо?» Самое интересное, что с этой идеей выступил Ельцин. Единственный раз пришел на заседание оргкомитета и именно с этой идеей. Понятно, что об этом его «попросили» в ЦК. Думаю, что он глубоко и не понимал, о чем у нас идет речь. Просто ему сказали, и он озвучил: «Давайте сделаем самое лучшее – фонд. Фонд ведь всем же нам на пользу!» Было совершенно очевидно, что он – не «въезжал»...

– А откуда он взялся-то? Попал в кумиры через «Борис, ты не прав!»?

Татьяна Касаткина. Он тогда пользовался бешеной популярностью. Вокруг него был такой ореол борца, когда его поперли из московского горкома партии.

Олег Орлов. В общем, этому борцу как-то, через партийные связи, мысль о фонде внушили. А мы настаивали на создании общества – массовой организации по всему Советскому Союзу. А творческие союзы всячески тянули время: сейчас нельзя, давайте немного попозже и т.д. Но все-таки, по нашему настоянию, наконец была назначена учредительная конференция. Она должна была проходить в Доме кино. И вот буквально за два дня до начала «их» сторона приходит и заявляет, «Либо это будет не учредительная конференция, либо мы уходим. И помещение не дадим». Понятно, на них надавили. Что делать? Ведь командировки выписаны, гостиницы заказаны, самолеты летят, люди едут со всех концов страны. И вот была тогда большая «драка», и Рогинский говорит: «Соглашаемся». Самодуров с Пономаревым – тоже. Радикалы закатили бешеный скандал, но уступили. И мы сказали, что проводим не учредительную, а подготовительную конференцию. И вот эта подготовительная, правда, с серией скандалов и мордобоем, прошла.

– Как – с мордобоем?

Олег Орлов. А вот так – Юра Скубко дал пощечину представителю Союза кинематографистов. Причем совершенно незаслуженную. Это был очень порядочный человек. А дело было так. Юра выступал с очередной

своей горячей речью – обличал КПСС и все такое прочее. Говорил ярко, радикально. И этот человек, целиком нам сочувствуя, подошел к нему в перерыве и сказал: «Зачем вы это делаете? Вы думаете это так просто – проведение конференции, создание общества? А вы своим выступлением все срываете. Ваше выступление, по сути дела, – провокация». А Юра в ответ – пощечину...

... В общем, со скандалами, но подготовительная конференция все-таки прошла. Было назначено время проведения учредительной. Было заявлено о создании общества «Мемориал». Потом прошла учредительная, в МАИ, на Ленинградском проспекте. Мы учредились, но нас не регистрировали до 1991-го года! И только после смерти Андрея Дмитриевича нас зарегистрировали. Еще при СССР. Но это история известная. Когда Горбачев пришел прощаться с Сахаровым, Елена Георгиевна Боннэр обратилась прямо у гроба к нему, и вскоре нас юридически оформили.

К этому времени была сделана такая, в общем-то, стандартная, вещь. К нам был внедрен некий Нумеров. Теперь достоверно известно, что этот Нумеров был стукачом с давних, еще лагерных времен. В архивах ЦК КПСС была найдена бумага, в которой написано, что сотрудник Нумеров докладывает о необходимости изолирования экстремистского крыла «Мемориала». Причем экстремистами для него были все мы. Это одна из его докладных записок. Нумеров проводил вполне очевидную линию на раскол. Когда же с той стороны поняли, что «Мемориал» не удастся ни расколоть, ни перевести на более удобные рельсы, была дана другая команда. И Нумеров быстро создал «Ассоциацию жертв политических репрессий», чтобы увести из «Мемориала» членов объединений репрессированных. Это ему удалось лишь частично. Большинство бывших репрессированных были возмущены тем, как, по указке сверху, с нарушением всех демократических процедур, создавалась эта Ассоциация, и остались в «Мемориале». Вот так был создан «Мемориал».

Татьяна Касаткина. Олег, ты упустил, мне кажется, такой важный момент формирования общества, как выборы Сахарова. Это был довольно значительный шаг. На выборах 1989 года в Верховный Совет СССР «Мемориал» в Доме кино организовал собрание по

выдвижению кандидатом в депутаты Сахарова. Потом, правда, Андрей Дмитриевич решил все же идти от Академии наук, но перед этим мы все же смогли его официально выдвинуть от общественности.

Правозащитный центр. Начало.

– А как и когда внутри «Мемориала» начал создаваться Правозащитный центр?

Олег Орлов. Правозащитный центр создавал Дима Леонов. Он был инициатором группы активистов, которые решили заниматься этим направлением деятельности, имея в виду современные нарушения. Вначале это не было никак оформлено.

Татьяна Касаткина. Активисты проводили различного рода пикеты: за освобождение еще оставшихся политзаключенных, по поводу трагических событий в Тбилиси 9-го апреля 1989-го.

Олег Орлов. Потом у Димы появилась идея о нейтральных наблюдателях на митингах ДС УДС вечно были взаимные обвинения с властями. И серия таких наблюдений была проведена, и даже вышел обобщающий доклад. А потом был Карабах. Потом Дима ездил в Баку.

Татьяна Касаткина. Поездка в Карабах возникла через армянское отделение «Мемориала». Их лидер Вартан Мушегян пришел и сказал: «В Карабахе творится черт знает что. Надо что-то делать».

Олег Орлов. И мы поехали в Карабах. К этому времени Галина Васильевна Старовойтова активно выступала по этой проблеме. И на учредительной конференции мы уже принимали резолюции и заявления по поводу членов комитета «Карабах», которые были арестованы.

– А как получилось, что идея увековечивания жертв репрессий стала смыкаться с самым актуальным и современным?

Олег Орлов. «Мемориал» был не зарегистрирован, но фактически он долго оставался единственной, действующей совершенно легально, общественной, не государственной организацией в Советском Союзе. Это было общество, которое впервые говорило о репрессиях режима, расширяя их рамки, – от 30-х – разрешенных – к 1917-му году и обратно, вплоть до наших дней. И неизбежно заходила речь о легитимности самого коммунистического режима. Неизбежно речь шла и о необходимости освобождения всех политзехов, еще продолжавших сидеть по 64-й статье.

И вообще через «Мемориал» прошла куча народа, затем ушедшего в политические партии.

Татьяна Касаткина. Я хочу сказать, что уже с момента выборов Сахарова приходили люди и говорили: да, репрессии – это понятно, но есть и сегодняшний день, посмотрите вокруг... И Дима Леонов был инициатором программы «Преследования по политическим мотивам». Хотя программой назвать ее вряд ли можно было...

– Кстати, где сейчас Дима Леонов?

Олег Орлов. Живет частной жизнью. Абсолютно частной жизнью...

Учредительная конференция «Мемориала». Выступление Ю. Афанасьева. В президиуме А. Адамович, Ю. Карякин, А. Сахаров, Е. Жемкова, Е. Евтушенко. Москва, ДК МАИ, 1989 г.

– Понятно. И кто же поехал в Карабах?

Олег Орлов. Мы вдвоем. Дима Леонов и я. Можно сказать, что из этого выросла впоследствии программа «Горячие точки». А первой темой все-таки были политзаключенные. Мы стали составлять персональные списки людей, остававшихся в лагерях, писали письма в Генпрокуратуру, а потом стояли возле нее с пикетами.

Татьяна Касаткина. Потом, уже осенью 1991 года, мы начали выпускать передачи на радио «Россия» по теме прав человека, и первые интервью были как раз с теми, кто только что вышел из заключения.

– А как это было?

Татьяна Касаткина. А это опять Дима Леонов. Он и здесь положил начало. Дело было так. На радио работал такой журналист – Гена Демин. И он не только что организованном радио «Россия», что называется, пробил передачу по правам человека.

Но сам в этом он глубоко не разбирался, поэтому пришел к своему знакомому Диме Леонову и сказал: «Я в этой теме ничего не понимаю. Думаю, что вы в «Мемориале» должны взять эту программу на себя...»

И вот в «Мемориале», как и всегда, демократично все обсудив, решили почему-то, что эту передачу должны делать Саша Соколов и я. И мы пошли и начали... К сожалению, Саша быстро ушел. А я проработала на радио с 1991-го по 2000 год. Впрочем, мне постоянно помогали делать передачи многие мемориальцы – Олег, Саша Черкасов и другие.

– А Соколов и Черкасов когда появились в «Мемориале»?

Олег Орлов. Соколов – в 88-м, Черкасов – в 89-м. Во время августовских событий Саша Соколов и Саша Черкасов уже активнейшим образом принимали участие: печатали листовки, были на баррикадах.

Андрей Блинушов. Да, я именно там с Черкасовым и познакомился. Помню, стоит он весь такой сосредоточенный, язвительный и почему-то босой.

Олег Орлов. Есть еще один эпизод из жизни «Мемориала», про который как-то стали забывать. Помните выборы в Верховный Совет СССР? Мы тогда приняли очень активное участие. Сахаров прошел, Афанасьев, помните? Правда, большая часть наших кандидатов не смогла пробиться.

Когда начались заседания Верховного Совета, вся страна сидела у телевизоров, а здесь, в Москве, собирались каждый день колоссальные – повторяю, колоссальные! – митинги в Лужниках. Днем депутаты говорили в зале, а вечером приходили к нам и продолжали. И вот эти митинги собирали две организации: «Московское объединение избирателей» и «Мемориал». Поочередно. Один день они, другой – мы. Честно говоря, особых усилий не нужно было. Так, кое-что организовать, порядок поддерживать, и все. Люди приходили сами. Берешь, вешаешь листовку-объявление, и народ валом валит со всех сторон.

Дмитрий Шкапов. 1989 г.

Александр Черкасов 1993 г.

Александр Соколов. 1991 г.

Татьяна Касаткина. Да, энергии на этих митингах было излито много... Столько было эмоций, столько надежды...

– Жаль только, что у основной массы это была надежда на дешевую колбасу...

Татьяна Касаткина. Ну что значит – «надежда на колбасу»? Вот ты посмотри, почему ушли люди, например, из науки? Несколько лет назад я, вернувшись из Мюнхена (мы с Олегом работали там некоторое время в архиве Радио «Свобода»), пришла в свой институт. Я увидела мертвый – мертвый! – институт. Он развалился, он был не в состоянии содержать сотрудников. И люди ушли, кто – в коммерцию, кто – книгами торговать. Причем эти люди не были халтурщиками в науке, они отдавали науке душу. Вот они-то и участвовали в этих митингах. А потом – что? Если тебе надо кормить ребенка?

Олег Орлов. На самом деле, посмотрите, что с наукой сделали. А ведь была возможность сделать «по уму». Я видел это, когда работал в Верховном Совете. Хотя это было не по нашему профилю, а по профилю Комитета по науке...

– Кем ты работал в Верховном Совете?

Олег Орлов. Моя должность называлась «Ведущий специалист комиссии по правам человека». Я тогда попытался влезть в вопросы реорганизации Академии наук и увидел, что там все – глухо. Вместо того чтобы привлечь молодых ученых, создать инициативные группы, де бюрократизировать систему, академики, которые сто лет назад получили эти звания, которые руководят лабораториями, созданными 20 лет назад, а теперь уже давно «мертвыми», сохранили всю эту бюрократическую систему. Вот на нее финансирование идет, а на реальную науку – урезано.

Татьяна Касаткина. И это тоже подорвало тот класс, который поддерживал демократическое движение. На интеллигенции многое держалось.

– А у вас в это бурное время личная жизнь была? Ходили ли вы, например, в походы?

Татьяна Касаткина. Начиная с 1988-го года и по 1996-й отпусков у нас не было...

Олег Орлов. Таня! Мы два раза – еще до первой чеченской войны – все-таки ездили на Соловки. Вот это было здорово! Причем в первый раз мы поехали волонтерами – валить лес и заготавливать дрова для филиала музея на Секирной горе. Жили в казематах и рубили лес. А когда закончили, остались втроем – Таня, я, и Ян Рачинский – на три недели еще. Жили в маленькой избушке на губе Белужей. Место – совершенно потрясающее!

– А помните, как красиво там сушатся ламинария? Такие огромные полупрозрачные листья висят на жердях...

Татьяна Касаткина. Очень красиво! А вы там тоже были?

– Были... Из этой ламинарии делают агар-агар, кажется?

Олег Орлов. Вот-вот. На агар-агаре я и сделал гектограф.

Татьяна Касаткина. Только ты добывал его не из ламинарии, а из шкафчика в лаборатории...

Олег Орлов. Так вот, сначала были Карабах и Баку. А потом Молдова – Приднестровье. Мы тогда книги не делали вообще. Были доклады. Они есть в Интернете, на сайте «Мемориала» (www.memo.ru – прим. ред.). Кроме этого, наша информация по Карабаху печаталась в «Новом времени», а по Молдове – в «Независимой газете».

В Приднестровье мы ездили несколько раз. И до боев в Бендерах. А во время боев мы там были наблюдателями с обеих сторон. Тогда ездили Дима Шапов, Надя Богатикова, Женя Юрченко, Дима Леонов, я. Такая была команда. Кстати, хороший тогда получился доклад. Он был небольшой, по нынешним меркам, но емкий.

Помнится, даже начальник милицейских подразделений Молдавии – он потом стал министром внутренних дел – его хвалил, считая объективным. Хотя мы там молдаван «прикладывали» ого-го! И в этом большая заслуга Димы Леонова. Он буквально силой заставлял нас быть объективными. Еще в Карабахе у нас было очень сильное желание стать на одну из сторон. Это вообще в человеческой природе заложено: сделать выбор, быть за кого-то и против чего-то. А Дима нас все время помал и заставлял быть объективными...

– Значит, нынешняя отточенная техника изложения материалов вырабатывалась интуитивно, в процессе практической работы?

Олег Орлов. Ты знаешь, Дима от природы – педантичный человек, в хорошем смысле, скрупулезный к фактам. У него все должно было быть сбалансировано, равномерно. Это подчас очень нас раздражало. И не только нас. Но такая методика была единственно правильной, конструктивно правильной. Но он ничего не изобретал. Все было взято у Human Rights Watch. Важно, что Дима смог почерпнуть и передать такую методику.

Татьяна Касаткина. Плюс к этому, мы все-таки, в большинстве своем, научные работники. Методология научного подхода к любому явлению у нас, что называется, в крови. Она на кончиках пальцев... Но я хочу сейчас сказать еще одну вещь. Олег прав – Дима Леонов очень много способствовал тому, чтобы доклады были объективными. Но сам он их не писал. Он их не мог писать вообще!

Олег Орлов. Да, это действительно так. Сам он абсолютно не мог писать.

Татьяна Касаткина. Удивительный человек! Давал методологию, но не мог написать ни строки. Зато был превосходный критик. Просто потрясающий! И все-таки чего-то в нем не хватало, чтобы вырасти в постоянно действующего лидера общественной организации...

– Дима, кажется, – чистый «научник».

Олег Орлов. Да, и при этом ярко выраженный гуманитарий. Его специализация, по-моему, древнегреческая мифология...

Татьяна Касаткина. Нынешний состав мемориального Правозащитного центра сложился сугубо естественным отбором. Вписаться в какую-то структуру, когда идешь в рядах широкого общественного движения, очень трудно. Ведь, по сути, человек должен профессионализироваться, должен понять, над чем он хочет и способен работать конкретно, и не один, а – в команде...

Олег Орлов. Почти одновременно с Приднестровьем была Южная Осетия. Два Александра – Соколов и Черкасов – ездили туда. Собственно, Приднестровье и Южная Осетия – это конфликты еще советских времен, перешедшие на первые российские годы. Потом – Таджикистан. На эту работу нас подвиг Беник Багдасарян. Затем ингушко-осетинский конфликт и следом – первая чеченская война. Вот такая канва по «горячим точкам».

Татьяна Касаткина. Одновременно шла работа по этнической дискриминации. Это Саша Осипов начал разрабатывать. А потом к нам пришла замечательная женщина – Светлана Ганнушкина. Привел ее, опять же, Дима Леонов. Она начинала не в «Мемориале», а вместе с Лидией Графовой, после исхода армян из Баку. Их вывезли самолетами после известных событий и поселили в гостиницах «Заря Востока» и «Останкино». Поселили и – забыли. Прошло некоторое время, и этих несчастных людей стали выгонять из гостиниц. Тогда еще не было государственной миграционной службы, и как только начались проблемы, Ганнушкина, Графова и Дима Леонов начали ими заниматься. Я тоже была в этих гостиницах как радиожурналист и там познакомилась со Светой. Она стала бывать у нас на советах ПЦ, который к этому времени был оформлен юридически, как самостоятельная структура. Света вошла в него и стала работать с беженцами и переселенцами.

Олег Орлов. Да. Света подняла у нас такое гигантское направление, как миграция. И приняла ее тяжесть на свои плечи. Колоссальную тяжесть...

– А «Гражданское содействие»?

Татьяна Касаткина. Света очень отчетливо понимала, что правозащитой должна заниматься специальная организация. А «Гражданское содействие» – это практически целиком гуманитарное направление, где раздают вещи и лекарства, где людям достают деньги на операции и протезирование и т.п. Это колоссальной важности работа, но ее нужно разделять с правозащитой. Поэтому у нас так удачно и получилось: вся юридическая часть – в ПЦ «Мемориал», а вся гуманитарная – в «Гражданском содействии».

Олег Орлов. Да, пришла пора профессионализации и специализации. У нас в Правозащитном центре, например, не развилась работа по защите прав заключенных. Потому что уже были хорошо работающие специализированные организации по этому направлению. И не только у Валерия Абрамкина.

Татьяна Касаткина. Олег, а ты помнишь, что как раз в это время «Мемориал» практически прекратили финансировать? И почти год шла наша внутренняя ломка. Фонды сказали – нужна структура. А у нас – какая-то общественная комиссия, которая распорядилась всеми деньгами. Совершенно непонятно, кто конкретно подписывает финансовые документы, кто отвечает за результаты деятельности? Но для большинства членов «Мемориала» такое требование было почти шоком. Боже мой! Иметь директора?! Получать деньги

Пикет «Мемориала» у Министерства обороны. Участники лежат на земле, изображая жертв войны. 1995 г.

по четким специализированным программам?! Да вы что?! Мы бунтовали со страшной силой. Было безумно тяжело переломить себя. Потом все-таки согласились, обставив все массой подстраховочных оговорок и условий. Не дай бог, кто-то соблазнится, потянет на себя — это же конец организации...

Олег Орлов. Да, свободолюбивые мемориальские массы смотрели на должность «исполнительный директор» с диким подозрением. Мы все содрогались! Это же локушение на свободу, на наши права!

Но жизнь показала, что мы сделали все абсолютно правильно. Мы должны были преодолеть, перешагнуть аморфную структуру общественного движения, должны были во имя эффективной работы себя переломить. И мы себя перебороли. Но это было очень тяжело...

Война

— Расскажите, как началась для вас первая чеченская война?

Олег Орлов. На второй день после начала чеченской войны, 12 декабря 1994 года (как раз между Днем прав человека — 10 декабря и днем смерти Андрея Дмитриевича — 14 декабря), в Доме медиков прошло собрание московской общественности. Публика собралась довольно разношерстная, начиная от министра иностранных дел Козырева и кончая правозащитниками. Обсуждались общие проблемы защиты прав человека. И, конечно, многие выступавшие говорили: началась война, надо что-то сделать и т.д. Характерно, что не все понимали, что началась именно война. Например, Ирина Хакамада вышла и сказала: «Почему это вы говорите о какой-то войне? Зачем говорить о несущественных проблемах? Мы должны думать о насущных нуждах народа. Надо обсуждать реальные проблемы». И вдруг в зал входит Сергей Ковалев. В это время он был председателем Комиссии Президента РФ по правам человека и назначен Думой на пост Уполномоченного по правам человека РФ...

Татьяна Касаткина. Я очень хорошо помню, как это произошло. В тот момент выступал Андрей Бабушкин. Ковалев вошел очень напряженный и сел рядом с Олегом. Они о чем-то стали шептаться, Бабушкин закончил, и Сергей Адамович сорвался с места и безо всякого объявления поднялся на трибуну. Его первые слова были такими: «Мы говорим о Сахарове. Вот где бы был сейчас Андрей Дмитриевич? Там, где сейчас убивают людей».

Олег Орлов. И очень резко продолжил, что как Уполномоченный по правам человека он должен быть тем, побывать сначала в войсках, потом поехать в Грозный и т.д., но его во всех кабинетах «динамят» и всячески блокируют работу. После его выступления выходит Козырев и говорит: «Сергей Адамович, я вам гарантирую, мы все сделаем, я сегодня же позвоню, завтра вы улетите, проблем не будет». Ладно, мы договариваемся с Ковалевым на завтра.

И, действительно, на следующий день формируется депутатская группа от разных фракций: Сергей Адамович Ковалев, Валерий Васильевич Борщев, Михаил Михайлович Молостов, Леонид Николаевич Петровский ну и я — от «Мемориала». Примчались на аэродром в Чкаловск. Местное начальство рапортует: «Сергей Адамович, самолет готов!» Самолет, действительно, уже шевелит пропеллерами. Поднимаемся по трапу и обалдеваем: самолет громадный, двухсалонный, специальный, штабной. В салоне длинный стол, и на нем во всю длину карта России. И больше никого. Только мы впятером. Выходит пилот: «Сергей Адамович, докладываю! Взлетаем в 13 часов 40 минут». Класс! Взлетели, летим, все хорошо, скоро будем в Моздоке. Вдруг выходит пилот, берет под козырек: «Сергей Адамович, докладываю! Обледенение, Моздок не принимает, разворачиваемся». И мы на тот же самый чкаловский аэродром приземляемся. Никакого начальства нет, будто испарилось. Только какой-то молодецкий лейтенант: «Ничего не знаю, приезжайте завтра». Что делать? Сергей Адамович говорит: «Никуда не едем, остаемся здесь», — и начинает звонить по всем телефонам. Нигде никого нет. Ладно, ложимся спать прямо в зале ожидания. Утром просыпаемся, смотрим, везде полно военных, какие-то генералы спуют, самолеты гудят, взлетают и улетают чуть не каждую минуту. Спрашиваем: «На Моздок есть?» — «Да, есть. Один рейс уже улетел. Сейчас будет другой, но на него мест нет, подождите следующего, на этот никак невозможно».

И так раз за разом. Добило нас, когда приехал депутат Безбородов и сним еще кто-то «Здравствуйте, Сергей Адамович! Мы летим в Моздок». — «А кто вас уполномочил?» — «Дума». — «Но нас тоже уполномочили!» — «Ничего не знаю. Мы летим. Вот самолет». Сергей Адамович, весь уже на взводе, бежит к начальнику. А тот ему: «Ничего не знаю. Для них места забронированы, в для вас нет. Подождите следующего борта». Все понятно — заблокировали. Ковалев в ярости и говорит: «Летим к Аушеву, в Ингушетию!» Дозванивается до него. А с Русланом Аушевым мы были уже хорошо знакомы, с осени 1994-го, когда Ковалев по заданию

Пикет против войны в Чечне у Министерства обороны. 1995 г.

Татьяна Касаткина. 1995 г.

Олег Орлов. 1995 г.

Ельцина проверял, как возвращают (а вернее, не возвращают) ингушских беженцев в Пригородный район Северной Осетии. Аушев говорит: «Прилетайте в Минводы. Я вышлю за вами машину». И мы понеслись сломя голову во Внуково на последний в этот день самолет в Минводы.

Прилетели. Аушевская машина отвезла нас в Назрань. Утром пришел представитель Аушева, рассказал, что дороги на Грозный пока еще не блокированы, проехать можно. Мы решили ехать вначале в Грозный, а потом уже через Моздок в расположения российских войск. Правда, позже сам Руслан Аушев нас отговаривал, но больше для проформы. В итоге он дал две машины и сопровождающих. Один был с автоматом. Он знал дорогу. И вот мы на двух обычных «Волгах», ночью, поехали. Но не по трассе Ростов-Баку, а какими-то объездными дорогами, через Самашки, мы проехали в Грозный вплоть до президентского Дворца. Это было громадное здание бывшего республиканского комитета партии. Его часто по привычке так и продолжали называть – Реском. По дороге никаких федералов мы не видели. Были какие-то группы вооруженных чеченцев, но они нас не останавливали. Повторяю, мы проехали прямо к президентскому Дворцу в Грозном, и никто нас ни разу не остановил, не задержал. Вот такая «операция»...

И вот мы подъехали, выходим и поднимаемся по лестнице в «логово врага». Здесь нас впервые остановили: «Вы кто такие?» – «Депутаты Государственной Думы России такие-то». С их стороны полное обалдение к-а-а-к? Тут человек Аушева о чем-то с ними поговорил, и нам сказали: «Проходите». Входим. Огромный вестибюль весь забит людьми, вооруженными до зубов. И все они движутся, перемещаются, устанавливают пулеметы... а мы сидим и ждем. Наконец к нам вышел какой-то чиновник и сказал, что нас примет министр иностранных дел республики Ичкерия.

– Шамиль Бено?

Олег Орлов. Нет. Это уже следующий за ним назначенец. А этот – из сирийских чеченцев – совсем не говорил по-русски. Нас усадили и – началось. Через переводчика. «Вы депутаты? Хорошо, замечательно. Сейчас мы вам обрисуем политическое положение. Тысячи моджахедов из всех стран мира движутся в Чечню, чтобы отразить агрессию российских войск. Эти войска погибнут здесь все до последнего солдата. Весь мир поддерживает нашу справедливую борьбу». Ну, и так далее, минут на сорок.

– А вы охали туда с мыслью, что вот мы будем во Дворце, и какво будет военным стрелять по депутатам высшего законодательного органа своей страны?

Олег Орлов. Абсолютно нет. Сергей Адамович ехал туда, чтобы наблюдать, что там творится на самом деле. Была идея побывать сначала в войсках. Поговорить с генералитетом, офицерами, солдатами. Увидеть собственными глазами, как идет наступление. Увидеть, что происходит на территории, занятой российской армией. Как чувствуют себя солдаты. Поработав таким образом, перейти линию фронта и ровно то же самое проделать с противоположной стороны. То есть абсолютно правозащитная работа – мониторинг. Посмотреть, описать, довести результаты до Думы и народа. Осознавая, конечно, что война – это зло и сумасшествие. Это не имело какой-то «антироссийской направленности».

– Почему вы отправились прямо во Дворец?

Олег Орлов. Объясню. Поскольку мы попали, силою обстоятельств, сразу на другую сторону, нам нужно было представиться. Как должен вести себя депутат Думы и Уполномоченный по правам человека официально? Он должен официально заявить о себе властям. В Моздоке он заявил бы о себе генералам, в Грозном – руководству Ичкерии. Мы же не шпионы...

– И что было потом?

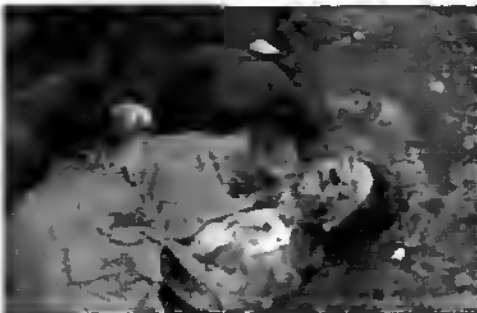
Олег Орлов. После прочитанной «лекции» нас поселили в квартире, где жили и козяева. После этого мы, по мере возможности, начали заниматься мониторингом

– А с Дудаевым вы не виделись?

Олег Орлов. Дудаев нас принял через три дня. До него мы еще имели встречи с официальными лицами. Не могу сказать, чтобы эти чиновники производили благоприятное впечатление, но что есть, то есть. Ну а на второй день нашего пребывания, собственно, начались уже бомбежки. Мы видели, куда падают бомбы. А бомбы падали на жилые кварталы. И чем дальше, тем больше, больше, больше! И дикое вранье по всем каналам ТВ и радио! Например, утверждают, что вообще Грозный не бомбят. А мы видим, что гибнет мирное население. Утверждают, что гостиница «Кавказ» переполнена иностранными наемниками, в связи с чем по ней и нанесен ракетно-бомбовый удар. А мы видим, что гостиница «Кавказ» стоит пустая... В общем, беспардонное вранье.

Сергей Адамович начал делать заявления. Довольно резкие заявления. Он, конечно, совершенно не стремился понравиться своими заявлениями Дудаеву. Ни в малейшей степени! Однако Дудаев решил нас принять и поговорить. Это произошло через три дня. Он прочитал примерно ту же самую «лекцию», что и его министр. Только еще более длинную, развернутую и по-русски. Он рассказывал нам об истории России и ее взаимоотношениях с Кавказом в форме 200-летней войны, отъездах моджахедов, идущих на помощь Ичкерии. Обещал, что в Чечне наступит конец российской империи, говорил о нефти и вообще, о чем только не говорил. Это был пространный монолог. Меня это потрясло. Его город бомбят, линия фронта в 10 километрах от Грозного – мы уже там побывали, – а он вместо того, чтобы послушать нас – все-таки депутаты Думы... Только пытается вдолбить нам в мозги свое видение ситуации.

Интересно, что в разгар монолога вошел адъютант и доложил, что летят самолеты и не исключено, что будет нанесен удар и по нашему зданию. Дудаев сказал: «Хорошо, давайте прервемся». И предложил нам спуститься в подвал. Мы спустились. Там большой

Город Грозный. 1995 г.

такой бункер. Нас отвели в президентскую комнату. Через минуту в другую дверь входит Дудаев и с последнего слова продолжает свой монолог. Еще, примерно, на час...

— А что, вы так и слушали эту лекцию по истории, не пытались с ним как-то разговаривать?

Олег Орлов. Пытались, конечно. Но удавалось вставлять всего лишь одну-две фразы. Он отвечал: «Да, да, вы правы. Или — нет, вы не правы». И продолжал, как ни в чем не бывало, дальше.

— Это производило впечатление одержимости? Что им двигало, как ты думаешь?

Олег Орлов. Знаешь, у меня было впечатление болезненности. Уже — болезненности...

— Ну а остальные, кто был во Дворце, как они себя вели?

Олег Орлов. Довольно спокойно. В основном, это были спокойные и нередко симпатичные люди.

— И все же, как они реагировали? Ведь Грозный бомбят, вот-вот будет штурм, не было ощущения квест-рофы? Или они ждали этой драки?

Олег Орлов. Они не боялись этой драки. «Драка? Ну что ж, значит, пришло время драки», вот и все.

Все эти дни шло наступление федеральных войск на Грозный. Мы выезжали в станицу Ассиновскую, где встретились с генералом Бабичевым и другими офицерами. На этом направлении федеральные части закрепились и стояли. Насколько мы могли судить после общения с военными на уровне полковников, они совсем не ждали идти через Самашки и дальше по трассе Ростов-Баку. Они нам говорили: «Нам приказывают идти по трассе. Их посты мы, конечно, сметем, тут нет проблем, но дальше пойдут села. Значит, и их мы должны будем сметать с лица земли. Мы не хотим этого делать. Вы — депутаты. Если можете — остановите эту войну». Все всё понимали, вот в чем дело...

Ковалев пытался донести эту информацию до Москвы. Звонил, куда только мог. Помню, мы специально ездили в Гудермес, чтобы оттуда дозвониться Козыреву. Ему подробнейшим образом была обрисована обстановка.

— Козырев был единственным доступным чиновником серьезного ранга в Москве?

Олег Орлов. Да, практически, единственный, с кем можно было реально связаться. Козырев сказал, что доложит об этом на Совете Безопасности. Но ничего не изменилось. Сергей Адамович попытался донести информацию через прессу. Но, увы, и здесь все было также неэффективно...

— А когда начали обстреливать Дворец, вы находились в этом бункере?

Олег Орлов. Это уже другая история. В подвале Дворца мы оказались следующим образом.

Началось с того, что в один из дней на площади перед Дворцом мы увидели какие-то автобусы и толпу людей, вокруг которых суетились боевики с автоматами. Было видно, что они обращаются с этими людьми грубо. Без стрельбы, но явно грубо. Мы удивились, заинтересовались и выяснили, что это ингушский МЧС вывозил из Грозного жителей: чеченцев, ингушей, русских. Тех, кто пожелал. Нам было известно, что две колонны уже ушли, третью же боевики остановили, завернули, пригнали на площадь перед Дворцом, разгрузили и потребовали, чтобы люди разошлись. В чем дело, почему, кто приказал? Боевики говорят — мы не знаем, нам приказали, а кто — молчат. Мы дико завелись, и я, в частности, особенно. Даже наорал на них. И мы отправились во Дворец разматывать всю эту цепочку. Вышли на помощника Дудаева Мавлена Саламова. Он темнит, но вроде бы в курсе этого приказа. Внятных

объяснений никаких нет. Говорит, что вывозит МЧС, а это фээсбэшная структура, и они этим пытаются показать, что вот от нас бегут люди, и таким образом выставить Ичкеррию в неприглядном свете и посеять панику. В общем, бред какой-то. В конце концов, мы поняли, что это идет с самого верха, фактически — от Дудаева.

— Что же он, не понимал, на что он обрекает этих людей?

Олег Орлов. Все он понимал! Начхать ему на них было... По крайней мере, одна женщина из этих людей была ранена. Мы потом ее встретили в больнице Старых Атагов в очень тяжелом состоянии. Ранение было не очень опасным, и ее можно было бы вылечить. Если бы в Атагах были лекарства. А в Ингушетии они были. Я не знаю, что с ней стало, может быть, выжила, может быть — нет...

Мы устроили дикий скандал, но до Дудаева добраться было уже невозможно. Он уже прятался где-то в своих бункерах. Его публично замещал Яндарбиев. Он выслушал наши возмущенные тирады и сказал: «Не беспокойтесь, автобусы остались, вот они здесь стоят, давайте составляйте списки, кого отправить в первую очередь. Как только списки будут готовы, мы будем вывозить». Мы стали составлять списки. Это было уже на следующий день. Нам активно помогали разные корреспонденты и Виктор Попков. И вот мы написали первый список, на пару автобусов, и отправились к Яндарбиеву. Депутаты ушли первыми, а я немного задержался и догонял. И вот иду по городу и чувствую, что что-то не так... Артиллерийский обстрел все время усиливается. Такого до сих пор не было. И снаряды не как раньше, по окраинам, а вот они, бьют по центру. Я добежал, спустился в подвал, вроде бы цел, — хорошо, наши стоят ждут, сейчас должен прийти Яндарбиев, и мы обсудим план вывоза людей. И вдруг вбегает какой-то чеченец и говорит: «Русские танки движутся к Дворцу!» Все, кого уж тут вывозить... Вскоре автобусы сгорели. И мы с этого момента трое суток сидели там и не могли высунуться, потому что наверху шел бой.

То есть мы пришли организовывать эвакуацию людей и оказались запертыми в этом подвале.

Там куча людей... Приходят, уходят, стреляют, уходят вниз, в бункер отдыхать, приносят раненых чеченцев и российских солдат, приходят местные жители...

— А как было с российскими ранеными?

Олег Орлов. Туда не только раненых, но и пленных солдат и офицеров сводили в большом количестве. И мы начали составлять списки этих пленных и раненых, и дальше на протяжении всей первой чеченской войны составление таких списков оставалось одним из главных наших дел.

— Вам позволяли подходить и общаться с ними?

Олег Орлов. Да, позволяли. Их, конечно, содержали отдельно, но мы расспрашивали их и составляли списки. Причем все было спокойно и нормально. Один лишь раз, при нас, начался крик: «Снайпер, снайпер! Сволочь, гад!» Но это сразу было пресечено.

— Кем?

Олег Орлов. Их командиром.

— Потому что вы были рядом?

Олег Орлов. Да нет. По крайней мере, на первом этапе отношение к пленным было вполне гуманным. Все ужасы начались потом. Когда они ушли в горы. А здесь был общий лазарет, в котором лежали и чеченцы, и русские, и рядовые, и офицеры. Всем оказывали абсолютно одинаковую помощь. Абсолютно одинаково всех кормили.

Только с капитаном Мычковым была история... Мычкова принесли с тяжелым ранением в грудь. Его спасли, а

Начальник штаба ВВ Чечни Аслан Масхадов.

«Федералы» в Грозном. 1995 г.

Заживо сгоревший солдат Майкопской бригады. Грозный, 1995 г.

В село Самашки идет «зачистка». Этим женщинам удалось выйти из села. Апрель 1995 г.

Александр Гурьянов. «Мемориал», 13-й блокпост у с. Самашки. Апрель 1995 г.

ночью один из раненых чеченских бойцов попытался его зарезать. Он кинулся с кинжалом, ударил в шею, но его успели оттащить чеченцы...

Там же, в этом лазарете, был русский старик с сильно обожженными руками. Он жил неподалеку от центра. Когда начался обстрел, его квартира загорелась. А его жена лежала парализованная. Что он мог сделать? Он на нее накиннул какой-то матрац. Ну что — матрац загорелся... Так он ее и не спас. Она сгорела заживо. А он по простыне, с сильно обгоревшими руками, спускался со второго или с третьего этажа, и его спасли чеченские боевики и привели в лазарет, в подвал Рескома. Здесь ему оказали помощь. И вот надо же, именно в этот момент привели и сдавшегося в плен полковника Зрядного из Майкопской бригады (он потом погиб в плену), которая почти вся полегла на улицах Грозного. Полковник был совершенно деморализован. На его глазах почти все его солдаты были убиты. Их бросили в город, всю бригаду разбили, он сдался в плен, его привели в лазарет, и вдруг на него бросается русский старик, кричит: «Что выделаете, звери?!»... Вы можете представить его состояние? Только что со своими солдатами вошел в город, все убиты, и на него русский старик в чеченском плену орет...

Татьяна Касаткина. А солдаты его до этого практически оружия в руках не держали. Там было много призывников-первогодков.

Олег Орлов. Вообще в Рескоме с пленными обращались хорошо, кормили их так же, как и чеченцев. Никто из них не жаловался на это время. Все ужасы были позже. И Зрядного расстреляли позже. Не исключено, что он погиб от российской пули, но более достоверная версия, что его расстреляли за попытку к бегству. Но все это было позже, когда боевики ушли в горы.

Был там только один случай, связанный с неким Абу Арсанукаевым. У него была какая-то экзотическая должность, типа: начальник спецотряда по охране Дудаева. Что-то в этом роде. Такой лощеный деятель в папахе. И вот, на наших глазах в лазарет привели несколько российских офицеров. Они были не тяжело ранены. Над ними не издевались, но они были очень подавлены. Тяжело было смотреть на них... Один был лейтенант*, чувствовалось, что ему очень больно. Пока они оказывали помощь, Арсанукаев начал допрос. Начал с него: «Ты кто такой?» — «Командир БМП, лейтенант такой-то». — «Воевал?» — «Воевал». — «Ну и как воевал?» А он отвечает так спокойно, с достоинством «Весь боекомплект по вам выпустил». Арсанукаев сорвался, посыпалась брань: «Ты, такой-растакой, зачем стреляешь?!» — «Я офицер, меня послали, я стреляю!» Потом Арсанукаев резко что-то сказал и вышел. Ребят перевязали, сказали — ведите к остальным. И их увели. Мы зафиксировали — все нормально. А потом оказалось — потом, мы не могли этого знать, — что именно этот лейтенант — исчез. Его не было среди пленных. Во всех списках он отсутствовал. Мы не понимали — в чем дело? И только после взятия Рескома его тело было найдено недалеко от здания. С большой долей вероятности можно предположить, что этот Арсанукаев приказал его тогда вывести и расстрелять. По всей видимости, это было именно так. Но это был единственный случай. С остальными пленными там обращались нормально.

Татьяна Касаткина. А у нас в «Мемориале», на Каретном, в то время сложился такой... штаб. Мы чувствовали удивительное единение, мы понимали: мы должны что-то делать. И к нам приходили люди, кото-

рые когда-то были с нами, а потом они куда-то разошлись, и мы о них почти забыли. А теперь они приходили и говорили: «Ребята, скажите, что надо делать». Собрать пикет в то время было очень просто. Я звонила по телефону, и собиралось 10-15 человек. Сколько мы тогда ликетировали!.. Итальянское посольство, польское посольство, французское посольство... И ведь кое-что получилось, мы не дали «замолчать» эту войну. Хотя массовых демонстраций нам собрать не удалось.

Да, о тех, кто был там! Петровский из думской фракции КПРФ, который приехал из Грозного в конце декабря, не нашел ничего лучшего, как позвонить маме Олега и сказать: «Они там, в Грозном, а город бомбят, и если они не выйдут оттуда через три дня, то погибнут». Представляете, додумался до чего!

Олег Орлов. Петровский уехал тогда «поднимать народ в России», как он выразился, и — пропал. Видимо, поговорил с Зюгановым, и они решили, что «народ поднимать» — не время.

А после штурма Рескома мы с Сергеем Адамовичем приехали в Москву. Во время штурма оттуда выбраться было невозможно. Я уже говорил, что мы не специально пошли в этот Реском: «бомбите нас», а просто так получилось, что мы там оказались во время штурма. Прошли эти дни, мы смогли выйти на улицу. Бои вокруг Рескома утихли, а в городе еще идут. Однажды вечером мы вышли из Рескома и ахнули: мы приехали в один город, а сейчас видим — другой: кругом зарево пожаров. И все же, тогда город еще был, можно сказать, цел.

А через три дня уже можно было передвигаться по городу. Войска закрепились в нескольких районах, бои более-менее прекратились. И мы решили, что Ковалеву надо ехать в Москву. Мы видели здесь столько, знаем столько, что Ковалеву надо пробиваться к президенту и говорить с ним. Сергей Адамович ехать не хотел, но вся остальная группа решила, что надо, и он согласился. Решили, что он не должен ехать один, и поехали мы с ним вдвоем. А друзья наши остались — Валерий Васильевич Борщев, Михаил Михайлович Молоствов.

Татьяна Касаткина. И Юлий Рыбаков. Он к этому времени уже приехал к вам в Грозный. Петровский уехал, а он приехал.

Олег Орлов. А, да, Юлий Рыбаков уже был там, точно. Мы ехали в Москву на 2-3 дня, чтобы потом вернуться к ним.

Приехали в Москву, Ковалев пробился к президенту. Рассказал ему об уничтожении мирного населения, о бессмысленной гибели российских солдат, тот его молча выслушал и сказал: «Сейчас не время прекращать боевые действия». Несколько дней мы были в

*31 декабря 1994 г. около 16.00 на допросе в подвале «президентского дворца» в Грозном только что взятый в плен легкораненный лейтенант Олег Николаевич Мочалин «слишком независимо» отвечал на вопросы начальника охраны Д. Дудаева Абу Арсанукаева и, в частности, заявил, что в бою израсходовал весь боекомплект своей БМП (120 снарядов). Взбешенный Арсанукаев вывел Мочалина из помещения. В дальнейшем среди пленных О. Н. Мочалина никто не видел. В 124-й Специальной медицинской лаборатории его тело значилось за номером ВЗ, среди первых вывезенных из Грозного. (Россия — Чечня. Цепь ошибок и преступлений. — М., 1998, с. 334.)

Москве, вернулись назад. А пробыться к нашим уже было невозможно. Мы ехали через Назрань, приехали в Грозный, добрались даже до Рескома. А нам говорят: «Ваши коллеги-депутаты через день после вашего отъезда ушли на квартиру, где раньше жили». И все. Туда уже пройти нельзя, там чересполосица: одна улица занята одними, другая – другими. И мы недели две не знали, что с нашими. Они сидят на этой улице Красных Фронтовиков. Мы всячески пытались их вытащить оттуда. И через дудаевских («Да, да, все сделаем», – и – ничего). И в конце концов мы нашли человека, который вытащил их. Такой сталкер, одинокий волк по имени Усман. Он провел их через кварталы, где шли бои (см. М. Молоствов. «Двуногие и пернатые». // Карта. – № 22-23).

– Как вы думаете, война вас изменила? Вернее, так: насколько сильно вас изменила война?

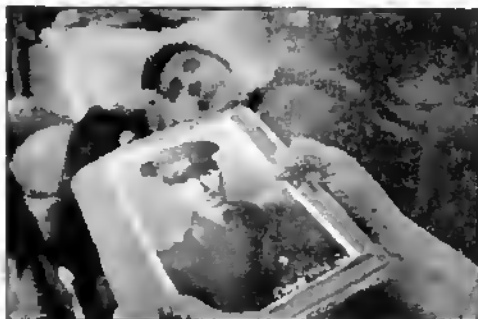
Олег Орлов. Не знаю... Наверное, изменила. Тане виднее, может быть...

Татьяна Касаткина. Знаешь, Олег, когда вы с Сироткиным (Сергей Сироткин – в то время сотрудник «группы Ковалева» – прим. ред.) вывозили солдат... Вот тогда Олег вернулся, и я вижу, что в нем что-то изменилось. Не сразу поняла: седина стало как-то сразу намного больше... Однажды ночью он говорит: «Я хочу тебе рассказать...»

Олег Орлов. Насколько я помню, это был февраль 1995 года. В Назрань приехали солдатские матери, у кого сыновья были в плену. Приехали из разных мест. А перед этим два чиновника из дудаевского правительства заявили, что будут отдавать пленных, если за ними приедут матери. Чиновники эти ездили в Москву на переговоры с Черномырдиным, их там «продинамили», и по пути назад, в Назрани, они сделали заявление. Я к ним подошел, спросил: «Что, правда отдадите пленных?» – «Да, отдадим, если приедут матери». И матери собрались сначала в Майкопе, а оттуда на двух автобусах приехали в Назрань.

Нас было двое из команды Ковалева: Сережа Сироткин и я. Мы решили, что с матерями поеду я. Я знал этих чиновников, разговаривал с ними. И вот мы выехали из Назрани в Грозный. Сначала попробовали проехать через позиции российских войск, через те высоты, по которым прошел генерал Бабичев – около Ермоловки. Но сначала завязли в грязи, а потом дальше нас просто не пустили военные. Сказали – заворачивайте, – и нам пришлось вернуться. Ладно, раз не проехали здесь, решили двигаться прямо «через чеченцев», по трассе Ростов-Баку, которая тогда была в их руках. У Самашек нас пропустил российский пост: «Солдатские матери? За пленными? Езжайте». Потом пошли чеченские посты. Они тоже нас не задерживали. Доехали до Черноречья, въезжаем в Грозный. Здесь нас встретили боевики из местного ополчения, разгрузили, разместили в помещении какого-то бывшего кафе. Видимо, у них был приказ.

Сидим, ждем непонятно чего, непонятно кто тут начальство, полная неопределенность. Нам нужно в штаб Масхадова, он в городе, но не в Рескоме уже, а в другом месте. Туда не проехать, идет стрельба, бомбят. Боевики принесли поесть, сидим, ждем. Вдруг приходят какие-то другие боевики и между ними и «нашими» начинается крик, шум, ссора. Все, конечно, на чеченском. Матери, естественно, перепугались, сбились в кучку, сидим, смотрим в чем дело? чего ждать? Вдруг «наши» из автоматов в потолок – тра-та-та-та... И прогнали пришедших. Потом нам объяснили, что пришли какие-то озлобленные: «Солдатские матери? Их сыновья нас убивают! Мы с ними разберемся!» И так далее. Что бы они наделали, черт его знает...

Солдатские матери, приехавшие на поиски пропавших сыновей Ингушетия, Чечня, весна 1995 г.

Петр Севастьянович Косов, помощник Президента Ингушетии. В 1995 году возглавлял группу по поиску и освобождению военнопленных.

Сергей Сироткин

Юлий Рыбаков

Михаил Малостев

Валерий Борзев

После этого пришел какой-то человек из местного самоуправления, и нас распределили по квартирам местных жителей. Они, кстати, очень сочувственно отнеслись к солдатским матерям. Переночевали. Утром начался сильный обстрел — федералы долбят из минометов. Никуда не выедешь. Мы собрались в один подвал — слава богу, все целы. — ждем. Прошел день. Нам деваться некуда. Вроде бы должны прибыть люди из штаба Масхадова, их нет, «наши» боевики ничего не знают — ждите... Тут затесался еще американский фотокорреспондент. Очень хотел снять сюжет, как русские матери забирают своих детей из плена. Его можно понять — сюжет трогательный. Посидел он с нами двое суток, не дождался и уехал. И как только он уехал, тут же появились люди Масхадова. Собрали всех, посадили в один автобус и повезли в город. Едем, все окна открыты, чтобы видно было, что женщины, стоит относительно затишье. Вдруг — ба-бах! Лопнул один из передних баллонов. Потом говорили, что пуля снайпера...

Доковыляли на трех колесах до штаба Масхадова. Он располагался в подвале здания бывшего техникума. Подвал мощный, как в Рескоме. Спускаемся, говорят: «Ждите». Тем временем боевики спрашивают: кто? зачем? как фамилии? Говорят, да, тут пленные есть. Да, такая фамилия есть, такой нет... Представляете, как матери реагируют? Вот они, здесь, рядом дети... Спрашивают: «Можно увидеть?» Боевики их проводят, и вот она, встреча. Подвал, пленные, матери рыдают, обнимают...

Появился Масхадов. Идем к нему. Он говорит: «Часть пленных здесь, при штабе, остальные — по отрядам. Надо составить список. Всех можно найти. Только мы больше не отдаем. Теперь только на обмен. Наши-то сидят у вас, и их там убивают...» Матери — в слезы... Масхадов продолжает: «Я могу вам отдать их только при одном условии. У вас есть лозунги за мир, плакаты, флаги, вот берите все это, становитесь в колонну, я сейчас по радиации свяжусь с российским командованием, чтобы вас не обстреливали, и — вперед. Идите на позиции российских войск и спросите ваших солдат, офицеров, генералов, зачем они сюда пришли? Зачем разрушают город?»

Зачем все это Масхадову нужно было — непонятно. Но такое условие он поставил.

«Если это сделаете, я вам гарантирую, что мы отдадим пленных. Составляйте список». Я ему подал готовый список. «Ну вот, список есть. Гарантирую, что либо вы их сами заберете, либо, если по какой-нибудь причине вы не сможете вернуться, мы их сами соберем и передадим. Гарантирую. А сейчас вы должны идти». Матери в ужасе, я тоже. Говорю: «Господин Масхадов,

вы ведь понимаете, как это опасно!» Он отвечает: «Да, опасно. А остальным жителям Грозного не опасно? Хотите своих сыновей — вперед».

Ну что тут можно сделать? Что я могу сказать этим женщинам — плюньте на своих детей? У них тоже сплошное смятение. Одна так просто упала в обморок. Ее стали приводить в чувство, и она потом никуда не пошла. Масхадов сказал: «Ну зачем ей идти? Видите — плохо человеку. Пускай будет здесь. А остальные — идите». И матери собираются. У них действительно есть плакаты, и флаги, и лозунги. Они достают их из автобуса. Нам дают сопровождающих, они говорят: «Сейчас мы соберемся в трамвайном парке. Вы подождете, а мы свяжемся и договоримся с федералами, потом укажем направление, по каким улицам, по какому мосту идти, и — вперед».

И вот мы собираемся в этом парке и ждем. Нас человек 35. Уже вроде бы решено: «Идем, во что бы то ни стало». А я стою и представляю: «Вот сейчас я с ними пойду. Ведь одна шальная мина, и положит нас всех к чертовой бабушке... Как скот на убой... И остановиться уже невозможно...» И совершенно непонятно, что делать... Стою и тупо думаю: «Вот сейчас, сейчас...» Боевики рядом по радиации переговариваются: «Да, здесь, да, сообщили, да, ждем ответа...» Что делать?

Кстати, там я видел и каких-то русских. Да, а еще одного русского я видел, когда мы были в подвале Рескома. Я даже с ним разговорился. Это был житель Грозного. Он говорил: «Да, это мой город, здесь мои друзья. Чего они сюда пришли?» Ну а те русские, у Масхадова, с нами не общались, не знаю, кто они были.

Ну вот, мы стоим, мины рвутся, обстрел даже усиливается. Наконец нам говорят: «Все, будьте готовы, разворачивайте флаги, вот сейчас, сейчас...»

И вдруг! Ну прямо как в кино, появляется Сережа Сироткин. Откуда??? Я к нему бросился: «Сережа! Как? Что?..» И он рассказывает следующее: «Сегодня утром я услышал дикую новость по телевизору, бросил все в Назрани и помчался к вам. Сумел пробиться в Черноречье, мне сказали, что вы уже уехали, и вот, боевики меня доставили прямо сюда. А новость такая. Сегодня утром в Думе выступил член фракции ЛДПР с заявлением примерно такого содержания: "Ковалев специально свез солдатских матерей из разных городов России в Грозный, пообещав, что им будут отданы их пленные сыновья. А вместе с тем, боевики готовятся их расстрелять и списать все на федеральные силы". Я понял, что действительно что-то готовится мерзкое, но, по-видимому, с другой стороны, что с вами может случиться ужасное, и примчался предупредить, что никому

никуда идти нельзя! Вы это понимаете?» Конечно! И так-то все ощущали, что нельзя, а теперь это очевидно. В общем, он успел. В последний момент.

Я собираю женщин потеснее, прошу Сережу повторить. Он повторяет, и я вижу, как нервное напряжение из них выходит и они с облегчением обмякают... И все наперебой говорят: «Да, мы понимаем, что идти нельзя». Все. Мы говорим боевикам: «Ведите нас назад, в штаб». Возвращаемся. Масхадов спрашивает: «В чем дело?» Сергей ему объясняет. Тот говорит: «Если так, то да, конечно, идти нельзя. Я свой приказ отменяю. Уезжайте назад».

Матери в слезы... Мы с Сергеем говорим: «Господин начальник штаба, мы хотим с вами приватно побеседовать». Он соглашается. «Господин Масхадов, вы знаете нас, мы знаем вас, поймите нас правильно. Мы обращаемся к вам с просьбой. Это совершенно негуманно – не отпустить сейчас тех пленных, с кем матери уже встретились. Ну вы сами представьте... Других – мы понимаем. Не встретились, понятно. Вы хотите обменивать – разумно. Но эти-то – встретились! Что ж вы делаете?» Он подумал и говорит: «Ну да, ну конечно. Пускай этих забирают. Кто там в списке?» Посмотрел: «Всех отдаем, кроме офицера». И он погиб потом, этот офицер, в плену, под бомбами. А его мать, помню, она на костылях была, потом еще долго его разыскивала...

Андрей Блинушов. Знаешь, Олег, эта мама у меня до сих пор перед глазами стоит... Каждый раз, когда мы приезжали в Чечню и Ингушетию, она находила нас, хлопотала о поисках сына. Мы не смогли найти этого офицера, хотя очень старались. Очень искал его тогда казачий атаман Петр Косов, который проблемой пленных занимался в администрации Руслана Аушева, в Назрани.

Олег Орлов. Я помню. Да... И вот нам выводят восемь рядовых. Одни матери в совершенном счастье, другие...

Мы начинаем грузиться, уже темно, суета, после обстрела заносят раненых чеченцев, один страшно разворочен, ноги отдельно, и тут две матери от нас сбежали. Пользуясь суматохой, спрятались в каком-то закутке. И остались при штабе. И одна из них нашла-таки и вывезла своего сына. А вторая погибла. Исчезла при невыясненных обстоятельствах...

Мы вернулись в Черноречье. Там ждал еще один автобус. Парней попрытали, забросали одеждой и сели на них сверху. Причем боялись не чеченцев, а федералов. Вдруг обыщут? Ведь точно, заберут и снова – засунут в мясорубку. Но обошлось. «Солдатские матери? Ну как?» – «Да нет, никого не отдали...» – «Проезжайте». Приехали в Назрань. Здесь мы всем написали сопроводительные документы от имени депутатов, и матери тайком их начали развозить. На местах они являлись в военкоматы. И, кажется, все остались живы.

Перед отъездом я со всеми поговорил один на один. «Я понимаю, – говорю, – что вы рассказывали об условиях содержания, будучи в плену. Но вот сейчас, один на один, скажите правду, как там было?» И ни один из них не сказал плохого. Все было нормально. Не били, кормили одинаково. Медицинскую помощь оказывали одинаково. Что было, то было. При этом я знаю, что потом было много чего плохого, и расстрелы и... все было. Но здесь – нет. Правда, это при штабе Масхадова, а не в отрядах Басаева и не в ДГБ.

Кстати, ровно в этот же день, когда мы вывозили ребят, в Шали произошел первый обмен пленными. И чеченцев выдали дико избитых, в ужасном состоянии. После этого все наши пленные, оставшиеся в Шали, были также сильно избиты чеченцами. В тот же день...

Правозащитный центр – что впереди?

– Каким вы видите будущее Правозащитного центра?

Олег Орлов. Будущее ПЦ, на мой взгляд, а значительной степени зависит от того, как будут развиваться военные события на Северном Кавказе. И, к сожалению, будет связано с ними.

Если же говорить о перспективе, если хотите, о мечтах, то я вижу дальнейший путь Правозащитного центра в разработке такой чрезвычайно серьезной для России проблемы, как милицейский беспредел. Это – болевая точка, которая задевает буквально каждого человека и каждый день. Это направление, безусловно, нужно делать кардинальным. И я вижу, как это можно организовать, как сделать так, чтобы получить поддержку общества. Но на это нужны будут новые силы и ресурсы. В первую очередь, человеческие силы и ресурсы. Наши реальные силы сейчас – увы – в значительной степени поглощаются чеченской войной...

Татьяна Касаткина. Да, это очень важное направление, поскольку это касается каждого из нас каждый день. И, конечно, по-прежнему – проблема беженцев. Мы этим много занимаемся – в большинстве регионов России уже работают наши юридические пункты, Светлана Ганнушкина возглавляет эту работу.

Чрезвычайно важное направление – «дискриминация по этническим признакам». Мы хорошо его начали, сейчас оно чуть-чуть просело.

Олег Орлов. И есть еще одно направление, которое нужно разрабатывать всерьез – это «преследования по политическим мотивам». Виталий Пономарев и Коля Митрохин прекрасно работают в самом «горячем» в этом отношении регионе – в странах Центральной Азии. Но мне кажется, что уже назрела необходимость нашей серьезной работы по этой теме в России.

Андрей Блинушов. А вы обратили внимание, как на конференции «Мемориала» было воспринято «чеченское» направление работы? С полным пониманием, с полным одобрением позиции ПЦ.

Юлия Середа. Кстати, при выборах нового состава правления Международного «Мемориала» Олег – главный «носитель» чеченской темы – «прошел» со «счетом» 98,0. Ни одного голоса против!

Олег Орлов. Да, я был удивлен. Мы ожидали какого-то непонимания на конференции, серьезной дискуссии и спора, мы даже были готовы к скандалу. А нас поддержали. Знаете, это – очень важно для нас, очень... Думаю, что это очень важно и для развития «Мемориала».

Рязань-Москва

В материале использованы снимки фотоархива Международного общества «Мемориал» и кадры из фильма «The Betrayed» («Преданные») студии «October Films», Великобритания.

Редакция сердечно благодарит сотрудника НИПЦ «Мемориал» Наталью Малыхину за помощь в подготовке данной публикации.

Ефим ШУМАН

СУДЬБА ВОЛЬФГАНГА ВЕЛЬША

Вольфганг Вельш, бывший восточногерманский заключённый и позже – создатель и руководитель легендарной организации, которая помогала жителям ГДР нелегально бежать на Запад. Ни за кем Министерство госбезопасности ГДР – «штази» – не охотилось так серьёзно, как за Вельшем. Его трижды пытались убить. Он уже с ранней юности ненавидел коммунистическую идеологию и опиравшийся на неё режим. Хотя судьба, казалось, улыбалась ему. Сразу после школы он поступил в театральное училище, успешно окончил его, и перспективы его актёрской карьеры казались вполне радужными.

«У меня был договор на стажировку с гэдээровским телевидением, я играл в берлинском Немецком театре и получал первый роли в фильмах киностудии ДЕФА... Но мечтал только об одном, хотел только одного: как можно скорей, любыми путями, выбраться из этой страны, вырваться на свободу... Ко мне в руки попал западногерманский паспорт (он остался от туриста, приехавшего в ГДР ещё до строительства Берлинской стены), и я наивно думал, что с этим паспортом мне удастся без проблем пройти пограничный контроль».

Но на границе Вольфганга Вельша арестовали. Он попался на очень простом вопросе: гэдээровский пограничник спросил его, через какой контрольно-пропускной пункт он въезжал в страну из ФРГ. И Вельш назвал КПП, который за полтора месяца до этого был закрыт. Его судили за попытку нелегального перехода границы, подделку документов и измену родине. Двадцатипятилетнему Вельшу вынесли невероятно жестокий приговор: десять с половиной лет тюрьмы. Свой срок Вельш отбывал в самых страшных тюрьмах ГДР, в которых содержались политические заключённые, – в Берлине-Бэутцене и Бранденбурге. Условия здесь были жуткие. Никаких поспешлений надзиратели «политическим» не давали, унижали и издевались с особым удовольствием. Наказывали за малейшую провинность, лишая прогулки, писем, свиданий. Однажды Вельш попал в карцер. Он вспоминает:

«Вонь параши, холод, одиночество и самое страшное – неизвестность... Не знаешь, сколько ещё проведешь здесь. К горлу подступало отчаяние. А может быть, просто не хватало воздуха: окна в карцере не было, одни глухие стены, а проём двери был обит резиновой прокладкой. Круглые сутки горела лампочка. Что сейчас: ночь или день? Заключённый терял всякое представление о времени и медленно сходил с ума».

Бежать? Это было невозможно: «политических» охраняли очень тщательно. Да и куда бежать? Выбравшись из «мапой» тюрьмы, он попал бы в тюрьму «большую», и его наверняка кто-то выдал бы «штази»: вся ГДР была буквально опутана сетью стукачей госбезопасности. Вольфганг Вельш решил хотя бы рассказать людям, живущим на Западе, о том, в каких условиях содержатся заключённые в ГДР. На склеен-

ных листочках папиросной бумаги он бисерным почерком описывал происходящее в тюрьме и передавал эти листочки тайком своей матери на редких свиданиях. А мать уже переправляла эти записки на Запад. Но однажды неожиданно заглянувший в глазок камеры надзиратель застал Вельша за писанием очередной «ксивы» (тайной записки). Пока конвоиры открывали тяжёлую дверь, Вельш успел засунуть клочок бумаги в рот. Ему пытались разжать зубы, потом начали жестоко избивать... Он потерял сознание.

«Когда я снова пришёл в себя, на моём теле не оставалось ни одного живого места. Боль была страшная. Во рту – сгустки крови, обрывки папиросной бумаги... Потом выяснилось, что мне сломали рёбра, отбили почки, разбили голову... На животе был жуткий синяк от удара сапогом. Похоже, что надзиратели сами испугались. Они положили меня на носилки и понесли в тюремную больницу. Но первое, что спросил врач: «Что ты проглотил? Отвечай, что это были за бумаги? Что там было написано? Если скажешь – положим в больницу. Нет – отправим обратно в камеру». Я ничего не сказал – и меня на тех же носилках отнесли обратно в камеру. Но тогда я по-настоящему узнал, что это такое – тюремная солидарность. Я даже помыслить не мог, что сокамерники (в том числе, кстати, и уголовники) будут так помогать мне. Они тайком пронесли в камеру лекарства, болеутоляющие средства, кормили меня с ложечки и отпаивали молоком... Только благодаря этому я смог достаточно быстро поправиться. Хотя что значит «достаточно быстро»? Прошло несколько недель, прежде чем я залечил свои раны».

Благодаря матери Вельша часть его записок всё же была передана на Запад. Отдельные фрагменты из них напечатали английские газеты. Делом Вольфганга Вельша занялась «Эмнисти Интернэшнл» – организация «Международная амнистия», которая добивалась освобождения политических заключённых, в каких бы странах они ни сидели. Она буквально бомбардировала гэдээровские власти письмами с требованиями хотя бы облегчить условия его содержания в тюрьме. Так «Эмнисти Интернэшнл» бомбардировала своими письмами и советское руководство, требуя освобождения арестованных диссидентов. И нередко добивалась успеха.

Но в судьбе Вельша решающим оказалось другое. При социал-демократическом канцлере ФРГ Вилли Брандте началось некоторое сближение Западной и Восточной Германии. Во всяком случае, завязался какой-то диалог. В 1970 году Вилли Брандт встретился в Эрфурте с председателем Совета министров ГДР Штофом. Он передал ему список с именами гэдээровских отказников, которых не отпускали за границу к родственникам, и политзаключённых, на освобождении которых настаивала западногерманская сторона. В этом списке было и имя Вольфганга Вельша.

Спустя год его выслали (прямо из тюрьмы) в ФРГ.

Вельша и ещё сорок политзаключённых посадили в автобус и вывезли через границу на Запад. Освободили всех их не просто так. Западная Германия в буквальном смысле выкупала политзаключённых и отказников у восточногерманских властей. За Вельша гэдздровцы затребовали 90 тысяч марок. Цена зависела от срока заключения (чем больше срок, тем дороже) и от уровня образования (например, за врачей, которых высылали вместе с Вельшем, пришлось заплатить по 150 тысяч марок). В общей сложности, власти ГДР получили с начала 70-х годов и до 1989 года (когда пала Берлинская стена) три с половиной миллиона марок за освобождённых политических заключённых. Не безнравственно ли это было – платить за людей, как за рабов? Безусловно, безнравственно. Но зато ведь люди получали свободу...

«Автобус остановился на первой же стоянке после того, как мы проехали границу. Оди за другим мы вышли из него – вчерашние... да что там! ещё сегодняшние! заключённые. Многие из нас – большинство! – пробыли в тюрьмах долгие годы. Кто-то плакал, кто-то упал на колени и начал целовать землю. Это не было наигранным, не было рассчитано на внешний эффект. Все наши чувства были неподдельными, искренними. Свобода! Мы знали: вот теперь, вот теперь начнётся настоящая жизнь!»

Однако начать новую жизнь в 27 лет Вольфгангу Вельшу оказалось непросто. Продолжить свою оборвавшуюся семь лет назад (столько он провёл в тюрьме) актёрскую карьеру он не смог. Вельш стал студентом университета в Гессене. Его специальностью была социология. А свою докторскую диссертацию он защитил на тему: «Министерство государственной безопасности ГДР». Но теорией Вельш не ограничился. Он создал тайную организацию, которая вызволяла людей из ГДР, помогал им нелегально (легально это было практически невозможно) бежать на Запад.

«Коммерческая сторона ссамого начала не играла здесь для меня практически никакой роли, хотя какие-то деньги я и мои помощники за свою опасную работу получали. Я хотел помочь людям, находившимся в ситуации, похожей на ту, в которой когда-то находился сам, помочь им бежать из страны-тюрьмы на Запад. И, кроме того, я хотел навредить ГДР, отомстив таким образом коммунистическому режиму за свою искалеченную юность».

Жившие в ФРГ родственники тех, кого Вельш и его люди тайком переправляли на Запад, платили за каждого беглеца от пяти до двадцати тысяч марок. Это немного, особенно если учесть не только опасность предприятия, но и его сложность. После долгих поисков Вельш нашёл человека, который доставал для него западногерманские паспорта. В паспорт наклеивалась фотография беглеца, и этот паспорт вместе с авиабилетами и небольшой суммой денег Вельш лично передавал беглецу в Болгарии, куда тот приезжал из ГДР. Со своим настоящим гэдздровским паспортом беглец садился в Софию на самолёт, летящий в Бухарест. Но там предьявлял на контроле уже поддельный западногерманский паспорт. Так как речь шла о транзите (у беглеца был билет дальше, в Белград, а оттуда – в Вену), то румынские пограничники контролировали документы весьма поверхностно.

Тем не менее нужно было предусмотреть каждую мелочь, каждую деталь. Во-первых, надо было

подделать на западногерманском паспорте выездную болгарскую визу (её-то румыны, естественно, проверяли всегда). Ставилась виза двумя красками, как бы переходящими одна в другую. Вельшу пришлось много экспериментировать, прежде чем он получил желаемый результат. Было множество и других важных вещей.

«Необходимо было, например, срезать все этикетки на одежде, по которым можно было бы установить, что эти вещи изготовлены в ГДР или в какой-нибудь другой стране восточного блока. Люди должны были, как настоящие шпионы, зубрить свою «легенду», чтобы пограничники не поймали их (как меня когда-то) на каком-нибудь глупом ответе. Беглецам приходилось даже заново учиться нормативный немецкий язык, чтобы ни в коем случае не говорить на саксонском или других диалектах, которые распространены в Восточной Германии».

Шестьдесят человек Вельшу удалось таким образом переправить на Запад. Обычно он, как я уже сказал, передавал документы в Болгарии сам. Но однажды поручил это жене. Она поехала в Софию с их двухлетней дочкой. И была арестована сотрудниками болгарской госбезопасности. Этот эпизод связан с невероятными приключениями (в своей книге Вельш очень красочно описывает их). Жена Вельша бежала от болгарских чекистов сначала в посольство ФРГ, а потом – в американское посольство. Сам Вельш пришёл в болгарское дипломатическое представительство в Бонне и приковал себя наручниками к батарее, добиваясь встречи с высокопоставленным сотрудником консульства. Он шантажировал болгар, угрожая взять заложников, если его жену и дочь не отпустят из Софии в Германию. Причем использовал метод кнута и пряника, соглашаясь заплатить «штраф» за её «незаконные» действия в Болгарии. В конце концов за 50 тысяч марок жену и дочь Вельша отпустили в ФРГ.

Было ясно, что «болгарский маршрут» провалился. Вельш стал искать другие пути переправки беглецов из ГДР на Запад. Знакомые инженеры помогли ему переоборудовать жилой прицеп («дачу на колёсах», как ещё говорят) так, что между стенами образовались пустоты, в которых могли спрятаться трое человек.

Активность Вольфганга Вельша давно раздражала Министерство госбезопасности ГДР. Упустив его жену в Болгарии и увидев, что Вельш продолжает заниматься организацией побегов (но в «штази», разумеется, не знали, КАК он это делает), госбезопасность решила его ликвидировать. Приказ о ликвидации был отдан лично министром госбезопасности Эрихом Мильке (который, кстати, сам начинал свою партийную и чекистскую карьеру с убийства берлинских полицейских в начале тридцатых годов). Непосредственное руководство операцией, получившей название «Операция Скорпион», было возложено на генерал-майора Ганса Фидлера.

Однажды Вельш ехал на машине рано утром в свою редакцию (он зарабатывал на жизнь журналистикой). Вельш торопился. И вдруг на скорости 140 километров в час буквально взрывается приборная доска. Вельш с трудом сумел вывернуть руль и остановить машину. К счастью, автострада в этот утренний час была пустой, и Вельш не разбился, только лицо его было в крови от мелких осколков, и на плече

Обложка книги Вольфганга Вельша «Я был государственным врагом номер 1».

нителем был приятель Вельша Петер Хаак. Вельш познакомился с ним в Греции, в отпуске. Хаак и его подруга Сюзен жили (якобы) в Лондоне, где у них был свой маленький бизнес.

Они подружились семьями и часто проводили отпуска вместе. Вельш не знал, что Хаак — агент «штази» по кличке «Альфонс», которого специально приставили к нему. Сюзен, кстати, тоже работала на гдззровскую госбезопасность.

Вторая попытка убить Вельша была предпринята в Англии. Петер Хаак уговорил Вельша поехать туда. Он же устанавливал маршрут. На одном из поворотов их ждал снайпер. В определённом месте Хаак должен был либо уговорить Вельша остановиться, либо хотя бы ехать медленней. Но чтобы обезопасить себя, Хаак наклонился за своей курительной трубкой, которая лежала у него в ногах: «А где моя трубка? Ах, вот она, внизу!» Чисто инстинктивно Вельш в этот момент тоже чуть-чуть наклонился. Это его и спасло. Он услышал странный звук и увидел дыру в лобовом стекле. Ну не может же быть, чтобы кто-то стрелял?! Наверное, камешек попал в стекло...

Ещё одно покушение было совершено на Вельша год спустя, когда он, его жена и дочь снова проводили отпуск вместе с Хааком и его подругой. На этот раз в Израиле, на Красном море. Хаак и Сюзен поджарили котлеты и положили в них яд. Очень сильный яд — таллий. Киллеры госбезопасности прекрасно понимали, что от этого яда может умереть не только сам Вельш, могут умереть также его жена и дочь. К счастью, те вообще не стали есть котлеты: стояла страшная жара, и у них не было аппетита. Но Вельш ел. Очень скоро ему стало плохо. Он почувствовал, как отнимаются руки и ноги, стал задыхаться...

Спасла его только быстрая реакция врачей — сначала израильских, а потом и немецких (Вельша срочно отправили самолётом домой, в Германию). Принимавший его в больнице врач рассказывает:

«Мы сразу же, во время первого обследования, взяли кровь и послали её на анализ, подозревая отравление: многие симптомы указывали на это. Именно потому, что поиск яда был целенаправленным, удалось установить его наличие в организме. Причем

зияла большая рана. Приехавший автомеханик был в недоумении: как это всё могло случиться? Решили, что перегорел кабель. О покушении никто (в том числе и сам Вельш) не думал.

Лишь много позже, после падения Берлинской стены, Вельш узнал, что за приборной доской была заложена взрывчатка. Взрыватель был установлен так, что срабатывал на скорости 140 километров в час, — чтобы было вернее.

За всем этим стоял генерал Фидлер, а непосредственным испол-

нителем был приятель Вельша Петер Хаак. Вельш познакомился с ним в Греции, в отпуске. Хаак и его подруга Сюзен жили (якобы) в Лондоне, где у них был свой маленький бизнес.

Они подружились семьями и часто проводили отпуска вместе. Вельш не знал, что Хаак — агент «штази» по кличке «Альфонс», которого специально приставили к нему. Сюзен, кстати, тоже работала на гдззровскую госбезопасность.

Вторая попытка убить Вельша была предпринята в Англии. Петер Хаак уговорил Вельша поехать туда. Он же устанавливал маршрут. На одном из поворотов их ждал снайпер. В определённом месте Хаак должен был либо уговорить Вельша остановиться, либо хотя бы ехать медленней. Но чтобы обезопасить себя, Хаак наклонился за своей курительной трубкой, которая лежала у него в ногах: «А где моя трубка? Ах, вот она, внизу!» Чисто инстинктивно Вельш в этот момент тоже чуть-чуть наклонился. Это его и спасло. Он услышал странный звук и увидел дыру в лобовом стекле. Ну не может же быть, чтобы кто-то стрелял?! Наверное, камешек попал в стекло...

Ещё одно покушение было совершено на Вельша год спустя, когда он, его жена и дочь снова проводили отпуск вместе с Хааком и его подругой. На этот раз в Израиле, на Красном море. Хаак и Сюзен поджарили котлеты и положили в них яд. Очень сильный яд — таллий. Киллеры госбезопасности прекрасно понимали, что от этого яда может умереть не только сам Вельш, могут умереть также его жена и дочь. К счастью, те вообще не стали есть котлеты: стояла страшная жара, и у них не было аппетита. Но Вельш ел. Очень скоро ему стало плохо. Он почувствовал, как отнимаются руки и ноги, стал задыхаться...

Спасла его только быстрая реакция врачей — сначала израильских, а потом и немецких (Вельша срочно отправили самолётом домой, в Германию). Принимавший его в больнице врач рассказывает:

«Мы сразу же, во время первого обследования, взяли кровь и послали её на анализ, подозревая отравление: многие симптомы указывали на это. Именно потому, что поиск яда был целенаправленным, удалось установить его наличие в организме. Причем

доза таллия, обнаруженная у Вельша, была в десять раз выше той, которую принято считать смертельной для человека». Четыре недели Вельш провёл в реанимации. Когда он пришёл в себя, то первый его вопрос был: как дела у жены, дочери, у Петера Хаака и его подруги? Не отравились ли они? Всё ли с ними в порядке? Он не знал, что Хаака в это время награждали в Восточном Берлине медалью — за отлично выполненное задание.

Когда в «штази» узнали, что Вельш всё же остался жив (несмотря на десятикратную дозу яда!) и уже стали подозревать Хаака, дальнейшее проведение операции «Скорпион» запретили. Это было в начале 80-х годов. А в ноябре 1989 пала Берлинская стена. Ещё через год Вельш познакомился с многотомным досье, которое вели на него в «штази» (на то, чтобы познакомиться со своим досье, хранившимся в бывшем Министерстве госбезопасности, имеет право каждый гражданин Германии).

Вельш был потрясён: и историей покушений, и тем, что, оказывается, его жена после задержания в Софии рассказала на допросах в болгарской госбезопасности абсолютно всё, что знала о муже и его тайной организации помощи беглецам. «Без особой необходимости рассказала, — считает Вельш. — И не предупредила меня потом, когда выбралась в Германию». «Моя жена меня предала», — пишет он. Это стало для него очень тяжёлым ударом.

Что же касается тех, кто отдавал приказы о его ликвидации, то попали в тюрьму и Мильке, и генерал-майор госбезопасности Фидлер, который руководил операцией «Скорпион». 90-летнего Мильке, правда, вскоре выпустили из-за плохого состояния здоровья, а Фидлер, не дожидаясь суда, повесился в тюремной камере.

Сюзен удалось скрыться. Её не нашли. А вот Петер Хаак оказался на скамье подсудимых. Вельш не видел его тринадцать лет и встретил только в зале суда. Хаак признался в том, что участвовал в покушениях на Вельша.

«У меня было задание незаметно подсыпать Вельшу яд, убедиться в том, что он начал действовать, дожидаться заметного ухудшения состояния Вельша и потом скрыться».

Благодаря этому признанию Петер Хаак был приговорён не к пожизненному заключению, как того требовал прокурор, а к шести с половиной годам тюрьмы. Похоже, раскаяние киллера «штази» было искренним. Во всяком случае, так считает сам Вольфганг Вельш:

«В один из перерывов судебного заседания, когда зрители вышли из зала и в нём оставались только судья, Петер Хаак с двумя охранниками и я, Хаак вдруг подошёл ко мне и попросил разрешения поговорить со мной. Он сказал, что сожалеет о том, что сделал, что теперь понимает всю чудовищность своего поступка, что давно уже его мучило содеянное и что он просит прощения у меня. Это была смесь раскаяния и стыда, мне показалось — искреннего раскаяния и искреннего стыда. И я понял, что действительно могу его простить. Его, Петера Хаака, агента «штази», исполнителя, которому поручили меня убить. Но нет прощения ни министру «штази» Мильке, ни генералу Фидлеру, ни всему Министерству госбезопасности...»

«Немецкая Волна»

Лоуренс ЭЛЛИОТТ

ВОЗВРАЩАЮЩАЯ К ЖИЗНИ

В 1999 году Европейцем года была названа д-р Инге Кемп Генефке из Дании. Она первой из специалистов начала заниматься проблемой лечения и реабилитации жертв пыток, она развернула свою деятельность по всему миру, бесстрашно воздвигнув преграду на пути жестокости человека к человеку.

Немногие из моих командировок доставили мне большее удовлетворение, чем эта. Одни истории волнуют, другие вдохновляют, третьи вселяют надежду. Эта же объединяет в себе все, потому что она об одной из самых замечательных женщин, которых я когда-либо знал.

Мигель Ли, отчаянно пытавшийся избавиться от душевных страданий, пришел однажды в клинику копенгагенской Университетской больницы. При виде белых халатов его буквально затрясло.

«В чем дело?» – спросила его Инге Генефке. Он не мог ей ответить. Слишком страшными были воспоминания.

Но позже Мигель рассказал о постоянной тревоге, поселившейся в его душе, об ужасных головных болях, о кошмарах, заставлявших его с криком просыпаться по ночам.

Доктор Генефке внимательно слушала. Мигель чувствовал ее участие, он ей доверял. И наконец он рассказал ей, как в отдававшейся эхом пыточной камере ночь за ночью к его голове прикрепляли провода, подсоединенные к специальному аппарату, и электрические разряды мучительными волнами прокатывались через голову.

Доктор Генефке спросила его, почему он так прореагировал на белые халаты. «Потому что там тоже были врачи в белых халатах, – сказал он. – Они постоянно следили за тем, чтобы ты не умер. Смерть – это было для нас слишком хорошо».

Когда-то он был уважаемым профсоюзным лидером, у него была любящая семья. Теперь, после трех лет заключения и пыток, которым подвергала его хунта, захватившая власть в Чили в 1973 году, и

трех лет, прожитых в изгнании в Дании, Ли сломлен и духовно, и физически.

Врачи говорят, что понимают, какими ужасными были пытки. Но они внушают ему, что все уже позади. Надо продолжать жить.

Так ему говорят все. И до сих пор он не смог никому объяснить, что, когда тебя перестают бить, пытка не кончается.

«Но боль ведь была не самым страшным, правда? – спросила его д-р Генефке. – Ужаснее всего, наверное, было то, что они заставляли вас чувствовать вину и стыд. И вы чувствуете их до сих пор, ведь так?»

Его глаза наполнились слезами.

Доктор Генефке объяснила Мигелю, что его пытали для того, чтобы сломить его дух, уничтожить веру в себя, чтобы знать наверняка, что он никогда больше не отважится выступить против них. «Здесь вам могут помочь, – продолжала она. – Но вы должны понять одно: ни в чем из того, что произошло с вами в тюрьме, вы не виноваты. Ни в чем! Это все их вина!»

Мигель молча кивнул. Наконец-то он нашел человека, который его понимает.

«Пытки существуют на протяжении веков, являя собой мрачную сторону человеческой истории», – говорит д-р Генефке. Однако клиника, которую она основала в 1979 году, стала первой, где оказывают помощь жертвам пыток.

Когда она начинала, люди еще думали, что пытки применяют лишь в немногих странах с бандитскими режимами либо даже, что с ними полностью поконче-

Инге Кемп Генефке

На стр. 107-109 картины художника Венне Ната из музея на территории бывшего концлагеря Туолсенг (Камбоджа).

но. Между тем они по-прежнему широко распространены. Не меньше трети государств — членов ООН — либо практикуют пытки, либо допускают их применение.

Ужасающее осознание того, что тюремные зверства стали политикой многих государств, изменило жизнь д-ра Генефке. Твердо решив прорваться сквозь завесу безразличия и неведения, она организовывала семинары, выступала на конференциях, собирала средства, и на сегодняшний день, благодаря ее деятельности, по всему миру действует больше ста центров помощи жертвам пыток. Она и ее последователи изменили жизни десятков тысяч людей.

По существу, во всем мире применяются одни и те же методы пыток: одновременное нанесение ударов по обоим ушам, приводящее зачастую к разрыву барабанных переломов; изнасилование, в том числе гомосексуальное; пытка электрическим током; погружение головы жертвы в воду с экскрементами до тех пор, пока человек не начнет захлебываться. Повсеместно применяется пытка, которая называется «фаланга»: человека, подвешенного вниз головой, бьют по ступням. Иногда после этого его заставляют ходить босиком по осколкам стекла.

Когда Ахмада, лидера студенческого движения с Ближнего Востока, привезли в Копенгаген, он не мог ходить. Его сильно били по ступням, и мягкие ткани и нервные окончания были серьезно повреждены.

Ахмад пробыл в клинике целый год. Все это время психотерапевты помогали ему вновь обрести собственное «я». После курса радиологического лечения, массажа и других видов физиотерапии он вышел из больницы с палочкой, но боли уже не чувствовал. Сейчас он ведет полноценный образ жизни, он женился, у него есть дети

В годы, когда Инге Генефке формировалась как личность, ничто не говорило о том, что ей придется лицом к лицу столкнуться с ужасными страданиями, которые одни люди причиняют другим, или что ее кандидатура будет неоднократно выдвигаться на соискание Нобелевской премии мира.

Она росла в семье, где нежно любящие родители защищали ее от неприглядных сторон жизни. Перед Инге Генефке, выпускницей Университета Копенгагена, открывалась карьера специалиста-невролога,

однако вместе с тремя другими врачами она откликнулась на призыв организации Международная Амнистия обследовать политических заключенных греческой хунты.

Этих людей пытали, причем некоторых с таким дьявольским искусством, что внешне следов не оставалось, и лишь с помощью рентгеновских снимков и лабораторных исследований можно было обнаружить серьезные повреждения внутренних органов. Потрясенная их страданиями, д-р Генефке первой начала исследовать применение пыток и их долгосрочное воздействие на человека, а также разрабатывать способы оказания медицинской помощи жертвам.

«Сначала, — говорит д-р Генефке, — мы думали, что мы их подлечим, наложим гипс на переломы и отправим по домам. Но вскоре стало очевидно, что именно душевная боль мучила их больше всего».

А помог ей это понять образ из далекого прошлого: друг ее отца, которого пытали в гестапо. Он вернулся домой совершенно другим человеком — измученным, замкнутым, его постоянно преследовали страшные воспоминания. И теперь она видела те же симптомы.

Генефке начала заниматься одной из наименее изученных областей медицины. Группа врачей, в которую входила д-р Генефке, получила в свое распоряжение несколько палат в Университетской больнице и с переменным успехом, путем проб и ошибок, приступила к поискам способов лечения тех, кто пережил узаконенные пытки.

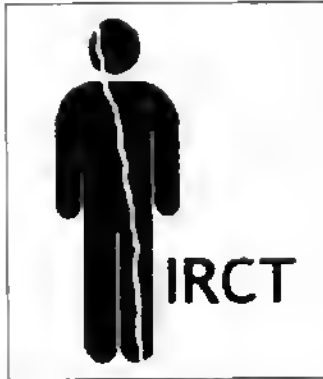
Позже результаты этих клинических исследований и основные принципы программы реабилитации будут использоваться в лечебных центрах по всему миру. Многие пациенты поверили своим мучителям, внушавшим, что пытки превратили их в ни на что не годных калек, жить которым осталось недолго. Поэтому каждый симптом исследовался, наличие каждого смертельного заболевания, которым пациент якобы был болен, проверялось и почти всегда опровергалось. Поврежденными сухожилиями и костями занимались физиотерапевты и хирурги.

«Однако, — говорит д-р Генефке, — со сломанными костями легче справиться, чем со сломленным духом».

Одно исследование показало, что из ста поляков, переживших сталинские пытки, 75 человек даже 40

«Музей Геноцида» в Туолсленге, где было уничтожено 17 тысяч человек, был открыт 7 января 1980 г.

Эмблема Международного реабилитационного совета.

лет спустя все еще страдали от посттравматического стресса или от хронической депрессии.

В Непале фабричная работница М., двадцати с небольшим лет, была арестована. Ее избивали прикладами винтовок и насиловали четверо полицейских, до тех пор пока она не потеряла сознание. Ее обвинили в занятии проституцией и

перевозили из города в город, публично оскорбляя, полицейские неоднократно ее насиловали. Через месяц после ареста ее освободили – и пригрозили убить, если она обратится в суд.

Страдая от постоянных кровотечений, бессонницы и дикого страха при виде человека в форме, она все же обратилась в Непальский центр жертв пыток, филиал Международного реабилитационного совета жертв пыток. Лечение продолжалось 16 месяцев. Пережив весь этот кошмар вновь, она от него наконец избавилась.

«То, что вы ощущаете стыд, – нормально, – убеждал ее врач, – но это не ваш стыд. Стыд должны испытывать те, кто мучил вас».

В 1982 году Инге Генефке оставила работу в Университетской больнице и организовала Реабилитационно-исследовательский центр жертв пыток. Спустя три года, для того чтобы центры во всем мире могли оказывать друг другу помощь, она создала Международный реабилитационный совет жертв пыток и стала его генеральным секретарем и медицинским директором.

Ее муж – профессор Бент Соренсен, бывший глава всемирно известного ожогового отделения Видоурской больницы Дании и действительный член Комитета ООН по борьбе с пытками.

Они дорожат каждой минутой, проведенной вместе. В последнее время д-р Генефке часто летает в Шри-Ланку, Индию, Непал и Уганду, оказывая помощь

в создании новых центров. Кроме того, она путешествует по всему миру, пытаясь привлечь внимание людей к делу своей жизни.

Несмотря на то что такое преступление против человечества, как пытки, распространено по всему миру, многие центры, созданные по инициативе д-ра Генефке, получают от правительств лишь незначительную помощь или не получают ее вообще. Однако эта женщина обладает потрясающей способностью располагать к себе талантливых специалистов. Вот что говорит один из них: «Даже и не знаешь, как это получается. Живешь себе своей жизнью, и тут, как ураган, налетает Инге Генефке, и ты уже в ее команде».

И все же бывают моменты, когда задача кажется невыполнимой. Перед ней целая армия тех, кто прошел через пытки: от узников коммунистических застенков всего мира до жертв военных диктатур Латинской Америки и переворотов в Азии, Африке и на Ближнем Востоке. И как бы ни менялась обстановка, число жертв продолжает расти, и иногда ее попытки помочь им кажутся незначительными, ничтожными. «Как будто пытаешься взобраться на гору, которая становится все выше и выше», – говорит она.

Потребовались месяцы лечения в больнице и годы постоянной терапии и реабилитации, прежде чем Мигель Ли полностью выздоровел. Зато сейчас у него стабильная работа, девять внуков, полноценная, прекрасная семейная жизнь. В результате хунте не удалось взять над ним верх. Несмотря на то что он говорит по-датски и прекрасно адалтировался к жизни в новой стране, большую часть свободного времени он посвящает работе, направленной на сохранение демократических свобод, которые чилийцам удалось вырвать у военной диктатуры.

Иногда Инге Генефке чувствует потребность уединиться и почитать стихи, хотя бы часок, чтобы восполнить свои душевные силы. Но когда она видит, как человек вроде Мигеля Ли возвращается из мира живых мертвецов, когда она понимает, что ее труд помог спасти от смерти и инвалидности некоторых лучших людей нашего времени, она готова штурмовать любую вершину.

Впервые опубликовано в журнале «Ридер Дайджест».

Картины Ванне Ната, бывшего заключенного Туопсленга, размещены в блоке «D», где находилась его камера.

Вера РОМАНОВСКАЯ

«Перед расстрелом они пели: «Христос воскрес!»»

Особой темой правовой истории России в советское время является религиозная политика. Здесь государство столкнулось с одним из основных столбов общества, причем если старый государственный аппарат сломать было достаточно легко, попросту лишив чиновников и иных служащих их привычного заработка, то

с церковью дело обстояло значительно сложнее. Проблема заключалась в том, что основные доходы церковных организаций поступали не от государства, а от верующих, а также от скопленных церковью веками ценностей и имущества, движимого и недвижимого.

В 1919 году один из организаторов антирелигиозной работы И.А. Красиков писал: «Мы разбили, уничтожили в октябре всю старую государственную машину, мы уничтожили старую армию, старые суды, школы, административные и другие учреждения... Однако оказывается, что, сломав всю эту почешничью жандармерию и т.д., мы церковь, которая составляет часть старой государственной машины, не уничтожили. Мы лишили ее государственного содержания, лишили ее государственной власти, и все же этот обломок старой государственной помещичьско-капиталистической машины сохранился. Существуют эти десятки тысяч священников, монахов, митрополитов, архиепископов. Почему же с такой незаслуженной ею осторожностью и пассивностью советская власть к этому обломку старой машины?»¹ На риторический вопрос Красикова можно ответить так: осторожности никакой не было, но вырвать церковь из тесных, соединивших ее с жизнью различных групп населения уж оказалось, выражаясь языком вождя октябрьской революции, «архисложно».

...Россия была не только многонациональной, но и «многорелигиозной» страной. Ее жители исповедовали православие, ислам, буддизм, иудаизм и т.д.

К приверженцам русской православной церкви по самым скромным подсчетам принадлежало свыше ста миллионов подданных Российской Империи. Православная церковь являлась официальной церковью, православие – государственной религией России. Однако с конца XVIII века, со времен Екатерины II, веротерпимость в религиозно-конфессиональных вопросах стала законом в российской государственной политике. Правящими кругами осознавалась необходимость терпимого отношения к старообрядцам и, естественно, магометанам, буддистам и т.д. Подобная политика была связана тесным образом с

национальной политикой царизма, стремившегося сплечь разноэтнические, разноконфессиональные группы имперских подданных.

Борьба с религией, в первую очередь с православием, имела историю, уходящую в XVII век. Всем памятно слова Радищева о церкви, которая «союзно» с самодержавием угнетала общество. В XIX веке манифестом революционных демократов стало письмо В.Г.Белинского Н.В.Гоголю, прямо направленное против религиозных устоев российского общества. С церковным «обскурантизмом и мракобесием» с энтузиазмом боролись Герцен, Огарев, Писарев и многие другие. Религиозно-нигилистические (атеистические) воззрения несли в массы и последователи Чернышевского, и народники, ну и, конечно, социал-демократы. Без этой подготовки антицерковная революция как одно из проявлений общего революционного процесса в России едва ли была возможна.

Когда говорят о религиозной политике ленинского правительства, в первую очередь обсуждают знаменитый декрет об отделении церкви от государства. Этот «Декрет

Красноармейцы изымают ценности Семеновского монастыря. 1923 г.

Романовская Вера Борисовна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

об отделении церкви от государства и школы от церкви» был принят 20.01.1918 года Совнаркомом... В начале декабря 1917 года Совнарком принял постановление «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение народного комиссариата по просвещению». Тогда же была образована специальная комиссия по подготовке декрета об отделении церкви от государства. Состав этой комиссии был достаточно солиден: нарком просвещения А. В. Луначарский, нарком юстиции П. И. Стучка, известный юрист М. А. Рейснер, священник М. В. Галкин, а также специалист по вопросам религии, занимавший соответствующий пост в коллегии наркомата юстиции, П. А. Красиков.

31 декабря 1917 года в газете «Дело народа» комиссия опубликовала проект декрета из 13 пунктов. Определенной редакционной правкой эти 13 положений вошли в уже названный декрет. Он содержал декларативно-институционную часть (она достаточно широко известна и вполне укладывается в «буржуазно-демократические» правовые рамки), но не только: последние пункты декрета менее известны, они были направлены на уничтожение правовых основ материального существования церкви.

«Церковные ведомости» весной 1918 года писали: «Декрет о свободе совести является началом планомерного законодательного похода против церкви. В стране, открытой на трудовую копеечку тысячами православных храмов, монастырей, часовен, в стране, многомиллионный народ которой призывает благословение церкви на брак, рождение детей, обращается к ней за молитвой во все дни своей жизни и напутствием в последний земной путь, — провозглашается отделение церкви от государства, и последнее, как грезится оно совету народных комиссаров, под непрерывную стрельбу пулеметов, стоны убиваемых, дикий разгул пьяных орд, носит безусловно атеистический характер»².

...Были в декрете пункты, запрещавшие религиозным обществам владеть собственностью, лишавшие их прав юридического лица и провозглашавшие национализацию всего церковного имущества. Такие положения вообще не имели связи с так называемым отделением. Подобных ограничений не знало ни одно из соответствующих законодательств европейских государств. В особенности это касается статей 9, 10, 12. Но дело усугублялось еще и тем, что эти статьи декрета разъяснялись другими ползаконными актами исключительно в антицерковном духе. Эти нормативные акты издавались и распространялись пятым отделом Комиссариата юстиции, который сами работники комиссариата называли «ликвидационный»³.

14 мая состоялось первое заседание «ликвидационного» отдела. Его вел управляющий делами Совнаркома, он же известный партийный религиовед, В. Д. Бонч-Бруевич. Он поставил перед отделом задачу — руководить

Открытие склепа Александра Невского в Александро-Невской Лавре, Петроград, 1922 г.

деятельностью местных властей, «направленной к установлению новых, созданных октябрьским переворотом, отношений между государством и исповеданиями...» 18 мая члены отдела провели острую дискуссию («закрытую» от общественности, разумеется) о первоочередных мероприятиях в сфере церковной политики. Возобладала юридически абсурдная, но «политически оправданная» позиция: «общества верующих» получают во владение церковные здания, предметы культа, богослужебные книги и тем самым, де-факто, становятся «субъектами права», но данный специфический субъект права не признается ни юридическим, ни физическим лицом. Разъясняя эту абсурдную с юридической точки зрения позицию, один из участников дискуссии высказал такую мотивацию: крупные «церковные общества» — православные, католические — «это враги, с которыми нужно бороться, и потому никаких послаблений по 12 и 13 пунктам декрета допускать нельзя»⁴.

Пункт 12 мы уже цитировали, в 13-м читаем: «Все имущества существующих в России религиозных обществ объявляются народным достоянием». Вывод из 13 пункта очевиден: бери, конфискуй и т.д. Подчеркнем, что приведенные здесь факты свидетельствуют об активной роли государственных органов в провоцировании и, отчасти, организации антицерковных революционно-насильственных действий. Революционные действия, предусмотренные законами и не предусмотренные, развивались в следующих направлениях: во-первых, в плане ликвидации материальной базы церкви, во-вторых, в ослаблении или ликвидации священнослужителей и церковного актива и, в-третьих, в уничтожении святынь церкви. Остановим наше внимание главным образом на втором направлении, лишь упомянув другие.

К лету 1920 года все основное имущество православной церкви было национализировано. Только в Москве было изъято: 551 жилой дом, 100 торговых помещений, 52 школьных здания, 71 богадельня, 6 детских приютов и 31 больница⁵. Руководитель отдела НКЮ Красиков отмечал, что за годы гражданской войны у церкви были изъяты все наличные капиталы, все земли, все здания, храмы, склады, лабазы и т.д.⁶

Изъятие церковных ценностей. 1921 г.

Большая часть церковного имущества была сосредоточена у монастырей, которых в России до революции было 1253 (включая архиерейские дома, скиты, подворья). Операция по ликвидации монастырей вылилась в разбойничий поход против них. Наркомюст рекомендовал производить обыски в монастырских храмах и даже в кельях монастырей на предмет «поиска благородных металлов».

Монастырские церкви подлежали ликвидации («на общих основаниях»)². Во многих губерниях была учреждена специальная должность «комиссара по монастырям»³. Они имели явно диктаторские функции, осуществляли полный контроль хозяйственной жизни монастыря, подписывали приходные и расходные документы, визируют заявки на доставку дров, следили за движением монастырского населения и многим другим⁴. Комиссар был «полномочным представителем советской власти в монастыре, осуществлявшим административный и политический надзор за бытом и деятельностью монастырского населения»¹⁰, т.е. фактически руководил всеми сторонами монастырской жизни.

В силу ряда не зависящих от большевиков обстоятельств национализация монастырских имуществ растянулась на несколько лет и завершилась в основном только в 1921 году, хотя первоначально планировалось совершить это в несколько месяцев¹¹. К концу 1918 года сведения о ликвидации монастырей поступили только из нескольких губерний, в том числе из Костромской, где процесс этот начался еще до издания декрета¹².

Обеспокоенный такой ситуацией, Наркомат юстиции в декабре «напоминает» губисполкомам, что в инструкции по проведению декрета в жизнь предписывалось

провести национализацию церковных и монастырских имуществ в двухмесячный срок со дня его опубликования (30 августа), а между тем от большинства исполкомов не поступало никаких сведений «о проведении этой акции»¹³.

Подстегнутая директивой центральной власти, местная власть засучила рукава. Уже в начале следующего года казушский отдел юстиции сообщил, что из имеющихся в губернии 16 монастырей все монахи и монахини выселены¹⁴. Аналогичное сообщение поступило из Курской губернии¹⁵. Пермский губисполком всерьез запрашивал московское руководство, должен ли вообще существовать институт монашества¹⁶. Контекст запроса был таков: если наверху считают, что не должен, то пермские большевики будут руководствоваться таким мнением. В Москве к середине года из большей части монастырей монахи и монахини были выселены¹⁷.

По решению Моссовета все бывшие монастырские помещения должны были поступать исключительно в ведение отдела народного образования¹⁸. Но на практике они использовались самым различным образом. Так, в Спасо-Андрониевском монастыре были устроены пролетарские квартиры, а Новоспасский монастырь превращен в концентрационный лагерь. Страстной монастырь занят военным комиссариатом, а в кремлевском Чудовом монастыре разместился кооператив «Кочмунист»¹⁹. «За активную контрреволюционную деятельность» была закрыта Троице-Сергиева Лавра в Сергиевом Посаде. Город переименован в Загорск²⁰.

К концу 1920 года в стране было ликвидировано 673 монастыря, а в 1921-го – еще 49, т.е. всего 722. Насельники оказались на улице. Национализация монастырских имуществ и ликвидация монастырей характеризуется советс-

кими историками как «сложный и во многом драматический процесс»²¹. На самом деле, если быть честными, то это одна из самых жутких и кровавых акций большевиков. Они «не гнушались никакими мерами. Насилие, кощунство и алчность всегда были карманными жизненными средствами всех революционеров. При ликвидации монастырей они использовали их в полную меру»²². Институт монашества, строившийся духовными усилиями тысяч подвижников на протяжении десятка веков, большевики разрушили в несколько лет.

Однако материальные потери церкви не идут ни в какое сравнение с людскими жертвами. Следует сказать вначале, что советский закон гласил: «ни один священник, епископ и т.д. не был и никогда не будет арестован только за то, что он духовное лицо»²³. Однако в коридорах партийной власти говорили по-другому: «религиозные объединения — это единственные легальные организации, впитавшие в себя все враждебные элементы»²⁴. Вождь революции призвал бороться с религией по-настоящему²⁵, а рядовой матрос Кранов предлагал руководителям партии вообще упразднить религию²⁶.

Нечерная ненависть к религии родила у большевиков жуткий психологический рецидив первых веков христианства, только бросали жертву не ко львам в клетку, а ставили «к стенке». Уже в первые дни революции был убит матросом священник Чефрапов в Севастополе только за то, что отсутствовал приговоренных к смерти. Его вывели из храма и тут же на паперти расстреляли²⁷.

«Церковные нечестности» первой половины 1918 года фиксируют далеко не полный список убитых священников, однако и он насчитывает несколько десятков имен. В некоторых случаях красногвардейцы действовали с осо-

бой жестокостью: в квартиру елабужского протоиерея отца Павла Дернова ворвались ночью пятнадцать красногвардейцев и увели троих его сыновей, а вскоре и отца. На рассвете стало известно о судьбе юношей: они сидели под арестом. Отца Павла разыскать не могли. Вскоре мамушке сообщили, что за городом у мельницы лежат тело священника. Оказалось, что о. Павел был расстрелян. Когда сыновьям сказали, что их отец расстрелян, то один из них назвал красногвардейцев «душегубами». Этого было достаточно, чтобы всех вывели на пристань и расстреляли²⁸.

Еще один случай произошел в Тверской епархии: в начале апреля на волостном сходе прихожане села Гиезлова стали упрекать красногвардейцев в том, что они незаконно захватывают имущество церквей. Тут же на сходе было арестовано около 30 человек. Их избили и повезли в уездный город Вышний Волочек. Дорогой десять арестованных были замучены до смерти. Расправа была жуткой. Еще в волостном комитете Петра Жукова так избили, что, по словам его жены, вся голова его была в ранах, пальцы рук переломаны. На седьмой версте конвоиры разрезали ему скулы, вырезали язык и застрелили. Другого арестованного по дороге в уездный город били непрерывно два дня, нанесли ему 8 штыковых ран и застрелили. С убитых сняли обувь²⁹.

20 апреля в г.Костроме был убит старейший во всей губернии священник 87 лет, бессменно служивший 63 года в одном храме — в Борисо-Глебской церкви, убит ночью в своем доме, кинжалом в сердце. Игумен Евгений, настоятель Александро-Свирского монастыря, и с ним 5 человек братии за сопротивление разграблению монастыря были расстреляны. Их заставили рыть себе могилу. Перед расстрелом они пели «Христос воскрес»...

Сортировка изъятых церковных ценностей в государственной сокровищнице. Москва, 1921 г.

30 апреля под пасхальную заутреню священнику Иоанну Пригоровскому (Кубанская епархия) выкололи глаза, отрезали уши и язык, за станицей еще живого закопали в навозной яче³⁰. Этот жуткий список можно долго продолжать. Если единичный случай можно отнести за счет потери рассудка у исполнителя, то столь массовые примеры такому объяснению вряд ли поддадутся. Что же залюди это делали, что или кто их вел и отсутствовал? Ответ, вероятно, надо искать не только в области политики, идеологии, педагогики и психологии, но и в сфере иррациональной, духовной. Великий русский провидец Ф. М. Достоевский назвал это «бесовщиной». Душа, лишённая святого, становится вместилщем темных сил, по религиозной терминологии – бесов; помутненный разум, ожесточенное сердце, почерневшая душа – свидетельство сатанинской власти...

Нашей целью не является составление перечня иномучеников русской православной церкви. Однако известны некоторые общие цифры, возможно, неполные: в 1917 году насчитывалось 100 тысяч священнослужителей русской православной церкви, к 1929 году их осталось 35 тысяч. Можно с уверенностью сказать, что в 1918 – 1920 гг., в годы ленинских репрессий, организация православной церкви была разрушена, ее лучшие кадры уничтожены, богатства, хранящиеся в храмах и монастырях, – разхищены...

Публикуется с сокращениями.

Фотодокументы Государственного архива кинофотодокументов, г. Красногорск (копии из коллекции Петербургского НИЦ «Мемориал»).

Примечания

- ¹ Революция и церковь. – 1919. – № 1. – С.3.
- ² Церковные ведомости. – 1918. – № 6. – С.242.
- ³ Революция и церковь. – 1919. – № 1. – С.36. № 3. – С.8.
- ⁴ На пути к свободе совести. – М., 1989. – С. 36, 37.
- ⁵ Зыбковец В. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917-1921). – М., 1973. – С. 63.
- ⁶ Революция и церковь. – 1919. – № 1. – С.27.
- ⁷ Гидулянов П. Отделение церкви от государства: Полный сборник документов, декретов, ведомственных распоряжений. – М., 1927. – С.179.
- ⁸ Зыбковец В. Указ. соч. С.55.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С.56.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С.4.
- ¹³ Там же. С.82.
- ¹⁴ Там же. С.90.
- ¹⁵ Революция и церковь. – 1919. – № 1. – С.27.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С.40.
- ¹⁸ Зыбковец В. Указ. соч. С.75.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Революция и церковь. – 1919. – № 1. – С.27.
- ²¹ Отчет 8 Всероссийскому съезду Советов V отдела НКЮ. См: Ярославский Е. Против религии и церкви. Т.1. – М., 1932. – С. 381. См. также: Революция и церковь. – 1920. – № 9-12. – С.83; 1922. – № 1-3. – С.71.
- ²² Зыбковец В. Указ. соч. С. 94.
- ²³ Известия ВЦИК, № 18 от 20.02.1918 г.
- ²⁴ Попов М. Церковь в годы реакции и революции. – Иваново. – С.6
- ²⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 44. – С. 146.
- ²⁶ Наука и религия – 1977. – № 7. – С.19.
- ²⁷ Церковные ведомости. – 1918. – № 3-4. – С.159, 683.
- ²⁸ Там же. 1918. – № 15-16. – С.503.
- ²⁹ Там же. – № 23-24. – С.711, 713; № 15-16. – С.503, 523.
- ³⁰ См. подробнее: Русак В. Пир сатаны. Русская православная церковь в ленинский период (1917-1924). – Лондон, 1991. – С.182.

Показательный процесс митрополита Вениамина. Группа обвиняемых в зале филармонии, Петроград, 1922 г.

Павел ПОЛЯН

ИСТОРИЯ КАК ПРИКЛАДНАЯ НАУКА

Коллективная судьба бывших советских военнопленных трагична буквально на всех своих этапах. По наиболее авторитетным данным, за годы войны в немецкий плен попало 5,7 млн. красноармейцев, около 3,3 млн. из них в плену умерли или погибли. Их скосила человеконенавистническая политика национал-социалистического режима — абсолютно осознанная, до деталей продуманная и на практике хладнокровно реализованная. То прискорбное обстоятельство, что Советский Союз сталинского образца не присоединился к Женевской конвенции 1929 года, ни в какой мере не служит объяснением или, тем более, оправданием такой политики (хотя нередко приходится слышать, что служит). Ни в какой конвенции не предусмотрено право на селекцию военнопленных в поисках комиссаров и евреев в видах их немедленного истребления, но именно это являлось целевой установкой так называемого «Приказа о комиссарах», «Боевых приказов» Гейдриха и других нормативных документов вермахта и СС.

Для тех советских военнопленных, кто выжил и не нарушил присяги, трагедия продолжалась и после их освобождения и возвращения на родину: в сталинском Советском Союзе они все равно рассматривались как предатели и пособники врага. Факт пребывания в плену лежал на них несмываемым пятном подозрения или позора и тяжким грузом политической и социально-бытовой дискриминации. Большинство офицеров, например, после изнурительной фильтрации попадали в «штрафные батальоны» или в так называемый спецконтингент, где практически не было разницы между ними и настоящими коллаборантами. Многие солдаты и сержанты попадали в так называемые «рабочие батальоны», то есть фактически приговаривались к лагерно-казарменному проживанию и принудительному труду, столь знакомым им по Германии.

Так что, если поискать для всего этого максимально емкую дефиницию, бывших советских военнопленных Второй мировой войны можно назвать «жертвами двух диктатур». Но даже этого, как оказалось, мало, — они еще и жертвы нескольких диктатур, в частности, немецкой, российской, украинской, белорусской и — косвенным образом — американской, польской и чешской.

Как известно, начало предыдущей legislatury канцлера Г. Шредера ознаменовалось прорывом в вопросах компенсации бывшим рабам и принудительным рабочим Третьего Рейха. Переговоры, в которых реальными сторонами были немецкая промышленность и американские адвокаты (до этого подавшие гигантские коллективные

иски против Германии и крупнейших немецких фирм), затянулись, но тем не менее в 2001 году Закон о создании Федерального фонда «Память, ответственность и будущее» был принят.

По первоначальному стовору из переговорного, а позднее и из компенсационного процесса бывшие советские военнопленные, не имевшие лобби ни у одной из договаривающихся сторон, были начисто исключены.

Юридической ширмой такого решения стало международное право и, в частности, следующие тезисы: а) «пребывание в плену не является основанием для получения компенсации» и б) «все вопросы, связанные с военнопленными, урегулированы репарационными соглашениями о репарациях и Лондонским соглашением о долгах 1953 года», к которому, правда, Советский Союз не присоединился.

Иными словами, советским военнопленным оказали честь слезть и фигурировать в качестве одной из подкатегорий совершенно обычных, под защитой Международного Красного Креста находившихся, военнопленных, — наподобие американских, английских, французских или польских, с их смертностью, колеблющейся вокруг 5 %. Однако в свете многочисленных исследований немецких и российских ученых такая уравнилельная интерпретация представляется ничем иным как сознательной фальсификацией и циничным подлогом. На самом деле того, что мы знаем о намерениях и реалиях политики Третьего Рейха по отношению к советским военнопленным (включая и параметры их смертности — до 58 процентов; по числу жертв они вторая после евреев группа), с лихвой достаточно для того, чтобы квалифицировать их как особую категорию жертв национал-социалистических преследований, правомочную на получение компенсации в рамках Закона о создании Федерального фонда и без изменения закона.

И тем не менее эта историческая ложь является «оптимальной» и «ресурсосберегающей» для официальных субъектов процесса компенсаций — Фонда «Память, ответственность и будущее», надзирающего за ним Министерства финансов ФРГ и фондов «Взаимопонимание и примирение» в Москве, Кневе и Минске, распределяющих выделенные средства. Ни одна из перечисленных организаций не высказала и тени заинтересованности в получении официального научного заключения относительно статуса бывших советских военнопленных и их права на компенсацию.

Такого рода запрос таил бы в себе угрозу перевода этого вопроса из чисто академической и научной плоскости — то есть из плоскости беспронгрышного для чиновников тупа — в плоскость юридическую. А именно этого, как показал весь ход персего воров по компенсации, высокие договаривающиеся стороны опасаются больше всего. Общение с адвокатами жертв, а не с самими жертвами неприятно именно чреватостью своего продолжения в суде и прыжком в непривычное равновесие: кто его

Павел Маркович Полян — историк, географ и филолог, сотрудник Института географии РАН, доктор географических наук. Автор около 300 научных и научно-популярных публикаций, в том числе книг «Жертвы двух диктатур» (1996), «Вестарбайтеры» (1999), «Не по своей воле» (2001).

знает, что решит суд – инстанция, хочется верить, в Германии достаточно независимая.

Поэтому недавнее неожиданное появление на авансцене берлинского адвоката Стефана Ташьяна (Rechtsanwalt Stefan Taschjian) с его полсотни тысячам клиентов из числа бывших советских военнопленных и решимостью грамотно отстаивать их интересы именно в суде радикально изменило ситуацию: берлинский Фонд занервничал и выпустил дополнительные разъяснения о теоретическом правомочии тех из военнопленных, кого во время войны переводили в гражданский статус (до этого исключение делалось только для военнопленных, побывавших в концлагерях, а также – почему-то – для польских военнопленных в гражданском статусе).

В Берлине не побрезговали даже тем, чтобы так умело и тщательно организовать согласование процедуры типового отказа военнопленным в компенсации, что на получение первых двух таких отказов из московского Фонда «Взаимопонимание и примирение» ушло целых пять месяцев – вместо положенных по закону нескольких недель! (Речь при этом, напомню, идет о старых и больных людях!) Эти два отказа поступили в начале ноября, и уже через неделю Ташьян подготовил первое исковое заявление, которое теперь передано в Берлинский административный суд (Verwaltungsgericht). Истцами выступают проживающие в Армении Ишхан Мелкоян и Паргев Захарьян, а ответчиками – Германия, представленная Министерством финансов, и Федеральный фонд «Память, ответственность и будущее». Поскольку общее число еще живущих в настоящее время бывших советских военноп-

ленных может составлять, опеночно, около 50 тыс. человек, а максимальная сумма, на которую может, по мнению адвоката, претендовать военнопленный, – около 7500 евро, то «цена вопроса» – около 0,5 млрд. евро.

Надо сказать, что прецеденты выплат военнопленным компенсации в той или иной форме уже имеются. Так, отдельным категориям военнопленных платят или намерены платить Муниципальный фонд Марбурга (по 2000 DM тем, кто находился в Марбурге), Католический компенсационный фонд (по 5000 DM – военнопленным-католикам), Кельнское объединение «Эль-Де Хаус» (по 500 евро – наладившимся в Кельне). Да и белорусский Фонд «Взаимопонимание и примирение» еще в 1999 году нашел по 600 DM для своих бывших военнопленных.

Но особо стоит сказать об инициативе госпожи Линхардт, дочери коменданта одного из шталагов (стационарных лагерей для военнопленных) на территории нынешней Польши: разыскав двух бывших узников этого шталага, она вылачивает им ежемесячное пособие из своих более чем скромных средств.

К этой мысли ее привело то же, что Ташьяна к подаче иска, – возмущение политикой Германии в вопросах компенсации советским военнопленным. Отец рассказывал ей кое-что о «своем» шталаге, но она, в отличие от немецких переговорщиков и руководителей берлинского Фонда, вяла голосу совести и исторической справедливости и не стала прятаться за фальшивые тезисы международного права, ее лично не обязывавшего ни к чему.

Вот вам в история как прикладная наука.

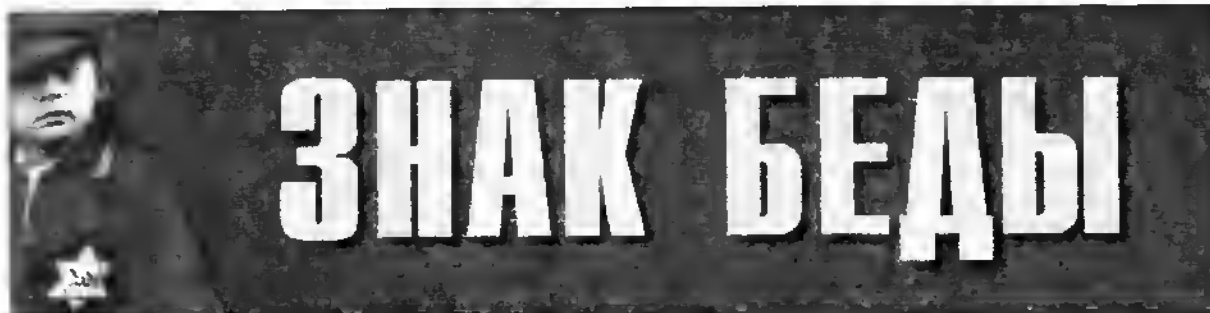
Москва – Кельн
Полит.Ру

ДОЙДЕМ ДО БЕРЛИНА!

ТЫ ВЕРНУЛ НАМ ЖИЗНЬ!

Виктор АГАЕВ

ДЕЛО ЕВРЕЙСКОГО КОМИТЕТА

Зачем был создан ЕАК

В апреле-мае 1942 года по указанию ЦК ВКП(б) под патронажем правительственного Совинформбюро, которым руководил Соломон Лозовский, был создан ряд антифашистских комитетов, в том числе и еврейский. Во главе его поставили знаменитого артиста, руководителя еврейского театра в Москве Соломона Михоэлса. В состав Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) подобрали семь десятков человек с именами, хорошо звучавшими за границей, — известных писателей, ученых, деятелей искусства, военных, руководителей промышленности и пр.

Задачи официально формулировались так: «мобилизация еврейского населения зарубежом на борьбу против фашизма и пропаганда достижений СССР». В обоих направлениях комитет развил бурную, весьма эффективную деятельность.

За рубеж было послано более 26 000 статей и фотографий, представивших западной общественности нацистские преступления против евреев, борьбу Красной Армии и советских партизан, вклад в нее евреев, достижения последних в различных областях хозяйства, науки и культуры СССР. Продукция ЕАК распространялась через восемь крупных западных агентств и публиковалась 264 периодическими изданиями в 13 странах.

Для Красной Армии, для эвакуированных, для жителей освобожденных районов собирались деньги, одежда, обувь, продовольствие, медикаменты... Стоимость собранного составила до 100 миллионов долларов. Однако самым важным было воздействие еврейских организаций на общественное мнение США и Англии с целью увеличения военно-экономической помощи СССР.

Большую роль в этом сыграла зарубежная поездка Михоэлса и поэта Фефера летом 1943 года. Они посетили 14 крупных городов США, участвовали в сотнях митингов, собраний, совещаний, приемов, пресс-конференций. Затем направились в Мексику, Канаду и, наконец, в Англию. Совокупная аудитория (включая тех, кто слушал речи посланцев ЕАК непосредственно или по радио, читал их статьи, отчеты об их выступлениях, интервью с ними) составила до 10 миллионов человек. В ходе поездки были установлены связи с еврейскими организациями названных стран, а также с Всемирным еврейским конгрессом и Всемирной сионистской организацией.

Все беседы делегаты вели с санкции и в присутствии советских дипломатов, через посольского переводчика. На самые важные встречи разрешение давал нарком иностранных дел СССР Молотов, согласовывая вопрос со Сталиным.

Крымский проект

Ввиду отсутствия в СССР иных еврейских организаций в комитет стали все чаще обращаться советские евреи. Освобожденные из гетто и концлагерей жаловались, что им не возвращают жилье и имущество, эвакуированные — что препятствуют возвращению к родным очагам. С мест сообщали об усилении антисемитизма и отсутствии реакции со стороны местных властей. ЕАК призывал ставить эти вопросы перед партийными и правительственными органами, вести не только внешнюю, но и внутреннюю пропаганду и контрпропаганду.

Под напором снизу ЕАК, созданный для пропаганды на Западе и привлечения оттуда денежных средств, спонтанно превращался в орган несуществовавшей в СССР еврейской национально-культурной автономии.

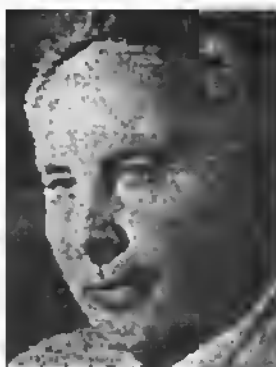
Проявлением этой тенденции стала реанимация существовавшего в 20-е годы проекта — создать в Крыму еврейскую советскую республику. Руководители ЕАК прозондировали позицию верхов, сообщив об обещании «Джойнта» помочь в осуществлении плана. Молотов ответил: «Напишите на мое имя и имя Сталина докладную записку». В феврале 1944 года записка была подана, однако вскоре был получен отрицательный ответ.

На заседании ЕАК. Москва, 1946 г. Слева направо: Ицик Фефер, Борис Шимелиович, Соломон Михоэлс, Бенцион Гольдберг (гость из США), Лина Штерн, Аврон Кац, Перец Маркиш.

Давид Гофштейн

Лейб Кейтко

Давид Бергэльсон

Пере́ц Маркиш

Через несколько лет, в 1948 – 1952 годах, Михоэлса (посмертно) и Фефера обвинили в том, что, находясь в США, они «вступили в преступный сговор с тамошними еврейскими националистами»; вернувшись в СССР, «информировали об этом сговоре Лозовского и других сообщников»; наконец, с ведома и согласия ряда членов ЕАК составили названное письмо, «добиваясь получения территории Крыма для создания еврейской республики, которую американцы рассчитывали использовать в качестве плацдарма против СССР».

Траговка этого трагического эпизода в литературе неоднозначна. Одни квалифицируют «крымское письмо» как акт отчаяния, порожденного Холокостом и нарастанием антисемитизма в СССР, другие – как проявление национального эгоизма. Одни считают его плодом самостоятельности руководителей ЕАК, другие – результатом коварной провокации Сталина, подбросившего еаковцам эту идею, или исходившим от него же средством зондажа позиций Запада. Одни расценивают проект еврейской республики в Крыму как вполне осуществимый, другие – как утопию и авантюру, чреватую для евреев пагубными последствиями.

В августе 1945 года руководители ЕАК сообщили Маленкову: многие еврейские общества, союзы, братства, землячества в США, Англии, других странах Запада готовы оказывать СССР помощь, в частности в восстановлении разрушенных войной местностей. Однако они просят закрепить за ними определенные города, районы, села и пр., на которые направят свои усилия и с которыми будут поддерживать непосредственную связь. Маленков передал письмо Александрову, а тот ответил: «Предложение гг. Михоэлса и Фефера неприемлемо, ибо идет по линии приспособления советских порядков к нравам и обычаям капиталистических стран. Его осуществление дает возможность зарубежным филантропическим организациям использовать благотворительность как средство пропаганды буржуазной идеологии в нашей стране».

Видя, что помощь на таких условиях не соответствует целям и возможностям «Джойнта», с трудом справлявшегося с множеством программ, руководство комитета с 1947 года прекратило ее. То же сделали и другие еврейские организации. А с «Амбиджаном» советская сторона порвала сама, после того как госбезопасность в 1948 году обвинила его в «связи с сионистами».

С окончанием Второй мировой войны и постепенным вползанием мира в войну «холодную» связи ЕАК с зарубежными еврейскими организациями сходят на нет. В 1946 – 1948 годах отдел внешней политики ЦК ВКП(б)

отклонил все предложения ЕАК о посылке делегаций на всемирные и национальные еврейские конгрессы и конференции, в том числе просоветские, не позволил еаковцам посетить ни одну из зарубежных стран. Лояльность советских евреев все чаще ставилась под сомнение.

Власть недовольна

С декабря 1945-го по ноябрь 1946 года ЕАК проверяли три комиссии ЦК. Они нашли, что комитет «явочным порядком присваивает себе несвойственные ему функции главного уполномоченного по делам еврейского населения и посредника между этим населением и партийно-советскими органами, а также роль политического и культурного руководителя еврейских масс...»

В пропаганде ЕАК обнаружили «излишнее выпячивание роли и активности евреев в Отечественной войне и социалистическом строительстве». Стремление проникнуть в еврейскую печать всех направлений было оценено как «политическая близорукость», «утрата элементарной политической бдительности». В сношениях ЕАК с зарубежными еврейскими организациями, отмечали работники ЦК, «постоянно выпячиваются якобы общие вопросы, касающиеся еврейского населения всего мира»: вопросы «общей культуры... Палестины... положения евреев в отдельных странах и т.п.». В результате «зарубежные еврейские организации и их представители стали рассматривать ЕАК... как "свой", еврейский комитет...»

Выводы звучали тяжкими политическими обвинениями: «Руководство ЕАК оказалось в плену буржуазной сионистской идеологии, характерной для большинства зарубежных евреев... Работники ЕАК не только включились в общий оркестр сионистов всего мира, но и оказались в фарватере политики американских Барухов...»

Подоплекой инвектив была изменявшаяся ситуация в мире. Во время войны национальные чувства евреев, их солидарность использовались Кремлем в интересах СССР. В послевоенных условиях, в обстановке нарастающей конфронтации с Западом, те же чувства представлялись ему опасными.

В конце 1945 года Комитет партийного контроля предложил либо реформировать ЕАК, четко определив круг его деятельности, либо распустить в связи с исчерпанием задач, возложенных на него в годы войны. Три года советское руководство колебалось между этими альтернативами.

В марте 1948 года министр госбезопасности СССР Абакумов направил в правительство и ЦК записку, где в отличие от предшествующих документов содержа-

лось прямое обвинение руководителей ЕАК в националистической деятельности и связи с американскими спецслужбами. Сталин, однако, не реагировал восемь месяцев — возможно, рассчитывая как-то использовать комитет в большой игре, которую вел тогда на Ближнем Востоке.

Известно, что Советский Союз, стремясь вытеснить Англию из Палестины, ослабить ее позиции в этом регионе и создать возможность своего проникновения туда, поддержал создание Государства Израиль. Когда армии соседних арабских государств напали на него, Сталин через советских сателлитов в Восточной Европе поставил молодому еврейскому государству оружие. Однако «медовый месяц» советско-израильских отношений оказался недолгим: выявилась иллюзорность надежд превратить Израиль в советский форпост на Ближнем Востоке.

Зато внутри страны флирт с сионизмом возымел неприятное для властей последствие — подъем национального самосознания советских евреев. Те с восторгом встретили создание нового государства. В ЕАК шли письма, индивидуальные и коллективные, с предложениями начать сбор средств на закупку вооружения для Израиля, направить на помощь ему советских добровольцев-евреев. Многие просили помочь им выехать в Израиль.

Еаковцы оказались в сложном положении. С одной стороны, им нужно было организовывать общественное одобрение советской поддержки Израиля, с другой, что было гораздо труднее, всячески сдерживать энтузиазм евреев. Положение комитета крайне ухудшили спонтанные манифестации в связи с появлением в столице посла Государства Израиль в СССР Голды Мейерсон (Меир), собиравшие по 10—20 тысяч человек.

Убийство Михозлса

20 ноября 1948 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение, поручающее МГБ «немедля распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки». Ряд членов комитета и работников Совинформбюро были уже арестованы. В конце 1948-го — начале 1949 года та же участь постигла наиболее активных членов президиума ЕАК, Лозовского и его помощников.

Михозлса среди арестованных не было — он был убит в январе 1948 года. Всемирная известность, широ-

Лейб Квитко. Снимок из уголовного дела.

Нет, милый друг,
Не свидеться нам —
Дверь мою холод сковал по углам.
И вырваться трудно, поверь мне, поверь мне...
И ты не являйся сегодня, мой друг!
Гостят у меня тишина и забвенья,
И в сердце от горьких предчувствий испуг...

*Стихотворение было написано Л. Квитко незадолго до его трагической гибели в застенках Лубянки.
Перевод с идиш Льва Фрухтмана*

кие связи за рубежом, осведомленность о секретных зондажных подходах Кремля к лидерам сионизма — все это сделало его неудобным и даже опасным.

Последней каплей стало намерение председателя ЕАК познакомиться с дочерью Сталина и ее тогдашним мужем-евреем: по-видимому, в надежде лоббировать интересы советских евреев. Намерение истолковали как шпионаж, и Сталин отдал МГБ приказ — ликвидировать Михозлса. Убийство представили как автостастрофу, убитому устроили государственные похороны, а убийц втайне наградили боевыми орденами.

Вслед за роспуском ЕАК были ликвидированы сохранявшиеся еще очаги еврейской культуры: распущены объединения еврейских писателей, закрыты еврейские издания, школы, театры, музеи.

Из магазинов и библиотек изъяли литературу на идиш, уничтожили даже лишущие машинки и наборные станки еврейским шрифтом. По сфабрикованным обвинениям арестовали цвет еврейской творческой интеллигенции — 430 писателей, артистов, художников, музыкантов. Лишь немногие вернулись потом из тюрем и лагерей.

«Расстрелянная поэзия». Книги Гофштейна, Квитко, Фэфера и Маркиша.

Государственный антисемитизм, зародившийся в СССР в конце 30-х годов, в эпоху «большого террора» и утверждения сталинского единовластия, в конце 40-х и начале 50-х годов достиг апогея. Произошло это в силу ряда причин — дальнейшей шовинизации национальной политики, обострения противостояния Западу, оценки Сталиным сионизма как «ударной силы империализма США», а советских евреев как его потенциальной «пятой колонны».

«Дело ЕАК»

Следствие по «делу ЕАК» шло более трех лет. Многодневные изнуряющие допросы, длительное лишение сна, многочасовые «стойки», кончавшиеся потерей сознания, карцеры без отопления, света, еды и коек и непрерывные угрозы, глумления, издевательства... Когда это не действовало, в ход шли жестокие побои.

В марте 1952 года 15 человек — Лозовский, Ферфер, главврач московской больницы Шимелиович, известные писатели и поэты Бергельсон, Маркиш, Квитко, Гофштейн, преемник Михоэлса на посту руководителя ГОСЕТа Зускин, академик Лина Штерн, бывший замминистра госконтроля Брегман, бывший заведом Совинформбюро Юзефович, журналист-переводчик Тальми, редакторы Ватенберг и Теумин, переводчица Ватенберг-Островская — были преданы суду по обвинению в шпионаже и пропаганде буржуазного национализма.

Министр госбезопасности Игнатьев направил обвинительное заключение Сталину с предложением осудить всех, кроме Штерн, на смертную казнь. Политбюро ЦК ВКП(б) согласилось.

На первом же заседании суде (закрытого) Шимелиович, Лозовский, Маркиш, Брегман заявили о своей

невиновности, 9 человек признали вину лишь частично. А в ходе дальнейшего разбирательства все обвиняемые отказались от вымученных признаний. «Дело ЕАК» затрещало по швам. Председательствующий генерал Чепцов прервал процесс и поставил вопрос о возвращении дела на доследование. Он обращался в высшие судебные, государственные, партийные инстанции, пока не дошел до Маленкова.

Второй человек в партии бросил Чепцову: «Выполняйте решение Политбюро!» Впоследствии Маленков заявил: «Все, что он (Чепцов) сказал, я не посмел не доложить Сталину».

Дисциплинированные солдаты партии, Чепцов и двое других судей вынесли 13 подсудимым смертные приговоры. Штерн получила пять лет ссылки (крупный ученый, полагал Сталин, может пригодиться). Брегман, чье дело из-за болезни было отложено, вскоре умер в тюрьме.

Политбюро отклонило просьбу осужденных о помиловании. 12 августа 1952 года приговоры были приведены в исполнение. Тела расстрелянных сожгли в крематории Донского монастыря в Москве, а прах свалили в общую яму...

После смерти Сталина новое руководство СССР распорядилось расследовать «дело ЕАК». Летом 1953 года оно имело неопровержимые доказательства, что все подсудимые невиновны. Но решение об их реабилитации было принято лишь в конце 1955 года и 33 года оставалось секретным. Лишь в конце 1988 года о реабилитации было объявлено публично. И лишь в 1992 году, после краха коммунизма в СССР, стала известна правда об убийстве Михоэлса.

Немецкая Волна

Дело ЕАК: свидетельства

Из заявления И.И. ГОЛЬДШТЕЙНА от 2 октября 1953 года:

«19 декабря 1947 года я был арестован в Москве органами МГБ СССР и препровожден на Лубянку, а затем в следственную тюрьму в Лефортово. Здесь, без сообщения причин моего ареста, от меня потребовали, чтобы я сам сознался и рассказал о своей якобы вражеской деятельности против Родины...

Меня начали жестоко и длительно избивать резиновой дубинкой по мягким частям и по голым пяткам. Были до того, что я ни стоять, ни сидеть не был в состоянии... Через некоторое время мне предложено было подписать протокол (якобы продиктованный мною), в котором говорилось, что я признаю себя виновным. Я... отказался подписать такой протокол.

Тогда следователь Сарокин и еще один полковник, фамилия которого мне неизвестна, стали так сильно меня избивать, что у меня на несколько недель лицо страшно распухло и я в течение нескольких месяцев стал плохо слышать, особенно левым ухом. Вот каким образом меня заставили расписаться под этим роковым протоколом, на основании которого мне было предъявлено обвинение... в измене Родины...

За этим последовали новые допросы и новые избиения. Всего меня избивали восемь раз, требуя все новых и новых признаний. Измученный следовавшими за собой дневными и ночными допросами, терроризируемый избиениями, руганью и угрозами, я впал в глубокое отчаяние, в полный моральный маразм и стал оговаривать себя и других лиц в тяжчайших преступлениях».

Из показаний И.С. ЮЗЕФОВИЧА в судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 6 июня 1952 года:

«В самом начале следствия я давал правдивые показания и заявлял следователям, что не чувствую за собой никакого преступления... После этого меня вызвал к себе министр госбезопасности Абакумов и сказал, что если я не дам признательных показаний, то он меня переведет в Лефортовскую тюрьму, где меня будут бить. А перед этим меня уже несколько дней "мяли".

Я ответил Абакумову отказом, тогда меня перевели в Лефортовскую тюрьму, где стали избивать резиновой палкой и топтать ногами, когда я падал. В связи с этим я решил подписать любые показания, лишь бы дождаться дня суда».

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 15624. Л. 335–348.

Марк МЕРМАН

СМЕРТЬ КОРОЛЯ ЛИРА

Одним из обвинений, которые были выдвинуты против членов Еврейского антифашистского комитета в 1948 году, было распространение слухов, будто смерть знаменитого режиссера, руководителя Еврейского театра Соломона Михозлса наступила не в результате несчастного случая, а в результате преднамеренного убийства.

Официальная же версия была такова: Михозлс и Голубов шли по заснеженной улице, и рядом с ними столкнулись две шедшие навстречу друг другу машины; их отбросило в сторону. Произошло это на пустынной улице, ночью, и они лежали в снегу без оказания помощи. Фактически они умерли от замерзания. Эту версию приняли в те дни не все, но думать о чем-либо другом было просто опасно.

Вот как вспоминала в 1990 году об атмосфере, царившей в те дни в Минске, Юдифь Арончик (запись Владимира Мехова):

«13-го утром Михозлс должен был уезжать. Я намеревалась присоединиться к провожающим, зайти для этого в гостиницу. Актер нашего театра Миша Ривин, собравшийся туда раньше, постучал ко мне, спросил, готова ли. Ответила, что догоню, пусть идет сам. Когда пришла в гостиницу, дверь номера, в который торопилась, увидела приоткрытой, услышала оттуда голоса. Подумала, что все это — провожающие. Постучалась, расхоже-театрально объявила о себе: "Те же и я!" Миша Ривин шагнул ко мне, его лицо меня насторожило. Сказал: "Случилось большое несчастье". Я решила, что Соломон Михайлович заболел, не помню, то ли спросила об этом, то ли собиралась

спросить. Ривин повторил: "Большое несчастье". И видя, что степени несчастья я все-таки не постигаю, произнес: "Михозлс и Голубов убиты!..."

Дальнейшие час-полтора проступают из памяти туманными мазками. Вот отвечает на чьи-то вопросы Барашко. Вот кто-то рассказывает, что оба трупа, раздавленные грузовиком, найдены под утро на неосвященном куске дороги возле поворота с Ульяновской на Белорусскую улицу; по-видимому, Михозлса и Голубова, зная, куда они идут, там подстерегали.

Вот слышу приглушенно-убежденное: "Убийство! Несомненно, убийство!" Вот прибегает директор нашего театра, человек, приученный атмосферой тех лет собственное мнение, по возможности, держать при себе: "Какое убийство?! Только что звонили от Иовчука — автомобильный наезд!.." Вот тогдашний прокурор республики Ветров, ни к кому конкретно не адресуясь, вполголоса замечает: "Знаем мы и такие убийства: сначала пуля, потом под колеса!.."

Ехать в Москву на похороны тем же поездом, которым отправлены были гробы с телами убитых, нам не разрешили. Выехали следующим — директор и группа актеров Еврейского театра Белоруссии. Страшно вспоминать о встрече с коллегами-москвичами, актерами михозлсовской труппы. "Как вы его не уберегли!" — буквально трясла меня в рыданиях одна актриса. Впрочем, мы и сами себя долго изводили таким вопросом-упреком. Понимали, что не по адресу, и все-таки изводили...

А что Михозлс вовсе не народный артист СССР, не выдающийся деятель советской культуры, а "изве-

Исаак Фефер, Альберт Эйнштейн, Соломон Михозлс. Нью-Йорк, 1943 г.

Юдифь Арончик.

Борис Збарский. 1949 г.

Минск. Угол Белорусской и Ульяновской
Здесь были обнаружены тела Михозлса и Голубова.

стный еврейский буржуазный националист», прочитали мы через пять лет в передовой статье "Правды" – отклике на опубликованное сообщение о разоблачении и аресте группы "врачей-отравителей". Но это уже другая история».

И все же – что произошло с Михозлсом? Был ли переезд тел убитых грузовым автомобилем? Если на угол Белорусской и Ульяновской были доставлены уже трупы, то каким образом их убивали?

Наталья Вовси-Михозлс в своей книге «Мой отец – Соломон Михозлс» приводит слова любимого художника Михозлса – Александра Тышлера: «Я сопровождал его тело к профессору Збарскому, который положил последний грим на лицо Михозлса, скрыв сильную ссадину на правом виске. Михозлс лежал обнаженный, тело его было чистым и неповрежденным».

Еще «неповрежденное тело» убитого актера видели его брат, один из главных фигурантов будущего «Ддела врачей» Мирон Вовси, Вениамин Зускин и, естественно, сам профессор Борис Ильич Збарский, балъзамировавший в свое время тело Ленина.

В 1994 году была опубликована стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифа-

шистского комитета. Вот что рассказал во время судебного заседания Вениамин Зускин:

«Утром в Москву прибыл гроб с телом Михозлса. Перед этим нам позвонил академик Збарский, который был дружен с Михозлсом, и сказал, что, как только придут гроб с телом в театр, чтобы позвонили ему, так как он хочет осмотреть, в каком состоянии находится тело и можно ли его выставлять для прощания. И в 11 часов, как только прибыло тело, появились академик Збарский, Вовси (брат Михозлса) и художник Тышлер.

Когда раскрыли оцинкованный гроб, около гроба мы были впятером. Мы увидели проломанный нос, левая щека – сплошной кровоподтек, и тогда мне академик Збарский заявляет, что он заберет труп к себе в институт, где обрабатывает лицо, чтобы можно было выставить. В 6 часов вечера академик Збарский приехал вместе со своими ассистентами и привез гроб с телом Михозлса. Гроб поставили на пьедестал, зажгли все прожектора и, в общем, создали такую обстановку, при которой он должен был лежать».

В декабре 1948 года был арестован Зускин, в 1952 году – профессор Збарский, в январе 1953 – профессор Вовси. Власти устраняли свидетелей?

Журнал «Мишпоха»

Соломон Михозлс – Король Лир.

Михозлс – Лир. Рисунок А. Тышлера.

Соломон Михозлс

«Убит по приказу Сталина...»

«2 апреля 1953 года Берия адресовал в Совет Министров СССР докладную записку, в которой констатировал, что Михозлс был оклеветан и злодейски убит по приказу Сталина группой работников МГБ, возглавлявшейся Огольцовым и Цанавой, куда входили еще пять оперативных работников. Он предложил отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении этих лиц орденами, а Огольцова и Цанаву, как исполнителей злодейской акции, арестовать по обвинению в убийстве. Однако Цанаву был арестован лишь полгода спустя, но не за участие в убийстве Михозлса, а как "член банды Берии". Огольцова и его группу лишили наград, но под суд не отдали. Из партии Огольцова исключили только в 1954 году. Итак, за убийство Михозлса по-настоящему никто не поплатился, если не считать того, что несколько человек должны были вернуть свои ордена».

*Павел Судоплатов, сотрудник НКВД.
Из книги «Спецоперации. Лубянка и Кремль»,
Москва, «Современник», 1997 год.*

Здесь камеры смертью полны...

Перед вами стихи Самуила Галкина, единственного выжившего из блестящей плеяды еврейских поэтов, арестованных по "делу ЕАК", написанные им в тюрьме. После освобождения он прожил всего пять лет и скончался в 1960 году. Ему было 63 года.

Стихи эти – документ судьбы и эпохи. И в этом прочтении значение их существенно и безусловно, как и судьба его собратьев по творчеству, погибших от рук сталинских палачей в черном августе пятьдесят второго...

В ОДИНОЧКЕ

А музыка где-то... Звучит, как назло.
И я на решётку гляжу тяжело.
Эх, неба кусочек увидеть бы мне!
Я здесь – как в колодце, я здесь – как на дне.
Я неба не вижу, не вижу я света.
А музыка где-то... А музыка где-то...
Здесь камеры смертью полны, тишиной.
О Боже, как холоден пол подо мной!
Я снова хожу от стены до стены.
Пускай я молчу. Но шаги-то слышны.
Я музыке этой пропасть не позволю.
И сердце летит сквозь решётку на волю.
Ах, Галкин, пороть тебя надо, увы.
Не вышибли дурь из твоей головы,
Всё снится, что дверь приоткрылась – и вот
По камере ангел светлейший идёт.
Берёт осторожно он руку твою
И молвит: "Тебе я свободу даю.
Ступай же и сей семена доброты.
Все пахари ждут, что объявишься ты.
Ведь имя твоё вспоминается ими –
И вовсе не так, как случайное имя.
Оно – это вечная память о Том,
Кто шёл от рожденья с бессмертным крестом,
Кто нёс на себе его ради других,
Не думая вовсе о ранах своих,

О терпящих муки безмерно скорбя,
Страдая, конечно, и ради тебя.
Ступай же на поле своё поскорей,
Бери семена – и без усталости сей..."
Ах, Галкин, смотри: да открыта ли дверь?!
Мечтатель, ты ангельской речи не верь.
Надеяться больше себе не веди.
Валяется крест твой в чердачной пыли.
И ангел ошибся. И почва бесплодна.
И скажет об этом тебе кто угодно.
Ты хочешь назад? И среди тишины
Звучит чей-то голос: "Мосты сожжены!"
А музыка та же, всё та же во мне,
И неба кусочек ищу я в окне,
И вижу мосты – и они не в огне...

Лубянка, 1953

Перевод: Владимир Моценко

Федор ЛЯСС

ДЕЛО «ВРАЧЕЙ-ВРЕДИТЕЛЕЙ» НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ОБЛИЧИТЕЛЬ

Середина 1952 года. На «поверхности» страна, и мы вместе с ней живем обычной жизнью, заполненной личными интересами. О том, что и как происходит в глубинах властных структур, до нас, обывателей, не доходит. Да мы этим особо и не интересуемся. Я только что женился и несмотря на интенсивную работу наслаждаюсь жизнью. Вечерами хожу на концерты, театральные постановки, художественные выставки. Работа над кандидатской диссертацией отодвинута в дальний ящик стола. Моя молодая обаятельная жена в творческих планах — только что окончила институт и вся в будущем. Мама занимается домашними делами, иногда ее просят посмотреть и дать рекомендации больному ребенку. Бабушка хлопочет по хозяйству.

Вокруг нас тихо и спокойно. Газеты наполнены браваурной риторикой о выполнении и перевыполнении разных планов, а газетная шумиха по поводу «проникновения в ряды коммунистической партии кумовства, бюрократических перерожденцев, совершивших факты преступной недисциплинированности», были от меня и моей семьи так же далеко, как космические светила. Никто в нашей семье в партии не состоял, и партийные перипетии нам были чужды.

Никто в моей семье не мог заподозрить, что над нами занесен топор, и мы окажемся в водовороте событий, захлестнувших СССР в конце 1952 — начале 1953 года.

Откуда нам было знать, что Сталин только что зверски расправился с элитой Еврейского антифашистского комитета, не пошедшей на саморговор и славившей его планы по организации открытого политического судилища.

Откуда нам было знать, что дрякляющий вождь народов, учитель и друг всего прогрессивного человечества дрожит за свою неограниченную власть.

Откуда нам было знать, что в недрах Министерства госбезопасности по инициативе Сталина «варилась» уголовно-политическое дело против врачей.

Откуда нам было знать, что моей маме в этом деле была отведена ее организаторами немаловажная роль...

Маму увели сразу. Вся процедура ареста не заняла и десяти минут. Позвонили в дверь, как только в квартире легли спать и выключили свет. Открыл дверь я. На лестничной площадке человек десять крепко сколоченных верзил в штатском, растерянный домоуправ и молодой, почти мальчишка, солдатик. Отталкивают меня от двери, предъявляют ордер на арест. Короткое прощание с мамой, взаимные заверения в том, что это ошибка, что все выяснится очень скоро. И последние слова мамы: «Вот она, благодарность, за честную работу».

Методика обыска отработана и соблюдается неукоснительно. Нас — меня, мою жену Лору и бабушку

74 лет — распределяют по разным комнатам: меня — в кабинет, бабушку — в столовую, где в алькове стоит ее кровать, Лору — в мамину спальню. Общениа исключе- ны.

Выйти из комнаты можно только в сопровождении эмгэбэшника, и то по особому разрешению старшего. От нервного напряжения часто хожу в туалет. Моего охранника это раздражает. Процедура похода тоже отработана: дверь открыта настежь, сзади стоит страж. Ну а если приспичило опрывать большую нужду, то он — впереди, вкушает все удовольствия. Ничего не подепаешь — инструкция.

Любая вещь, которая у них вызывает подозрение или намечена на изъятие, кладется на большой обеденный стол, что стоит в столовой. Так, там в первую очередь оказались записные книжки — мамыны, мои, бабушкины, портативная пишущая машинка, мамыны врачебные принадлежности: фонендоскоп, прибор для измерения кровяного давления, халат и все книги с латинским шрифтом из нашей довольно обильной библиотеки.

Обшарили и меня, хотя все на виду, я как был в пижаме, так в ней и остался. Переворачивают все вверх дном. Копаются в столах, перетряхивают постельное белье, прощупывают (слава Богу, не вспарывают) подушки. Каждую книжку просматривают по страничке. Методика просмотра книг у них отработана: какое-то движение, и страницы книги раскрываются веером, и если между ними лежит какая-то бумажка, она тут же вылетает. Отодвинуты все шкафы, тахта поставлена набок, и снизу сорвана ткань, прикрывавшая пружины. Мою комнату обыскивает молодой оперативник. Временами наведывается еще один, главный над всеми.

Слышу, как отодвигают мебель в столовой. О чем-то говорят с бабушкой. Жену не вижу. Она в дальней, маминной комнате, где перебирают платяной шкаф. Часов в восемь утра приезжают две эмгэбэшницы, проходят к бабушке. Слышу, она что-то им говорит. Долго не задерживаются и уезжают. Время от времени слышу, как бабушку тоже водят в уборную. Она просит закрыть дверь, но они напроклонны, и старая женщина справляет нужду под бдительным оком молодого мужика.

Мне все эти «поисковые игры» кажутся смешными, и я отпускаю шуточки. Пытаюсь держаться спокойно, даже иногда бравирую, что вызывает неудовольствие у моего охранника. Нучто они могут у нас найти? И вся процедура такого тщательного обыска вызывает у меня злорадство по поводу их бесплодных попыток что-либо отыскать. Зря тратят время.

Начальник и «мой» эмгэбэшник перебирают библиографическую картотеку с названиями статей, связанных с моей работой. Требуют перевода карточек, написанных не по-русски.

Из столовой слышу голос:

– Товарищ майор (он был в штатском), здесь нашли иностранные деньги.

– Клади их на стол, я потом подойду, сейчас занят!

Деньги? Иностранные?

И вдруг в памяти всплывает более чем десятилетней давности довоенный случай, когда я еще мальчишкой, зачем-то роюсь в платяном шкафу, наткнулся на пачку долларов, обернутую в тряпочку. Тогда я даже не понял, что это за деньги. А теперь осознал, чем грозит эта находка. У мамы – доллары! Не надо совершать никаких антигосударственных проступков. Доллары дома, да хоть бы одна долларовая бумажка – антисоветская крамола, неоспоримая улика шпионажа, вредительства и всего того, что тебе захотят приписать. Черт их знает, зачем они нам понадобились, эти доллары, зачем их хранили столько лет, видимо, и в эвакуацию таскали. Что на них можно кулить? Вот вляпались, так вляпались!

Наигранно слохоиствия как не бывало. Нужно всеми способами проникнуть в столовую и самому увидеть эти проклятые доллары на столе, где собираются все улики против мамы.

Но предлога зайти в столовую, хоть умри, нет. Увеличивается лишь частота посещений уборной. Часа через три в сопровождении «моего» змгзбшника меня вызывают в столовую присутствовать при опечатывании маминной комнаты. Бросаю взгляды на стол – долларов не видно, наверно, они под наваленными вещами.

Обыск окончился часам к пяти вечера. Мы все собираемся в столовой. Бабушка как лежала на своей кровати, так и лежит, временами издавая стоны и что-то бормоча. Еще бы! Арестовали дочь, с которой она прожила всю жизнь. А жизнь ее была нелегкой. Очень рано осталась вдовой с тремя детьми на руках, без образования. Детей надо было выводить в люди, и она, выучившись на фармацевта, во время НЭПа приобрела аптеку. А потом ходила в «лишенках» – был такой термин для лиц, лишенных избирательных прав. Вот оттуда, видимо, и доллары – остатки бывшего труда и иллюзорного благополучия.

Оформляют протокол изъятых вещей, все по списку берут со стола и складывают в мешок. Вот и пункт «Деньги иностранные»... На столе кучка металлических монет. Это папино детское увлечение нумизматикой. Несколько медных и алюминиевых монеток. Где же их нашли? А я-то думал, что нашли доллары...

Все волнения из-за долларов, мучившие меня почти все время обыска, мгновенно улетучились. Я с радостью подписываю протокол, услужливо помогаю собрать реквизируемые вещи и даже выражаю благодарность за корректное поведение при обыске...

Уходят. Хлопает дверь – и мы одни. Разор дома страшный. Начинаем все приводить в порядок, ставить на место.

– Послушай, бабушка, я еще до войны случайно наткнулся на пачку долларов. Слава богу, что их не было. Вот был бы ужас, если бы они сохранились до сих пор и их бы нашли.

– Вот они, – и бабушка вынимает из-под ночной рубашки и протягивает мне трясающейся рукой пачку,

завязанную в ту же тряпицу, которую я видел когда-то.

– Доллары – у тебя? Тебя же обыскивали те две бабы, что приезжали специально утром. И как же тебе удалось?

– Как только они пришли арестовывать, я успела вытащить их из шкафа и держала под подушкой, а когда ходила в уборную, прятала под рубашку, а в это время они обыскивали кровать. А когда были эти женщины, деньги опять лежали под подушкой.

И тут со мной случился самый настоящий истерический припадок, – я хохотал, целовал бабушку, кричал на нее, плакал, опять хохотал. Да, смеялся! Старая бабка водила за нос все МГБ! Вот так бабушка! История должна о ней знать – Лившиц Фаня Львовна, по паспорту – Фейга Лейбовна.

Держу пачку в руках, а вдруг... вдруг вернутся?

Бегу в уборную. Скорее, скорее. Вот сейчас раздается звонок в дверь, а доллары у меня в руках. Реу на части, бросаю в унитаз, спускаю воду. А куча разорванных долларов не сливается, а только всплывает. Дергаю цепочку опять – нет воды. Черт побери, вода набирается слишком медленно. Ручкой проталкиваю деньги. Еще раз дергаю цепочку, вода заполняет унитаз, но не проходит. Деньги забили слив. Шарю взглядом по уборной, чем бы протолкнуть. Но, слава богу, на сей раз вода уносит доллары в канализацию. Ноги не держат, сажусь на унитаз. Меня бьет нервная дрожь. Сколько там было долларов, не знаю. Кажется, много. Вот бы их сейчас!

С момента, как мама под конвоем покинула дом, жизнь переменилась. Главной ее составляющей были попытки узнать, что с ней, за что и почему. Но все было глухо. Регулярное хождение в приемную, что на Кузнецком мосту, рядом с громадным зданием МГБ на Лубянке, ничего не проясняло. В окошечке, после стояния в длиннющей очереди, из уст очередного офицера один и тот же ответ: «Под следствием». Можно раз в месяц сделать денежную передачу – 100 рублей.

От одной из родственниц ее маленьких пациентов (матери М. Первухина – наркома химической промышленности, жившей в одном с нами доме) бабушка принесла домой весть о том, что маму посадили из-за того, что она неправильно лечила своих больных.

Вот и вся информация. Даже потом, когда мама через два года вернулась домой с полной реабилитацией, она избегала говорить на тему своего пребывания в застенках. Только теперь, по прошествии пятидесяти лет, я получил возможность ознакомиться с ее следственным делом.

С первых же часов ее появления на Лубянке ей предъявляется обвинение в том, что она по указке М.С. Вовси и Я.С. Темкина «проводила вредительское лечение» детей и внуков членов правительства. В ходе очень тяжелых допросов ей было предложено «дать следственный материал» на еще находившихся на свободе коллег и друзей. Профессионалы с Лубянки отводят ей роль «обличителя», чтобы помочь следователям, готовящим по указке Сталина «дело врачей-вредителей», вскрыть несуществующие преступные замыслы и выдуманные деяния для предстоящего показательного политического процесса.

Чекисты действовали по бандитской методике, апробированной ранее, на уже прошедших политических процессах, организованных Сталиным.

Для развития «дела врачей» следствию тоже нужен был «обличитель». «Обличитель», как правило, выбирается из обвиняемых. Он играет очень важную роль как во время следствия, так и в процессе судебного разбирательства, особенно открытого. Такие «обличители» были во всех проходивших ранее политических процессах: на процессе Г.Е. Зиновьева «обличителем» был С. В. Мрачковский (*Антисоветский объединенный троцкистско-зиновьевский центр, 1936 г.*), у Ю. Л. Пятакова – К. Б. Радек (*Параллельный антисоветский троцкистский центр, 1937 г.*), на суде над Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым – В. Ф. Шарангович (*Антисоветский правотроцкистский блок, 1938 г.*). «Обличителем» в деле ЕАК был И. С. Фефер.

«Обличителя», как правило, арестовывали раньше основных обвиняемых. Таким образом, первый удар приходился на него, и он ломался. Поддавшись на уговоры, обещания, а чаще под пытками, он становился послушным исполнителем воли следственных органов и судей.

Такой «обличитель» всегда находился здесь же, в тюрьме, под рукой у следователей, для обработки других арестованных, а иногда становился основной фигурой в ходе следствия, а затем и суда.

«Обличителем» в «деле врачей» должна была стать моя мама, врач-педиатр, Лившиц Евгения Федоровна. Очень подходящая личность для этой роли. Она многие годы работала в Лечсанупре Кремля. Диспансерно наблюдала и лечила детей и внуков самой привилегированной советской партийной и государственной верхушки. Среди ее пациентов были отпрыски Сталина, Молотова, Кагановича. Микояна, Орджоникидзе, Маленкова, Первухина, Тевосяна, Димитрова.

Помимо этого мои родители находились в близких и дружественных отношениях с семьями М. С. Вовси, Я. С. Темкина, Б. Б. Когана (все – будущие обвиняемые по «делу врачей»).

Сначала маму увольняют с работы (конец 1951 года), придравшись к якобы некорректному обращению с самим Л. М. Кагановичем и спору с ним по поводу лечения его внуков, а потом, 4 июня 1952 года, ее арестовывают. За полгода до ареста основных обвиняемых на будущем процессе врачей.

После следственных истязаний мама не выдержала, психически сорвалась и совершила попытку покончить жизнь самоубийством. В своей тюремной одиночной камере она при помощи косынки и зубной щетки передавила горло (неслыханное происшествие в стенах внутренней тюрьмы на Лубянке). Но ее успевают спасти. В результате мама потеряла зрение на неделю, нарушилась речь и наступила тяжелая депрессия.

При таком ее состоянии даже выдавшие виды эмгбэшники не смогли продолжать следственный процесс. И ее помещают для лечения последствий суицида и, главным образом, на экспертизу в Институт судебной психиатрии им. Сербского, где она находилась с 18 августа по 19 сентября 1952 года.

В подготовке к «делу врачей» происходит непредвиденная задержка: на целый месяц выбывает «обличитель». «Скрипучая телега следствия» (это выражение употребил лично Сталин) вынуждена почти остановиться, или, по крайней мере, значительно затормозить движение вперед. Но сроки установил сам Сталин, и он требует неукоснительного их исполнения. Все это мы узнаем потом, почти через сорок лет, в признаниях исполнителей «дела врачей»...

И вот тогда на роль «обличителя» была приглашена Лидия Тимашук. Тимашук работала врачом в Лечсанупре Кремля. О ней и ее роли в этом грязном деле написано много. Не буду повторяться. Следует только отметить дату, когда пригласили Л. Тимашук на Лубянку для дачи показаний по поводу ее письма-доноса о неправильном лечении Жданова.

Вот что рассказывает об этом сын Л. Тимашук – Юрий Кураев: «Внезапно, в августе 1952 года, Тимашук вызвали в МГБ и начали допрашивать о происшедшем некогда на ждановской даче...» В августе, т.е. когда следователям не удалось вынудить врача Е.Ф. Лившиц дать ложные показания о вредительской деятельности ее коллег, пока еще находившихся на воле. В августе, когда Лившиц, не выдержав пыток, лежала в психиатрической больнице после попытки самоубийства.

Тогда и нашли другого «обличителя». Сценарий «дела врачей» не изменился, и «телега следствия» значительно убыстрила свой бег.

С конца сентября мама опять на Лубянке, опять пытки, но более изощренные, более осторожные – ведь на суд нужно представить не психически ненормального человека, а такого, чтобы судьи поверили ее обличительным показаниям, если, конечно, удастся из нее что-то вытянуть. Но она не дала «следственного материала», нужного для «дела врачей-вредителей», и была исключена из него...

Уже после смерти Сталина и реабилитации «врачей-вредителей» Лифшиц Е.Ф. в конце апреля 1953 года была осуждена одной из последних троек Особого совещания по статье 58-10 «за агитацию и пропаганду» на 8 лет лагерей (8 лет ей дали специально для того, чтобы не выпустить на свободу по «маленковской» амнистии, освобождавшей тех, кто был осужден сроком до 5 лет).

Вся эта закулисная кухня нам, находившимся на свободе, естественно, не была известна. Жизнь текла своим чередом.

Профессора-медики – будущие «убийцы в белых халатах» – были заняты своими делами: лечили больных, читали лекции, вели семинары и жили обычной жизнью, которой жила вся страна, со своими заботами, тревогами, радостями.

Аресты среди врачей начались в начале ноября 1952 года, прямо на праздник очередной годовщины Великой Октябрьской Революции...

Статья печатается с любезного согласия редакции сетевого журнала «Заметки по еврейской истории» (www.berkovich-zametki.com).

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС – 1949-1953

«Установлено, что все эти врачи-убийцы состояли в наемных агентствах у иностранной разведки. <...>

По слухам, события должны были развиться так. Осужденных врачей повесят на Красной площади, после чего по доведенной до истерии стране прокатится волна еврейских погромов. И тогда, спасая уцелевших евреев от справедливого гнева народного, их сошлют в места отдаленные, где уже загодя выстроены для них бараки. <...>

Отсутствием документа как такового не является основанием считать, что депортация не готовилась. <...>

Что касается документов в научном понимании этого слова, в которых прямо либо косвенно были бы зафиксированы намерения или планы Сталина провести депортацию евреев, то таковых на сегодняшний день не обнаружено...»

Передача Радио «Свобода» из цикла «Финал», посвященного 50-летию конца сталинского правления: «Еврейский вопрос зимы 1953-го: живая тайна мертвого вождя». Автор и ведущий Владимир ТОЛЬЦ.

13-го января 53-го года «Правда» опубликовала сообщение ТАСС.

«Некоторое время тому назад органами Государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза.

В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Воеси М.С., врач-терапевт; профессор Виноградов В.Н., врач-терапевт; профессор Коган М.Б., врач-терапевт; профессор Егоров П.И., врач-терапевт; профессор Фельдман А.И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я.Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А.М., врач-невропатолог; Мейдоров Г.И., врач-терапевт.

Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительскую лечебную работу и подрывали их здоровье.

<...> Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А.А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища А.А. Жданова. Следствием установлено, что преступники также сократили жизнь товарища А.С. Щербакова, неправильно применяли при его лечении сильнодействующие лекарственные средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путем до смерти. Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Василевского А.М., маршала Говорова Л.А., маршала Конева И.С., генерала армии Штеменко С.М., адмирала Левченко

Г.И. и других, однако арест расстроил их злодейские планы и преступникам не удалось добиться своей цели.

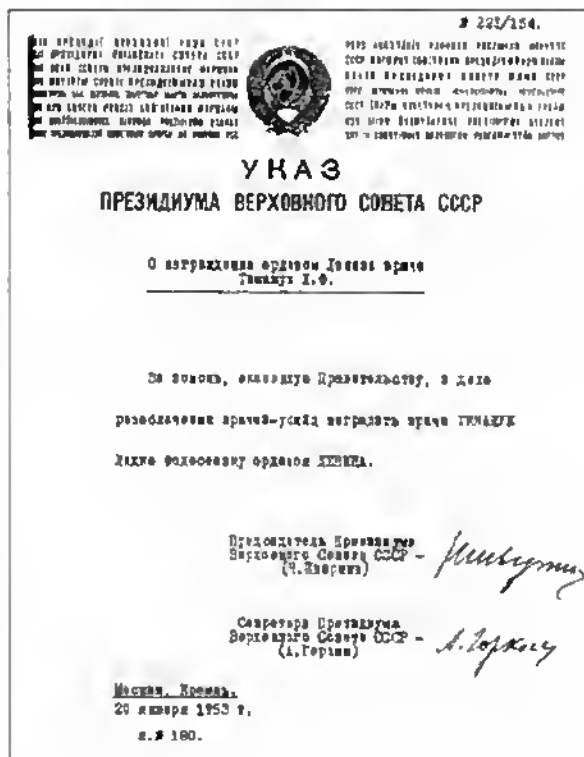
Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, – состояли в наемных агентствах у иностранной разведки.

Большинство участников террористической группы (Воеси М.С., Коган Б.Б., Фельдман А.И., Гринштейн А.М., Этингер Я.Г. и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой, якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе.

Арестованный Воеси заявил следствию, что он получил директиву об истреблении руководящих кадров СССР» из США от организации «Джойнт» через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэля. Другие участники террористической группы (Виноградов В.Н., Коган М.Б., Егоров П.И.) оказались давними агентами внешней разведки.

Следствие будет закончено в ближайшее время».

Ко времени публикации этого сообщения многие из упомянутых в нем врачей уже давно сидели в тюрьме. Арестованы были и их коллеги, в тассовском тексте не названные (Я.С. Темкин, А.А. Бусалов, В.Х. Василенко и другие). А для прочих врачей-евреев (большинство

Группа врачей Лечсанупра Кремля.

ведь из перечисленных в «Правде» были евреями), как, впрочем, и для всех их пациентов — евреев и не евреев, начался тревожный отсчет времени и ожидание, что он «будет закончен в ближайшее время». То, что за тасовским сообщением стоит сам Сталин (он, как теперь выяснилось, действительно лично отредактировал текст сообщения), ни у кого сомнений не вызывало.

Из анонимного письма, направленного Сталину и другим членам Политбюро и подписанного «русский интеллигент, советский человек»

«Руководители партии и правительства не могли не знать, не имели права не знать, какую новую волну антисемитизма вызовет сообщение от 13 января о врачах-извергах. <...> Сколько изуверских бредней сейчас широко распространяется — евреев уколами прививает рак, евреи в родильных домах убивают русских младенцев <...> даже извергов русского происхождения приписывают сейчас к евреям. В народе широко распространено, что Егоров, Виноградов, Майоров также евреи, но только под русскими фамилиями...»

Размышляя над архаичной природой этих народных страхов лютой зимы 1953-го года, один из арестованных по делу «врачей-убийц» известный советский патологосанатом Яков Львович Рапопорт писал позднее:

«Дело врачей» — 1953-й — это <...> «холерный бунт», перенесенный в XX век в условия сталинской империи. Разница заключалась лишь в том, что «холерные бунты» XIX века были стихийным выражением народной ярости. Советский же «холерный бунт» был организованным, в возникшая ярость советского народа была направленной и регулируемой. Как и в XIX веке, в 1953 году первыми и главными объектами народного гнева были врачи, которым приписывались чудовищные преступления. Как и в «холерных бунтах» XIX века, в 1953 году озлобление народа, оболваненного соответствующей пропагандой, было от врачей распространено на интеллигенцию вообще (вспомните высказывание моей лаборантки: «Кувалдой их, интеллигентов, кувалдой!»), в открытые всеми государственными средствами пропаганды каналы антисемитизма были приняты с особым воодушевлением, подготовленные всей длинной предысторией. <...>

Второй формой реакции на публикацию ТАСС был панический ужас перед медициной, охвативший широкую обывательскую массу. В каждом медике, независимо от ранга, видели вредителя, обращаясь к которому <...> было рискованно. <...> Резко упало посещение поликлиник, аптеки пустовали в результате массы слухов о фактах резкого ухудшения болезни после приема безобидных и банальных медикаментов, содержащих, однако, яд».

Из секретной райкомовской информации (Харьков): *«Среди жителей района появилось отрицательное отношение к врачам-евреям, [...] высказывались мнения, чтобы всех евреев выслать в Биробиджан, [...] не позволять врачам-евреям делать прививки детям в детских садах и школах, [...] ведутся разговоры о том, что детей заражают туберкулезом. Трудящиеся района выражают ненависть и презрение к врачам-убийцам и единодушно высказывают мнение, чтобы к ним была принята высшая мера наказания».*

В те дни адресованному в ЦК и «Правду» потоку «писем трудящихся» (в том числе и евреев), писем, содержащих «рецепты», как наказать «убийц в белых халатах», «извергов рода человеческого» и «продажных псов американского империализма», — одна эта лексика чего стоит! — казалось, не было конца. Человеческие сограждане предлагали их расстрелять, повесить и четвертовать...

Ну а более масштабно политически мыслящие, как пишет исследователь тайн сталинской политики Геннадий Костырченко, «пускались в общие рассуждения о том, что евреи слишком любят деньги, не хотят заниматься физическим трудом, плохо показали себя в войну, и поскольку они не заслуживают доверия и опасны для общества, то их необходимо выселить из Москвы и других крупных городов».

1953-й год, март — апрель (вскоре после кончины Сталина). Из коллективного заявления грузинских евреев на имя Маленкова, Берия, Хрущева, Ворошилова, а также партийно-государственных руководителей Грузии:

«Как только 13-го января 1953-го года по радио было передано об аресте профессоров-врачей, работавших в Кремле, произвели массовые обыски <...> и массовые незаконные аресты евреев во всех уголках Грузии. <...>

Некоторые из работников, чинивших такие безобразия, открыто говорили, что все евреи будут сосланы на Дальний Восток, в если кто осмеливался спросить, чем объяснить такую жестокость, его моментально арестовывали и держали несколько дней без санкции прокурора.

Они распространяли среди грузин провокационные слухи о том, что в Советском Союзе еврейская нация должна быть ликвидирована, как «вредительская нация», и этим разжигали вражду между грузинами и еврейским народом, между народами, которые 35 лет живут в братском содружестве».

Для страны, где депортация отдельных социальных групп (например, так называемых «кулаков») и целых народов (немцев, калмыков, крымских татар, турок-месхетинцев, чеченцев, корейцев, греков и других) была привычной практикой, в зафиксированных документах угрозах и предложениях выселить евреев ничего необычного не было. Идея (я надеюсь, это не прозвучит цинично) была до банальности демократичной — она пронизывала советское общество от низов до самого кремлевского верха (Светлана Сталина приводит в одной из своих книг высказывание жены главного агитпроповца Михайлова: «Я бы всех евреев выслала вон из Москвы!»).

Ну и конечно, эти антисемитские идеи не были тайной для советских евреев. Близкая знакомая Михозлса, Лидия Шатуновская (за это знакомство она поплатилась лагерным сроком), зафиксировала в своих мемуарах слухи еще 1948-го года, возникшие после закрытия Еврейского антифашистского комитета:

«После суда над "еврейскими националистами" начнется массовая депортация евреев в Сибирь; там якобы уже строятся бараки, а к Москве и другим крупным городам подгоняются товарные вагоны для перевозки евреев».

В октябре 1949 года отслеживавший настроения советских евреев посланник Израиля в СССР Мордей Намир сообщал из Москвы своему министру Моше Шарету:

«Здесьние евреи живут в страхе и неуверенности в завтрашнем дне. Многие опасаются, что скоро начнется депортация из Москвы, ставшей прибежищем для оставшихся в живых после нацистского истребления».

А еще через 2 месяца уже атташе советской миссии в Израиле Михаил Попов сообщал в московский МИД об израильских публикациях:

«Газеты писали о "сылке 400 тысяч человек евреев в Россию", о возможности переселения миллиона евреев из Украины и Белоруссии в Биробиджан, "о выезде евреев в Сибирь, так как необходимо сменить климат", и так далее».

В следующем, 1950-м году, хорошо осведомленный в делах советских евреев, упомянутый уже посланник Намир (Немировский, он был родом из Херсона, где, по сведениям советского МГБ, проживали его мать и сестра, а в Одессе — сестра его жены) написал в израильское Министерство иностранных дел:

«В результате проверки не найдено подтверждений информации о тотальной депортации евреев из Подмоскovie и других мест. Вместе с тем есть полное подтверждение сообщений о многочисленных акциях индивидуальной высылки по обвинению в сионизме, симпатиях к Израилю, подаче заявлений на право репатрироваться, связях с родственниками за границей, в спекуляции и принадлежности к антисоциальным элементам, в том числе власти припоминают грехи из далекого прошлого. <...> Евреи находятся в крайне тяжелом состоянии из-за боязни увольнения, конфискации и ссылки».

Летом того же 1950-го года, выступая в Тель-Авиве на совещании израильских дипломатов, Намир предложил следующую оценку состояния «проблемы»:

«Советское правительство находится в сложном положении в отношении евреев и не определило еще свой курс. Тем не менее было бы ошибкой полагать, что Советы оставляют эту серьезную проблему неопределенно долго нерешенной, особенно с учетом того, что они имеют богатый опыт "радикальных" решений в этой области».

Израильский посланник в СССР сослался на уже упомянутые мной случаи депортации «наказанных народов» и продолжил:

«Теоретически то же самое может быть сделано и с евреями, но трудности настолько велики, что возникают сомнения, что власти изберут этот путь из всех других вариантов в качестве главного решения. <...> Очень похоже, однако, что правительство создает также, что технически и психологически решение этой проблемы не может быть подобным тому, как это было с турками или греками, или татарами, или чеченцами и ингушами. Евреи не сконцентрированы территориально, их 2 млн. человек, и охоту пришлось бы вести за каждым из них по отдельности. Кроме того, нельзя легко сбросить со счетов ту ответную реакцию, которую вызвало бы во всем мире такое наступление на евреев».

Заслуженные деятели науки А.И. Фельдман (слева) и Р.Я. Голат с председателем Президиума Верховного Совета РСФСР А.Е. Будаевым (в центре). Москва, 1940 г.

Складывается впечатление, что израильские аналитики с конца 1940-х годов и до последнего года жизни Сталина, с одной стороны, не исключали возможности массовой депортации советских евреев, а с другой — скептически относились к возможности такого развития событий «в ближайшее время»; основанием этой позиции были не только «технические трудности» еврейской депортации, но и внешнеполитические интересы Израиля, а также представления, что Советы «еще не определили свой курс» в еврейском вопросе.

Насколько адекватными реальному положению дел были эти израильские оценки? Действительно ли Сталин, определивший в стране (да и в Восточной Европе) послевоенную политику нарастания антисемитизма, «разобравшись», так сказать, уже с Еврейским антифашистским комитетом — расстреляв его, приняв уже решение о публикации сообщения о деле «кремлевских врачей», в январе 1953-го, как писал израильский дипломат, «еще не определил своей курс»?

Доктор исторических наук Геннадий Васильевич Костырченко полагает, что:

«Анализ, так сказать, еврейской политики Сталина, проводившийся израильскими дипломатами в период с 1948-го по начало 1953-го годов, можно оценить как весьма объективный, взвешенный, всесторонний, отражающий их глубокое знание положения дел в Советском Союзе. Объясняется это во многом тем, что многие израильские дипломаты, как уже отмечалось, были выходцами из России и даже продолжали поддерживать связь со своими родственниками, оставшимися советскими гражданами. Отсюда возможность оценивать ситуацию в стране пребывания на основе немалого собственного опыта жизни в ней плюс непрерывно получаемая информация из так называемых неформальных источников, поступающая в том числе по личным каналам непосредственно из среды советского еврейства».

Вместе с тем и израильские дипломаты в Москве, и само тогдашнее руководство Израиля, включая премьер-министра Давида Бен-Гуриона, видимо, в силу собственного социал-демократизма и благодарности Советскому Союзу за спасение европейских евреев от полного уничтожения в годы недавней войны, несколько наивно полагали, что послевоенные гонения на евреев в Советском Союзе — это всего лишь ответная реакция Сталина на всплеск еврейского

Н.А. Шерешевский. Москва, 1939 г.

В.Ф. Зеленин. Москва, 1946 г.

национального самосознания, произошедшего вследствие образования в 1948-м году Государства Израиль.

Они решительно отрицали наличие государственного антисемитизма в СССР. Тогда как на самом деле этот политический феномен, и это ныне подтверждается многочисленными документами, имел место. И возник он задолго до образования Израиля и бурной националистической реакции на это советского еврейства. Просто эти события заставили его выйти из тени и предпринять решительную атаку против того же ЕАК и так называемых космополитов. Даже после этих явено антисемитских акций официальный Израиль еще долго находился во власти иллюзорного представления о Сталине как политике интернационалистических убеждений, чуждом какого-либо шовинизма.

И только "дело врачей" и антиеврейская, по сути своей, пропагандистская кампания, начавшаяся в связи с ним в Советском Союзе, заставили израильское социалистическое правительство начать извлекаться от заблуждений относительно Сталина. Тогда Бен-Гурион даже выступил в "Давар", правда, под псевдонимом, с серией статей, в которых обвинил Сталина в "культивировании русского шовинизма" и "жестоким подавлении" "нерусских народностей" в своей "империи" [...]

Цитата из известного писателя и литературоведа Бенедикта Сарнова:

«Дальше – по слухам – события должны были развиваться так. В ходе процесса над "убийцами в белых халатах" выяснится, что они действовали не только по заданию иностранных разведок. Что за их

А.М. Гринштейн

спиной стояли враги, пробравшиеся к высшему руководству страны, – Молотов, Каганович, Берия. (Также, как за спиной убийц Менжинского, Куйбышева и Горького стояли Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков, Ягода.) Все это позволило бы Сталину устроить новую грандиозную чистку в высших эшелонах власти.

Но – не только. Во всех сталинских планах всегда просматрива-

лось решение сразу нескольких задач. Так и тут. Осужденных врачей повесят на Красной площади, после чего по доведенной до истерии стране прокатится волна еврейских погромов. И тогда, спасая уцелевших евреев от справедливого гнева народного, их сошлют в места отдаленные, где уже загодя выстроены для них бараки. И даже точно просчитан процент тех, кто доведет до этих бараков, в кому суждено будет погибнуть в пути. Ну а потом – откат. В дело вмешивается Вождь. И начинается волна новых посадок – теперь уже сажают погромщиков, ведь в гигантскую пачку ГУЛАГа надо постоянно подбрасывать все новые и новые дрова».

Из множества мемуаров, посвященных этой трагической странице истории, был выбран этот пассаж из недавней статьи Бенедикта Сарнова потому, что автор, явно много читавший и думавший об излагаемом им предмете, открыто и четко осознает, что ему трудно воссоздать сейчас источники и этапы создания предлагаемой нам – читателям – конструкции. (В конце концов, это дело не мемуариста, а историков.)

«Все это, конечно, было уже из области слухов. И, по правде говоря, я даже не могу сейчас точно сказать, какие из этих слухов доходили до меня уже тогда, а какие относятся к иным, более поздним временам. Но ясная схема продуманного сценарного плана отчетливо просматривалась – даже если отвлечься от всех этих слухов – в выстроенной в одну линию цепочке всем нам известных фактов. В этой цепи отдельных событий и фактов теперь уже хорошо была видна динамика – развитие, движение давно спланированного сюжета. Каждому, кто видел, куда еса движется, – в только слепой мог этого не увидеть! – было ясно: и кампания по "борьбе с космополитами" 1949-го года, и процесс Сланского 1952-го, освещавшийся в наших газетах в откровенно антисемитском духе (о Сланском и его подельниках писали, будто они "мечтали превратить Чехословакию в космополитическую вотчину Уолл-стрит, где властвовали бы американские монополии, буржуазные националисты, сионисты"), были первыми звеньями этого далеко идущего плана. Прологом и завязкой этого давно написанного сценария».

Итак, существуют две версии намечавшегося зимой 1952-го поворота событий. [...]

**Продолжение темы –
в следующем номере «Карты»**

ПОДЛЫЕ ШПИОНЫ И УБИЙЦЫ ПОД МАСКОЙ ПРОФЕССОРОВ-ВРАЧЕЙ

Сегодня публикуется архивка ТАСС об аресте группы врачей-рецидивистов. Эта террористическая группа, раскрывая некоторое время току напад органами государственной безопасности, ставила своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза.

Следствием установлено, что участники террористической группы, исповедуя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, предельно, злодейски подрывали их здоровье, ставили им неправильные диагнозы, а затем губили больных неправильным лечением. Прикрываясь высоким и благородным званием врача — человека науки, эти изверги и убийцы растоптали священные знамя науки. Встан на пути чудовищных преступлений, они оквернили честь ученых.

Жертвами этой банды чуждообразных зверей стали товарищи Я. А. Жданов и А. С. Шербаков. Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища Жданова, умышленно скрыли истинный у него характер недуга, назначили противоположный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым ускорили товарища Жданова. Врачи-убийцы неправильно приписали им снотворящих лекарственных средств и установилим пагубного режима сократить жизнь товарища Шербакова, довели его до смерти.

В первую очередь преступники старались подорвать здоровье руководящих советских военных кадров, вывести их из строя и тем самым ослабить оборону страны. Арест преступников расстроил их злодейские замыслы, помешав им добиться своей чудовищной цели.

Кому же служила эта извергия? Кто направил преступную террористическую и вредительскую деятельность этих подлых камикадзе Родины? Какой цели хотели они добиться в результате убийств активных деятелей Советского государства?

Установлено, что все участники террористической группы врачей состояли на службе у иностранных разведок, продали им душу и тело, являлись их маленькими, платными агентами.

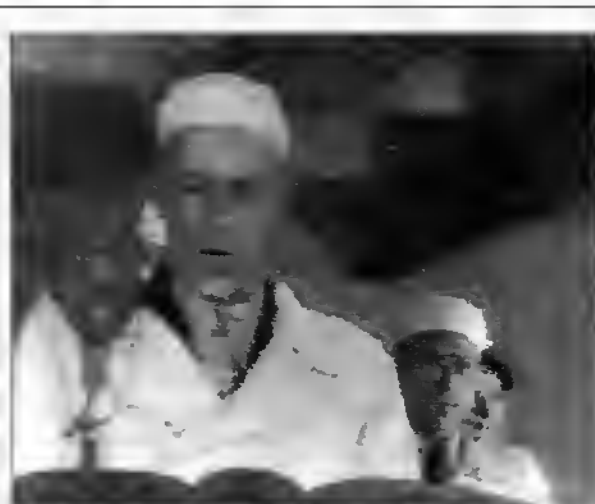
Большинство участников террористической группы — Волес, В. Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие — были куплены американской разведкой. Они были завербованы филиалом американской разведки — международной гитлеровской буржуазно-националистической организацией «Джойнт». Гитлеровское лицо этой шпионской гитлеровской организации, прикрывающей свою подлую деятельность под маской благотворительности, полностью разоблачено.

Опираясь на группу растленных еврейских буржуазных националистов, профессиональных шпионов и террористов из «Джойнт», по заданию и под руководством американской разведки, развернула свою подрывную деятельность и на территории Советского Союза. Как показал на следствии арестованный Волес, он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США. Эту директиву ему передали от имени шпионско-террористической организации «Джойнт» врач Шимеллович и известный еврейский буржуазный националист Михалес.

Разоблачение шайки врачей-отравителей является ударом по международной еврейской шпионской организации. Теперь все носут вилета, атаки «благотворители» и «друзья мира» скрываются под вывеской «Джойнт».

Другие участники террористической группы (Виноградов, М. Коган, Егоров) арестованы, как сейчас установлено, старыми агентами английской разведки, служат ей в разных пор, выполняя те самые преступные и грязные задания.

Правда, 1953 г., 13 января.

«Советские врачи обличают врачей-рецидивистов». Кадры кинохроники.

В публикации использованы фотографии из Российского государственного архива кинофотодокументов.

Ирина ХОЛМОГОРСКАЯ

ДЕЛО СОРОКИНА

Из прессы:

В отношении писателя Владимира Сорокина возбуждено уголовное дело по статье 242 УК РФ (распространение порнографических материалов). Милиция выехала расследовать после обращения 3 июня в ОВД «Замоскворечье» 49-летнего москвича Магулянца — активиста общественной организации «Идущие вместе».

По просьбе милиционеров независимые эксперты изучили «Голубое сало» и пришли к выводу, что в некоторых местах текста — в частности, с 256-й по 260-ю страницы — действительно есть все признаки порнографии.

27 июня 2002 г. организация «Идущие вместе» провела несколько акций, направленных против писателя.

У здания министерства культуры под звуки классической музыки участники акции подняли большие плакаты с текстами из произведений Сорокина, изобилующими нецензурными выражениями, а также ответ министра культуры РФ Михаила Швыдкого на письмо Якеменко, в котором Швыдкой критикует предвзятые отношения этой организации к творчеству современных российских писателей.

Потом «Идущие» у фонтана возле Большого театра торжественно водрузили огромный унитаз. В этот импровизированный памятник Сорокину» пришедшие бросали книги автора и цветы. День «Идущих вместе» закончился в Камергерском переулке, где они возложили цветы к памятнику Чехову и попросили «прощения у знаменитого писателя за сегодняшнее состояние литературы».

Движение «Идущие вместе» считает возбуждение уголовного дела в отношении писателя Владимира Сорокина по факту распространения порнографических материалов «признаком начинающегося нравственного вырождения нашего общества». Об этом заявил в эфире радиостанции «Эхо Москвы» лидер движения «Идущие вместе» Василий Якеменко.

Президент Фонда защиты гласности Алексей Симонов считает, что уголовное преследование любого писателя очень опасно с точки зрения свободы слова в стране.

По его мнению, возбуждение уголовного дела против Сорокина — не столько угроза введения цензуры в стране, сколько признание наличия такой цензуры.

Резкую позицию высказала председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева. «Возбуждение этого уголовного дела — просто позор нашей стране. Такой потрясающей глупости трудно было ожидать. Я ожидала, что у наших правоохранительных органов хватит ума откеститься от этого варварства», — сказала она.

Сорокин Владимир Георгиевич

Алексеева выразила надежду, что дело против писателя закроют. «По крайней мере, мы, правозащитники, приложим все свои усилия для этого», — пообещала она.

В правительстве РФ критикуют решение московской прокуратуры возбудить уголовное дело в отношении Владимира Сорокина. Заместитель руководителя аппарата правительства РФ Алексей Волин сказал журналистам, что это решение «вызывает смешанное чувство — удрученности и изумления».

Уполномоченный по правам человека в РФ Олег Миронов заявил, что выступает против употребления ненормативной лексики и порнографических сюжетов в произведениях искусства, однако считает, что уголовным преследованием эту проблему не решить.

«Надо бороться против таких явлений и добиваться, чтобы писатели, как говорится, саяли разумное и вечное, а не бранились и не описывали разные неприличные сюжеты», — сказал Миронов в интервью «Интерфаксу».

Произошедший в 2002 году скандал, связанный с акцией протеста движения «Идущие вместе» против писателя Владимира Сорокина, уже не раз обсуждался во всех средствах массовой информации с самых разных точек зрения. И вот, когда все стороны успокоились и страсти улеглись, наступило время диагностировать этот острый общественный абсцесс. Как поживает наш новорожденный постперестроечный организм? Какая «шапка» годится для этого «Сеньки»? Ведь все мы были свидетелями именно такой примерки:

1. Чем можно народ всколыхнуть, кроме насущных проблем типа реформы ЖКХ и выплаты пенсий?

Роман Владимира Сорокина «Голубое сало». (М., 2002).

2. Легко ли граждане построятся на зов молодых и суперсознательных членов общества?

3. Какой градус накала страстей можно ожидать? Бить будут?

4. Как будет реагировать интеллигенция – слотится на защиту писателя от «малолеток», выйдет с плакатами на Красную площадь?

5. А писатель? В панике покинет Россию? Сляжет с инсультом?

А вот и нет: не всколыхнулись, не построились, не били, не вышли, не уехал. Единственным материальным последствием стал выросший тираж «Голубого сала».

МЫ ИЗМЕНИЛИСЬ. Это диагноз. Просто констатация факта без его оценки и главный вывод из этой неприличной истории. Может, слишком голодны, чтобы позволить себе тратить энергию на идеологию, а может, как раз еще и не слишком. Пожалуй, стоит предложить «апофигизм» как долгожданную спасительную национальную идею для нашей страны: будем жить мирно, без абсцессов. И Гончаров, роман «Обломов» которого, как ни странно, оставили в школьной программе, угадал, сам того не желая: Россия хороша, пока спит. Не будите! Принцесса Греза, проснувшись, ведет себя ну прямо как мужик с бодуна.

Я не думаю, что можно всерьез дискутировать с представителями «Идущих» о литературе или о порнографии в литературе, а также обо всем другом, что не терпит подростковых выходов, а нуждается в элементарной грамотности. Дети, кроме тех из них, кто уже не ребенок по возрасту, а просто дурак по содержанию, вырастут, все поймут и будут стыдиться содеянного. Как они еще не догадались подать в суд на присутствие матерного слова в рекламном плакате «Застрахуй свое имущество!» Ведь хватило же ума выдернуть цитаты из контекста книги.

Какое, собственно, отношение к литературе продемонстрировали «Идущие вместе»?

Да все то же, до боли знакомое: «Искусство принадлежит народу». Им, стало быть.

А значит, с этими «бумагомараками» и «щелкоперами» нужно так: «К ноге!», или «Фас!», или «Служить!», а не слушается – по морде! Желание управлять не только чужими телами, но и чужими мыслями, придумав для этого благозвучный предлог, – само по себе не новое, но как же можно так забыть, что-

бы демонстрировать его с таким бесстыдством? Уж сейчас-то – рыночные отношения, государственные деньги на издание не тратятся, ну и «идите вместе» себе мимо, как проходите мимо бесчисленных, настоящему порнографических изданий, а может быть, даже и почитываете их с удовольствием. Ведь если выдвигаете обвинение в порнографии, поинтересуйтесь хотя бы, что это такое. А то получится,

«ПоПут(ин)чики»

как у г-на Журдена, мещанина во дворянстве, который и не подозревал, «что более 40 лет говорит прозой».

Владислав Ходасевич еще в 1932 году написал о порнографии в искусстве совершенно исчерпывающе: «Без порнографической цели нет порнографического сюжета. Порнографическая цель объективно распознается исследованием стиля, а не сюжета».

Как бы ни был богат эротическими фактами весь сюжет произведения или отдельные сюжетные эпизоды, как бы далеко не заходили эти факты по лестнице Эроса, – мы не в праве назвать произведение порнографическим, если не установим, что цель его – возбуждение инстинкта, а способ достижения – описательство и документация. Обратное: там, где в наличии нет возбуждения инстинкта – эротический сюжет полностью освобождается от всякого подозрения и свободно пользуется легальностью, которая теоретически у него вообще неотъемлема. В искусстве нет нелегальных сюжетов. Ибо всякий сюжет лишь входит в мотивировку общих воззрений автора».

Я не знаю человека, который, прочитав книгу Сорокина, обнаружил бы у себя «возбуждение инстинкта», напротив, налицо полное его подавление. Тексты Сорокина – антипорнография.

Если бы «Идущие вместе» обвинили Сорокина в том, что его книги повышают процент фригидности и импотентности у психически неустойчивой части населения, – в этом хотя бы была доля правды.

Итак, обвинение в порнографии – лишь предлог. Что по-настоящему возмутило «прогрессивную молодежь»? Нетрудно догадаться. Сорокин и в предыдущих своих книгах «далеко заходит по лестнице Эроса», но в «Голубом сала» участниками «эротических сюжетов» (и каких сюжетов!) стали персонажи по фамилии Сталин, Хрущев и иже с ними. Пишу «персонажи», потому что они так же похожи на носителей знаменитых имен, как ваш хороший знакомый на чудовище, которое вам приснилось в кошмаре. Но пока вы еще не проснулись, для вас этот монстр почему-то существует под именем того самого знакомого. Если вы попытаетесь понять сон, то наверняка найдете какое-нибудь объяснение, а не найдете – ваше подсознание трудилось впустую. Книги Сорокина тоже похожи на активное подсознание, которое напрасно сигнализирует о чем-то своему беспробудному сознанию.

Шведское издание «Голубого сала»

Нельзя сказать, что великие имена коммунистической эпохи перестали пользоваться популярностью. И лишут, и публикуют, и снимают — негодую, клеймя и проклиная, но как-то обходилось без судов и демонстраций, а вот на Сорокина обиделись. Наверное, жуткая и кровавая правда про «отца народов» не возмущает «Идущих вместе», наоборот, вызывает сладкий трелет. Злодейское величие «папочки» как бы снисходит и на его духовных деток. Слезы и проклятия их не задевают, они смея боятся («А корольто — голый!»), который выбивает у них почву, то есть величие, из-под ног. Товарищ Сталин в метафизическом смысле «лоимел» всю страну, да и сейчас, из могилы, еще «имеет», и что самое страшное, многие получают удовлетворение от этого болезненного и унижительного акта. Часто жертвы насилия становятся его же адептами. Пытаясь компенсировать свое унижение, они делают унижение нормой общения. Обряд тоталитарной «инициации» и состоит в совершении публичного постыдного поступка, пусть незначительного, как, например, вступление в партию не по идейным соображениям, а потому что «все так делают», или ради выгоды. При этом абсолютно ясно, что происходит какая-то нехорошая купля-продажа, и глаза у всех «скошены от постоянного вранья», но зато небольшое насилие над собой позволяет стать «полноправным членом общества». Десятилетия лицемерия привели это самое «общество» к острому дефициту самоуважения, достоинства, благородства — тех качеств, без которых народ превращается в безликое и бессильное население. И вдруг на тоскливом фоне всеобщей апатии и цинизма возникают бодрые молодые люди с благими намерениями. Вроде радоваться бы надо, но чему — тому, что они буквально «мочат в сортире» книги русского писателя? Да еще заявляют при этом, что таким «интеллигентным» способом... защищают А. П. Чехова?

Впрочем, «Идущих вместе» не пинал только ленивый, многие считают эту организацию картонной и неопасной, хотя сам Сорокин не склонен относиться к ней легкомысленно:

«Это — не шутка и не фарс, а зонд, которым прощупывают культуру.

Без поддержки Кремля «Идущие вместе» не стали бы действовать настолько вызывающе и свободно. Я не знаю, кто конкретно стоит у них за спиной, но один мой знакомый, случайно оказавшийся возле

«Задание — забросить Сорокина помидором!» — вот такие «игры» на сайте «Идущих вместе».

Большого театра, когда там проходила направленная против меня манифестация, видел, что органы правопорядка следили за тем, чтобы никто не помешал проведению этого абсолютно фашистского акта. Мои книги были испоганены, растоптаны, разорваны на части, брошены в картонный туалет, а затем облиты щелочью; после чего было начато судебное разбирательство, но не против них, а против автора, труды которого они уничтожали. Это очень печально».

(Опубликовано на сайте www.inosmi.ru 24 сентября 2002)

Владимиру Сорокину пришлось отнюдь не сладко. Несколько утешает то, что пробный зонд показал отсутствие на данный момент в почве нашего общества элементов, необходимых для роста идеологии. Это подтверждает и вялая реакция собратьев по перу. Единственным писателем, кто повел себя как настоящий «шестидесятник» был писатель Виктор Ерофеев, направивший Владимиру Путину открытое письмо, в котором осудил травлю, развязанную «Идущими вместе» против Сорокина. Остальные либо не почувствовали никакой настоящей угрозы Сорокину, либо позавидовали бесплатному пиару «Голубого сала», либо просто не любят ни Сорокина, ни его творчество. Последних, пожалуй, большинство.

«Я пишу жесткую литературу, она многих может шокировать... Я никогда не льстил миру», — так объясняет Владимир Сорокин нелюбовь к нему.

«...Все мои книги действительно на тему насилия; что это такое и как с этим жить вообще. В детстве я очень чувствительно реагировал на насилие, оно было для меня некоторой загадочной энергией, я совсем ее не понимал и не понимал, почему она вообще людям присуща. Почему все на свете вообще связано с "мерянием силой". Я и до сих пор этого, видимо, не понимаю. Действительно, можно сказать, что это одна из движущих тем для меня — насилие и жизнь под ним».

(Из интервью с Линор Горалик)

Ну что можно посоветовать не любящим Сорокина? А не читайте. Не интересуют вас эти темы — читайте про «разумное, доброе, вечное» и ...понятное. Мысли уютно покачиваются в разношертном веками гаммаке «гуманитарной» литературы; там все искожено, знакомо и спокойно. Все новое раздражает, а Владимир Сорокин к тому же еще посягает на святое:

«Все дело в том, что великая русская литература уже давно бы благополучно перестала быть великой русской литературой вместе с окончанием Серебряного века и стала бы просто русской литературой, но после революции, которая во многом была порождена ею, она была опять поднята на щит большевиками как самый мощный язык влияния. Они ее использовали. И они ее заморозили. Пока работал советский холодильник, она там сидела и была жива. А когда этот период кончился, она превратилась в грудку гниющего мяса. Так что все эти критики напоминают мне кликуш, танцующих вокруг гниющего бронтозавра. Некоторые делают вид, что вообще ничего не произошло, несмотря на ужасную вонь. Есть такое африканское племя, где, когда вождь умирает, делают вид, что ничего не произош-

ло. Его подвешивают на веревках, водят, продолжают кормить, подкладывая под него жен. Вот и наша официальная литературная среда производит с литературой подобные манипуляции».

(Из интервью с М. Климовой, газета «Смена», 1997 г.)

Владимир Сорокин – один из немногих русских писателей не боящихся обидеть «священных коров» – как политических, так и литературных.

Он даже готов отказаться от звания «писатель», чтобы быть избавленным от сомнительной чести «быть больше», чем писатель:

«Я говорю, что я не писатель, потому что в русской традиции писатель – это учитель, пророк и диссидент. Я не являюсь ни одним из трех. Я – не учитель, потому как полагаю, что литература ничему не учит. Тот факт, что кому-то что-то удается на бумаге, еще не означает, что он умнее других. Я – не пророк и, в отличие от Солженицына, никогда не буду давать абсурдных советов по обустройству России. Я – не диссидент, потому как у меня нет политических убеждений. Мне абсолютно безразлично, кто управляет страной.»

Россия – это горько больше, чем ее правители. Поэтому мне не нравится называть себя писателем. Я – литератор».

Массы всегда задевало слово «элитарность». Сорокин – писатель именно элитарный. Человеку, не стремящемуся развивать литературный вкус и компетентность, не стоит его читать, а тем более судить. Не дадите же вы ребенку, едва освоившему «Букварь», читать Достоевского: он будет складывать буквы в слова, но за словами не увидит смысла. А у Сорокина «строительный материал» уже не буквы и слова, а литературные стили, приемы, штампы, образы. Это – как в программировании: переход от машинных кодов к объектно-ориентированным языкам (программисты оценят сравнение).

Буквально читающие «Идущие вместе» увидели в «Голубом свле» скабрезную историю, в Сорокин писал о «гибели русской литературы».

Не в первый и не в последний раз Масса пытается принудить Индивидуальность стать ей ровней, не утруждаясь пониманием и доставляя себе удовольствие окриком.

«Когда человеку не нравится произведение искусства, но он его понимает, он чувствует свое превосходство; но когда произведение искусства непонятно, человек раздражается, чувствует себя униженным, у него возникает смутное ощущение своей неполноценности, и он возмущенно стремится утвердиться перед лицом этого произведения...»

Привыкшая господствовать масса чувствует себя ущемленной в своих «правах человека» новым искусством, которое является искусством привилегированных, искусством инстинктивной вристократии. Поэтому, где бы ни появлялись новые музы, масса встречает их в штыки».

Хосе Ортега-и-Гассет, «Дегуманизация искусства»

Некоторые наши замечательные современные писатели, способные оценить литературное дарование Сорокина, при этом также признаются ему в «не-

любви». Они принадлежат к «гуманитарному» направлению в искусстве, так или иначе возвеличивающему или оправдывающему Человека. Но человечество выходит из того возраста, когда «Я» неотделимо от остального мира, и хочет, и пытается посмотреть на себя со стороны. Сорокину, который «родился с ощущением, что между мной и миром есть пустое пространство», смотреть со стороны вполне удастся, как некому астральному космонавту, отважно отдаляющемуся от земного корабля, да еще и описывающему при этом свои ощущения.

Я доверяю таланту и интуиции Владимира Сорокина, поэтому испытала приступ оптимизма, когда на вопрос Линор Горалик: «Жить – страшно?» Сорокин ответил:

«К счастью, не всегда. К счастью, не всегда».

Из прессы:

Московская прокуратура согласилась с решением главного следственного управления ГУВД столицы о прекращении после трех экспертиз и девяти месяцев дознания уголовного дела против писателя Владимира Сорокина.

Я никогда не ходил в храбрцах, и меня всегда, сознаюсь, подташнивало от необходимости даже заурядного, каждодневного героизма, поэтому не мог я без удивления и некоторого даже омерзения следить, как известный вам Владимир Георгиевич Сорокин с помощью обыкновенного портфеля или папки врезался в черепа и грудные клетки даже не противостоящих ему, а просто неминующих его. Говорят, он не всегда был таким и в детстве его обнаруживали в обществе мышей, тараканов и птиц. Но я уже застал его таким, однако же видел двух его дочек и жену, и они не возражали против его неистовств.

Дмитрий А. Пригов

Татьяна МЕЛЬНИК

ЭСТОНСКИЕ РАБОЧИЕ КОЛОННЫ

октябрь 1941 – май 1942

В начале октября 1941 года в Главлесосбыте и строительстве аэродромов при СНК СССР были организованы и переведены на полный козрасчет в систему Наркомлеса (НКЛеса) строительные батальоны, получившие название рабочих колонн (РК). В Архангельский военный округ (Арх. ВО) были направлены эстонцы, мобилизованные в июле 1941 года на территории Эстонской ССР. Рабочие колонны представляли из себя воинские подразделения, разбитые на отряды и взводы, во главе которых стояли политруки РККА и командиры из числа эстонцев, владеющих русским языком. Бойцы не имели документов, поэтому анкетные данные записывались со слов, что позволяло эстонцам называться чужими именами и указывать свою принадлежность к той социальной прослойке, которая была им удобна. По словам тех, кто проводил формирование РК, «эти люди не заслуживали политического доверия и являлись реакционно-настроенным элементом. Свою враждебность они выказали в десятках и сотнях фактах, саботажах, разбоях, открытых нападениях на комиссаров колонн, представителей НКВД, должностных лиц и прочих граждан»¹.

Запрошенные Наркомлесом у Наркомата обороны в качестве новой рабочей силы, РК передавались Арх. ВО на предприятия «с полным трудовым использованием на стройплощадках и лесозаготовках». Так эстонцы, общим числом 4030 человек (1870 человек в Главлесосбыте и 2160 – в Главлесовлесе), мобилизованные в РККА, оказались на котлаеских предприятиях в составе рабочих колонн.

В Котлаеселе фронтом их работ стал лесоповал. Эстонцы прибыли на рабочие места, которые до них занимали депортированные польские граждане, уехавшие после амнистии 12 августа 1941 года. С отъездом «основных кадров НКЛеса» выполнение Госплана лесозаготовок было под угрозой срыва. В Котлаеселе ожидали прибытия 3000 человек, спешно готовили лесосески, жилье, столовые, пар-

ки, пекарни, бани. К 15 октября было принято 2640 эстонцев. Все прибывшие были размещены в общежитиях комнатной системы (2,5-3 кв. м на человека). В Спецкотлаесстрое бойцов разместили в теплушках военного типа, в колхозных дочах и в плазучих общежитиях. Не доставало бытового инвентаря: умывальников, кадушек для воды. Постельными принадлежностями новые рабочие были обеспечены только на 40-50% в связи с тем, что «имеющееся в наличии изношено, т.к. продолжительное время было в употреблении, а купить было невозможно»². Отряды прослушали инструктажи по технике безопасности, получили рабочие инструменты и приступили к работе в лесу.

С первых дней работы эстонцы «давали низкую производительность», вырабатывая в среднем по 0,5 кубометра на человека, из-за чего их заработка не хватало даже на питание. Ко всему, многие не имели одежды и обуви и по этой причине вынужденно протуливали. По результатам работы октября управляющий трестом Боровских сделал вывод, что «бойцы в большинстве своем не хотят честно работать и являются элементом весьма ненадежным. Не давая продукции государству, они при таком положении съедят все фонды треста». Кроме эстонцев в Котлаеселе в то же время работали 2 тысячи эвакуированных, которые обеспечивали и себя, и свои семьи по 3-5 человек и питанием, и одеждой. Боровских называл создавшееся положение с РК не только странным, но и диким, т.к. колонны имели отборный состав, но на себя не зарабатывали и продукции государству не давали.

Осенняя погода не позволяла всем бойцам работать в той одежде и обуви, которая у них имелась. В 112-й рабочей колонне Ньюбского МЛП из 714 человек на работы выходили по 500-550, но они своим дневным заработком не могли обеспечить питание всего коллектива. До 1 ноября колонна заработала 27 тысяч рублей, в то время как только на питание было получено 50 тысяч. Октябрьский аванс в 23 тысячи рублей оставался неотработанным. В 113-й рабочей колонне Удмского МЛП из 745 человек на работу ежедневно выходили по 500-600, остальные «лежали в помещениях».

Командование 113-й РК, имея претензии к работникам столовой, добились разрешения самим бойцам готовить пищу для колонны, но спустя 10 дней было вынуждено отказаться от этого, ибо «израсходовав продовольствия на 11 тысяч рублей, не заработали за этот период ни

Татьяна Мельник – участник Котлаеского движения «Совесть», кривовед. Живет в Архангельске. Исследует темы сталинского режима: польских спецпереселенцев, Котлаеского пересыльного пункта – Котлаеслага и др.

Сводная таблица количества эстонцев в РК на котласских предприятиях¹.

Хозорган НКЛеса СССР	№ РК	Место дислокации РК	на 15.10.41	на 1.01.42
Спецкотласстрой Главлесобита (управляющий Кудинов)	109	Стройплощадка Черняги	?	304
	110	Стройпл. Байка и Каряжма	?	885
Котласлес Главселевеса (управляющий Боровских)	111	Красноборский ЛПХ	960	1558
	112	Нюбский мехлеспункт	711	579
	113	Удимский мехлеспункт	743	704

одной копейки»³. Администрация была вынуждена авансировать РК, увеличивая их дебиторскую задолженность.

Такое же положение складывалось и в Красноборском леспромпхозе. Управляющий трестом написал докладные в Наркомлес, в обком партни, в ВС Арх, ВО и предложил «вести порядок снабжения продовольствием в зависимости от выполнения дневной нормы, т.к. заставить их работать другими путями трудно». Для немедленного исправления существующего положения он просил дать указания и тресту, и командованию стройбата. «Чтобы они укрепляли трудовую дисциплину и сами чувствовали ответственность перед государством за поднятие производительности труда и полное трудовое использование вверенных им людей»⁴. НКЛесом и Арх, ВО был согласован порядок снабжения и обеспечения бойцов РК, но условия договора не были доведены до сведения управляющего Котласлесом, что заставляло его неоднократно обращаться по всем инстанциям с вопросами: «Сохраняется ли норма продовольствия строевых частей, с обязательным предоставлением ежедневно всех продуктов, предусмотренных суточным рационом бойца? Будут ли даны Леспродторгу для этой цели фонды? Каким образом производить снабжение теплой одеждой и обувью, имея в виду, что трест никакими запасами одежды и обуви не располагает? Будет ли занаряжено постельная принадлежность по линии Техснаба или материал для пошива ее по линии Леспродторга?»

В конце ноября он писал: «Большим недостатком в работе и взаимоотношениях является то, что мы не имеем никаких положений и установок от вышестоящих организаций, регулирующих наши взаимоотношения с командованием колонн. Получается, что они не знают, как им поставить работу, а мы не знаем, каковы наши обязательства перед ними»⁵.

По этим причинам в 113-й РК возник конфликт между администрацией мехлеспункта и командованием части, которое требовало: снабжения питанием (включая масло, сахар и другие продукты) по нормам, установленным для бойцов РККА с выдачей аванса на питание в размере 75 рублей на человека; обеспечения каждого койкой, матрацем, одеялом, подушкой, простыней и стопроцентного снабжения обувью и спецодеждой (особенно теплой), отказываясь выводить не имеющих обмундирования на работы в лес, а также включения в питат для оплаты всего комсостава. В то время как должностные лица отлучались, командование РК требовало немедленного заключения соглашения.

Управляющий трестом был вынужден действовать самостоятельно, гарантируя командирам батальонов со своей стороны: выдачу аванса только в пределах заработка рабочих, а не в требуемых размерах; снабжение одеждой и обувью на равных основаниях с рабочими постоянных кадров через сеть Леспродторга за наличный расчет (на

складе, кроме рукавиц, ничего не было); питание через столовые Леспродторга из имеющегося ассортимента продуктов, но не по нормам, установленным для красноармейцев; обеспечение постельными принадлежностями частично, исходя из наличия (вместо недостающих матрасов предложил сделать соломенные маты). Принять комсостав на содержание, как не предусмотренный штатами, отказался⁷. Командиры колонн сообщали в Арх, ВО о невыполнении трестом их требований, докладывали о происшествиях в колоннах, обвиняя во всем администрацию. В ответ на это командующий Арх, ВО генерал-лейтенант Романовский подписал постановление № 00305 «О неудовлетворительном обеспечении занятых на работах бойцов строительных батальонов». Он обвинил руководителей предприятий «в плохом использовании людей на производстве, в результате чего среди бойцов возникли недовольство, массовые случаи заболеваний, невыходы на работу, дезертирства» и обязал руководителей «в декадный срок утеплить все помещения, занимаемые бойцами; снабдить необходимым бытовым инвентарем, постельными принадлежностями; обеспечить нормальную работу столовых, ларьков, медпунктов, дезокамер; забросить в пункты работы стройбата необходимое количество теплой одежды, обуви, рукавиц и организовать достаточное количество пунктов по починке обуви и одежды»⁸.

Во исполнение этого приказа Боровских обратился за дополнительными фондами. Ему сообщили, что, во-первых, обеспечение теплой одеждой и обувью, как и постельными принадлежностями, должно быть на общих основаниях и одинаковых условиях с постоянными кадровыми или сезонными рабочими, в зависимости от срока работы бойцов. (По возможности посоветовали удовлетворить «этот контингент» из имеющегося наличия, обещая, что при распределении декабрьских фондов и фондов I квартала израсходованное будет учтено и соответственно компенсировано). Во-вторых, снабжение питанием бойцов РК должно быть на одинаковых условиях с прочими лесными рабочими, т.к. специальных фондов по нормам питания для красноармейцев не выделяется. Поскольку вопросы выделения фондов разрешались на местах, управляющему посоветовали совместно с Котласлеспродторгом добиваться от областных организаций выделения фондов для РК из расчета суточного рациона, предусмотренного бойцам⁹. В конце ноября Боровских удалось добиться частичного «разбронирования» теплой одежды. Так, бойцам 113-й РК было разрешено продать 286 ватированных костюмов. Директор мехлеспункта дополнительно выдал колонне в кредит 60 комплектов теплой одежды из фондов спецодежды машинистов, кондукторов и рабочих депо, которым она «палагаться по закону». Таким образом, можно было бы одеть 346 человек, тогда как в колонне плохо одетых было 180. Рабочим колонны через Леспродторг было продано 160 комплектов теплых костюмов, 240 пар валенок,

80 пар сапог, 600 метров портяночного сукна и 700 пар рукавиц. По линии треста Котласлес было разрешено дополнительно продать 50 костюмов и 15 войлочных бурок. Но из-за отсутствия заработка привезенная и разрешенная к продаже одежда лежала в магазинах не выкупленной, а мехлеспункты не могли постоянно авансировать колонны деньгами, т.к. это «категорически запрещалось законом и находилось под ежедневным контролем финансовых органов, которые при такой задолженности запрещали авансирование до покрытия выбранных сумм».

Во всех котласских РК были зафиксированы случаи умышленной порчи одежды и обуви бойцами в пелях уклонения от работ.

Отмечены также факты, когда бойцы, получившие одежду, выходили на работу только 2 раза в неделю. В начале декабря, с наступлением морозов, 3 тысячи бойцов в течение пяти дней не выходили на работы. По признанию Боровских, «реальных результатов в обеспечении стройбата обувью и теплой одеждой из запасов Леспродторга добиться не удалось».

Финансовое положение РК еще больше усугублялось, а выполнение плана лесозаготовок срывалось. Управляющий был вынужден пойти на крайние меры: «Прощу НКЛес дать указания Котлассплаву и агентству Севтранзитсплава отпустить нам 1500-2000 кг утильного каната для производства лаптей, иначе выхода нет, и бойцы даже в теплое время не смогут выходить на работу»¹⁰. Нерешенными оставались и проблемы с питанием. Отпуск крупы и муки был строго ограничен. Зарабатывая в день не более одного (!) рубля, они не могли покупать мясных блюд, которые оставались «неразобранными и портиться»¹¹.

Директора мехлеспунктов жаловались на отсутствие дисциплины в колоннах и, как следствие, — низкий процент выхода на работу. От бойцов требовалось одно — лучше работать, но работать они не хотели, зарабатывали мало, или ничего не зарабатывали, поэтому голодали и не могли приобретать одежды. В ноябре долг всех колонн по Котласлесу составлял 74600 рублей: 110 РК — 30000 рублей, 112 РК — 23000, 113 РК — 21600. Были зафиксированы случаи, когда командование колонн «всячески вымогало незаработанные деньги» с руководителей предприятий.

В начале декабря военком 112-й РК сообщил в Арх. ВО о тяжелом материальном положении, создавшемся в Нюбском МЛП. А именно: «финансирование проводимых работ производится несвоевременно, питание организовано плохо, свыше 100 человек ежедневно не выходят на работу из-за отсутствия обуви, много простудившихся, лечение больных из-за недостатка медперсонала не организовано»¹². Надо отметить, что подобное положение сложилось не только в Котласлесе, но и на предприятиях Котласречстроя и управления строительства лесозаводов Главлесобьита. Так, в 109-й РК 13 бойцов с воспалением легких и 12 с дизентерией длительное время находились в общежитии из-за отсутствия мест в городской больнице.

Среди личного состава были «случаи смертности», только в ноябре умерло 7 человек, из них 4 — в общежитии¹³. Боровских считал, что причины заболеваний и смерти заключаются в ослаблении организма тех, кто не работал, многие имели хронические заболевания до приезда на котласские предприятия. Никто не следил за санитарным состоянием: «некоторые вполне здоровые бойцы находились в общежитии. Полы не мылись, пыль не сметалась. Люди не ходили в бани, даже не умывались неделями, не

брились, волос не стригли. Валялись в одежде на койках целыми сутками и месяцами безо всяких движений». В 113-й РК было ЧП со смертельным исходом, по которому разбирались прокуратура: «больной эстонец Сулппа при перевозке из Привидино, не доезжая 7 км до Котласа, был выброшен из саней и оставлен на снегу. При дальнейшей перевозке в больницу во время пути он умер»¹⁴.

В декабрьском постановлении «О состоянии РК в трестах Спецкотласстрой и Котласлес» командующий Арх. ВО отметил, что НКЛес не провел необходимых мероприятий для обеспечения выполнения Госплана лесозаготовок. «Управляющие трестами Кудиново и Боровских не были подготовлены к размещению и рентабельному использованию РК, не проявили материнской заботы в организации помощи комсоставу в создании нормальной жизни и деятельности РК. Не организовали квалифицированного руководства по процессам труда. Не обеспечили рабочих теплой одеждой и обувью, что дало чрезвычайно низкую производительность труда, высокую заболеваемость и несчастные случаи. С наступлением зимней погоды значительно увеличилось число простудных заболеваний (грипп, воспаление легких). При наличии в РК одного фельдшера и при разбросанности людей на разных участках многие больные получали медпомощь, диетическое питание с большим опозданием, а из-за отсутствия свободных мест в райбольницах вынуждены зачастую находиться на голых нарах в общежитиях. Бездушно-бюрократическое отношение со стороны Кудиново и Боровских к РК привело к чрезвычайно тяжелым последствиям и к созданию базовой финансовой задолженности».

Для решения спорных вопросов в Котлас выехал майор Спирин. 25 декабря по Наркомлесу появился приказ № 326 «О бездушно-бюрократическом отношении к РК Боровских и Кудиново». Управляющий трестом Котласлес не согласился с обвинениями в свой адрес. Он попросил прислать ответственного представителя Наркомата, проанализировать работу колонн на месте, проверить отношение бойцов к работе и роль комсостава и тогда сделать выводы. В свое оправдание он привел факты: «Мастера леса, техноруки, бракеры, другой административно-технический состав имели с первых дней полностью на всех участках, где работают РК. Жилфонд и бытовые помещения были подготовлены, но с прибытием РК командование предъявило претензии к условиям размещения в них войсковых частей, чего мы раньше предусмотреть не могли. Работа за передачку зданий колоннам оплачена. Я просил разбронировать 1000 пар валяной обуви и 1000 комплектов ватированной одежды. При частичном разбронировании в октябре-декабре из-за отсутствия средств бойцы не могли ее приобрести. Просил разрешить вопрос с финансированием РК на эти цели, но ответов не получил. Вы мне помощи не оказали, а сам я разрешить вопроса не мог, т.к. на своих складах одежды и обуви не имел. Средств для авансирования колонн в тресте не было, а банк авансов на эти цели мне не разрешил. Инструментами бойцы обеспечены полностью с первых дней. Постельные принадлежности позаимствованы у Котлассплава на срок до 1 апреля. Командование округа через своих представителей были известны наши возможности, они не возражали против соламенных матов, плетением которых мы занимаемся и сейчас. Весь вопрос в том, что в колоннах нет никакой дисциплины, никто ее не наводит и не дает никаких установок комсоставу РК, а моих приказов они не выполняют, заявляя, что

ние они не подчиняются. Личный состав не хочет работать, а имеющуюся одежду, обувь, инструменты портят, и за это никто взысканий не несет. Не хотят учиться рубить лес, только греются у огня даже в теплые дни. До настоящего времени нет узаконенного положения о РК, определяющих наши взаимоотношения с командованием, о чем я неоднократно сообщал и ждал Воишь указаний, а спустя два месяца Вы во всем обвиняете меня!»¹⁵.

В начале февраля по распоряжению командующего штаба Красной Армии в РК Котлаелеса был проведен отбор голных для службы в армии. Военная комиссия проверила 1910 бойцов. Годными для службы признано 1567 человек. 343 бойца были отсеяны, из них по болезни – 198, остальные по политико-моральным признакам, как «элемент явно враждебный». 78 человек из 112 и 113 РК были арестованы либо числялись в беггах¹⁶.

Штаб Арх. ВО получил указание о выделении пополнения эстонских рабочих колония по трестам Котлаестрой и Котласлес взамен отобранных людей. Пополнение «некомплекта» планировалось провести «за счет ограниченно годных к военной службе в возрасте до 50 лет включительно, но годных к физической работе и за счет годных к военной службе от 46 до 50 лет». Оставшийся «контингент», после отбора в РККА, по словам Боровских, «представлял из себя больных или морально разложившихся, саботирующих по разным причинам. Они не работали и работать не собирались, а только занимали помещения и состояли на снабжении».

5 марта Наркомат обороны дал распоряжение командующим военными округами производить отбор из РК голных для службы в Красной Армии с зачтенной военнообязанным старших возрастов до 50 лет. Призыв из колонии без одномоментной замены был категорически запрещен. НКЛес добивался полного укомплектования предприятий трестов бойцами РК¹⁷. Но к этому времени из трех колонн в Котлаелесе оставалось всего 620 эстонцев, из них выходили на работу только 28 человек, 592 – не работали. Им приходилось ежедневно выпрашивать у начальников лесопунктов продукты в кредит. Боровских просил НКЛес «убрать этих людей», т.к. средств на содержание больных и нетрудоспособных у треста не было.

В порядке пополнения управляющий просил дать РК, но за счет другого состава. Их размещение планировалось по 500 человек: в Красноборский, Удичский и Ньюбский МЛП, а при разрешении устройства двойных нар – по 750. Заявки на обмундирование, обувь, матрацы, одеяла, постельные принадлежности, бытовой инвентарь, посуду и др. управляющий подавал на 3 тысячи человек. «Недокомплект» начал поступать в трест уже в конце февраля¹⁸. С 10 апреля на основании постановления ГКО было запрещено формирование и передача РК гражданским Наркоматам. К 20 апреля предлагалось изъять из РК весь старший, средний, младший начальствующий состав (за исключением колонн, работающих в системе НКВД), конский состав, повозки, упряжь и рядовой состав, годный к строевой службе до 45 лет для комплектования войсковых частей. В это время в Котлаелесе находилось 1674 бойца, в 111 РК – 503, в 112 – 537, в 113 – 634. РК были расформированы. Годные к службе призваны в действующие части РККА, негодные – демобилизованы. 1234 человека были приняты РВК на персональный учет как мобилизованные и переданы для работы в Котлаелес: из 111 РК – 415 бойцов, из 112 – 416, из 113 – 403. В их числе было до 60% эстонцев,

судившихся по ст. 58 «контрреволюция», а также возвращенных по разным мотивам из действующей армии. Они «были годными для службы в строевых частях РККА, но по политико-моральному состоянию признаны годными только к труду, а не к службе в армии».

Этот «контингент» находился на особом учете НКВД и переводить его из района, определенного для пребывания, было запрещено. Дальнейшее обеспечение предприятий рабочей силой было возложено на местные исполкомы в соответствии с указом Президиума ВС СССР. В связи с предстоящими весенними сплавыми работами нарком Леспрома 15 апреля подпisał приказ № 203/02 «О передаче всех бойцов бывших РК слоновым трестам». Котлаелесу нужно было передать в Котлассплав 2380 человек. Этот приказ не мог быть выполнен, т.к. в тресте было всего 1234 человека. Они состояли на учете в РВК, откуда никаких распоряжений не поступало, более того, на их перевод с изменением районов места жительства нужна была санкция органов НКВД.

На выполнении экспортного плана и на обеспечении работы Удичской и Ньюбской узкоколейных железных дорог было задействовано 514 человек. Их мобилизация с этих пунктов работ на сплав была запрещена Архоблисполкомом. Трест Котласлес никакой другой рабочей силой на тот период не располагал. На молсовом сплаве и лесозаготовках работало 535 человек. 185 числились больными. В ходе переговоров к концу апреля в Котлассплав было передано только 185 человек: из Красноборского ЛПХ – 50, из Ньюбского – 105, из Удичского – 30. К началу мая расстановка оставшихся бывших эстонских бойцов в Котлаелесе была такой: из бывшей 111 РК на молсовом сплаве – 107 человек, на «готовке и разделке экспорта» в Ньюбском МЛП – 258. Из бывшей 112 РК на молсовом сплаве – 311. Из бывшей 113 РК на заготовке, вывозке и разделке экспорта в Удичском МЛП – 25, на дровозаготовках (по постановлению ГКО) – 117. 231 человек числились больными¹⁹. О дальнейшем пребывании эстонцев в тресте Котлаелес автору ничего неизвестно.

Архангельск

Примечания

¹ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 33. Л. 50

² ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32. Л. 222

³ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32. Л. 222

⁴ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32. Л. 215

⁵ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32. Л. 212, ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 33. Л. 212, Л. 36

⁶ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32. Л. 221

⁷ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32. Л. 213

⁸ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32. Л. 220

⁹ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32. Л. 223

¹⁰ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32. Л. 224

¹¹ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32. Л. 221, 222

¹² ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32. Л. 226

¹³ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32. Л. 229

¹⁴ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 33. Л. 9

¹⁵ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32. Л. 232

¹⁶ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 33. Л. 50

¹⁷ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 33. Л. 61

¹⁸ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 33. Л. 48, 60

¹⁹ ГАОО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 33. Л. 88

Послесловие

Имена, судьбы эстонцев, оказавшихся в составе рабочих колонн в Архангельской области, остаются неизвестными. В качестве дополнения – история того же времени одной таллинской семьи в фотографиях. Ее поведала автору жительница Архангельска Тамара Георгиевна Кондакова (Карафин). Она родилась в Таллине в 1932 году, на фото 1 ей два года. Ее отец Георг-Вольдемар Карафин родился в 1906. Фото 2 – он в форме скаута в 1920 году, в годы учебы в таллинской школе. Фото 3 – он же в 1926 году в день окончания Нарвской гимназии со значком выпускника. Ее мать Тамара (Плетцер) Карафин родилась в 1906. Фото 4 – она (слева) с мужем и сестрой Маус Лендер в таллинском парке Тоомпса в 1930 году. Семья Лендеров в Таллине была хорошо известна. Недалеко от Полицейского парка (позднее – Пионерского) они построили частную школу, которая так и называлась «Школа Лендеров» – на фото 5. Четырехэтажная школа-десятилетка была общей, в ней учились и мальчики, и девочки. В качестве школы она сохранилась до сегодняшних дней. Молодая семья жила в любви и согласии, в выходные дни собирались в кругу друзей или сослуживцев, выезжали за город. Фото 6 – с крыши ратуши супруги Карафин любуются видом родного Таллина. Рядом с ратушей была аптека, где работала мать Тамары. Фото 7 – коллектив «ратушной» аптеки в 1939 году на отдыхе в районе Пириты под Таллином. В 1941 году Тамаре исполнилось 9 лет. Все, что видела она потом на этих фотографиях, казалось сном. 14 июня 1941 года их семья была арестована. Времени на сбор вещей был минимум. На машине их привозили на разные станции в черте Таллина, но все вагоны были уже заполнены. На станции Пяэскола для них нашли место в переполненном вагоне. Семью разделили, сказав, что мужчины должны ехать отдельно, а детей оставили с матерями. Пока состав шел по Эстонии, вагоны не открывали. Поезд пересек границу и вошел на территорию России. Фото 8 – открытка 1932 года. Слева германская крепость в Эстонии, справа – Иван-крепость в России. На переднем плане мост через реку Нарва. Выйти из вагонов разрешили, когда поезд миновал мост. Женщины бросились к «мужским» вагонам, но их не оказалось – они были отцеплены и отправлены в неизвестном направлении. Так, Тамара никогда больше и не увидела отца. Он в числе других оказался на лесоповале в Свердловской области. В 1941 году умер в поселке Сосьва Серовского района в Свердловской области. Тамара с матерью оказались в Кировской области в качестве спецпоселенцев. Была снята с учета только после окончания школы и института. По направлению оказалась в Архангельске, вышла замуж, воспитала детей. Многие годы работала на Соломбальском ЦБК. Сейчас на пенсии. Прошло 62 года, но она в мельчайших деталях помнит все, что пришлось им пережить. Семейные фотографии «той» жизни у Тамары Георгиевны сохранились при случайных обстоятельствах. На станцию, откуда уходил их состав, приехал сосед и закинул им в вагон мешок, куда собрал некоторые их вещи. В числе прочего оказался альбом с фотографиями. С фотографиями «той» жизни, к которой никто из их семьи уже никогда не вернулся...

Татьяна Мельник

Фото 1

Фото 2

Фото 3

Фото 4

Фото 5

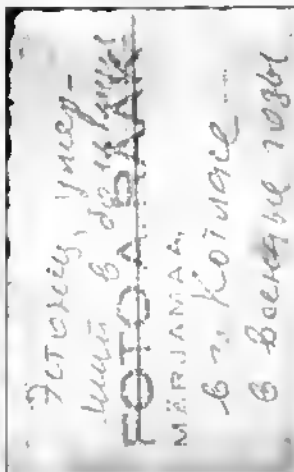
Фото 7

Фото 6

Фото 8

**Свидетельство Журавель Варвары
Галактионовны, 1920 г.р.:**

«Я работала санитаркой с 1939 года. Очень много было эстонцев в войну. Они болели дизентерией. "Усыпалка" была [там], где теперь тюрьма, немного не доходя. Носили их [трупы] и ночью, и днем. Два часа полежит, и тащим. За сутки человек 5 умирало. Придешь на смену, надо печи топить, убирать всё, а ещё и таскать в "усыпалку". Я работала в инфекционном отделении».

24 августа 1992г. Записала Ирина Дубровина.

Приписка:

Подарена фотография эстонца. Фамилии, имени не помнит. Эстонец умер в больнице в 1942 или 1943 году. Он был репрессированным, работал на постройке ж.д. моста. Сам подарил фото Варваре Галактионовне.

Архив КИПОД «Совесть»,
Фонд «Воспоминания», д.2, л.50

Екатерина МАКАРЕНКО

РЕПРЕССИИ: КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

По материалам Государственного архива Рязанской области

Изучение истории политических репрессий в начальный период существования советского государства на современном этапе может быть основано главным образом на документальных источниках.

Архивные исследования дают возможность составить списки граждан, репрессированных в первые годы Советской власти, и ввести в научный оборот новые факты.

Доступные исследователю документы по истории политических репрессий 20-х годов в Рязанской губернии хранятся в фондах Государственного архива Рязанской области (ГАРО) и в фондах отдела по работе с документами партийных и молодежных организаций ГАРО. Сразу необходимо отметить, что фонды этих архивов не являются единственным и, тем более, полным источником по истории политических репрессий. Достаточно часто удается получить лишь косвенные данные, не имея доступа к непосредственным источникам, до сих пор хранящимся в засекреченных фондах.

Изученные архивные материалы позволили лишь частично воссоздать картину начала политических репрессий в Рязанской губернии в 1920-х годах.

Мы можем говорить о начале политических репрессий в советском государстве с первых месяцев его существования, когда были изданы декреты о монополии нового правительства на власть и созданы первые карательные органы. На протяжении первых месяцев существования Советской власти, когда шло формирование органов управления, параллельно создавались карательные органы во всех городах страны. Отметим, что этот процесс опередил создание уголовного кодекса и даже принятие конституции.

Чрезвычайные комиссии были созданы декретом СНК от 7 декабря 1917 года как органы по борьбе с контрреволюцией в городах, на железных дорогах, в морских и речных портах, в армии.

Первоначально ЧК должны были осуществлять оперативный розыск лиц, виновных в контрреволюционных преступлениях, производить дознание по их делам и передавать дела суду Революционного трибунала¹.

Рязанская губернская ЧК была создана в апреле 1918 года, уездные ЧК были созданы летом 1918-го. Несколько раз в уездах в обстановке приближавшихся военных действий или крупных антисоветских выступлений создавались Военно-революционные комитеты, которые временно брали на себя всю полноту власти, в том числе репрессивные функции.

Рязанская губернская ЧК имела в подчинении несколько отделений:

1. УТЧК – уездная транспортная ЧК;
2. РОВТЧК – районное отделение водной и транспортной ЧК;
3. ОДТЧК – отделение дорожной транспортной ЧК;

4. ОРТЧК – отделение районной транспортной ЧК.

Начиная с осени 1918 года во всех уездах губернии работали уполномоченные ЧК с помощниками для слежки за антисоветскими элементами¹.

До начала 1921 года Рязанская губернская ЧК имела следующую внутреннюю структуру: общий отдел; секретно-оперативный отдел; юридический отдел; особый отдел (существовал на правах автономного отдела, подчинялся особому отделу при ВЧК).

Общий отдел выполнял хозяйственные и административные функции (до 21 февраля 1921 года носил название секретарского отдела). Секретно-оперативный отдел делился на три части: активная; разведывательная; информационная. Сотрудники информационной части занимались сбором сведений о преступлениях, систематизируя их и передавая дальше по назначению, они должны были устанавливать связь с различными учреждениями, регистрировать преступников и подозреваемых, а также подозрительных. Сотрудники разведывательной части занимались установлением и проверкой факта преступления. Сотрудники активной части предпринимали меры пресечения и предупреждения преступлений. Сотрудники юридического отдела вели следствие. Особый отдел занимался преступлениями военного характера.

Со второй половины 1921 года структура губернской ЧК изменилась. Теперь Рязанская губернская ЧК состояла из двух основных отделов: секретного отдела и следственно-розыскной части. Секретный отдел включал розыскной аппарат с наружной разведкой, оперативную часть, регистрационно-статистическую и информационную часть, а также архивы организации. В следственно-розыскной части состояли: уполномоченный по наружному наблюдению; уполномоченный по партиям и духовенству; уполномоченный по партийным делам; 2 уполномоченных по борьбе со спекуляцией и преступлениями по должности; уполномоченный по уголовным делам; уполномоченный по особым делам (сохранность топлива, возникновение пожаров, расчистка снежных заносов)².

В 1921 году в штате Рязанской губернской ЧК числилось 69 сотрудников. На работу в ЧК принимались только члены РКП(б) или кандидаты в члены партии.

Во всех уездах работали представители Рязанской губернской ЧК – уполномоченные секретно-оперативного отдела³.

После упразднения ЧК все дела уголовного характера перешли в уголовный розыск. Контрреволюционными делами с этого момента занималось ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление).

Со второй половины 1920 года в губернской ЧК была введена карточная система регистрации заключенных и подследственных⁴.

Во второй половине 1921 года в помощь уездным ЧК были созданы политбюро при уездных милициях⁵. Сотрудники набирались из местных партийных органов. Политбюро осуществляли представительство ЧК и отчетыва-

лись перед ней. В штате имели уполномоченного, информатора, следователя и секретаря для ведения общей статистики⁷. В середине 1922 года политбюро были расформированы, вместо них были организованы информационные пункты⁸.

Важной задачей сотрудников ЧК была вербовка новых сотрудников и наблюдателей. В циркулярном письме председателя ВЧК Губкомвч РКП(б) от 14 октября 1919г. говорилось: «*Исключительные комиссии одни не в силах усмотреть за всеми контрреволюционным элементом. Здесь должен каждый коммунист положить свои силы, добыть везде на улицах и площадях, в базарах и хвостах, фабриках и заводах были свои уши и свои глаза*»⁹.

Основным правилом вербовки осведомителей была полная секретность. Осведомителя не должен был знать никто, кроме лица, его завербовавшего, и соответствующего уполномоченного¹⁰. В докладах и отчетах начала 20-х годов сотрудники ЧК часто отмечали, что завербовать осведомителя достаточно сложно, т.к. совершенно нечем его заинтересовать¹¹.

В декабре 1922 года по приказу заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды в помощь органам ГПУ были созданы части особого назначения республики (ЧОН). Их основной целью являлся сбор сведений и материалов контрреволюционного характера, выявление контрреволюционной деятельности, раскрытие заговоров, антисоветской пропаганды и агитации, выявление настроений народных масс данной местности и сбор прочих сведений, направленных против Советской власти. Осведомители назначались для каждого, даже мелкого, населенного пункта, во все без исключения военные учреждения, заведения и отдельные части, на важнейшие советские и государственные учреждения и предприятия, на фабрики и заводы.

В обязанности губернских ЧК (а затем ГПУ) входило составление информационных сводок о политическом состоянии губернии. Для того чтобы держать ситуацию под контролем, не допускать контрреволюционных выступлений и кулацких восстаний, ЧК (а затем – ГПУ) скрупулезно собирали информацию о настроениях всех групп населения. Сводки составлялись на основе агентурных данных и докладов уполномоченных из всех уездов губернии и предоставлялись в информационный отдел ВЧК (ОГПУ). Копии отсылали в Рязанский губернский комитет РКП(б), Рязанский губернский Исполком, губернскому прокурору и в управление транспортного и водного отделений ЧК (ОГПУ).

С 1918 по 1921 гг. сводки составлялись каждые три дня. С начала 1922 года постепенно перешли к составлению двухнедельных сводок. Примерный перечень тем сводок был следующим: состояние партийной организации; отношение к партии различных социальных слоев; наличие других партий, их выступления и влияние на массы; настроения на фабриках и заводах; наличие волнений и забастовок; уровень осведомленности населения о политике правительства и отношении к ней¹²; деятельность служителей церкви¹³.

Целью составления таких документов было, прежде всего, выявление отношения различных слоев населения к Советской власти и осуществление общего контроля. Большое внимание уделялось членам других политических партий, большая часть которых находилась под наблюдением ЧК – ГПУ. Под наблюдением находились также священнослужители, принадлежащие к различным религиозным конфессиям.

Помимо обычных, составлялись также экстренные сводки в случаях, когда было необходимо создать общую картину отношения населения к какому-либо событию. Такие сводки составлялись во время судов над членами антисоветских партий, партийных дискуссий, смены руководства страны.

Если кратко суммировать данные сводок о политическом состоянии губернии, то становится очевидным ряд социально-политических и экономических проблем населения того периода. Крестьянство больше всего волновали: недостаток земли, налоги, принудительное изъятие продуктов, мобилизация. В своем отношении к власти крестьянство оставалось достаточно безразличным. Заметим, что в мемуарной литературе также часты упоминания о том, что в первые годы после революции крестьяне практически не проявляли никакого интереса к вопросу о том, кто ими управляет.

«Констатирую политическую безграмотность рабочих, больше занятых своей индивидуальной жизнью, počas не интересующихся идеологией социальной революции и легко поддающихся вале крикунов и мелкобуржуазной стихии. Повсюду можно наблюдать отсталость рабочей массы от передовых идейных товарищей и незнание ими своего революционного долга как рабочих <...> как например, в Спас-Клепиковском уезде рабочие стекольных заводов легко поддались под влияние бывшего меньшевика, ставшего среди них окончательно подорвать авторитет коммунистической партии своими возгласами провокационного характера, другие зарегистрированные случаи, вызывающие недовольство рабочих на почве невыдачи продпайка, также характеризуют их бытовую физиономию»¹⁴.

В начале 20-х годов политическая пассивность была характерна практически для всех групп населения. Так же как и крестьяне, рабочие и служащие были озабочены более насущными проблемами: недостаток средств и продовольствия, высокий уровень преступности, трудности с поиском работы.

«Отношение к коммунистической партии со стороны населения большей частью безразличное, местами же, где проявляется бытовое поведение членов Р.К.П., отношение к ним враждебное».

«Постольку поскольку ухудшаются экономические условия, осложняется положение рабочих и крестьян, а также плохое повышение производительности за отсутствием необходимого материала, всё это ставит в виной коммунистической партии, среди обывательщины же вызывает враждебность»¹⁵.

Часто отмечалось, что население, особенно сельское, было вполне благожелательно настроено по отношению к центральной власти, но в то же время имело массу претензий к представителям местной власти, которые старались извлечь из собственного служебного положения максимум выгоды, при этом притесняя и злупугивая население.

«Настроение к Советской власти хорошее, но к местной власти относится недоверчиво, здесь недовольства усматриваю только в том: местная власть употребляет очень много самогонки. На почве этой граждане и говорят: "Самогонка стоит 1300 руб., а они, т.е. весь волостной совет, каждый день почти все пьяные, на это нужны большие деньги, а где они берут, мы этого не знаем, а если из нас снажет что-то, Валсовет стражает отправить в Рязань в монастырь»¹⁶, поэтому нам и нельзя ничего сказать в деревне»¹⁷.

Уездная ЧК также получала информацию о неблагонадежных и контрреволюционно настроенных гражданах из отдела Военной цензуры. Военно-цензурные отделы проводили огромную работу, контролируя практически всю переписку губернии. По официальным отчетам: за 1920 год Рязанским Военно-цензурным отделом было просмотрено 3920400 писем, 154618 заказных писем, 664508 телеграмм. В РязгубЧК было переслано 2072 письма шпионского и контрреволюционного содержания¹⁸.

При перлюстрации отбирались письма, авторы которых выражали хотя бы малейшее недовольство Советской властью, даже если это были явные справедливые нарекания в адрес представителей местной власти.

«Хочу Вам заметить, у Вас там в волости есть некоторые лица засиделись, обюрократались Советскими буржуями. Пора их вытряхнуть, а то они дискредитируют и себя, и Советскую власть перед крестьянами своими действиями»¹⁹.

На письма такого рода составлялся меморандум, в нем содержались выписки из письма и указание отдела ГПУ, в который направлялся меморандум (контрреволюционный, особый отдел, секретно-оперативная часть, экономический отдел)²⁰.

Военная цензура была засекреченным ведомством. Поэтому, если человек привлекался к ответственности за выраженные в письме «контрреволюционные» мысли, ему никогда не сообщали, откуда было получено письмо и кем оно было задержано²¹.

В своем докладе Губернскому комитету РКП(б) один из сотрудников Рязанской губернской ЧК И.И. Лёвлин пишет следующее:

«Наскалько плохо поставлена работа в Губчека, я укажу на следующие два случая, ярко бросающиеся в глаза. В начале августа приходят два мальчика из Губтюрьмы, одному 13, а другому 16 лет, означенные мальчики были сняты с поезда на разъезде "Лесок" как не имеющие учетных карточек и доставлены в Губчека, которая, чтобы разобрать настоящее дело, отправила их в тюрьму, где они сидели три месяца, после чего их из тюрьмы выгнали и когда они пришли в Губчека»²².

Насколько позволяют судить документы, сотрудники губернской и уездных ЧК часто превышали свои полномочия и использовали своё положение для сведения счетов или получения личной выгоды. В уже упоминавшемся докладе И.И. Лёвина говорится по этому поводу:

«Сотрудники, т.е. агенты, комиссары, уполномоченные по уездам подобраны плохие, есть очень малограмотные, которые совершенно не имеют понятия об основных положениях советской власти, не говоря о той тактике Р.К.П., которую нужно лавируя проводить в переживаемый момент. Большинство сотрудников ищут, как бы подкопаться под ответственного работника и посадить его в Губтюрьму. Нужно прямо сказать, что ни один сотрудник не гарантирован за то, что его ни за что посадят в тюрьму, и это мнение каждого товарища и работающего в Губчека»²³.

Одной из форм борьбы с контрреволюцией, применявшейся ЧК, была изоляция граждан в местах заключения без предъявления обвинения и без суда. Эта мера применялась к неблагонадежным гражданам, которым нельзя было предъявить обвинение, но было необходимо на какое-то время изолировать их от общества. Также эта мера применялась к тем, чья изоляция могла послужить залогом для благонадежного поведения какой-либо группы (партийная организация, сельское общество), выплаты проданного и

т.д. Это была новая мера, ранее практически неизвестная в дореволюционной России. Фактически это были военнопленные в отсутствие военной ситуации, обвинение не предъявлялось, достаточным основанием для задержания было признание того, что задержанный гражданин – лицо неблагонадежное по отношению к Советской власти. Сроки заключения также были различны, от 2–3-х дней до неопределенных. Так, в делах некоторых граждан в графу о сроке заключения вносили, например: «До распоряжения»²⁴ или «До окончания гражданской войны»²⁵. Исход такого заключения был так же непредсказуем, как и сам арест. Дело могло быть просто закрыто, возможным было наложение крупного штрафа, в некоторых же случаях дело заложника или социально-опасного превращалось в дело по обвинению и передавалось следственным органам. В арестных домах имелись специальные бланки, куда вписывались фамилия, имя и место проживания заложника и социально опасного.

Формальным поводом для ареста служило то, что арестованный являлся «лицом буржуазного элемента» или «сомнительного происхождения»²⁶ и не мог считаться сочувствующим Советской власти.

Арестованных подследственных содержали в арестных домах или лагере принудительных работ. Вполне возможно, что губернская и уездные ЧК имели также собственные следственные изоляторы.

Судить об отношении к арестованным и задержанным ЧК трудно, обнаруженные к настоящему времени архивные материалы не позволяют сделать это. Описание содержания заключённых (не Рязанской, а соседней Тамбовской ЧК) удалось обнаружить в мемуарной литературе. В свонк воспоминаниях о жизни среди крестьян Тамбовской губернии в начале 20-х годов житель Петербурга Л. А. Окнинский описывал пребывание в следственном изоляторе Тамбовской ЧК своего родственника.

«В июне 1918 года был арестован Тамбовской чекой по обвинению в обзоруживании на улицах города красногвардейцев во время эсеровского восстания и заключен в подвал при той же чекс. При аресте у него отобраны деньги, двое золотых часов, два бриллиантовых перстня, орден, Георгиевское оружие, вся одежда, белье и вообще все вещи, из которых, разумеется, ничего потом возвращено не было. В подвале вместе с другими одновременно с ним арестованными офицерами он просидел около трех месяцев. Спал на голом, каменном, грязном и сыром полу и умер бы от голода, если бы сердобольные люди не приносили пищи ему и его товарищам по заключению.

Дни проводил вместе с другими арестованными в грязной, тяжелой и противной работе по очистке выгребных ям в городе под надзором грубых и до зубов вооруженных рабочих-красногвардейцев, из которых один имел при себе его Георгиевское оружие, и каждую ночь ожидал своей очереди для вывода на расстрел.

Чистое белье не позволяли принимать от принесших его. Позволяли это только тем, которые в предстоящую ночь подлежали расстрелу. Поэтому получение чистого белья было равносильно смертному приговору. Родственник мой все три месяца своего заключения провел в том белье, в котором он был арестован. Оно заносилось до невероятности. Одавали насекомые. Вся одежда от ежедневной, не менее чем десятичасовой в теплое время года работы по очистке выгребных ям пропиталась острым запахом экскрементов, который заключенные приносили с собой в никогда не проветриваемое помещение подвала. Воды для умывания нарочно не давали, чтобы

увеличить тяжесть заключения. К этому нужно еще добавить частые вызовы по ночам к допросу, который производился грубо и всегда заканчивался угрозой расстрела в случае несознания»¹⁷.

Одним из основных карательных органов в этот период были Революционные трибуналы. Революционные трибуналы были учреждены 22 ноября 1917 года в соответствии с декретом СНК РСФСР «О суде»¹⁸, подписанном Лениным. Они были созданы с целью рассмотрения дел о контрреволюции и других преступлений против завоеваний Октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти»¹⁹.

До мая 1918 года действовали уездные Революционные трибуналы, декретом от 4 мая 1918 года они были упразднены²⁰. В районы, охваченные крестьянскими восстаниями, посылались выездные сессии трибунала.

Приговоры выносились большинством голосов и объявлялись именем РСФСР. Четкого определения того, какие действия могут считаться преступлениями против завоеваний революции, не существовало. Не были также оговорены меры наказаний за различные преступления. Трибуналам было предложено выносить приговоры, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велением революционной совести²¹.

Это вело к произволу в предъявлении обвинений и определении мер наказания, т.к. критерий «революционной совести» представляется достаточно размытым. Население не имело представления о том, за что можно оказаться на скамье подсудимых и какое наказание понести. Суду предавались за организацию и участие в контрреволюционных выступлениях, за антисоветские высказывания, непризнание Советской власти, отказ от исполнения решений советских органов, должностные преступления часто рассматривались как дискредитация Советской власти, что усиливало наказание. Формулировки обвинительных дел свидетельствуют, что под определение «преступления против завоеваний революции» попадали самые разные действия:

«по обвинению телеграфистов в передаче по аппаратам распоряжений контрреволюционного характера»²²;

«по обвинению редактора газеты "Рязанские Известия" в опубликовании ложных сведений»²³

«по обвинению в хранении Николаевских Керенских денег и серебра в надежде на свержение Советской власти»²⁴;

«по обвинению в скрытии службы в белогвардейской армии»²⁵;

«по обвинению в тормозе работ по изъятию церковных ценностей»²⁶.

«по обвинению в принадлежности к полицейской охране и в скрытии этого при вступлении в партию»²⁷.

Изучение архивных материалов, главным образом обвинительных дел Революционного трибунала, позволяет судить о масштабе репрессий и выявить основные социальные группы, против которых они были направлены.

Формально признание «революционного насилия» обосновывалось необходимостью подавлять сопротивление врагов революции и рабочего класса. Однако, несмотря на такую формулировку, политические репрессии затронули все социальные группы населения страны. В тюрьмы и концентрационные лагеря вместе с дворянством, буржуазией, кулачеством и духовенством попали тысячи рабочих и крестьян.

Основным классовым врагом в тот момент считались представители привилегированных классов дореволюци-

онной России. Но не многие из них представляли реальную угрозу Советской власти, более опасными были признаны реальные политические оппоненты — члены других политических партий.

В первые месяцы после Октябрьской революции большой вес в органах местного управления в Рязанской губернии имели меньшевики и правые эсеры. Численность партии большевиков в тот момент была незначительна. К декабрю 1917 года в рядах РСДРП(б) в Рязанской губернии было 1655 человек, около 700 из них находились в губернском и уездных городах²⁸. Вопрос о нахождении у власти не самой многочисленной на тот момент партии нашёл радикальное решение.

За Декретом об аресте вождей гражданской войны против революции от 28 ноября 1917 года, в котором члены партии кадетов объявлялись врагами народа, последовало Постановление ВЦИК от 3 января 1918 г., где говорилось, что: «... всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какой бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваемая, как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами»²⁹.

После восстания левых эсеров в Москве 6-7 июля 1918 года левые эсеры и даже бывшие члены этой партии, вступившие в РКП(б), были исключены из всех Советов губернии. С этого момента практически все партии³⁰ считались враждебными новой власти в лице РКП(б).

Вскоре все члены политических партий, объявленных антисоветскими, проживающие в Рязани и Рязанской губернии, состояли на учёте в губернской ЧК, за ними велось наблюдение. При любых попытках агитации или партийной работы производились аресты.

1 мая 1920 года в Рязани на митинге в саду Союза металлистов была арестована группа анархистов: Морозов, Тонилли, Поварихин, Шевцов, Красавинов, Сафрошкин, Ивакин (имена неизвестны), выступавших с контрреволюционными лозунгами³¹. 27 июня группа была окончательно ликвидирована, часть её членов: Поварихин, Лебедев, Сафрошкин, Пыхтин — официально заявили в печати о своём выходе из партии анархистов³².

В 1920 году в Рязани на учёте состояло 76 членов партии Народной свободы, 13 членов партии толстовцев. В этом же году было арестовано 8 членов партии меньшевиков. Постановлением губернской ЧК был закрыт магазин толстовской литературы «Истинная свобода» в Рязани.

В Рязанский губернский трибунал неоднократно поступали дела по обвинению граждан в организации и присутствии на собраниях с участием левых эсеров. Так, в августе 1919 г. в трибунале рассматривалось дело по обвинению группы рабочих депо станции Рязань-1 в участии в тайном собрании, где слушали прокламацию левых эсеров. Собрание состоялось 29 июля среди рабочих депо станции Рязань-1, проживавших в пос. Мервино. В этот же день в пос. Мервино была организована «антисоветская» демонстрация с лозунгами против мобилизации в армию.

7 августа были арестованы рабочие депо станции Рязань-1, проживавшие в пос. Мервино: Абашин Федор Иванович (1900 г.р.); Евстигнеев Александр Фёдорович (1898 г.р.); Манакин Александр Иванович (1893 г.р.); Данилов Гаврил Фёдорович (1900 г.р.) Сухарникова Степан Михайлович (1898 г.р.); Жарков Николай Егорович (1896 г.р.). 24 октября были осуждены: Абашин к лишению свободы сроком на 5 лет условно; Евстигнеев, Манакин, Данилов,

Сухарников, Жарков к лишению свободы сроком на 1 год условно. Все с немедленной отправкой на фронт⁴³.

Жёсткие меры предпринимались Советской властью и по отношению к духовенству. Священнослужители оказывались под судом, как правило, по обвинению в нарушении декрета об отделении церкви от государства и антисоветской агитации. В документах об аресте чаще всего присутствует подобная формулировка:

«...как вредный элемент в окружающей среде населения, могущий и спешно, как авторитетное лицо склонить всех своих прихожан к открытому контрреволюционному выступлению против Совета»⁴⁴.

Нарушение декрета об отделении церкви от государства чаще всего выражалось в отказе сдавать метрические книги Волостным советам. Обвинения в агитации против Советской власти, как правило, строились на доносах сельских жителей в следственную комиссию при Волостном совете. Доносили о высказываниях священников на собраниях сельского общества и в церкви по поводу Декрета об отделении церкви от государства, относительно мобилизации и о критике ими органов местной власти.

«Прошение

Прошу Комитет бедноты принять самые интрижные меры к местному священнику Перцеву. Как таковой с начала октябрьской революции ведёт контрреволюционную агитацию против Советской власти, возбуждая прихожан что большевики запретят церковь не допустят совершать таинства в настоящее время переходит от слов к делу»⁴⁵. (Сохранены профография и пунктуация оригинала – ред.)

Политические репрессии 20-х годов затронули крестьянство в большей степени, чем рабочих и служащих. На почве неконформных среди сельского населения мероприятий (реквизиция сельскохозяйственных продуктов, мобилизация в армию, обязательные работы на нужды армии, на железных дорогах и т.д.) крестьянские волнения возникали очень часто. Крупнейшие крестьянские выступления прошли: в мае 1918 г. в Сапожковском уезде; осенью 1918 года в Михайловском, Прошском, Сапожковском, Ряжском, Касимовском, Зарайском, Рязанском, Михайловском, Спаском уездах. В ходе подавления выступлений только в Касимовском уезде было расстреляно 150 человек («буржуазии и кулаков»⁴⁶). Весной – летом 1920 года на территории Ряжского уезда действовал крупный отряд дезертиров, численностью до 150 человек под предводительством Афанасьева-Огольцова⁴⁷.

Вопрос о масштабах репрессий 20-х годов достаточно спорен. Нельзя согласиться с точкой зрения, что репрессии 20-х годов были незначительны и затронули главным образом бывшие привилегированные классы страны, духовенство и членов антисоветских партий. Анализ только официальных статистических сведений о работе Рязанской губернской и уездных ЧК показывает, что число арестованных было достаточно велико и около 50% их составляли крестьяне. Только за 1 месяц с 1 июля по 1 августа 1919 года Рязанской губернской ЧК было заведено 48 дел контрреволюционного содержания, арестовано 323 человека по обвинению в контрреволюции и 29 человек по обвинению в антисоветской агитации, 3 человека за принадлежность к другим партиям⁴⁸.

В августе 1919 года, в связи с появлением белогвардейского отряда под командованием К.К. Мамонтова⁴⁹ в южных районах Рязанской губернии, было арестовано 600 человек по подозрению в переходе на сторону белогвардейцев. Помимо этого, было арестовано 22 человека по обвинению

в контрреволюции, 25 человек по обвинению в антисоветской агитации и 2 человека за принадлежность к другим партиям⁵⁰.

В сентябре – октябре 1919 года было арестовано 59 человек по обвинению в контрреволюции, 24 человека по обвинению в антисоветской агитации и 35 человек за принадлежность к другим партиям. Было заключено в тюрьму 99 человек, в концентрационный лагерь – 535, расстреляно – 1 человек⁵¹.

Одним из наиболее заметных по «количеству контрреволюционных организаций» и масштабу репрессий был Сапожковский уезд Рязанской губернии. В сводках Рязанской губернской ЧК неоднократно отмечалось существование крупной банды в лесу около села Можары в 1919 – 1920 гг.⁵² Осенью 1919 года в уезде прошли массовые аресты буржуазии. С 4 сентября по 3 октября было арестовано и отправлено в Рязань 69 человек, аресты планировалось проводить «до тех пор, пока вся буржуазия не будет устранена»⁵³. В Сапожковском уезде работали уполномоченные Рязанской губернской ЧК Митрофанов и И. И. Левин.

За 1919 – 1920 гг. Рязанским губернским Революционным трибуналом было рассмотрено: 199 дел по обвинению в контрреволюционной агитации; 210 дел по обвинению в контрреволюционных выступлениях; 22 дела по обвинению в непризнании и оскорблении Советской власти; 45 дел по обвинению в сопротивлении власти и неисполнении распоряжений власти; 39 дел по обвинению в дискредитировании Советской власти (обвинение применялось по отношению к членам РКП(б)); 21 дело по обвинению в распространении ложных слухов, затрагивающих Советскую власть; 7 дел по обвинению в принадлежности к белогвардейским организациям и другим партиям⁵⁴.

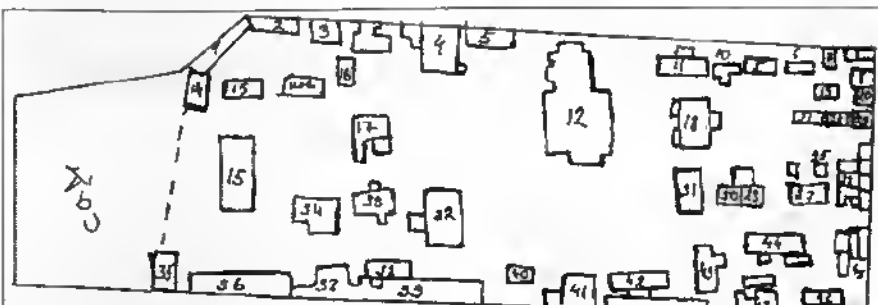
В то же время нужно отметить, что репрессии 1920-х годов носили более мягкий характер по сравнению с грядущим террором 1930 – начала 1940-х гг. Сроки заключения в этот период редко превышают пять лет. Многие осуждённые попадали под амнистию. Приговорённых к расстрелу не так много, хотя мы можем предположить, что большинство расстрелов производилось в это время без суда и следствия, главным образом в районах, охваченных восстанием. Декрет СНК от 21 февраля 1918 года предоставлял ВЧК «право непосредственной расправы с активными контрреволюционерами».

11 апреля 1919 года было принято Постановление Президиума ВЦИК об организации лагерей принудительных работ⁵⁵. 12 мая Президиумом ВЦИК была разработана инструкция о лагерях принудительных работ. Их организация возлагалась на губернские ЧК, размещать их рекомендовалось в черте города или вблизи него, в поместьях, монастырях или усадьбах⁵⁶.

При поступлении заключённого в лагерь заполнялось 3 экземпляра регистрационной карточки. 1 экземпляр отправлялся в Москву в Наркомат внутренних дел, 1 экземпляр подшивался к делу, 1 экземпляр оставляли в регистрационном ящике в лагере⁵⁷.

В уездных арестных домах регистрационные карточки были более простыми по форме и включали только сведения о месте рождения и месте жительства, семье, профессии, дате ареста заключённого и органе, направившем в арестный дом.

Все заключённые пользовались свободой передвижения в пределах территории лагеря, за исключением лиц, сидящих в камерах. В лагере имелось два карцера, в нижнем этаже с каменным полом,

План Казанского женского монастыря, оборудованного под лагерь принудительных работ³⁶.

Лагерь принудительных работ в Рязани начал работу 1 августа 1919 года в здании Казанского женского монастыря³⁷. Высокие монастырские стены и кирпичные здания как нельзя лучше подошли для места заключения. На 20 сентября 1919 года в лагере числилось 1076 человек.

Монастырь был построен во второй половине XIX века, располагался на окраине города и занимал целый квартал между улицами Звятиной, Монастырской (Фурманова), Владимирской (Свободы) и Вознесенской (Либкнехта).

Часть зданий бывшего монастыря была отведена под квартиры коменданта лагеря и сотрудников, часть зданий занимали красноармейцы, охранявшие заключённых.

Двухэтажные каменные здания: № 4, 5, 6, 18, 31, 33, 34, 40.

Трёхэтажное каменное здание № 32.

Одноэтажные деревянные здания: № 7, 8, 9, 10, 11, 16, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 35, 37, 38, 42, 43, 44, 45, 46, 47.

Двухэтажные смешанные (1-й этаж каменный, 2-й этаж деревянный): № 15, 24.

Сарай: № 1, 2, 3, 17, 36, 39.

Баня № 14.

Церковь каменная одноэтажная № 12.

Колокольня каменная четырёхэтажная № 41.

На территории лагеря находились также парикмахерская, сапожная, портновская, белошвейная и ткацкая мастерские. Колокольня, расположенная при входе в монастырь, была занята школой (на плане №41). В восточном углу двора находился огород сотрудников и коменданта.

Комиссия по обследованию лагеря отмечала, что двор лагеря был очень грязным, а две ямы для свалки нечистот находились прямо рядом с казармами для заключённых, что служило источником инфекций³⁸.

Осуждённые и арестованные на время следствия поступали из Революционного трибунала, губернской ЧК, губернского суда, судебнo-следственного подотдела Рязанского губернского отдела юстиции, уездной милиции. Для учёта поступивших и выбывших велись регистрационные книги. На каждого заключённого заводилась специальная регистрационная карточка и личное дело.

Регистрационная карточка заключённого Рязанского губернского лагеря принудительных работ

1. Фамилия
2. Имя и отчество
3. Возраст
4. Пронхождение или бывшее звание
5. Профессия
6. Семейное положение
7. Партийность
8. В каком профсоюзе состоит
9. Состояние здоровья
10. Кем осуждён и когда
11. За что осуждён
12. На какой срок
13. Когда истекает срок наказания
14. Сколько раз находился в тюрьме и за что
15. Когда прибыл в лагерь и откуда
16. Когда выбыл и откуда
17. Последнее место жительства заключённого и адрес его ближайших родственников³⁹.

В карьер заключённые попадали за попытку побега, за отказ от работ, за симуляцию, а также туда попадали лица, арестованные недавно, перед отправлением в тюрьму. Заключение в карьер полагалось на срок не более 3-х суток.

Работы в лагере начинались с 9 часов утра, заканчивались в 3 часа дня для заключённых, не работающих в мастерских, и в 5-6 часов вечера — для работающих в мастерских. Вечерняя проверка проводилась в 7 часов вечера. Утренняя проверка происходила при распределении на работы, когда партии по счёту сдавали конвоирам.

Охрану лагеря осуществляла карательная рота Уездного военного комитета, общей численностью 194 человека. Они конвоировали заключённых к месту работ и охраняли лагерь. Наружных постов охраны было 6, внутренних 4⁴⁰.

Осуждённые на принудительные работы занимались уборкой картофеля и соломы, перевозкой сена и доставкой воды, ремонтом домов, выполняли чёрную работу, земляные работы, работали на мельнице, копали могилы для городской больницы, устанавливали телеграфные столбы, пилили дрова, убирали помещения, чистили снег и кололи лёд⁴¹, работали в саду, занимались заготовкой торфа, разгружали уголь⁴².

В Рязани и во всех уездных городах существовали тюрьмы, куда также направляли осуждённых и находящихся в предварительном заключении. В уездных тюрьмах обычно содержались задержанные или граждане, находящиеся в заключении по постановлению какого-либо административного органа. Сроки пребывания в уездных тюрьмах редко превышали 3-4 месяца. Осуждённые на более длительные сроки отбывали наказание в рязанской тюрьме и лагере.

20 февраля 1923 года Рязанский губернский лагерь принудительных работ был расформирован⁶⁵. После расформирования в Казанском храме устроили красноармейский клуб. Позже в стенах монастыря размещалась колония для беспризорников.

От бывшего монастырского комплекса сохранился частично разрушенный Казанский собор, церковь св. Варвары была приспособлена под жилой дом. Монастырский некрополь был практически полностью разрушен.

Таким образом, политические репрессии в России имели достаточный размах уже в первые годы Советской власти. В этот период они были вызваны борьбой новой власти с политическими противниками, как реальными, так и мнимыми. В то же время шел процесс приспособления населения к жизни в новых политических условиях. Новая власть держала этот процесс под жестким контролем, что вызвало массовые репрессии по отношению к группам населения, далеким от политики. В 1920-х годах был разработан механизм репрессивного аппарата и заложены основы функционирования системы мест заключения.

Автор сердечно благодарит сотрудников государственного архива Рязанской области (ГАРО): кандидата исторических наук П. Акульшина; кандидата филологических наук Г. Мартыросяна за содействие в подготовке данной работы. Исследование проведено при поддержке Фонда им. Генриха Белля и Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал».

Примечания

- ¹ Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. – С. 60.
- ² Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 58.
- ³ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 358. Л. 25.
- ⁴ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 358. Л. 22.
- ⁵ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 358. Л. 26.
- ⁶ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 358. Л. 25.
- ⁷ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 358. Л. 25 – 26.
- ⁸ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 804. Л. 12.
- ⁹ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.
- ¹⁰ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 358. Л. 28.
- ¹¹ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 358. Л. 29.
- ¹² ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 519. Л. 1.
- ¹³ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 673. Л. 58.
- ¹⁴ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 804. Л. 16. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.
- ¹⁵ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 804. Л. 2. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.
- ¹⁶ В Рязани в помещении Казанского женского монастыря с 1 августа 1919 г. располагался губернский лагерь принудительных работ. ГАРО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 70. Л. 248.
- ¹⁷ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 117. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.
- ¹⁸ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 143.
- ¹⁹ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 57. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.
- ²⁰ Измозик В. Голоса из прошлого. Письма 20-х годов, не дошедшие до адресатов. // Наука и жизнь. – 1994 №3.
- ²¹ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 15.

- ²² ГАРО. Ф. П – 1 Оп. 1 Д. 76 Л. 3. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.
- ²³ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 3. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.
- ²⁴ ГАРО. Ф. Р – 2434. Оп. 1. Д. 116. Т. 1. Л. 84.
- ²⁵ ГАРО. Ф. Р – 2434. Оп. 1. Д. 103. Л. 18, 23, 131.
- ²⁶ ГАРО. Ф. Р – 2647. Оп. 2. Д. 27. Л. 1.
- ²⁷ Окнинский А. П. Два года среди крестьян. – М., 1998. – С. 62.
- ²⁸ Декреты Советской власти. т. 1 – М., 1957. – С. 232.
- ²⁹ Декреты Советской власти. т. 5. – М., 1971. – С. 12.
- ³⁰ ГАРО. Р – 2639. Оп. 1. Д. 305. Л. 1.
- ³¹ Декреты Советской власти. т. 5. – М., 1971. – С. 15.
- ³² ГАРО. Р – 2639. Оп. 1. Д. 638.
- ³³ ГАРО. Р – 2639. Оп. 1. Д. 1554.
- ³⁴ ГАРО. Р – 2639. Оп. 1. Д. 1806.
- ³⁵ ГАРО. Р – 2639. Оп. 1. Д. 1815.
- ³⁶ ГАРО. Р – 2639. Оп. 1. Д. 2291.
- ³⁷ ГАРО. Р – 2639. Оп. 1. Д. 1825.
- ³⁸ История одной губернии: Очерки истории Ряз. края 1778 – 2000 гг. / В. С. Авдонин, П. В. Акульшин, Ю. В. Гераськин и др. – Рязань, 2000. – С. 150.
- ³⁹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 324.
- ⁴⁰ 9 марта 1919 г. вышло постановление Президиума ВЦИК «О недопустимости применения репрессий к членам партий революционных коммунистов и РСДРП интернационалистов». См.: Декреты Советской власти. Т. 4. – М., 1968. – С. 451.
- ⁴¹ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 358(а). Л. 149.
- ⁴² Там же Л. 149.
- ⁴³ ГАРО. Ф. Р – 2639. Оп. 1. Д. 731.
- ⁴⁴ ГАРО. Ф. Р – 2639. Оп. 1. Д. 424. Л. 11. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.
- ⁴⁵ ГАРО. Ф. Р – 2639. Оп. 1. Д. 379. Л. 2. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.
- ⁴⁶ История одной губернии: Очерки истории Ряз. края 1778 – 2000 гг. / В. С. Авдонин, П. В. Акульшин, Ю. В. Гераськин и др. – Рязань, 2000. – С. 173.
- ⁴⁷ Акульшин П. В., Пылькин В. А. Бунтующий пахарь. – Рязань, 2000. – С. 113-114.
- ⁴⁸ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 158.
- ⁴⁹ Осенью 1919 г. кавалерийский корпус донских казаков под командованием генерала К. К. Мамонтова совершил рейд по тылам Южного фронта Красной Армии. Передовые отряды казаков подошли к Рязанскому, Отдельные стычки происходили в Рязанском, Скопинском и Михайловском уездах.
- ⁵⁰ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 176.
- ⁵¹ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 231.
- ⁵² ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 6.
- ⁵³ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 9.
- ⁵⁴ ГАРО. Р – 2639. Оп. 1.
- ⁵⁵ Декреты Советской власти. Т. 5. – М., 1971. – С. 69.
- ⁵⁶ Декреты Советской власти. Т. 5. – М., 1971. – С. 174.
- ⁵⁷ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 248.
- ⁵⁸ ГАРО. Ф. Р – 2643. Оп. 1. Д. 116. Л. 12.
- ⁵⁹ ГАРО. Ф. Р – 2643. Оп. 1. Д. 116. Л. 14-74 (акт о состоянии помещений бывшего Казанского женского монастыря).
- ⁶⁰ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 252.
- ⁶¹ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 249.
- ⁶² ГАРО. Ф. Р – 2639. Оп. 1. Д. 1580. Л. 15-27.
- ⁶³ ГАРО. Ф. Р – 2647. Оп. 2. Д. 5. Л. 8, 11, 12, 14, 17, 18, 22, 23, 34, 44, 53, 76.
- ⁶⁴ ГАРО. Ф. Р – 2647. Оп. 2. Д. 8. Л. 18, 23, 31, 46.
- ⁶⁵ ГАРО. Ф. Р – 2643. Оп. 1. Д. 116. Л. 13.

«Вздумали по справедливости итти, Вот и сели в концлагерь...»

Письма – один из наиболее ценных и красноречивых документов эпохи. О том, что происходило в рязанской и тамбовской глубинке в конце 1920-х годов, Василий Колчин, делегат IX Съезда Советов от Туркестана, пишет «всесоюзному старосте». В публикации сохранена орфография и пунктуация оригинала.

Председателю ВЦИК тов. Калинин
Копия в Рязгубкомпарт

После окончания 9-го Съезда Советов я отправился в отпуск в Рязанскую губернию в Рязжский уезд. Впечатления и наблюдения о состоянии работ и настроения крестьянства я хочу сообщить Вам – нашему старосте, которого должно интересовать всё то, что творится в глухих уголках деревни.

В центре принято строить предположения по тем сводкам и сообщениям, которые представляются официальными органами, которые в большинстве датски от действительности и в которых опускаются дефекты и ненормальности данного органа допущенные в работе. И те, неприкрытые условными ведомственными фразачи факты я хочу сообщить.

Из бесед с крестьянами я выяснил, что введение продналога было встречено крестьянством благожелательно «у нас – говорят они – есть теперь уверенность, что после сдачи оставшийся хлеб не отберут, как это было при разверстке. Одно плохо – это плохое отношение продовольственников к собираемому для государства хлебу и безобразия творимые ими. Продовольственники больше стараются итти самогонку, чем принимать меры к охране хлеба» и здесь же начинают указывать на факты бесхозяйственного отношения к собираемым налогам.

«Плохо ещё и то, – говорят крестьяне – что со стороны власти не принимается мер к искоренению воровства и бандитизма. Мы встречаем, отправим в город, а оттуда их отпускают без всякого наказания и они снова принимаются за своё ремесло, итти крестьянам, принимавшим участие в их задержании, в со стороны органов власти нам защиты нет. Милиция вместо борьбы с преступниками сама занимается тем же, иногда совместно с шайками грабителей.

Без взятки никуда нельзя обращаться крестьянину, не хотя говорить. Например, суд у нас судит не по справедливости, а по тому, кто больше даст, тот и будет прав, а мы читали, что пролетарский суд должен судить по совести правильно, но этого нет. В советских органах сидят такие, которых мы во время революции выгнали из имений, отобрали земли и вот они теперь примазались к власти и итти крестьян итти за свои обиды.

Почему Советская власть держит таких у себя на службе, ведь они только разрушают сельское хозяйство и подрывают авторитет Советской власти среди крестьянства – Так говорят крестьяне, отвечая на вопрос «как у вас дела».

Проверяя целый ряд фактов я убедился что недовольства крестьян имеют под собой почву. Взятничество является символом для местных властей – берут при всяком случае и всем чем придётся. Нужно крестьянину судиться – давай взятку, получить какую-либо бумажку – давай взятку и т.д. особенно сильно распространена взятка в виде «гусынь» (условное название четверти самогонки).

Приходят к крестьянину и говорят, если хочешь заплатить меньше продналога или отсрочить платёж – неси «гусыню», хочешь освободиться от гужевой повинности давай взятку и т.д. Хлеб, эта драгоценность наша уничтожается на самогонку, при участии властей и продовольственников, которые вместо борьбы сами побуждают к усиленному производству самогонки.

Когда видишь такое обращение с хлебом, который необходим голодающим, то теряешь веру в то, что хлеб этот правительство отдаёт голодающим т.к. советские работники сами заставляют уничтожать его на выгонку самогонки.

«Мы боимся давать хлеб голодающим, т.к. его пропьют продовольственники». Так пьянствующие продовольственники и другие уполномоченные срывают с одной стороны дело помощи голодающим, с другой стороны своевременный сбор продналога и с третьей – авторитет Советской власти.

Нет сомнений, что всё это делается намеренно с целью усилить разруху нашей страны и тем вызвать недовольство масс. Мне пришлось беседовать с крестьянами только трёх уездов: Савожковского и Рязжского Рязанской губ. и Козловского уезда Тамбовской губ., и везде картина одна: пьянство, взяточничество, злоупотребления работников, отсутствие всякого контроля над действиями различных «уполномоченных».

«Зачем вы говорите нам, что вы хотите помочь нам восстановить хозяйство, когда ваши работники стараются его разрушать, а когда им укажешь на это, то в ответ является «короткая душа» (условное название на местном лексиконе револьвера) и у нас отпадает охота указывать на недостатки, которые у нас есть везде».

Эти заявления говорят о бесчинствующих безнаказанно различных «уполномоченных», которые вместо разъяснений преподносят револьвер запугивая население, в по этим «представителям» крестьянство судит о Советской власти и не хочет верить, что Советская власть не покровительствует преступникам и взяточникам.

В сознание крестьянина врезалось, что если он приехал от органов и пьянствует, бесчинствует безнаказанно, то значит ему так разрешено Советской властью. И стоит больших усилий разубедить крестьянина в противоположном отношении Советской власти к такого сорта работникам. При этом положение, которое существует в той местности, о которой я говорю честным работникам из крестьян (не кулаков конечно), нельзя работать.

Если онстанет противодействовать бесчинству и пьянству, то его быстро убирают обвинив в несуществующем преступлении, а поэтому каждый трезвый человек стре-

мится всяческими способами уклониться от работы в местных органах власти, боясь репрессий со стороны вышестоящих органов.

Вот вам несколько фактов, подтверждающих сказанное. В приложении показаны вы прочтёте о том, как председатель сельсовета села Тресвятского Козьмодемьянской волости, Ряжского уезда Рязанской губ. Коровина, за противодействие продработнику в преступном требовании попадает в тюрьму, а тот, который творил преступления продолжает разгуливать на свободе, вам, вероятно не приходилось сталкиваться с такими фактами, а они есть.

В центральных органах вероятно никогда не возникала мысль спуститься в массы инкогнито и там проверить как выполняется распоряжение Соввласти местными органами и отношение масс к этим распоряжениям, а это бы могло дать очень много для работы этих органов.

Второй факт это то, как поступает орган долженствующий быть примером для других органов и населения. Выездная сессия Ряжского Продовольственного Трибунала осуждает не вникая во все детали дела, а лишь руководствуясь показаниями уполномоченного, у которого вошли столкновения с обвиняемым на почве неудовлетворения преступного требования председельсовета с. Тресвятского т. Коровина. Явно этим подчёркивая массам крестьян что на суде он не руководствуется пролетарской совестью. После заседания время пребывания данной сессии в Тресветском состав сессии пошёл по излюбленному пути всех приезжающих работников — это пьянство.

Спрашивается будет ли после этого крестьянская масса уважать судебные органы? Конечно нет. Теперь дальше по ведомстве этой сессии доставляются продукты на их довольствие (смотрите приложение 2-ое) из которой видно что потребность желудка у них очень велика, не довольствуясь сверх ударным лайком, они ещё забирают 10 пудов муки с населения, которую вероятнее всего употребляют на самогонку, а политпредставитель терпит.

В это время, когда Тресвятский совет осуждают, советы других обществ откупаются самогонкой и крестьяне других обществ говорят: «ну что вздумали по справедливости идти, вот и сели в концлагерь — жаль была самогонки дать, а теперь платиться за это. Этим поступком своей честности ничего не укажешь когда всё построено на взятках». Вот каковы картины.

Какво же отношение местной коммунистической организации к безобразиям происходящим на её глазах. А это можно увидеть из следующего: в Козловском уезде Галицинской волости в деревне Марьянской я спрашиваю одного крестьянина Карнова Егора — почему он вошёл в компартию. Ответ получился достойным той обстановки преступности работников-шкурников: «Потому вступил, что с коммунистов не берут развёртки и вот я думал, что продналог в этом году не отдам, да ещё получу сам, да буду самогонку пить со всех». Меня не удивил этот ответ, т.к. я уже присмотрелся к обстановке и знал, что представляет коммунистическая организация и местные работники.

Стали говорить дальше и вот ещё что услышал: «Нас вот хотели заставить дрова возить для ж.д., но приетный агент спросил с нас за каждый куб дров по «кушину» (условное название четверти самогонки в Тамбовской губернии), мы дали и теперь не возим». Эти факты встречаются сплошь, некоторые деревни буквально отказываются от местных повинностей самогонкой.

Среди населения распространена следующая поговорка, рисующая безвозмездное старание советских ра-

ботников поработать на пользу Совгосударства: «Если принесёшь мешок пшени — брат родной, половина мешка — дядюшка, на донышка мешка — сватушка, а если в мешке нет ничего — нет и родни» — эти слова едкой народной сатиры рисуют состояние советских органов.

И местные «коммунисты» пьянствуют во всю — заходя в исполкомы я видел багровые носы и неуверенную походку исполкомцев.

Только такие там остаются у власти трезвым очень трудно работать в такой обстановке. Уездный комитет РГЧК со своей стороны никаких мер к искоренению этих безобразий ничего не принял. Я сообщил ему, т.е. Уездному Ряжскому комитету о точ положении и копию сообщения с соответствующей припиской отослал в Рязанский Губком РКП, сообщив, что имеющиеся материалы и сообщения будут переданы Калининну.

Теперь просматривая газеты я вижу, что продналог не выполнен полностью, что мы накануне кризиса продовольственного, ищут причины. А вот если бы некоторые товарищи из высших органов послали бы на места, да узнав причину железной пролетарской метлой вывели бы пьянство, взяточничество, бандализм — то результаты получились бы блестящие, продналог будет собран, негодяи устранены, авторитет Соввласти среди крестьянства поднимется, помощь голодающим выразится не в резолюциях а в реальных ценностях.

Я наблюдал эту картину в маленьком сравнительно уголке, но взять вообще всю РСФСР, и если в каждой деревне будут продавать продналог за самогонку, если сосчитать все эти десятки пудов бесконтрольно расходованного хлеба, если везде топливо для ж.д. будет обмениваться на «кушины», то результаты будут очень печальны, ведь из этих пудов составляются миллионы, вся сумма продналога.

В заключении я попросил бы сделать следующее

1. срочно предложить Губкомам и Губисполкомам Тамбовской, Рязанской губ. Послать надёжных работников не подверженных «слабости» для выяснения положения в этих районах и принятия соответствующих мер.

2. очистить личный состав местных коммунистических организаций, судебных и продовольственных органов.

3. для поднятия авторитета Соввласти среди местного крестьянства и в доказательство того, что честность и справедливость должна быть положена в основу работы советских органов и что Соввласть является выразителем справедливости — сделать распоряжение Рязанскому Губисполкому, чтобы он предложил Ряжскому Исполкому и Уездному (через Губком) срочно пересмотреть и разобрать дело по обвинению сельсовета села Тресвятского Козьмодемьянской волости Ряжского уезда Рязанской губ. Т.т. Коровина, Межевова и Двойцева — их освобождение явится торжеством справедливости.

И если мы в виде залога от фракции на съезде требовали освобождения Марта и Балена, то здесь освобождение честных работников явится первым камнем доверия к Соввласти со стороны крестьянства того района, в здании строящейся Советской справедливости.

С коммунистическим приветом делегат 9-го Съезда Советов от Туркестана, член КПТ билет №783539

Адрес: Ташкент ЦК КСМТ Василью Колчичу, здесь в Москве до отъезда люкс, комната 318

Город Москва 17 января 1922 года.

Государственный архив Рязанской области (ГАРО).
ФП1 оп.1 д. 804 л. 62

Радио Свобода - Microsoft Internet Explorer
 Адрес: http://www.svoboda.org

РАДИО СВОБОДА
 Новости Тематика Программы Аудит Частоты Карта сайта Страница Поиск Справка

Эфир
 В прямом эфире.
 Liberty Live

Вопрос недели
 Готовы ли Вы предоставлять властям информацию о своих соседях за вознаграждение?

Новости

- Все новости дня
- Террор
- Ирак
- Борьба с терроризмом
- Чечня
- Россия

Разница во времени →

Чечня и Интерская в власть
 История русско-чеченских отношений

По следам Эскулапа →

Обезьянья оспа в США.
"Солнцефобия" или "солнцепоклонство"?

Новости

- В Ираке задержан бывший командующий спецподразделениями Республиканской гвардии
- Премьер-министр Палестинской автономии Махмуд Аббас может потерять свой пост, если не добьется от Израиля освобождения из израильских тюрем активистов экстремистских группировок
- Московский городской суд сегодня признал законным содержание под стражей Platona Лебедева, председателя совета директоров МФО "Менатеп" - финансового центра нефтяной компании "ЮКОС"
- В Ростове-на-Дону на суде по делу полковника Юрия Будычева электорат должен объявить, поддерживает ли он

Темы дня

Террор
 Терракты в Испании

Ближний Восток
 Палестинские табу: женщина, поразителем, религия, притесняющий к миру с Израилем

Криминал
 Выступление адвоката подзащитного на процессе по делу Юрия Будычева

Журнал «Карта» выходит при поддержке фонда National Endowment for Democracy (NED)

Нас поддерживали:

Правительство Королевства Нидерланды

Фирма «Бриг-Ф» (Рязань)

Фонд Форда (Вашингтон)

OPEN SOCIETY INSTITUTE

Институт "Открытое Общество" (Москва), Фонд Джорджа Сороса

Международное историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал»

Агентство США по Международному Развитию

Институт Демократии в Восточной Европе (Вашингтон-Варшава)

Фонд «Евразия» (Вашингтон)

МП «Декор» (Рязань)

Программа малых грантов Российско-Американской Проектной Группы по правам человека (Москва)

АО «Рокс» (Рязань)

Фирма оргтехники Антониуса Гуттермана (Германия)

Немецкий Народный Союз по уходу за могилами жертв войны и репрессий

Общественный Центр (Варшава)

Karta

Полиграфическая фирма Петера Ломмана (Германия)

Фонд Польско-Чешско-Словацкой Солидарности (Варшава)

Правозащитный фонд «За гражданское общество» (Москва)

Памяти Виктора Борисовича Лозинского

стр. 15 – 18

«Мы все сейчас понимаем невозможность и несвоевременность увода истории ГУЛАГа в чистую науку в формах, доступных и интересных только специалистам. Эта "наука", к сожалению, – все еще наша современность, наша живая история, наши мысли, слезы, похоронки и изуродованные судьбы».

Виктор ЛОЗИНСКИЙ
1995 г.